

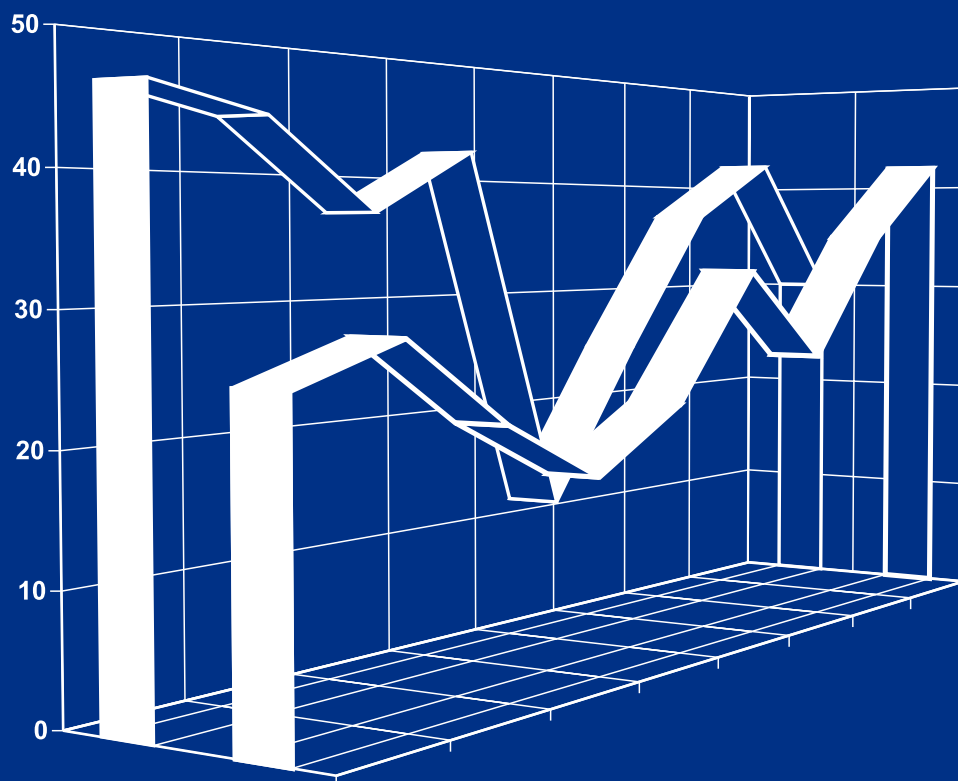
От мнений — к пониманию

ВЕСТНИК

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION HERALD

ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Данные. Анализ. Дискуссии

1-2 (128)

ЯНВАРЬ — ИЮНЬ 2019

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

1–2(128)

Выходит 2 раза в год. Год издания 26-й

Январь–июнь 2019

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)
Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижева
Т. Шанин
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
Н.А. Зоркая
(ответственный редактор)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
Николай Петров. Спираль репрессивности: внутренняя динамика, проблемы входа и выхода	15
Марина Красильникова. Кризис как норма: субъективное восприятие экономической динамики	29
Екатерина Слободенюк. Жизненные риски и низший класс в России	43
Карина Пипия. К проблеме поколений в России (историко-символические и политические установки)	55
Виктор Шнирельман. Русский марш – от восхода до заката	75
Лев Гудков, Наталия Зоркая, Екатерина Кочергина. Насилие в правоохранительных органах: конфликты, давления, пытки	86
Ольга Караева. Стигматизированные: люди с ограниченными возможностями здоровья	124
Антон Казун, Анастасия Казун. Место новостей о России в глобальной повестке дня: сравнительный анализ печатной прессы стран	137
Любовь Борусяк. Молодые интеллектуалы: почему они уезжают из России и собираются ли вернуться?	147
Регина Решетеева. Государство и потребители: распределение ответственности в восприятии потребителей (на данных опроса москвичей)	161
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕБЮТ	
Александр Фатехов. Политическая активность московской студенческой молодежи в 2017-2018 гг.	171
К ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ В СССР И РОССИИ	
Александр Чепуренко. О москвичах, «товарище Сталине» и советском «постсоветском человеке»: от Воланда к Леваде	186
Игорь Кон: «...ПОСЛЕ МОЕЙ СМЕРТИ ТЫ МОЖЕШЬ ЭТО НАПЕЧАТАТЬ» Интервью Дмитрия Шалина	189
Авторы номера	206
SUMMARY	207

Ответственный редактор
выпуска Н.А. Зоркая

Редактор
Е.Л. Коган

Корректор
Е.В. Пищулина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (499) 755-40-30
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

1–2(128)

Twice

January–June 2019

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)
The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Leokadia Drobizheva
Teodor Shanin
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Natalia Zorkaya
(Executive Editor)

CONTENTS

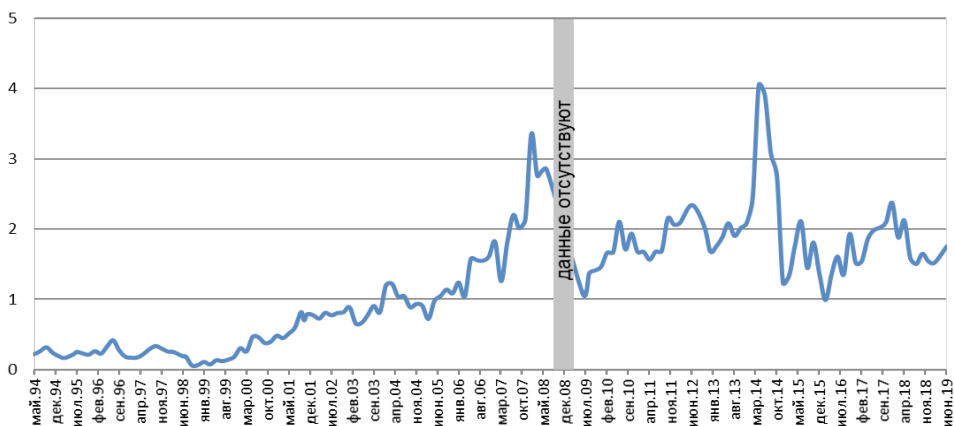
MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
RUSSIAN SOCIETY IN THE MIRROR OF EMPIRICAL STUDY	
Repressiveness spiral: inner dynamics, entry and exit issues (by Nikolai Petrov)	15
Crisis as norm: subjective perception of economic dynamics (by Marina Krasilnikova)	29
Social risks and the low class in Russia (by Ekaterina Slobodenyk)	43
To the problem of generations in Russia (historical, symbolic and political attitudes) (by Karina Pipiia)	55
Russian March – from dawn to dusk (by Viktor Shnirelman)	75
Violence in law enforcement: conflicts, pressure, torture (by Lev Gudkov, Natalia Zorkaya, Ekaterina Kochergina)	86
Stigmatized»: public attitudes towards people with disabilities (by Olga Karaeva)	124
News about Russia in the global agenda: a comparative analysis of the G20 press (by Anton Kazun, Anastasia Kazun)	137
Young intellectuals: why are they leaving Russia and do they plan to come back? (by Lyubov Borusyak)	147
State and consumers: responsibility assignment from the consumers' point of view (based on a survey among Muscovites) (by Regina Resheteeva)	161
A DEBUT IN SOCIOLOGY	
Political activity of student youth in Moscow in 2017-2018 (by Alexander Fatekhov)	171
ON THE HISTORY OF SOCIOLOGY IN THE USSR AND RUSSIA	
About Muscovites, «tovarisch Stalin» and soviet «postsoviet man»; from Voland to Levada» (by Alexander Chepurenko)	186
Dmitry Shalin. "I.Kon:... You can print this after my death"	189
Authors of the issue	206
SUMMARY	207

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ

«Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?»

«Как бы Вы оценили экономическое положение России?» (отношение положительных оценок — «хорошее» и «среднее» к отрицательным — «плохое» и «очень плохое»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

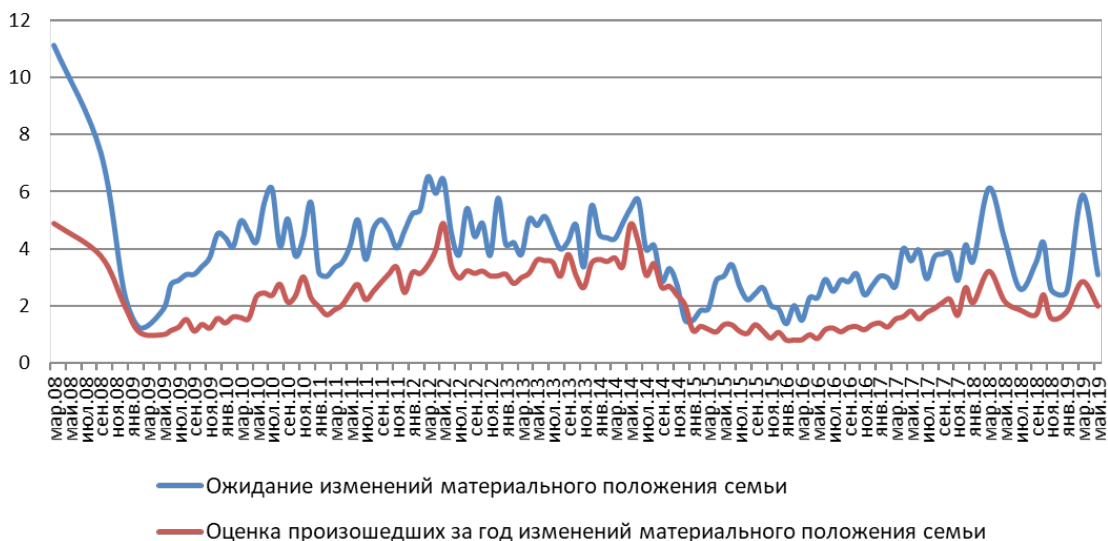

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

«Как изменилось материальное положение вашей семьи за последний год?»

«Как, по-вашему, изменится материальное положение вашей семьи в ближайший год?»

(отношение положительных оценок — «хорошее» и «среднее» к отрицательным — «плохое» и «очень плохое»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

2. ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СТРАНЕ

А. «Вы считаете, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении или Вам кажется, что страна движется по неверному пути?» (в % от числа опрошенных)

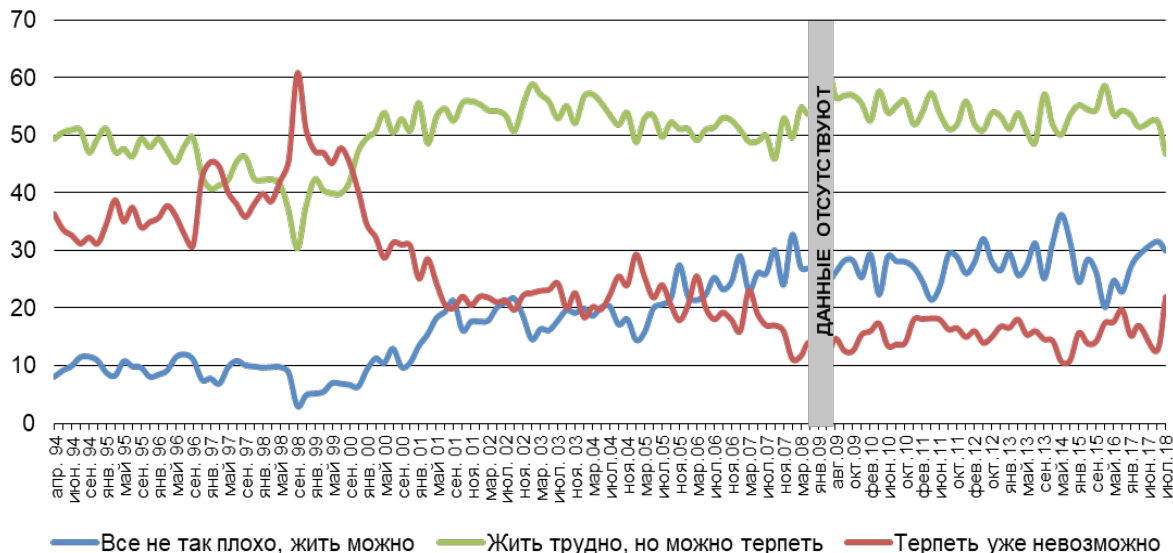

N=1600.

С весны 2017 года общие позитивные оценки начали медленно расти, что можно рассматривать как определенную адаптацию к кризису и надежду на выход из него, однако после объявления о начале пенсионной реформы индексы резко снизились.

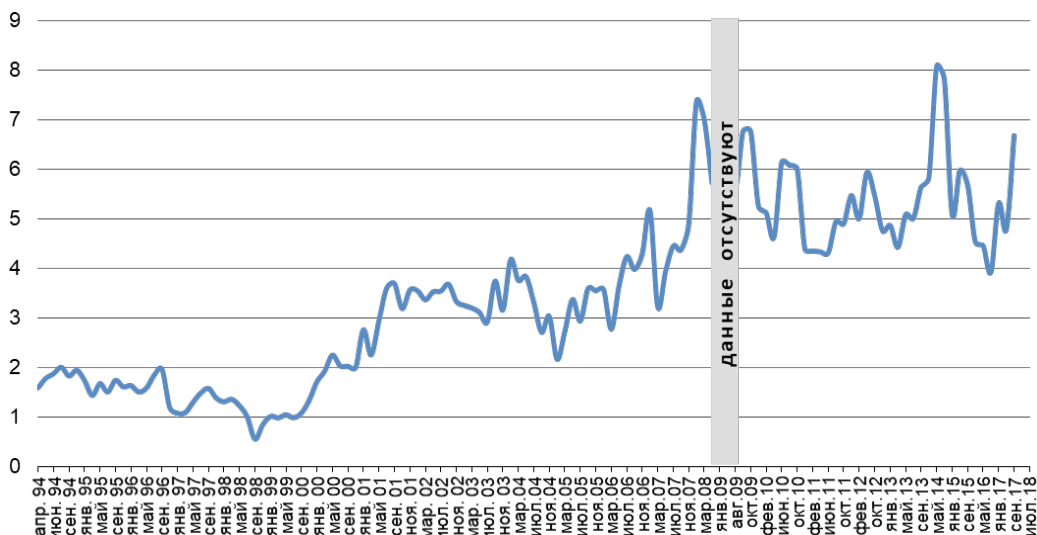
3. «ЗАПАС ПРОЧНОСТИ» НАСЕЛЕНИЯ

А. «Какое из следующих высказываний более всего соответствует Вашей жизненной ситуации?»

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

Б. Отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» (затруднившиеся с ответом не учитываются)

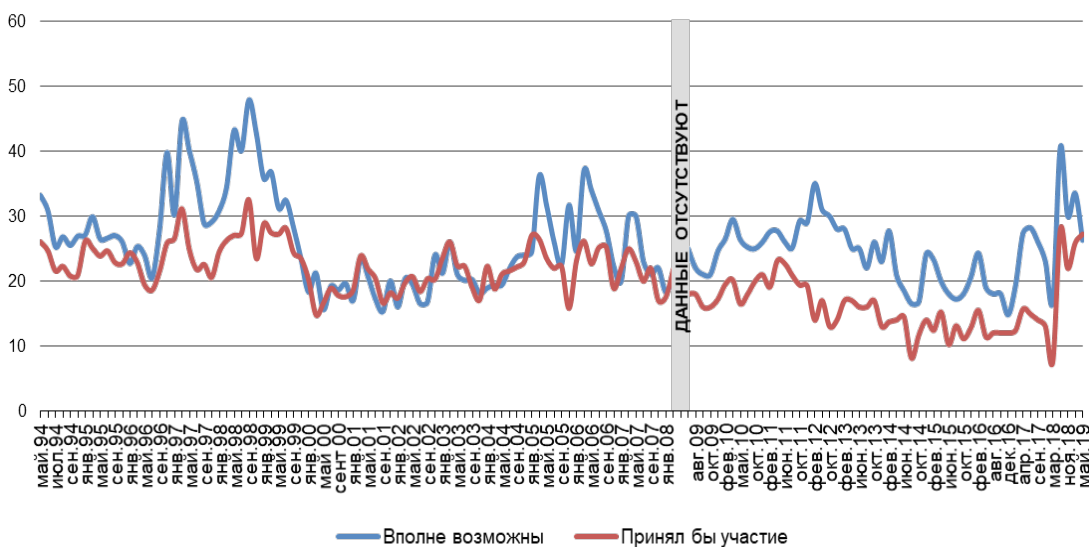

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

4. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

А. ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?»*; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

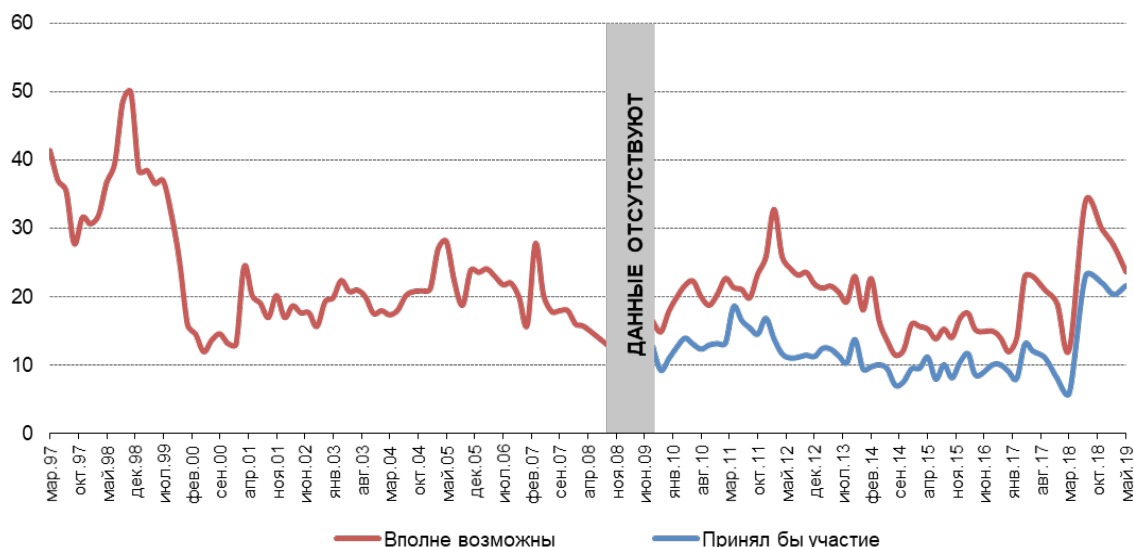

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

* До марта 1997 г. задавался в формулировке «Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?».

Б. ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

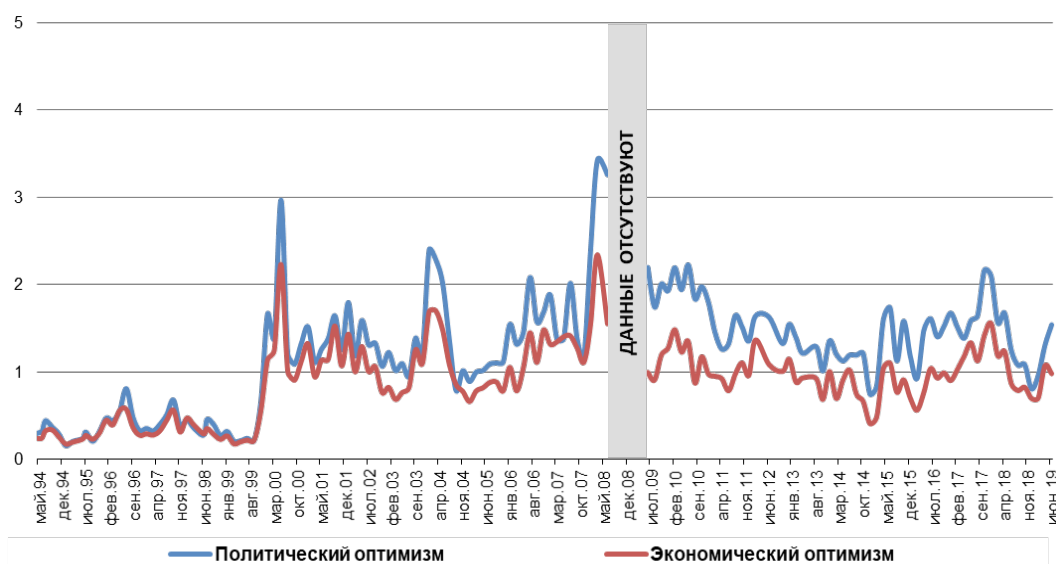
«Возможны ли, на Ваш взгляд, в Вашем городе, сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями?»*;
«Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?» (в % от числа опрошенных)

В 1997–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

Б. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА

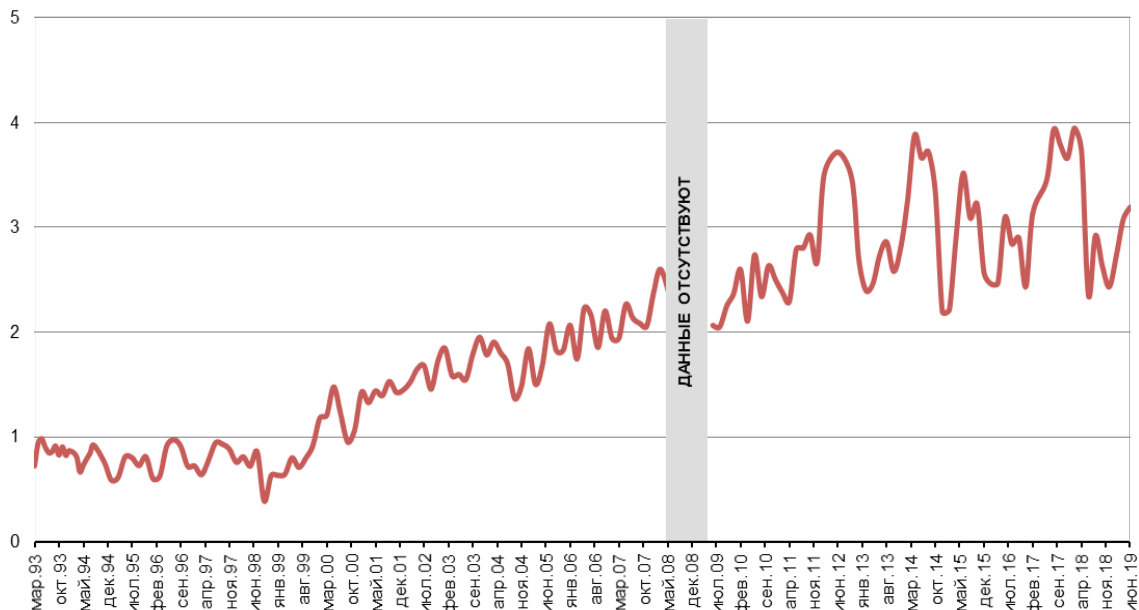
«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?»;
«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?»
(отношение положительных оценок – «значительное улучшение ситуации» и «некоторое улучшение ситуации» к отрицательным – «некоторое ухудшение ситуации» и «значительное ухудшение ситуации»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

6. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

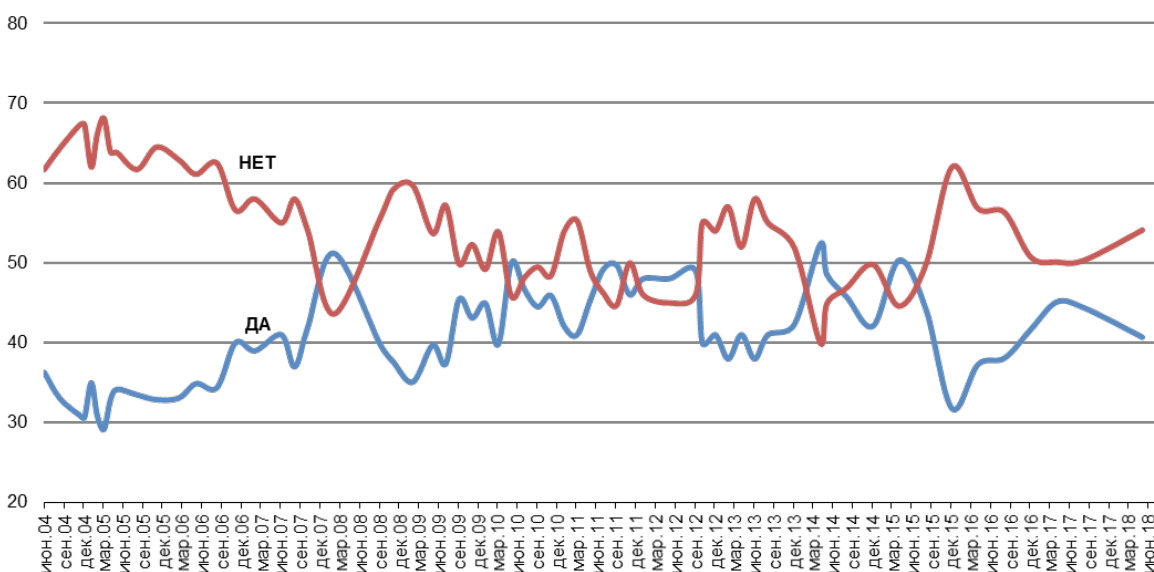
«Что Вы можете сказать о своем настроении в последние дни?» (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю раздражение» и «испытываю страх»)

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

7. ЯСНОСТЬ ПЕРСПЕКТИВ

Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?

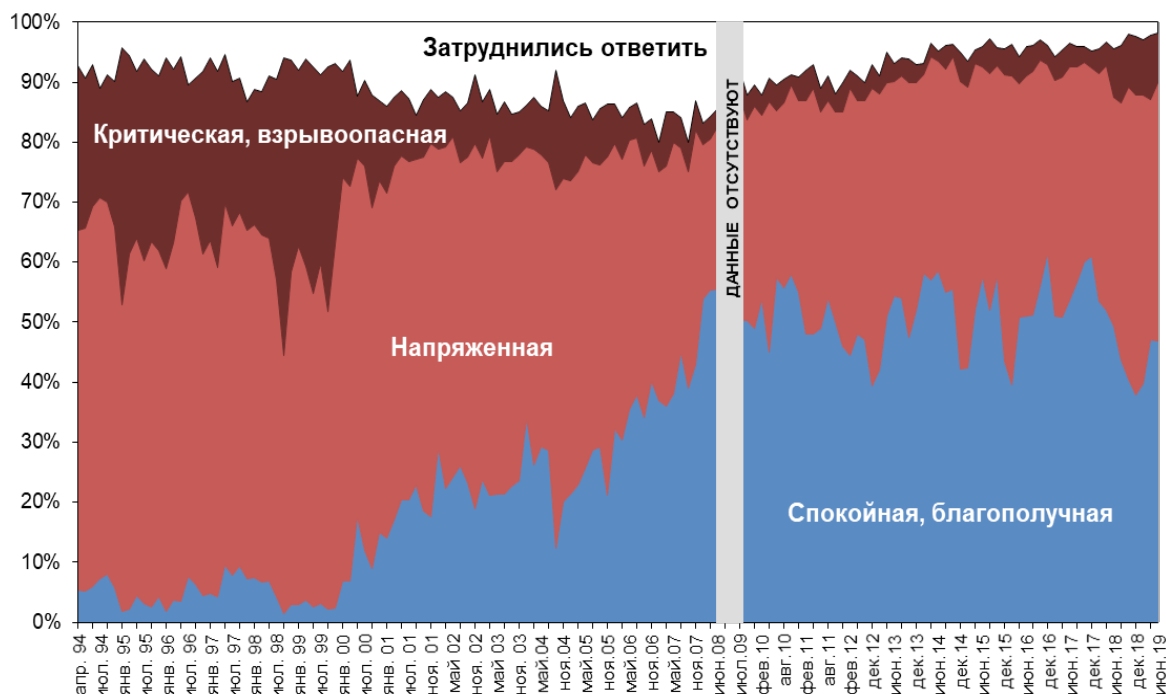

$N=1600$.

8. ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

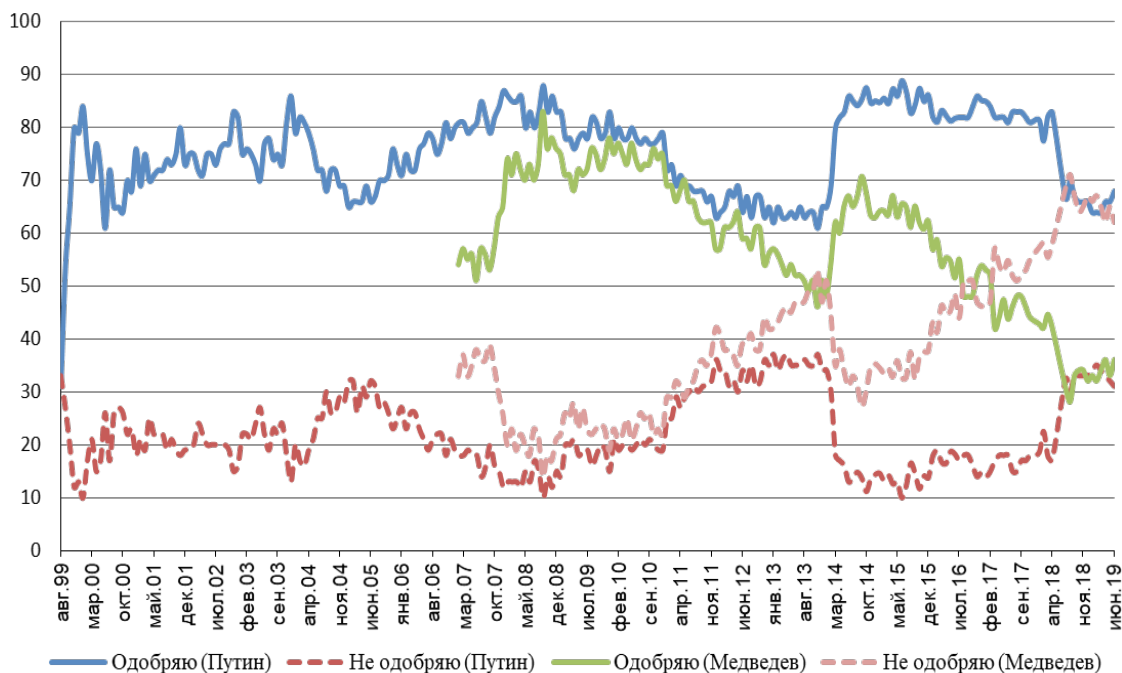
Как Вы оценили бы в целом политическую обстановку в России?

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

9. ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ЛИЦ

1. «Одобрите ли Вы деятельность Владимира Путина?»;
2. «Одобрите ли Вы деятельность Дмитрия Медведева?»

$N=1600$.

10. ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИКАМ

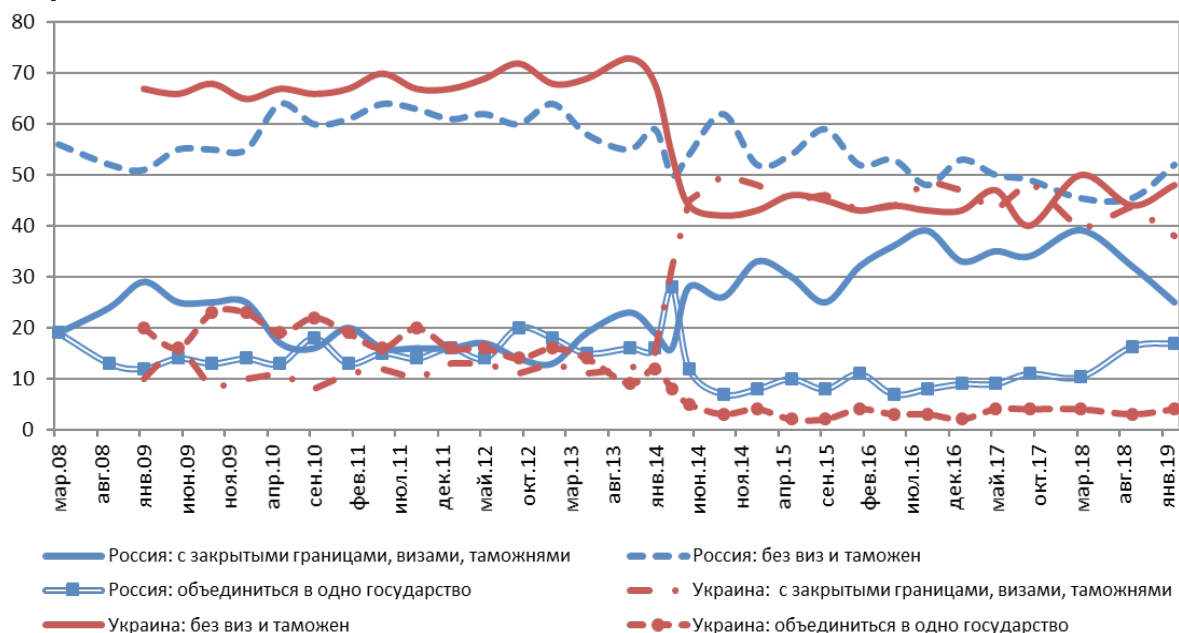
А. Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете (приводятся данные открытого вопроса о доверии политикам, которые набрали в марте 2019-го более 1% голосов от общего числа опрошенных; данные в таблице ранжированы по убыванию по результатам марта 2019 года)

Вариант ответа	2017	2018		2019
	XI	VI	IX	III
Владимир Путин	59	48	39	41
Владимир Жириновский	14	14	15	16
Сергей Шойгу	23	18	15	16
Сергей Лавров	19	14	10	14
Дмитрий Медведев	11	9	10	13
Геннадий Зюганов	10	7	8	8
Павел Грудинин	- *	7	4	5
Сергей Собянин	3	3	4	4
Валентина Матвиенко	2	2	1	3
Алексей Навальный	2	2	3	3
Сергей Миронов	4	2	2	2
Григорий Явлинский	2	2	1	1
Вячеслав Володин	<1	<1	1	1
Не интересуюсь политикой	1	1	1	1
Нет таких	14	21	18	17
Затрудняюсь ответить / не знаю / нет ответа	11	12	18	16

N=1600, * – вариант не был назван.

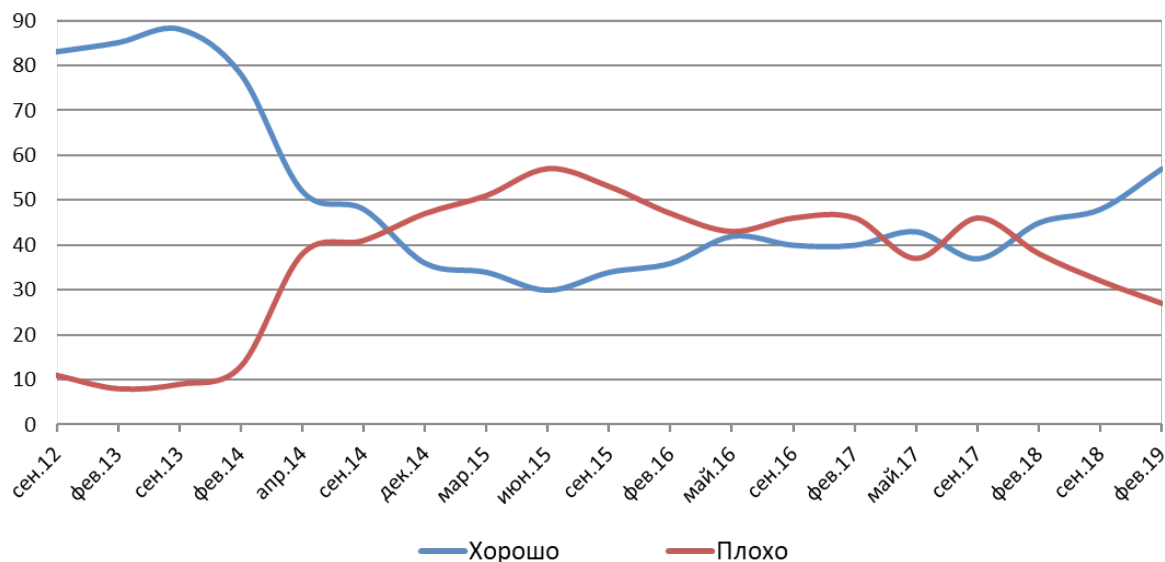
11. РОССИЯ И УКРАИНА

А. «С каким из следующих мнений по поводу отношений России с Украиной вы бы скорее согласились?» (данные Левада-центра и КМИС)

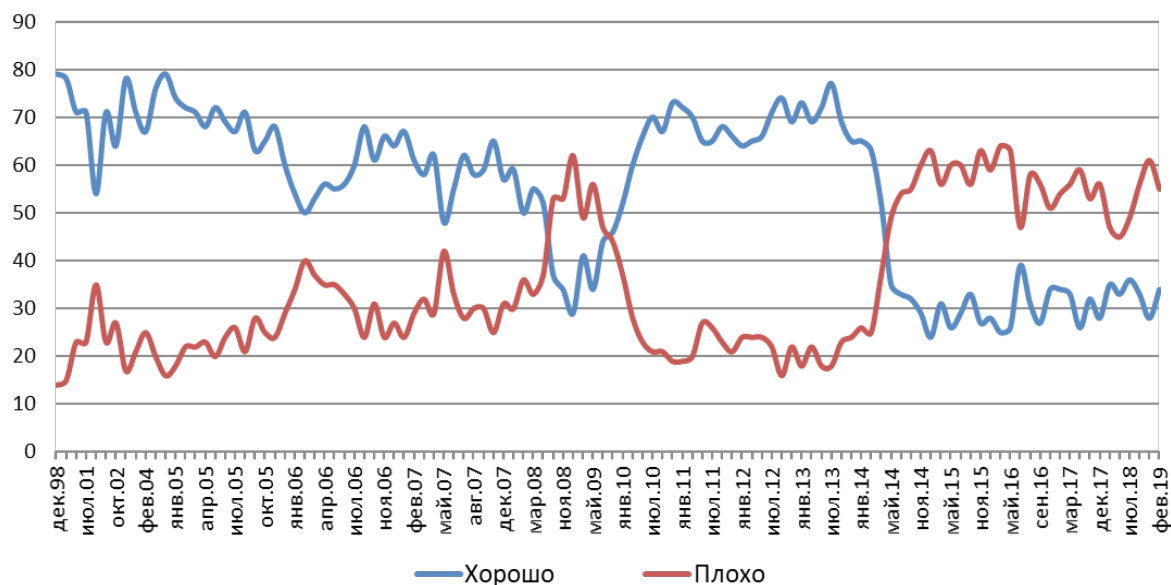
КМИС, N= 2000; Левада-центр, N=1600

Б. «Как вы в целом относитесь сейчас к России»? Мнение жителей Украины – данные КМИС. (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

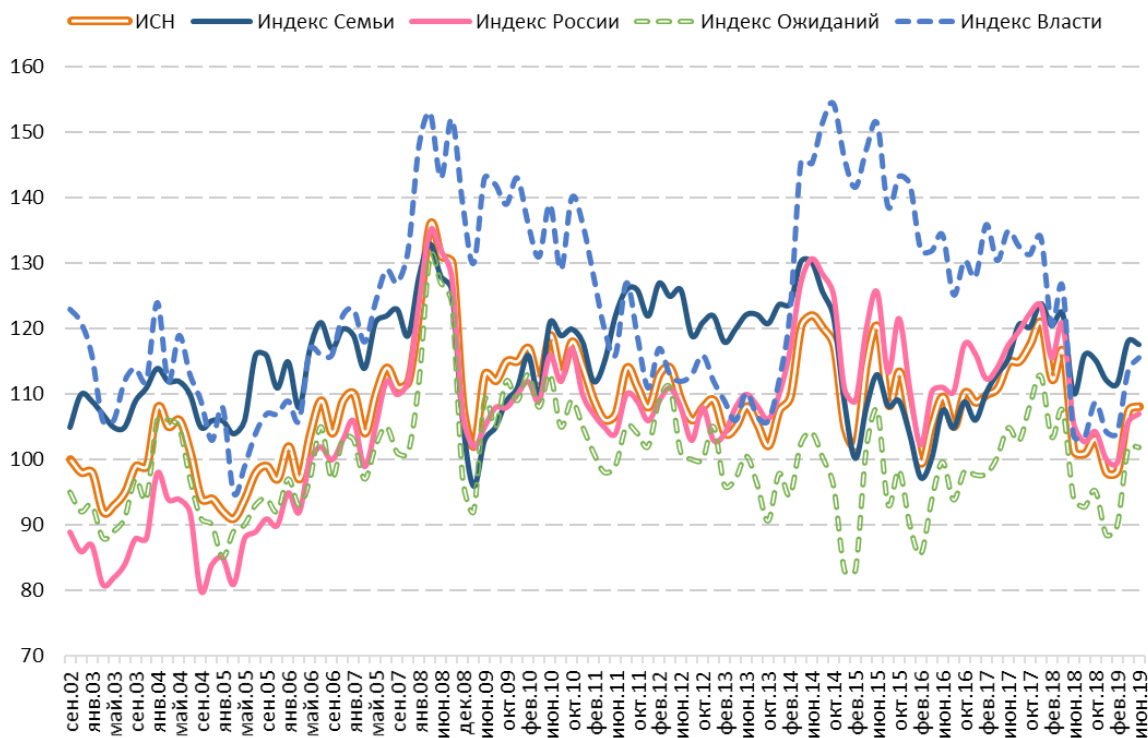
КМИС, N = 2000.

В. «Как вы в целом относитесь сейчас к Украине»? Мнение россиян – данные Левада-центра. (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

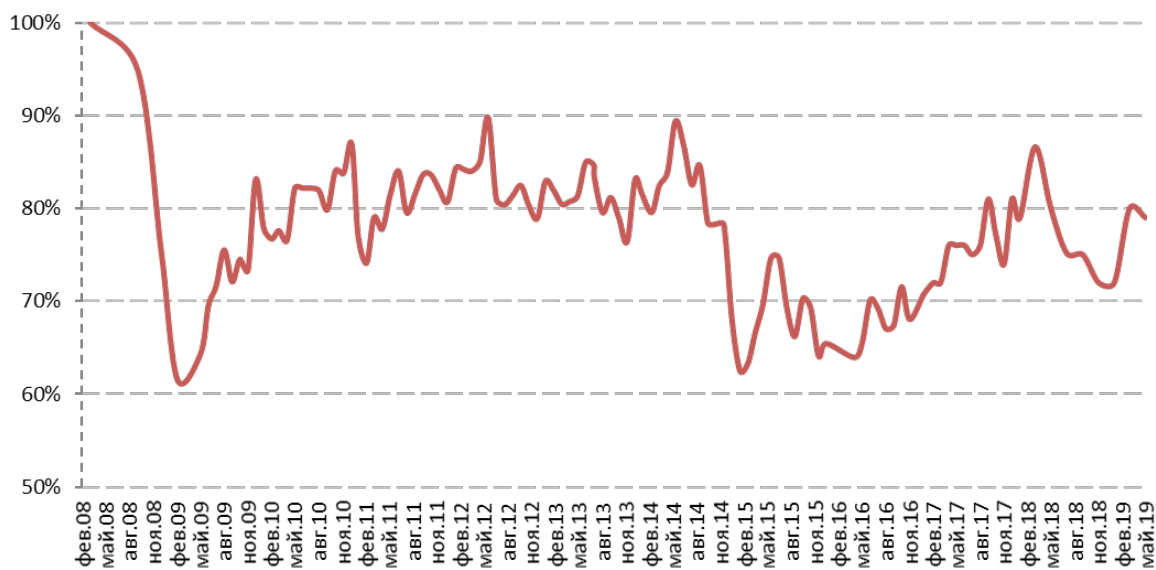

Левада-центр, N=1600

12. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

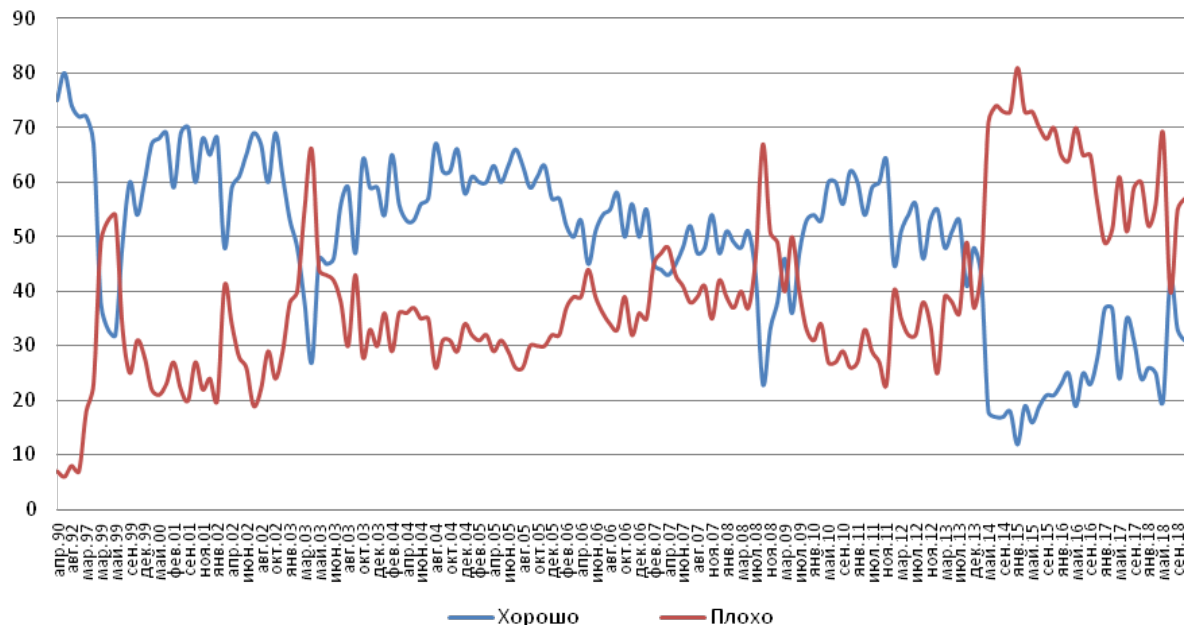

13. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ

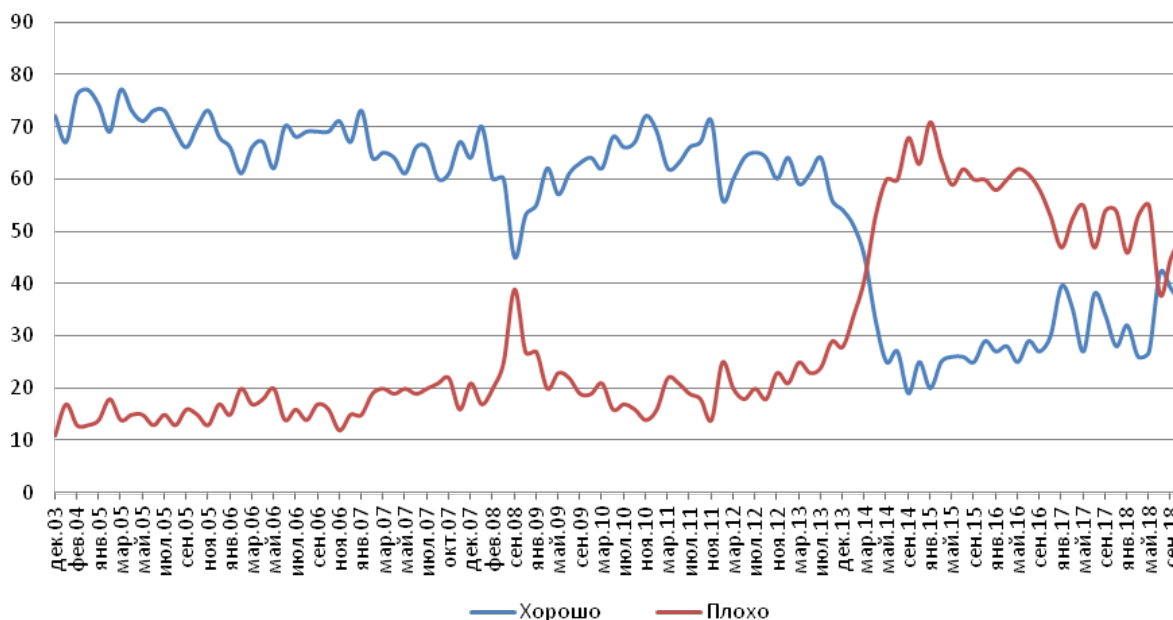
14. ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ СТРАНАМ

А. «Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?» (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600.

Б. «Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому Союзу?» (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600.

В. «Назовите пять стран, которые вы считаете наиболее близкими друзьями, союзниками России...» (приводятся ответы, набравшие от 2% и более в последних двух замерах, открытый вопрос, данные ранжированы по последнему замеру; всего стран набравших до 2% упоминаний)

	2005 V	2006 V	2007 VIII	2009 III	2010 V	2011 V	2012 V	2013 V	2014 V	2015 V	2016 V	2017 V	2018 V	2019 V
Беларусь	46	47	38	50	49	35	34	46	51	55	50	46	49	62
Китай	12	24	19	18	16	18	16	20	40	43	36	39	40	42
Казахстан	20	33	39	38	32	33	28	31	37	41	39	34	32	38
Армения	9	14	15	15	15	11	11	12	15	18	13	12	11	22
Азербайджан	5	7	5	10	8	9	9	8	9	11	7	9	8	16
Индия	16	15	14	12	14	16	9	7	13	18	18	14	19	14
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	10	15	21	14
Венесуэла	-	-	2	8	10	6	5	6	5	9	6	3	4	11
Киргизия	5	7	7	9	4	6	5	5	6	10	7	8	8	9
Германия	23	22	24	17	24	20	17	14	4	2	2	2	5	9
Куба	-	-	-	8	10	13	8	9	10	14	10	11	11	9
Туркмения	2	2	8	5	1	3	2	2	3	4	2	4	3	9
Узбекистан	4	6	6	9	5	7	5	5	6	8	9	9	11	9
Болгария	11	10	9	9	8	9	7	10	8	4	4	4	7	8
Грузия	-	-	-	-	-	2	1	2	1	3	2	4	3	8
Таджикистан	3	3	7	9	4	5	4	5	8	7	6	9	7	6
Северная Корея	-	-	-	-	-	4	1	1	3	3	3	3	4	6
Сербия	3	4	3	5	5	4	4	3	5	8	6	5	6	6
Египет	2	1	2	2	2	5	2	2	2	4	3	2	4	5
Иран	2	4	3	2	2	1	2	1	2	2	2	4	5	4
Израиль	5	3	3	3	4	5	4	3	4	2	3	3	3	4
Бразилия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	3
Молдавия	4	4	4	5	3	4	4	6	7	2	2	8	4	3
Италия	6	7	8	5	8	6	7	5	3	1	3	4	3	3
Монголия	-	-	-	3	4	5	2	3	3	6	3	3	4	2
Франция	13	8	9	9	11	9	9	4	1	1	2	2	4	2
Нет таких / затруднились ответить	24	28	28	27	23	26	35	29	29	25	25	26	20	11

N=1600.

Г. «Назовите пять стран, которые Вы считаете наиболее недружественно, враждебно настроенных по отношению к России...» (приводятся ответы, набравшие от 2% и более в последних двух замерах, открытый вопрос; ответы ранжированы по последнему замеру; всего стран набравших до 2% упоминаний)

	2005 V	2006 V	2007 VIII	2009 III	2010 V	2011 V	2012 V	2013 V	2014 V	2015 V	2016 V	2017 V	2018 V	2019 V
США	23	37	35	45	26	33	35	38	69	73	72	69	78	67
Украина	13	27	23	41	13	20	15	11	30	37	48	50	49	40
Великобритания	3	5	3	8	6	8	7	9	18	21	18	15	38	38
Латвия	49	46	36	35	36	35	26	21	23	25	23	24	26	27
Литва	42	42	32	35	35	34	25	17	24	25	23	24	23	26
Польша	4	7	20	10	14	20	8	8	12	22	24	21	24	22
Германия	3	2	2	3	1	4	3	3	18	19	19	24	17	18
Эстония	32	28	60	30	28	30	23	16	21	19	16	16	15	12
Грузия	38	44	46	62	57	50	41	33	19	11	10	9	8	11
Канада	1	1	<1	1	<1	1	1	1	7	8	6	3	8	9
Франция	<1	1	1	1	<1	1	1	2	5	7	4	8	8	8
Ирак	10	9	8	5	9	9	8	7	3	2	2	3	4	5
Япония	6	4	3	3	3	9	6	7	5	6	5	6	3	4
Афганистан	12	12	11	7	14	15	8	10	5	4	2	3	3	4
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	4	4	4
Израиль	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	4
Иран	6	7	7	3	7	7	7	5	2	2	2	2	2	3
Китай	4	-	3	3	4	4	4	5	-	-	-	2	1	3
Турция	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	29	8	3	2
Нет таких/ затруднились ответить	20	23	19	18	21	15	28	31	20	17	15	14	12	10

N=1600.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Николай ПЕТРОВ

Спираль репрессивности: внутренняя динамика, проблемы входа и выхода

В качестве одного из направлений развития авторитарного российского режима многие исследователи называют нарастание его репрессивности¹. Одни, как, например, Л. Гудков, датируют начало серьезных репрессий уже первыми месяцами пребывания В. Путина у власти (2000 г.), другие, к которым автор относит и себя, считают, что политические репрессии как серьезное системное явление берут начало после массовых политических протестов 2011–2012 гг., а до этого они были, что называется, точечными: в отношении В. Гусинского и Б. Березовского, ЮКОСа, мэров и др. В любом случае, с возвращением В. Путина на пост президента в 2012 г. произошел качественный скачок с резким усилением репрессивности, особенно заметный после 2014 г.

Определим репрессии как систематические, демонстративные, политически мотивированные выборочные наказания, служащие целям устрашения и усиления контроля за обществом и элитами. Из этого, в частности, следует, что репрессии совсем не обязательно применяются в отношении политических оппонентов; репрессии призваны демонстрировать произвол, а не неотвратимость наказания; адресатом репрессий являются не индивидуумы, а группы, которые эти индивидуумы олицетворяют.

¹ См., напр.: *Алексашенко С., Баев П., Кынев А., Петров Н., Рогов К.* (под ред. К. Рогова): URL: <http://www.liberal.ru/upload/files/krepost.pdf>; *Политическое развитие России. 2014–2016. Институты и практики авторитарной консолидации.* URL: http://www.liberal.ru/upload/files/Prakticheskoe_razivitie_Rossii.pdf

Главную для себя опасность Кремль видит в расколе элит, и поэтому с мая 2012 г. именно элиты ощутили на себе прессинг больше, чем протестующие. **Контрэлитные репрессии** представляют собой масштабное системное явление, возможно, ключевое для понимания трансформации политической системы и перспектив ее развития. И, хотя отдельные кейсы могут объясняться своими частными причинами, это явление имеет общую логику, связанную с ужесточением авторитарного режима в условиях прекращения роста экономической базы и усиления персонализма. Ставший в 2014 г. «вождем», а не просто избранным президентом, В. Путин стал меньше зависеть от элит, а они от него, наоборот, получили большую зависимость. Поэтому никакой избирательный цикл не помешал раскручиванию репрессий, в том числе против региональных элит², и усилению этих репрессий, особенно заметному в начале 2019 г. Несколько лет назад, анализируя возможные сценарии будущего развития страны, мы рассматривали и сценарий «Сталин-lite», считая, однако, что элита не допустит развертывания репрессий против себя³, но это произошло, причем поразительно легко и быстро.

В настоящее время в российском обществе нет крупных социальных групп, включая не только оппозиционных политических акти-

² Зато, когда вождистская легитимность ослабела, выборы осени 2018 г. дали абсолютно логичные сбои.

³ *Russia 2025: Scenarios for the Future* / Ed. by Maria Lipman, Nikolay Petrov. L.: Palgrave Macmillan, 2013.

вистов, но и крупный бизнес, высшую бюрократию, силовиков, которых не коснулись бы репрессии. Репрессии против управленческой элиты, включая региональную и силовую, пока наименее описаны и изучены, в том числе в силу своей относительной новизны. Именно они стоят в центре внимания данной статьи.

Эта проблематика сегодня особенно важна и актуальна. Представление о том, что работа машины встроена в политический календарь и с завершением президентских выборов мы увидим смягчение, а устрашение элиты и игра без правил не могут быть долгими, поскольку ведут к большим издержкам уже в среднесрочной перспективе, оказалось неточным. Как неточными оказались и утверждения того, что переход от задабривания к репрессиям чреват протестами и опасен для власти. Система быстро раскрутила масштабный маховик репрессий и не хочет или не может его остановить.

Масштабы

Наблюдаемые сегодня репрессии не массовые (как показали Трейсман и Гуриев, современным авторитаризмом это не нужно¹), но и не точечные. Взять, к примеру, Коми с тремя волнами чисток, начавшихся в 2015 г. и продолжающихся до сих пор, Дагестан 2018–2019 гг.

или ГУЭБиПК МВД с 2014 г. В каждом из этих случаев мы видим многолетние раскручиваемые дела с десятками арестованных и осужденных и сотнями следователей. Такого рода репрессии скорее можно назвать локализованными, таргетированными.

Заметим, что в публичном пространстве видна лишь надводная часть айсберга, реальный масштаб работы репрессивной машины обширнее. Во-первых, мы наблюдаем верхушку элиты, но репрессии обычно идут вглубь, как сейсмические волны от землетрясения, затрагивая всю клиентскую сеть. Во-вторых, развертывание репрессий имеет свою логику, и в ходе допросов тех, кто задержан, собирается материал на вышестоящих, который сможет играть важную роль в работе системы, при этом нигде не выходя наружу. В этом смысле многие «тихие» отставки влиятельных чиновников, как и покорность оставшихся на своих постах, являются тоже результатом репрессий.

Статистика, приводимая фондом «Петербургская политика», дает 35 высокопоставленных чиновников, федеральных (13) и региональных (22), против которых были возбуждены уголовные дела в 2018 г. (табл. 1), и 25 вынесенных приговоров, в большинстве случаев жестких. Наши расчеты дают 39 высокопо-

Таблица 1

СТАТИСТИКА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ ЧИНОВНИКОВ

	Всего	Федеральные чиновники и депутаты	Высокопоставленные региональные чиновники	Главы крупных муниципалитетов	Вынесено приговоров с лишением свободы	в том числе сроком свыше 5 лет
1992-1995	1	0 (без учета октября-1993)		1		
1996-2000	6	2	2	2	2	2
2001-2005	3	2	1		2	1
2006-2010	8	1	1	6	2	1
2011	6		2	4		
2012	16	4	3	9		
2013	18	4	4	10	4	3
2014	30	11	5	14	10	7
2015	37	2	17	18	14	11
2016	39	6	15	18	13	10
2017	32	8	14	10	19	13
2018	35	13	11	11	25	18

Источник: фонд «Петербургская политика». URL: <https://fpp.spb.ru/fpp-top250-criminal-cases>

¹ Guriev S., Treisman D. How Modern Dictators Survive: An Informational Theory of the New Authoritarianism. URL: <https://www.tse-fr.eu/sites/default/files/TSE/documents/sem2016/development/guriev.pdf>

ставленных чиновников только на региональном уровне, включая 21 высшего представителя региональных администраций и мэров региональных столиц, и 18 федералов (табл. 2). Важно, что с 2015 г. число осужденных растет (при почти неизменном количестве обвиняемых). Репрессии, таким образом, по количеству репрессируемых вышли на некоторую проектную мощность, отражающую нынешнее состояние системы.

Много это или мало? В отношении федеральных элит судить трудно, а в отношении региональных политических элит это примерно 1,5–2% общей их численности ежегодно — цифра, сопоставимая со сталинскими репрессиями.

Президентские выборы 2018 г. лишь на короткое время приостановили репрессии. После выборов репрессии в отношении управленческой элиты, включая силовую, продолжались и даже нарастали, главным образом в отношении регионалов, как коренных, так и назначенцев Центра.

В качестве основных новаций и важных тенденций репрессивной политики первого года нового президентского срока можно выделить:

2) рост числа вынесенных приговоров, в том числе приговоров жестких, с одной стороны, и больших масштабных «сетевых» дел по организованным преступным сообществам — с другой;

3) резкое усиление репрессивного давления на этнорегиональные, в первую очередь северокавказские элитные кланы, включая тотальную зачистку в Дагестане;

4) расширение точечных репрессий против представителей правоохранительных органов, являющихся частями репрессивной машины, включая Следственный комитет, прокуратуру и периферию ФСБ.

Принятие решений о репрессиях

Механизмы принятия решений в любом авторитарном режиме крайне непрозрачны². По поводу того, кем и как принимаются решения о репрессиях, есть две полярные точки зрения. Согласно одной, силовики вышли из-под контроля, используя репрессии в своих интересах, и В. Путина часто ставят в известность о задержаниях крупных фигурантов постфактум³. Согласно другой, которая выглядит более реалистичной, все происходит в соответствии с неким стратегическим планом Кремля.

Таблица 2

РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ ВЕРХУШКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Год	Число задержанных высших представителей рег. полит. элиты*	Число задержанных руководителей фед. правоохранительных структур и контрольно-надзорных ведомств в регионе	Число замен глав регионов
2012			0
2013			4
2014			10
2015	21		7+1
2016	19		4
2017	15		11
2018	21 (+4 вице-мэра Сочи)	18	19

*Учитывались главы регионов, их замы, мэры региональных центров.

Источник: подсчеты автора.

1) сохранение самих репрессий на довыборном уровне, а в ряде случаев и их усиление после некоторого затишья (непосредственно перед президентскими выборами) с особенно большим числом прецедентных случаев в начале 2019 г.¹;

¹ Продолжалось раскручивание старых больших дел (дело Михальченко — ФТС/ФСО-строителей; дело Минкульта; ФСИНа, Ростехнадзора; дело «Суммы»/Магомедовых; дело московско-

го СКР; РОСНАНО, Спецстрой), запускались новые (по Дагестану, Росалкогольрегулированию/И. Чуяну; Росимуществу/Е. Паткиной; «Воентелекому»/МО; ЦСКА). В начале 2019 г. к ним добавилось дело Арашуковых/«Межрегионгаза»/КЧР.

² См., напр.: *Treisman D.*, ed. *The New Autocracy. Information, Politics, and Policy in Putin's Russia*, 2018. URL: <https://www.brookings.edu/book/the-new-autocracy/>

³ См., напр.: *Т. Становая*. Политическая дивергенция. Почему опоры путинского режима стали бороться друг с другом. м. 14.05.2019, URL: <https://carnegie.ru/commentary/79112>

Представляется, что любые серьезные публичные действия в отношении высокопоставленных фигурантов невозможны без предварительной отмашки президента. Другое дело, что инициатива может исходить сверху или снизу, а позиция в отношении того или иного репрессируемого может быть активной, когда отдается прямой приказ, а может быть пассивной, когда В. Путин соглашается с позицией силовиков, если усматривает в ней политическую целесообразность. При этом надо полагать, что предложение со стороны последних существенно шире, чем то, что в результате реализуется. Репрессии, включая инициированные снизу, в том числе и в результате бизнес-конфликтов, политические, поскольку на выходе решение об их применении или неприменении в отношении конкретных лиц является политически мотивированным, и адресаты — не отдельные персоны, но значительные элитные и — по разным основаниям — социальные группы.

Логика в отношении конкретных репрессируемых зависит от персоны (был бы человек, а статья найдется) и расследуемого дела. Вот как выглядят основные механизмы возникновения и развития репрессий на федеральном уровне.

Эхо раскручиваемых старых дел (Олимпиада, Спецстрой, «Восточный», Михальченко — Муров — Бельянинов, дело Захарченко и др.). Часто работает схема: президент «топает ногой» (Олимпстрой, «Восточный» и др.) и начинается серия расследований. Все крупные строительные проекты последних лет сначала осуществляются в авральном порядке, а после проведения мероприятия, будь то саммит АТЭС во Владивостоке в 2012 г., Олимпиада в Сочи в 2014 г., ЧМ-2018 по футболу или строительство космодрома «Восточный», заканчиваются уголовными делами.

Резкая смена руководства корпорации, причем как предстоящая, подготавливаемая репрессиями, так и уже состоявшаяся, когда новая команда зачищает старую. Примерами могут служить ФСО, ФТС, внутренние войска или Ростехнадзор. Сюда же относятся и регионы, которые Кремль считает территориальными подразделениями большой государственной корпорации.

Жесткая модель перераспределения собственности/контролируемых потоков внутри корпорации/элитной группы или между ними. В последнем случае репрессии могут приобретать вид межведомственных разборок: ГУЭБиПК МВД, ФТС, СУ СКР по Москве.

Показательные наказания тех, кого Кремль считает «нарушителями конвенции», будь то политики, выигравшие у кандидата власти, как, например, ярославский мэр Е. Урлашов (арестован в 2013 г. менее чем через год после избрания, а в 2016-м приговорен к 12,5 года лишения свободы)¹, посмеившие помочь оппозиционному кандидату, как бывший губернатор, полпред и федеральный министр В. Ишаев, арестованный в 2019 г., или бизнесмены, заработавшие состояния в России и самочинно решающие жить за границей (М. Абызов, 2019 г.).

Особое место занимают репрессии в отношении руководителей федеральных структур в регионах — контрольно-надзорных и правоохранительных. Здесь можно говорить и о региональном измерении федеральных конфликтов, когда происходит жесткая смена руководства корпорации, и о конфликтах собственно региональных, как в Дагестане и других северокавказских республиках, когда жесткой атаке на региональную элиту предшествуют чистки в прикрывающей ее от федералов полиции.

Если уголовные дела против действующих руководителей МВД регионов и их задержания начались в 2014 г. (кстати, с Сахалина, где годом позже задержали уже губернатора), то сейчас трудно найти ведомство, избежавшее таких коллизий. Пожалуй, это лишь ФСБ — самая экстерриториальная структура, и прокуратура и суды — там начальники уходят, как и раньше, по-тихому. Для Следственного комитета и Росгвардии почином стал 2018 г., как, впрочем, и для прокуратуры.

Из федералов в регионах в одном только 2018 г. под раздачу попали три начальника управления МЧС, три начальника управлений Ростехнадзора, два главы ФНС, один начальник СКР, один бывший глава МВД и два зама, один начальник управления Росгвардии и один замначальника, один начальник УФССП, один начальник и один замначальника СЭБ УФСБ.

Конечно, далеко не всегда речь идет о политических репрессиях *per se*, налицо и банальная коррупция «не по чину» и пр., политическими их делает механизм отбора жертв.

¹ В свое время, еще до раскручивания нынешней спирали репрессий, главной «расстрельной» позицией в политической элите был мэр М. Тульский в материале «В период оттепели Медведева репрессированы 50 оппозиционных мэров», 02.11.2011 (URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/tulsky/826429-echo/>) приводит данные, согласно которым общее число мэров, репрессированных в оттепель Медведева (2008–2011 гг.) за то, что они посмели победить официальных кандидатов «Единой России», превышает 50, причем из тех, кто избрался мэром против воли ЕР, посажено и отстранено 90%, а из тех, кто по воле ЕР, только 10%.

Единство времени и места

При анализе репрессий важным измерением, наряду с корпоративным и статусным, является пространственно-временное.

Репрессии против региональных политических элит сконцентрированы в 14 регионах. Это прежде всего **Дагестан**, где они идут давно, начиная с ареста все сильного мэра **Махачкалы** Саида Амирова в 2013 г., но характер тотальных чистки приняли с начала 2018 г. В 2018-м же процесс чистки региональной элиты перекинулся на соседнюю **Карачаево-Черкессию**. Это **Коми**, где после ряда задержаний мэров в 2015 г. впервые было арестовано практически все руководство республики, включая главу В. Гайзера, а затем и бывшего главу Ю. Спиридонова по обвинению в создании организованного преступного сообщества, но аресты, уже по третьему кругу, продолжаются и по сей день. Это **Сахалин**, где в марте 2015 г. произошел первый публичный арест действующего губернатора Александра Хорошавина, а потом и ряда ключевых руководителей из его команды. Это **Приморский край**, где аресты вице-губернаторов и мэра Владивостока стали нормой. Это **Краснодарский край**, где в 2015-м прошел ряд арестов вице-губернаторов в преддверии смены главы, а в 2018-м зачистили всю верхушку Сочи. Это **Крым**, где с 2014-го заменили практически всех глав крупных муниципалитетов, а с 2017-го начались посадки вице-премьеров, отвечающих за ФЦП. Это **Ивановская область**, где с 2014-го сменилось уже два губернатора (один из них, Павел Коньков, в мае 2019 г. был задержан), и каждый год, кроме 2018-го, задерживают пару вице-губернаторов.

Вот подробный список регионов — объектов наиболее серьезных репрессий против региональных элит (выделены регионы, где власть проиграла губернаторские выборы в сентябре 2018 г.).

2015–2018: Дагестан, Коми, Удмуртия (2017: глава+1), КЧР (2018 — 3), Хакасия (3: 2014, 2015, 2016), Крым (2017, 2018); Алтайский (2016, 2018, 2015 — мэр), Краснодарский (2015 — 3, 2017 — 1, 2018 — Сочи — 4), **Приморский** (2016 — 2, 2017 — 2, 2017 — мэр), **Хабаровский** (2015, 2016) края; Ивановская (2015, 2016 — 2, 2017 — 2, 2016 — мэр), **Владимирская** (2017, 2018), Кемеровская (2016 — 2) области; Сахалин (2015: губ.+3, 2 министра в 2017-м).

2018: Дагестан, КЧР (замглавы правительства, глава администрации, министры финансов и труда), Коми (подчиненные арестованных ранее руководителей), Крым (ряд мэров и

руководителей правительства, включая вице-премьера), Чувашия (вице-премьер и министр экономики), Алтайский край (управделами губернатора и правительства), Брянская (вице-губернатор), Курганская (два вице-губернатора), Магаданская (зампред правительства), Новгородская (вице-губернатор), Нижегородская (мэр), Оренбургская (мэр, министр) области.

2017: главы: Марий Эл и Удмуртии (+1); вице: Калмыкия, Удмуртия, Краснодарский, Приморский (2) края, Владимирская, Ивановская (2), Курская, Мурманская области; мэр: Чебоксары.

2016: глава Кировской области, вице: Коми, Тува, Хакасия, Алтайский, Приморский (2), Хабаровский края, Владимирская, Ивановская (2), Кемеровская (2), Самарская области, Петербург; мэры: Иваново, Владивосток, Горно-Алтайск, Тамбов.

2015: Сахалин (губ. + 3) и Коми. Дагестан, Хакасия. Челябинская область, Краснодарский (3), Хабаровский края, Ивановская, Тюменская, Ярославская области. Мэры: Алтайский край, Коми.

Следует ожидать, что в ближайшие пару лет масштабы репрессий в регионах будут возрастать, хотя бы в силу радикального обновления губернаторского корпуса за счет глав-варягов и неизбежных при этом острых конфликтов между старыми и новыми командами.

Из региональных фокусов потрясений среди федералов можно отметить Дагестан с тотальной и многослойной зачисткой региональной элиты, Башкирию со сменой главы и последующими чистками, Москву с разборками в рамках ведомственных конфликтов, Курганскую, Самарскую области.

Почему можно говорить о спирали репрессий?

При том что последние четыре года число подпадающих под маховик репрессий представителей элит, федеральных и региональных, будто бы постоянно, для репрессий характерны расширение, углубление, ужесточение. Спираль репрессий против элит стала активно раскручиваться с 2012 г. (табл. 1) на фоне опасений «цветных» революций и раскола элит, подготовки к жесткой конфронтации с Западом. Это спираль, одновременно расходящаяся в смысле расширения охвата и углубляющаяся в смысле повышения ранга подпадающих под репрессии. Вехи-прецеденты: Сердюков и Реймер (2012), ГУЭБиПК и начальник регионального МВД (2014), гу-

бернаторы и ОПГ в составе всего руководства региона (2015), федеральный министр (2017), тотальная зачистка регэлиты (Дагестан, 2018), сенатор в СФ (2019).

Наряду с ужесточением наказаний происходят сдвиги в их восприятии. Так, если в 2015 г., когда арестовали В. Гайзера, «Общая газета» писала про возможный срок в пять месяцев¹, то в 2018 г., когда начался процесс, первый, пошедший на сделку, был осужден на 6 лет, а Гайзеру обвинение требует наказания вплоть до пожизненного. Если когда-то слова В. Путина о «двушечке» для Pussy Riot вызвали гневную реакцию, то сегодня и 20 лет никого не удивляют.

Если несколько лет назад многие приговоры оказывались условными, а в случае реальных речь шла о «двушечках», то в середине 2017 г. офицеры ГУЭБиПК во главе с Д. Сугробовым получили от 17 до 22 лет (ВС впоследствии приговоры пересмотрел, скостив вдвое), а 8 лет (А. Улюкаев в 2017-м, Н. Белых в 2018-м) стали едва ли не нижней планкой. Так, в 2018 г. **Михаил Максименко**, экс-начальник Главного управления межведомственного взаимодействия и собственной безопасности СКР, был приговорен к 13 годам колонии строгого режима и штрафу в 165 млн рублей; экс-губернатор Сахалинской области **Александр Хорошавин** — к 13 годам колонии строгого режима и штрафу в 500 млн рублей; бывший вице-губернатор Владимирской области **Дмитрий Хвостов** — к 11 годам; бывший руководитель администрации главы Хакасии **Владимир Бызов** — к 9 годам.

Если в 2018 г. очередной вехой в раскручивающейся спирали репрессий против элиты стала тотальная зачистка в Дагестане, в ходе которой десятки человек, включая высшее руководство республики за небольшими исключениями, мэров городов и глав муниципалитетов, руководителей многих федеральных структур в регионе, были арестованы, а сотни привлечены к ответственности, то в 2019 г. на эту роль претендует дело Арашуковых. Его кульминацией стал арест 30 января прямо во время заседания Совета Федерации сенатора Р. Арашукова. Это произошло при участии главы СКР А. Бастрыкина и генпрокурора Ю. Чайки. Обвинение, предъявленное 32-летнему сенатору от Карачаево-Черкесии, включало два заказных убийства в 2010 г. Одновременно в Санкт-Петербурге по обвинению в хищении свыше 30 млрд рублей был задержан глава кла-

на, «газовый король Северного Кавказа» Рауль Арашуков, советник главы «Газпром Межрегионгаза», и ряд других. В ходе операции, проходившей в 11 городах с участием свыше 200 оперативников ФСБ и СКР, были задержаны еще несколько высокопоставленных менеджеров «Межрегионгаза». Арашуковы — один из наиболее влиятельных кланов в масштабах всего Северного Кавказа, практически контролирующий КЧР. Нельзя сказать, что произошедшее стало неожиданностью, поскольку в 2018 г. уже прошли аресты среди высшего руководства КЧР, которую называют следующим после Дагестана кандидатом на роль региона с «внешним управлением», и в «Межрегионгазе», в связи с дагестанским делом. Тем не менее прецедентов ареста под камеры действующего сенатора еще не было. Дело Арашуковых имеет большие перспективы для дальнейшего расширения как в сторону Карачаево-Черкесии, где уже отставлены руководители СКР и прочат отставку главе республики, так и в сторону Центра, причем не только «Межрегионгаза», но и всего «большого Газпрома»², а также СКР и его главы А. Бастрыкина. Вопрос в том, где по ходу дела будут обрублены связи между региональным «крестным отцом» и высшими федеральными чиновниками.

Спираль, с одной стороны, расширяется, а с другой — сжимается вокруг высшей элиты: репрессии все чаще затрагивают тех, кто считался «неприкасаемыми», «своих». Выплыть удалось единицам: сначала снятому с поста министру обороны А. Сердюкову (2012), потом главе Таможенной службы А. Бельянинову (2016), впрочем, неизвестно, на каких условиях. И тот, и другой получили теплые места, не сопоставимые, правда, с первоначальными. Стоит вспомнить и казус с замминистра финансов С. Сторчаком, отсидевшим год (в 2007–2008 гг.) и вернувшегося благодаря активному заступничеству А. Кудрина на свой пост, где он пребывает и поныне. В большинстве случаев спасение с потерей власти и богатства, но с сохранением свободы, возможно лишь в начале действий репрессивной машины до задержания, что является еще одним доводом в пользу того, что решения принимаются на самом высоком уровне.

² За несколько недель, следовавших после ареста Арашуковых, «Газпром» пережил «кадровую революцию» — наиболее радикальную за последние 20 лет смену высшего руководства. Компанию покинули три из пяти зампредов правления и семь из 15 членов правления, включая К. Селезнева, главу «Газпром Межрегионгаза», близкого к Алексею Миллеру.

¹ URL: <https://og.ru/politics/2015/09/22/kto-zakryl-gayzera>

Функционал

Обычно в репрессиях видят кнут, который активнее используется при нехватке пряников. Причем этому кнуту часто приписывают либо самостоятельное применение силовиками в корпоративных интересах, либо использование приватизированного силового ресурса в узкогрупповых интересах. Но логика развертывания репрессий не просто экономическая (рост конкуренции за сокращающийся пирог), но политико-экономическая и чисто политическая.

Политическая потребность в репрессиях появилась в 2012 г., когда Кремль испугался перспективы предательства части элит, возможность — после 2014-го, когда с переходом режима на новую, вождистскую, легитимность элиты стали гораздо более зависимы от лидера. Логика репрессий в силовом блоке своя: это отделение бизнес-элит от силовых, лишение последних бизнес-ресурса (как политического перед переходом к тандему¹). Функции репрессий: устрашение с целью обеспечения полной лояльности элит и предотвращения раскола в них; поддержание на относительно приемлемом для системы уровне управленческой дисциплины и эффективности; радикальное обновление руководства корпораций (чистка штабов), обеспечивающее как централизацию в форме декорпоративизации, так и запуск лифтов вертикальной мобильности; перераспределение активов от уходящих элит к приходящим; обеспечение своеобразной конкуренции в закрытой системе с целью обеспечения некоторой управленческой эффективности.

Старение элит поставило в полный рост проблему сохранения в системе влияния и активов, де-факто приватизированных главами крупных корпораций, десятилетиями сидящих на своих постах, будь то, например, ФТС, ФСО или РЖД. Репрессии в отношении людей в руководстве этих корпораций выступают как механизм более мягкого (когда из спокойно уходящих в «добровольную» отставку вытряхивают значительную часть нажитых капиталов) или жесткого (с посадками и изъятиями капиталов) раскулачивания. Где-то, как в ФТС, скандальному уходу главы предшествовали уголовные дела против статус-

¹ Напомним, что в мае 2008 г. были произведены радикальные перестановки в руководстве силового и правоохранительного блоков, в результате которых силовики, обладавшие политическим весом и амбициями, такие, как глава ФСБ Н. Патрушев, глава ФСКН В. Черкесов, отчасти министр юстиции В. Устинов, оказались лишены силового ресурса, а им на смену пришли силовики-технократы, не имевшие и так и не нарастившие политический ресурс. Тогда же «серый кардинал», помощник президента В. Иванов, наоборот, получил силовой ресурс (ФСКН), но лишился ресурса политического.

ных подчиненных, где-то, как в ФСО, наоборот, уход главы развязал руки репрессивным органам.

Не менее важно для системы и предотвращать появление сильных и самодостаточных, потенциально самостоятельных игроков. Чтобы не допустить этого, в последние годы проводится отделение бизнес-ресурса от силового и политического с разрушением складывавшихся годами связей (многочисленные дела контракторов Минобороны, дело Михальченко-2016, дело «Суммы»-2018).

Заметим, что репрессии в неправовом государстве — это главный механизм реализации системы квазисдержек и противовесов². При этом срабатывает эффект масштабного переноса, и введенные в норму репрессии неизбежно начинают использоваться на всех уровнях не только в интересах системы, но и для решения различных задач в корпоративных и даже частных интересах.

В зависимости от функционала репрессии могут быть спорадическими, профилактическими и полного профиля. Последние, как, например, дело ГУЭБиПК или Михальченко — ФТС — ФСО, имеют общенациональный масштаб и идут годами, в них вовлечены сотни следователей и оперативников, а результатом является перераспределение полномочий и контролируемых ресурсов между большими корпорациями. Судя по всему, таким же крупномасштабным будет дело Арашуковых — «Газпрома» — СКР.

Репрессии: штучные, групповые, сетевые

Одним из признаков того, что мы имеем дело именно с целенаправленными репрессиями, является не случайный штучный, а групповой или даже сетевой их характер, когда в соответствии с неким сценарием при участии многих десятков исполнителей из ФСБ и СКР, часто во многих городах одновременно, разворачивается большое дело.

Объектом репрессий становится уже не отдельный человек, а целая патрональная сеть. И коль скоро репрессиям подвергаются руководители, им в вину часто ставится создание организованных преступных сообществ (ОПС), федеральных и региональных, от Сугрובה/ГУЭБиПК МВД (2014) и Гайзера/Коми (2015)

² По В. Суркову, западная «система сдержек и противовесов — динамическое равновесие низости, баланс жадности, гармония плутовства», а у нас «самые brutальные конструкции его силового каркаса идут прямо по фасаду, не прикрытые какими-либо архитектурными изысканиями» (Сурков В. Долгое государство Путина. О том, что здесь вообще происходит // «Независимая газета». 2019. 11 фев. С. 5).

до Р. Арашукова (2019) и М. Абызова (2019). Обвинение в создании ОПС повышает планку возможного приговора практически до предельного, 25-летнего, срока. Заметим, что в настоящее время Думой рассматривается президентский законопроект об ужесточении наказаний создателям ОПС.

Начиная с 2012 г. из силовых и околосиловых и правоохранительных органов под ударом оказались МО, ФСИН, МВД, ФТС, ФСО, СКР. До сих пор ни на федеральном, ни на высшем региональном уровнях публично под ударом не оказывались представители ФСБ, прокуратуры и судов — реальных звеньев репрессивной машины.

Не случайно применительно к масштабным делам по МВД или Республике Коми не указана дата завершения, хотя основные фигуранты уже получили приговоры или вот-вот их получат. Дело в том, что задержания и процессы над фигурантами второго-третьего круга продолжают, давая власти в целом или действующим от ее имени ФСБ и СКР рычаги прямого давления и контроля над многими корпорациями, руководство которых должно постоянно чувствовать подвешенный над головой меч.

Объекты

Что ни месяц, мы узнаем о новом задержанном — губернаторе, министре, бизнесмене, генерале. И, поскольку официально выдвигаемые обвинения сильно расходятся с реальными причинами задержания, а иногда и со здравым смыслом, возникает множество версий, объясняющих случившееся, указывающих на заказчиков, и т.д. Представляется, что сама суть политических репрессий часто противоречит адресному подходу к выбору жертв. Репрессии — во многом случайная стрельба, когда жертвой становится тот, кто менее защищен и находится ближе всех к точке попадания снаряда, а не обязательно тот, в кого целились.

Кто подпадает под репрессии? Наиболее заметны четыре группы риска: **не до конца лояльные или не во всем согласные с «линией партии» представители власти**, проявляющие самостоятельность (это прежде всего бывший хабаровский губернатор В. Ишаев, мэр Ярославля Е. Урлашов и другие мэры, победившие кандидата от власти); **«безопасники»**, мешающие контролю за той или иной корпорацией, структурой со стороны ФСБ (не случайно наезд на губернатора А. Хорошавина в 2015 г. предвещал арест главы регионального УВД **В. Белоцерковского** в 2014-м, причем тогда и обвинение звучало, как «организация незаконной слежки

за сотрудниками СКР и ФСБ»), это проявилось и в связи с делом СКР, где с самого начала одной из главных мишеней стал **М. Максименко**, руководитель Главного управления собственной безопасности СКР (арестован в 2016 г., осужден в 2018-м по обвинению в получении взятки к 13 годам колонии строгого режима и штрафу в размере 165 млн рублей, вину не признал); **хозяйственники**, занимающие хлебные места: бывший руководитель ФГУП «РСУ МВД России» **А. Смык** (задержан в декабре 2018-го за злоупотребление полномочиями), замкомандующего **ВВ В. Варчук** (арестован в марте 2017-го за получение взятки в особо крупном размере, приговорен в июле 2018-го к шести годам колонии строгого режима), замглавы ФСИН **О. Коршунов** (арестован в сентябре 2017-го за взятки), замминистра культуры **Г. Пирумов** (арестован в 2016-м, в 2017-м получивший срок полтора года и выпущенный в зале суда, а в 2018-м снова задержанный, уже по другому делу), руководителя ФТС, Спецстроя и пр.; **устраняемые конкуренты и непонятливые или несговорчивые обладатели привлекательных позиций** (губернатор Сахалина А. Хорошавин, руководитель ФСО на Кавказе **Г. Лопырёв** (задержан в ноябре 2016-го, приговорен в ноябре 2017-го по обвинению в получении взяток к 10 годам колонии и штрафу 150 млн рублей, в июне 2018-го решением суда конфисковано имущество генерала и его родственников на 200 млн рублей), замминистра энергетики **В. Кравченко** (задержан в январе 2019-го и отпущен под подписку о невыезде), **В. Ишутин** — несостоявшийся глава Росийского экологического оператора).

Риски многократно возрастают при жесткой смене главы корпорации, будь то ФСО (2016), Росгвардия (2016), МЧС (2018), которая обычно предваряется и сопровождается репрессиями. Формирование нового правительства в 2018 г. послужило дополнительным катализатором чисток на уровне федеральных агентств: Ростехнадзора, Росимущества, Росалкогольрегулирования со сменой руководства.

В случае репрессий мы имеем не просто наказания наиболее провинившихся, а сигнал определенной группе элиты, т.е. это механизм коммуникации и обеспечения лояльности в авторитарной системе. Кто может послать такой сигнал? Государство — Кремль или какая-то его башня, а также тот, кто смог приватизировать силовой ресурс. Репрессируемый в этой ситуации не человек, а функция — носитель информации и расходный материал. Свежий пример — борьба за позицию главы публично-пра-

вовай компании «Российский экологический оператор», по ходу которой бизнес-партнера кандидата, поддерживаемого вице-премьером А. Гордеевым, арестовали, а кандидат покинул Россию; другого успешного кандидата лоббировал работающий в «мусорном бизнесе» И. Чайка, сын генпрокурора¹. При том что репрессируемые имеют Ф.И.О., адресат репрессий — не персона, а определенная группа элиты.

Если адресатами репрессий являются не конкретные персоны, а слои и группы, то как происходит персональный отбор жертв? Самый простой вариант, когда за персоной уже есть какие-то грешки, на которые до поры закрывают глаза. Но в неонеменклатурной системе (ННС) можно наказать практически каждого, кто является частью системы и пользуется ее благами. Вне ННС те, кто получает бюджетные деньги, подпадают под жесткий контроль и всегда могут быть наказаны за нарушения при расходовании выделенных средств. Это демонстрирует, например, дело К. Серебренникова, задержанного в августе 2017 г. по делу о хищениях в «Седьмой студии»².

С региональными элитами проще, материалы на них собираются ФСБ в постоянном режиме. С федеральными сложнее — проверка, оперативная разработка, взять чиновника среднего звена с какими-то прегрешениями, поугатать сроком и предложить сделку со следствием в обмен на показания на вышестоящих начальников и т.д.³ Особенно часто по этой модели осуществляются репрессии в силовых и полусиловых структурах: ФТС, СКР, МВД. В случае региональных элит соответствующие технологии были отработаны на мэрах, репрессии против которых, начиная с середины нулевых, носили систематический характер, а массово стали возможны с окончательным введением системы горизонтальной ротации федералов в регионе с середины 2010-х годов.

¹ См.: Отходная спецоперация. В назначение руководства «Российского экологического оператора» вмешались силовики // «Коммерсантъ». 2019. 13 фев. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3882121>

² Процесс по делу «Седьмой студии» начался в октябре 2018 г. и на момент подготовки статьи 1 марта 2019 г. не был завершен.

³ Вот что, например, заявил на суде В. Бызов, глава администрации и правая рука руководителя Хакасии, в недавнем прошлом замначальника регионального УФСБ, задержанный в декабре 2016 г., а в феврале 2018-го осужденный за взятку на девять лет: «Со мной неоднократно беседовал заместитель начальника ФСБ, полковник Шавронский, который предлагал мне оклеветать главу Хакасии Зимина, а 17 февраля предъявил ежедневник, сказал: “Вот здесь указаны фамилии. Ты получишь 20 лет. С учетом твоего здоровья на свободу ты не выйдешь. Торгуйся”, — сказали мне». URL: <http://abakan.bezformata.com/listnews/bizov-mne-predlagali-dat/57406874/>, дата обращения 01.03.2019.

Репрессивная машина

Одним из главных результатов репрессий является мощная репрессивная машина, включающая сотни и тысячи оперативников и следователей из ФСБ, СКР, МВД — по две-три сотни на каждое крупное дело. На самом деле в работу машины вовлечены многие тысячи, речь же здесь только о головке, а не о тех, кто выполняет более технические функции. Их, эту головку, трудно назвать причиной, это причина по функциям, но не по постоянному статусу, своего рода «вахтовая причина», которую Кремль постоянно перетасовывает и время от времени меняет. Впрочем, и в отсутствие стабильности и постоянных бенефициаров в репрессивной системе репрессии задают соответствующую корпоративную мораль повсеместно, а не только среди тех, кто непосредственно в них вовлечен.

Важную роль в работе репрессивной машины играет судебная система, деградация которой в результате репрессий не позволяет рассчитывать на радикальное улучшение ситуации даже при полном прекращении самих репрессий. Кстати, не случайно именно судебские являются чемпионами-долгожителями. Так В. Лебедев возглавляет Верховный суд России с 1989 г., а председатель Мосгорсуда О. Егорова, близкая в свое время к всеильному мэру Москвы Ю. Лужкову, находится на посту с 2000 г.

Ключевую роль в осуществлении репрессий играет ФСБ, часто в подспорье с СКР или со Следственным комитетом МВД, прокуратура и суды — важную, но служебную. Заметим, что все эти ведомства не попали и в первую волну чисток руководства силового блока в 2016 г. ФСБ в лице центральных или региональных структур выступает в роли застрельщика, СКР и прокуратура — реализаторы. ФСБ и особенно персоны, непосредственно осуществляющие руководство репрессиями, обычно остаются за кадром. Лишь потом, часто после их перемещения или отставки, мы узнаем какие-то детали, вроде пресловутого «сечинского спецназа» — 6-й службе УСБ ФСБ во главе с генералом О. Феоктистовым, а затем его преемником И. Ткачевым, стоявшим за всеми резонансными делами последних лет⁴... Не стоит, однако, демонизировать конкретных персонажей, они

⁴ О. Феоктистов, вышедший из тени на свет в связи с делом Улюкаева, был отправлен в отставку, а И. Ткачев, который, по его собственным словам, «работал по всем губернаторам, по всем главам, по всем краям», возглавляет в настоящее время управление «К» Службы экономической безопасности ФСБ.

лишь винтики, пусть и важные, большой репрессивной машины.

Суды в подавляющем большинстве случаев соглашаются с позицией гособвинения. Репрессивная машина практически всегда работает с жесткой механической предопределенностью, без сбоев. Уж если процесс запущен, то результативность гарантирована, вопрос лишь в жесткости наказания¹. Единственная возможность результативного вмешательства — в самом начале, скажем, между задержанием оперативниками и решением суда о заключении под стражу. Впрочем, если жертва не самоценна, а лишь способ подобраться к более важной фигуре, возможны варианты.

Как управляется и насколько вообще управляем процесс? В каждом конкретном случае можно найти конфликтующих представителей элиты и т.д. Это было, есть и будет. Это как «деревья и лес» с искушением определить того, кто сделал политический заказ на конкретного репрессируемого, найти ситуативно-рациональное объяснение происходящему. Другое дело, что отмашку на использование карательной дубины — своего рода лицензию на репрессию — можно получить только с самого верха. Компромат на представителей элиты собирается следственными структурами и подается наверх. Там сходятся, и запросы конкурирующих элит поверяются соображениями политической целесообразности...

Предыдущими репрессиями создана ситуация, когда предложений со стороны, например бизнеса и силовиков, много. Нужно, однако, чтобы это предложение встретило политический спрос, и тогда репрессии реализуется. Так, за бизнес-конфликтом с менеджерами инвестиционного фонда Baring Vostok стоит не столько использование силового ресурса для решения бизнес-спора, сколько спрос со стороны политической власти на демонстрацию американцам, что если они могут прессовать российский бизнес, превращая его представителей в разменную монету в политических играх, то и Россия может им ответить тем же, и что обращаясь в случае бизнес-конфликта в международные суды, делу не поможешь.

Показательным примером общей картины репрессий и того, как их механика выглядит изнутри, могут служить чистки курганских силовиков в 2015–2017 гг. В Курганской области кроме **Игоря Решетникова**, возглавлявшего областное УМВД с 2011 по 2015 г., отправленного

¹ Здесь уместно напомнить пресловутое путинское «Посадки где?», адресованное им силовикам в середине 2009 г.

в отставку и потом получившего срок три года условно, были арестованы два его зама — **Андрей Алешкин** и **Максим Шевелев** (начальник УЭБиПК по области), которые в итоге получили сроки в 10 и 9 лет лишения свободы. В 2016-м арестован и впоследствии осужден на три года глава УФНС **Юрий Касьяненко**. В 2017 г. на основании информации из ФСБ уволен начальник УФСИН **Ильгиз Ильясов**, заявивший в интервью: «Начальнику ФСБ надо уехать из Кургана, а начальнику СУ СК — получить генерала. Поэтому они “срубят палку” на еще одном руководителе по территориальному органу и получают свои награды». И. Решетников же, обвиняемый в злоупотреблении должностными полномочиями, в своем последнем слове на суде заявил, что разочаровался в государстве, и обвинил ФСБ в крышевании преступных группировок на территории Зауралья². Что касается эпизодов обвинения, Игорь Решетников отметил, что если его действия являются преступными, то силовики обязаны организовать уголовное преследование большинства руководителей и региональных, и федеральных ведомств, а возможно, речь идет и о государственном уровне.

Репрессии или борьба с коррупцией?

Обвинение в коррупции — наиболее удобное, хотя и не единственное, обвинение, которое можно инкриминировать любому управленцу. Из других распространенных обвинений можно отметить создание организованных преступных сообществ с целью обогащения, нанесение ущерба государству путем незаконной передачи средств, собственности, участков и пр., превышение должностных полномочий. Генералам-силовикам часто инкриминируется также незаконное хранение боеприпасов, обнаруженных при обыске.

Говорить о контрэлитных репрессиях, лишь закамуфлированных под «борьбу с коррупцией», можно по ряду причин. Во-первых, в силу избирательности обвинений. Во-вторых, в силу их демонстративного и часто жестокого характера обращения с фигурантами. В-третьих, в силу особенностей самих су-

² «Столкнувшись с таким отношением к себе со стороны псевдоборцов с коррупцией в лице прокурора (Алексея) Киселева, руководства прокуратуры области, следователя Кондратьева, его руководителя (Петра) Крупени, начальника ФСБ (Дмитрия) Сивака, я заявляю о глубочайшем разочаровании родным мне государством. О разочаровании применения этими лицами самой возможности использования закона в своих интересах», — подчеркнул Игорь Решетников. URL: <https://ura.news/news/1052282454>

дебных процессов, характеризующихся заранее заданным результатом, слабостью доказательной базы, произвольным толкованием законодательных норм и существом рассматриваемых обстоятельств. Наконец, обращает на себя внимание как давность инкриминируемого преступления, так и несоразмерность его статусу обвиняемых.

Напомним, что в действиях главы ГУЭ-БиПК генерала **Д. Сугрובה**, приговоренного в апреле 2017 г. к 22 годам колонии¹, следствие не нашло корыстных мотивов, в предъявленном ему обвинении значилось создание преступного сообщества исключительно с целью завышения статистических показателей раскрываемости преступлений коррупционной направленности, а также получения правительственных наград и благодарственных грамот². Бывший заместитель министра, статс-секретарь МЧС генерал-полковник **В. Артамонов** и глава НИИ МЧС генерал-майор **В. Акимов** были осуждены в июне 2017 г. на три года условно за фиктивное трудоустройство супруги первого в НИИ с незаконным получением ею 1,3 млн рублей. Бывший командир спецгруппы «Вымпел» генерал-майор **ФСБ В. Подольский** и экс-полковник службы экономической безопасности **ФСБ С. Горбунов** получили в декабре 2017-го по четыре года колонии за фиктивное устройство их человека во ФГУП «Ведомственная охрана объектов промышленности Российской Федерации», благодаря чему им досталось 3,3 млн рублей. Замминистра энергетики **В. Кравченко** ушел в конце 2018-го в отставку и был обвинен в хищении 9 млн рублей путем фиктивного трудоустройства своей знакомой.

Заметим, что неонаменклатурная система, с одной стороны, позволяет покупать лояльность элит, обеспечивая их благами по внутренним ценам, нормам и порядкам, расходящимся с внешними, в том числе и с нормами закона, а с другой — дает возможность в любой момент наказать любого представителя системы.

Работа с общественным мнением

Репрессии носят во многом демонстративный, показательный характер, поэтому большое значение имеют их освещение и восприятие общественным мнением.

Поддача: осторожное подыгрывание антиэлитным настроениям и запросу на обновление, но не нагнетание; дистанцирование **В. Путина**; никаких пламенных борцов с коррупцией вроде

перестроечных **Гдлья** и **Иванова**. Одновременно власть выдавливает с политического поля неуправляемые антикоррупционные структуры вроде **ФБК** и **Transparency International** и раскручивает **ГОНГО**.

Опросы «Левада-Центра» показывают спокойное восприятие общественным мнением репрессий как против элиты, так и против **ГО**. Перечисляя главные события года, люди вспомнили: в 2012 г. — ноябрьскую отставку министра обороны **А. Сердюкова** и коррупционные скандалы в **МО** и **Минсельхозе** (23% + 18%), в 2013-м — расследование уголовных дел, касающихся **Оборонсервиса** и **А. Сердюкова** (25%), в 2016-м — ноябрьский же арест **А. Улюкаева** и поразившую воображение сумму, обнаруженную в связи с делом **Д. Захарченко** (18% + 13%), в 2018-м — массовые аресты коррумпированных чиновников и чистки в **Дагестане** (12%). Остальные события оказываются в пределах статистической погрешности; заметно, что контрэлитные репрессии привлекают большее внимание, чем репрессии против политической оппозиции и **ГО**. Можно говорить, что, с одной стороны, у людей притупилось восприятие репрессий, а с другой — репрессии не особенно присутствуют в официальном медийном пространстве.

2012 — 23% — отставка **А. Сердюкова** с поста министра обороны России, 18% — коррупционные скандалы вокруг Министерства обороны и Министерства сельского хозяйства.

2013 — 25% — расследование уголовных дел, касающихся **Оборонсервиса/А. Сердюкова**, 15% — принятие законов, запрещающих чиновникам иметь счета, собственность и иные ценности за рубежом, 5% — прокурорские проверки в некоммерческих организациях, 5% — суды по «Болотному делу».

2014 — 3% заметили репрессии против оппозиции (**Навальный**, **Удальцов**, **НКО-иноагенты**).

2015 — 5% — публикация расследования Фонда борьбы с коррупцией о связи семьи генерального прокурора России **Ю. Чайки** с организованной преступностью, 4% — освобождение по УДО **Е. Васильевой**, осужденной по делу «Оборонсервиса».

2016 — 18% — арест министра экономического развития **А. Улюкаева** по обвинению в получении взятки, 13% — арест заместителя начальника антикоррупционного комитета **МВД Д. Захарченко** / изъятие 9 млрд рублей, 3% — усиление давления власти на общественные и некоммерческие организации.

¹ В декабре 2017 г. Верховный суд снизил ему наказание до 12 лет.

² См.: <https://www.gazeta.ru/social/2016/12/13/10424009.shtml>

2017 — 1% — борьба с коррупцией / арест А. Улюкаева / смена руководителей регионов.

2018 — 12% — коррупционные скандалы в космической отрасли, аварии при запуске ракеты-носителя «Союз», 12% — массовые аресты коррумпированных чиновников и чистки в Дагестане, 2% — процесс над К. Серебренниковым.

И элиты, и общественное мнение оказались не готовы организованно противостоять репрессиям. Попытки были в начале развертывания репрессий, когда в 2014 г. группа генералов МВД подписала письмо в поддержку арестованных коллег из ГУЭБиПК (один из них в следующем году был арестован и осужден за финансовые нарушения при ремонте здания управления МВД), и в 2015-м, когда были общественные протесты по поводу ареста сахалинского губернатора А. Хорошавина. Больше публичных протестов, элитных или общественных, не было. Если, конечно, не считать выступления театральной и — шире — интеллектуальной элиты в защиту К. Серебренникова, находившегося под домашним арестом с августа 2017 г. по апрель 2019 г.¹

Судебные дела как окно в систему

В закрытой политической системе, каковой во все большей степени является российская, инкриминирование тому или иному чиновнику как преступного деяния того, что в повседневной жизни совершает любой управленец, и вынесение на всеобщее рассмотрение обстоятельств дела позволяют лучше понять особенности внутреннего устройства системы и ее функционирования. Демонстративно наказывая не наиболее проштрафившихся, а наименее защищенных, система фактически занимается политическим эксгибиционизмом.

«Обычные» руководители госкомпаний и бюджетных учреждений, включая и силовиков, имеют свой собственный или дружественно-партнерский бизнес, в случае силовиков часто полукриминальный. Используя свой административный ресурс, они помогают ему как напрямую, выделяя на привилегированных условиях землю, здания и пр., обеспечивая контракты, квоты и госсубсидии и пр., так и оказывая давление на конкурентов.

«Честные» начальники устраивают своих близких родственников на фиктивную работу; то же практикуют любые руководители для получения наличных, используемых на доплаты подчиненным, оплату услуг и пр., без чего

нормальная работа учреждений практически невозможна. Соответственно на этом можно поймать практически каждого управленца, а военных еще и на хранении патронов или незадокументированного оружия.

Система сначала вынуждает нарушать закон для обеспечения нормальной хозяйственной деятельности, а потом он уже с легкостью нарушается, в том числе и для личного обогащения. Одновременно сотрудники правоохранительных и контрольных органов провоцируются на взимание мзды за укрывание этих нарушений. Все это дает возможность вполне законно наказывать практически любого чиновника. Они же по команде сверху обеспечивают силовое прикрытие «правильного» бизнеса и давление на «неправильный» и уже в своих интересах оповещают дружественный бизнес о предстоящих проверках и всячески прикрывают его.

В регионах де-факто восстановлена советская система двух основных вертикалей: административной и чекистской, причем последняя действует без какого бы то ни было контроля, не только общественного, но и «партийного», как в советское время. Руководство управлений ФСБ играют ключевую роль, собирая компромат на всех высокопоставленных федералов и регионалов, используя массовую прослушку, вербовку совершивших правонарушения сотрудников силовых и правоохранительных органов среднего звена, угрожая им жесткими наказаниями и предлагая сделки со следствием в случае дачи показаний на начальников. Делают они это в интересах системы, не забывая и о себе.

На Северном Кавказе, как это показали недавние скандальные дела в Дагестане и Карачаево-Черкесии, силовой и административный ресурсы и вовсе приватизированы крупными бизнес-кланами криминальной и полукриминальной природы.

Силовики часто разобщены между собой, обычно воспроизводится, тоже советского еще времени, конфликт между ФСБ (тогда КГБ) и МВД. Движущими мотивами в конфликтах, которые могут выливаться в низового уровня репрессии, является, с одной стороны, конкуренция за контроль над бизнесом, а с другой — соображения карьеры и желание заработать «палку». Кроме того, сами силовики тоже разные — условно «хозяйственники» и «строевики». Последние, часто не имея теневых доходов, идут на ухищрения и подтасовки, чтобы, скажем, на 10–20 тысяч рублей повысить свою

¹ Суд по делу «Седьмой студии» идет в настоящее время.

пенсию, как это, например, вскрылось в уже упоминавшейся Курганской области.

Губернаторы и их замы по внутренней политике собирают с бизнеса деньги на финансирование политических кампаний и разного рода партийные и прочие проекты власти, способствуют включению в разного рода государственные программы и кредитование со стороны госбанков близкого им бизнеса. Свою роль «смотрящих» от федерального центра они обычно совмещают с ролью «смотрящих» от крупных бизнес-групп и корпораций. С некоторых пор в большинстве региональных администраций введена еще и должность замглавы по взаимодействию с силовыми и правоохранительными структурами, которую, как правило, занимают авторитетные отставные силовики.

Эффект

Прямым результатом репрессий является запугивание элит, «натаскивание их на кровь», раскулачивание, чтобы было чем кормиться новым, выбраковка «не-борзых», как в свое время с прокурорами во времена «приведения регионального законодательства в соответствие федеральному», сбор и накопление компромата, чтобы обеспечить лояльность больших начальников, того же всесильного главы ФСО Е. Мурова, в том числе и после ухода с постов.

Дозированные репрессии могут выполнять и функцию строгого ошейника, обеспечивающего текущий внешний контроль над какой-то корпорацией или патрональной сетью, когда стоит задача не радикально изменить ситуацию, а обеспечить над ней дистанционный контроль. Это видно в делах ГУЭБиПК/МВД, Рочдельской/СКР, Минкульт, РОСНАНО.

Системных бенефициаров репрессий среди элит нет, кроме, возможно, узкого круга приближенных к лидеру и молодых-голодных, которым репрессии расширяют пространство возможностей.

Результатами репрессий в отношении элиты являются подрыв доверия к ней как институту со стороны общества, падение социального капитала и рост разобщенности элит, исключаящие не только возможность организованного сопротивления, но любую мобилизацию, в том числе для реализации задач, которые ставит власть. О том, что это реальный фактор политической трансформации, а не умозрительные соображения, говорят проигрыши кандидатов власти на региональных выборах сентября 2018 г. в тех регионах, где осуществлялись мас-

штабные контрэлитные репрессии: в Приморском и Хабаровском краях, в Хакасии, во Владимирской области.

Виды на будущее

Нарастание репрессивности в управлении — это, с одной стороны, естественный результат, а с другой — механизм перехода к более жесткому авторитарному режиму. Активно работающая репрессивная машина не только масштабна, но и работает на все увеличивающихся оборотах. Она не просто сама себя поддерживает и воспроизводит, но и привела к таким органическим изменениям правоохранительной системы, которые обуславливают большую инерционность и неснижение репрессивности в ближайшие годы. Вопрос только в том, насколько это может сочетаться с обеспечением в системе необходимого уровня управляемости.

Для понимания природы репрессий, механизма их развития и перспектив на будущее важно видеть их в более широком политическом контексте, понимать, что, как и в 1930–1940-е гг., репрессии — не эксцесс, а ключевой элемент неономенклатурной системы. Не утомляя читателя ее подробным описанием¹, замечу только, что именно установление режима репрессий можно считать завершением построения ННС, состоявшимся после 2014 г. ННС без репрессий, с «человеческим лицом» быть не может. После Крыма произошло окончательное превращение претендующей на некоторую самостоятельную политическую роль «элиты» в жестко управляемую «номенклатуру», причем «номенклатурные блага» стали тем крючком, который позволяет обеспечить полную персональную зависимость и безусловную лояльность, превращая систему в гигантскую организованную преступную группировку. А репрессии в этой номенклатурной системе призваны не только заместить публичную политическую конкуренцию, но и обеспечить необходимую прочность путем создания внутренних напряжений.

К сожалению, нет оснований полагать, что в скором будущем — до завершения текущего президентского срока в 2024 г. или ухода В. Путина с политической сцены — репрессии сойдут на нет. Во-первых, репрессии — это не девиация и не результат чьей-то злой воли, а системный механизм. Система на них подседа, и при

¹ См.: *Petrov N. Putin's neo-nomenklatura system and its evolution, in: Stubborn Structures: Study in Reconceptualizing Post-Communist Regimes.* NY, Budapest: Central European University Press, 2018. Ch. 5. P. 179–215.

отсутствии улучшения социально-экономической ситуации репрессии не будут сокращаться. Маловероятно их ослабление и при улучшении ситуации, если только одновременно не будет происходить выход из конфронтации и улучшение отношений с Западом.

Репрессии — это политический институт, важный для поддержания режима ужесточающегося авторитаризма, и демонтировать его без создания других институтов и изменения характера режима невозможно. Последнее же — процесс и длительный, и сложный.

Во-вторых, репрессии обладают большой инерцией. И дело не только в том, что, даже если прекратить запуск новых репрессий, тех репрессий, что уже идут, хватит еще как минимум на пару лет. Дело в том, что репрессивная машина, с одной стороны, и репрессивная культура, с другой, — важные факторы сохранения репрессий. Репрессии — это власть, механизм ее осуществления, и те звенья системы, что ее приобрели, вряд ли с легкостью с ней расстанутся.

Наконец, уровень репрессий зависит и от легитимности. 2014 г., как мы уже писали, стал поворотным пунктом в силу новой путинской легитимности, сделавшей лидера менее зависимым от элиты. Сегодня эта легитимность вернулась к докрымскому уровню. Если ее удастся подлатать — уровень репрессий останется прежним, если нет — система будет их наращивать.

Отсюда на перспективу просматриваются два главных варианта. В качестве своего рода эволюционного пути при изменении конструкции режима можно видеть приостановление раскручивания спирали и начало ее движения в обратную сторону. Второй вариант — спираль, как в воронку, все больше и больше втягивает всю систему, ведя к ее деградации и в конечном счете кризису и ломке.

Список литературы

1. *Алексащенко С., Баев П., Кынев А., Петров Н., Рогов К.* (под ред. К. Рогова): крепость врастает в землю год после выборов: стратегии, вызовы, тренды // URL: <http://www.liberal.ru/upload/files/krepost.pdf>
2. *Бояркина А.* Экс-начальник полиции Зауралья обвинил ФСБ в «крышевании» нелегального бизнеса. «Есть факты» // «Ura.ru». 23 марта 2017 г. URL: <https://ura.news/news/1052282454>

3. *Ващенко В.* «Создал преступную группу, чтобы повесить раскрываемость». // «Газета.ru». 13 декабря 2016 г. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/12/13/10424009.shtml>
4. Владимир Бызов: «Мне предлагали дать показания на главу Хакасии» // «Без формата». 17 мая 2017 г. URL: <http://abakan.bezformata.com/listnews/bizov-mne-predlagali-dat/57406874/>, дата обращения 01.03.2019.
5. *Нелюбин С.* Кто «закрыл» Гайзера? // «Общая газета». 22 сентября 2018 г. URL: <https://og.ru/politics/2015/09/22/kto-zakryl-gayzera>
6. Отходная спецоперация. В назначение руководства «Российского экологического оператора» вмешались силовики // «Коммерсантъ». 13 февраля 2019 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3882121>
7. Политическое развитие России. 2014–2016: Институты и практики авторитарной консолидации / под ред. К. Рогова. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2016 г. 216 с. URL: http://www.liberal.ru/upload/files/Prakticheskoe_razivitie_Rossii.pdf
8. *Становая Т.* Политическая дивергенция. Почему опоры путинского режима стали бороться друг с другом. 14 мая 2019 г. URL: <https://carnegie.ru/commentary/79112>
9. *Сурков В.* Долгое государство Путина. О том, что здесь вообще происходит // «Независимая газета». 11 февраля 2019 г.
10. *Тулский М.* В период оттепели Медведева репрессированы 50 оппозиционных мэров // «Эхо Москвы». 2 ноября 2011 г. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/tulsky/826429-echo/>
11. *Guriev S., Treisman D.* How Modern Dictators Survive: An Informational Theory of the New Authoritarianism. URL: <https://www.tse-fr.eu/sites/default/files/TSE/documents/sem2016/development/guriev.pdf>
12. *Petrov N.* Putin's neo-nomenclatura system and its evolution, in: *Stubborn Structures: Study in Reconceptualizing Post-Communist Regimes.* NY, Budapest: Central European University Press, 2018 г. Ch. 5. P. 179–215.
13. *Russia 2025: Scenarios for the Future* / Ed. by Maria Lipman, Nikolay Petrov. L.: Palgrave Macmillan, 2013.
14. *Treisman D., ed.* *The New Autocracy. Information, Politics, and Policy in Putin's Russia,* 2018. URL: <https://www.brookings.edu/book/the-new-autocracy/>

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

Субъективное восприятие экономической динамики: актуальные оценки и факторы их формирования

Измерение и анализ динамики и структуры мнений людей по социально-экономическим вопросам (доходам и потреблению семей, ситуации на рынке труда, возможностям индивидуального предпринимательства и прочим сторонам жизни, непосредственно касающимся каждого члена общества, в том числе общеэкономическим (макроэкономическим) оценкам) представляют самостоятельную ценность, поскольку дают новый источник информации о состоянии экономики страны, независимый от экономической статистики, финансовых индикаторов и т.п. В условиях возрастающих трудностей получения валидной экономической информации важен любой дополнительный источник. Особая ценность этих субъективных данных состоит в том, что они получены от непосредственных участников социально-экономических отношений на микроуровне. Обобщенное мнение людей об уровне жизни их семей и экономической ситуации в стране позволяет верифицировать количественные параметры экономической статистики. Например, если, как недавно выяснило руководство страны, население «не видит» экономического роста, этому должно быть объяснение — либо роста нет, либо он недостаточен для того, чтобы изменить сложившийся вектор оценок.

Помимо того, представления людей о материальных условиях собственной жизни, субъективные оценки состояния экономики страны в целом являются важными факторами формирования общественных настроений. В последние годы, на фоне патриотической мобилизации общественного мнения в связи с присоединением Крыма, стало популярно обсуждение дилеммы «телевизор — холодильник». Противопоставление личного бытового опыта и информационных потоков, также являющихся повседневным фоном существования всех членов общества, вряд ли конструктивно. Для понимания процессов формирования субъективных оценок целесообразнее изучить их взаимосвязь, определить относительную важность

и степень влияния, которые, к слову, могут меняться в зависимости от контекста.

Вне зависимости от решения вышеупомянутой дилеммы материальные обстоятельства жизни людей, которые в обобщенном виде часто описываются словами «уровень жизни», и субъективное их восприятие, мнения людей по поводу экономического развития страны в целом «по умолчанию» рассматриваются исследователями как существенный фактор формирования социального климата, общественных настроений.

Если субъективные оценки собственного уровня жизни представляются надежно основанными на повседневном личном опыте, то мнения людей о состоянии экономики страны в целом, даже на более приземленном уровне города или региона, кажутся не столь надежными и обоснованными. Действительно, опыт анализа данных опросов населения показывает, что ответы на вопросы о собственном уровне жизни¹ вызывают гораздо меньше затруднений у респондентов по сравнению с общеэкономическими вопросами, касающимися положения в стране и т.п. Это выражается в заметно более высоком уровне затруднившихся с ответом во втором случае.

Цель настоящей работы — прояснить (оставаясь в рамках субъективного восприятия), на чем люди основывают мнения о состоянии экономики страны и как они оценивают ее динамику в последние десятилетия.

Факторы формирования представлений об экономике страны

Мнения людей о тех или иных процессах или явлениях всегда формируются под влиянием множества факторов. Нормативно-ценностные представления образуют основу, рамку восприятия различных источников информации, на основе которой люди выстраивают (не всегда осознанно) представления об окружающей

¹ Кроме величины денежных доходов семьи, которую респонденты часто предпочитают не раскрывать в ходе опросов.

жизни. Воспринимаемая человеком информация многообразна, идет из разных источников, характеризуется разным уровнем обобщения и экспертного знания. Объект изучения, в отношении которого учитывается и осмысливается вся доступная информация, также задает ее рамки. Применительно к субъективным мнениям об экономике страны (объекте, который, очевидно, в полном объеме выходит за пределы личного опыта человека и требует для своей оценки экспертного знания) представляется важным определить прежде всего границы, характер значимости мнений и представления, которые люди могут высказывать, а затем относительную важность, степень влияния разной информации на формирования этих представлений.

Можно выделить два основных информационных потока, которые оказывают значимое влияние на формирование представлений людей о состоянии экономики страны:

- личный повседневный бытовой опыт, отражающий участие человека в экономической жизни (как потребителя, работника, получателя госуслуг, частного инвестора и проч.);
- обобщающие индикаторы динамики экономики страны (как правило, речь идет о нескольких наиболее популярных статистических индикаторах, а также индексах финансового рынка).

Самостоятельная роль часто отводится средствам массовой информации, которые не только являются медиаторами мнений экспертного сообщества, участников экономической жизни (государства и правительственных органов, объединений представителей бизнеса, работников, общественных организаций), но могут исполнять собственную роль, целенаправленно подбирая и презентуя транслируемую информацию. Последнее особенно относится к Интернету, социальным сетям.

Скепсис в отношении данных опросов общественного мнения в части оценки экономической динамики, как правило, основан на том, что население не обладает достаточным уровнем экспертизы и его оценки не могут рассматриваться как надежные индикаторы. Это значит, что оценки населения лишь отражают уровень распространенности отдельных экспертных суждений и/или идеологических установок, растиражированных СМИ. Такая логика явно или неявно исходит из того, что мнения обычных людей об экономике страны «приравниваются» к экспертным оценкам, т.е. обычным гражданам отказывается в праве на обо-

собленное мнение по данному вопросу. Мы думаем, что эта посылка неверна. Обобщенное мнение — это совокупная позиция непосредственных участников экономической жизни, которые являются носителями и выразителями субъективных представлений, влияющих на все процессы в экономике страны, в которых они принимают коллективное участие. Сумма индивидуальных субъективных мнений имеет самостоятельное значение, потому что является основой для принятия повседневных решений индивидуальными участниками экономических отношений.

В соответствии с такой трактовкой субъективных представлений об экономическом развитии страны коллективные мнения по этой проблеме будут тем ценнее и надежнее, чем в большей мере будут основаны на личном опыте респондентов.

Для определения значимости различных информационных потоков, которые могут влиять на формирование мнений об экономике страны, респондентам было предложено оценить степень важности каждого вида информации и характеристик положения дел по четырехпозиционной шкале, где 1 — «самая важная информация», 4 — «совершенно не важная» (табл. 1).

Сравнение субъективной степени важности различной информации для формирования суждений о состоянии экономики страны уже на уровне средних оценок подтверждает гипотезу: люди в первую очередь ориентируются на личный опыт — денежные доходы семьи и в целом возможности поддерживать привычный уровень жизни. Показательным является заметно более высокая значимость затрат на текущее обслуживание жилья по сравнению со стоимостью его приобретения, характерная для относительно бедного в своей массе российского населения.

Вторую группу менее значимых (менее влиятельных) факторов формирования оценок составляют обобщающие индикаторы — те немногие профессиональные, экспертные показатели экономической динамики, которые по мере развития информационного общества и улучшения финансово-экономической грамотности населения становятся знакомыми широким слоям населения. Субъективная значимость этих обобщающих индикаторов во многом зависит от степени их связи с личным опытом. Более значимыми оказываются такие показатели, как индекс потребительских цен (ИПЦ) и уровень безработицы. Наименее ин-

Таблица 1

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ВАЖНОСТИ РАЗЛИЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ХАРАКТЕРИСТИК, ВЛИЯЮЩИХ НА ОЦЕНКУ РЕСПОНДЕНТАМИ СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ. СРЕДНЯЯ ОЦЕНКА ПО ЧЕТЫРЕХБАЛЛЬНОЙ ШКАЛЕ, ГДЕ 1 — «САМАЯ ВАЖНАЯ», А 4 — «СОВЕРШЕННО НЕ ВАЖНАЯ» (данные опроса городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в марте 2016 г., N = 1600)

	Среднее по шкале от 1 до 4
Денежные доходы вашей семьи	1,4
Ваши возможности поддерживать привычный уровень жизни	1,6
Стоимость жилищно-коммунальных услуг	1,6
Темпы роста потребительских цен, инфляции — индекс потребительских цен изменения курса доллара и евро	1,9
Уровень безработицы — число безработных по методологии международной организации труда	2,2
Цены на нефть на мировых рынках	2,4
Цены на покупку жилья там, где вы живете	2,4
Сообщения СМИ о решениях правительства и президента по экономическим вопросам, об экономических успехах или проблема отечественной экономики	2,5
Объем валового внутреннего продукта (ВВП)	2,9
Биржевые индексы: ММВБ (Московской межбанковской валютной биржи), РТС (Российской товарно-сырьевой биржи)	3,1

формативными оказываются показатели, характеризующие состояние финансового рынка (биржевые индексы).

Кроме того, обнаруживается связь субъективной значимости разных источников информации и общих оценок экономической динамики: значимость личного опыта выше среди респондентов, которые дают негативную оценку текущего развития. Напротив, те, кто видит успехи в экономике страны, придают большую важность внешней информации, публикуемым экономическим и финансовым показателям состояния экономики (рис. 1). Различия невелики, но хорошо укладываются в общую логику формирования общественного мнения в современной России — ориентация на внешние, не зависящие от человека обстоятельства позволяет в некоторых случаях компенсировать негативное воздействие повседневного опыта¹. В 2016 г., когда проходило данное исследование, общеэкономическая ситуация была не слишком благоприятной, уже начало проходить мобилизационное воодушевление, вызванное присоединением Крыма. Более половины опрошенных отвечали, что «экономическая ситуация в России становится хуже» (52%). Сторонников противоположного мнения было на порядок меньше: о том, что «экономическая

ситуация в России улучшается», сообщили 6% опрошенных.

Факторный анализ исходных данных подтверждает это разделение общего информационного потока на две составляющие (табл. 2), которые позволяют учитывать более половины вариации всех признаков. Почти треть вариации (31%) описывает фактор, объединяющий все внешние индикаторы (мировые цены на нефть, экономические и финансовые показатели, включая показатели инфляции и безработицы, цены на покупку жилья и др.). Наименьшее значение/вес в этом факторе оказывается у СМИ, однако формально этот индикатор/переменная ближе к данному фактору, нежели ко второму, связанному с личным опытом. Переменные, связанные с денежными доходами семьи, стоимостью жилищно-коммунальных услуг, возможностями поддерживать привычный уровень жизни, образуют второй фактор, который объясняет почти четверть вариаций (23%) всех признаков.

Ориентация в первую очередь на личный опыт при оценках положения дел в экономике страны не является уникальной особенностью России. Однако сравнение с похожими исследованиями в США показывает, что в России эта тенденция сейчас более выражена: разрыв в степенях важности отдельных источников информации («личных» и «экспертных», «обоб-

¹ См.: Красильникова М.Д. Отношение к власти в структуре социального самочувствия // Вестник общественного мнения. 2012. № 2.

шенных») более значительный (рис. 2). Такое положение дел логично в контексте очевидных различий в развитии навыков потребительского и финансового поведения населения сравниваемых стран, уровне финансово-экономической грамотности. У жителей России (по сравнению

с США) более ограниченный опыт принятия персональных экономических решений в условиях рыночной экономики, только формируются навыки использования обобщенной информацией об экономике страны. Это приводит к снижению относительной значимости

Рисунок 1

ВАЖНОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ОЦЕНКЕ СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МНЕНИЯ О ТЕКУЩЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ. СРЕДНЯЯ ОЦЕНКА ПО ЧЕТЫРЕХБАЛЛЬНОЙ ШКАЛЕ, ГДЕ 1 — «САМАЯ ВАЖНАЯ», А 4 — «СОВЕРШЕННО НЕ ВАЖНАЯ» (данные опроса городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в марте 2016 г., N = 1600)

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА ОЦЕНОК СТЕПЕНИ ВАЖНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ — ОБЪЯСНЕННАЯ ДИСПЕРСИЯ И ФАКТОРНЫЕ НАГРУЗКИ (данные опроса городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в марте 2016 г., N = 1600)

	1-й фактор	2-й фактор
Объясненная дисперсия, %	31,309	22,829
Факторные нагрузки		
цены на нефть на мировых рынках	0,729	-0,192
уровень безработицы — число безработных по методологии Международной организации труда	0,681	0,024
биржевые индексы: ММВБ	0,677	-0,493
темпы роста потребительских цен, инфляции — индекс потребительских цен	0,644	0,162
объем валового внутреннего продукта (ВВП)	0,642	-0,447
цены на покупку жилья там, где вы живете	0,608	0,079
сообщения СМИ	0,475	-0,105
стоимость жилищно-коммунальных услуг	0,374	0,683
возможности поддерживать привычный уровень жизни	0,25	0,769
денежные доходы вашей семьи	0,231	0,838

сводных экономических индикаторов состояния экономики страны. Эффект усиливается низким уровнем институционального доверия, характерным для жителей России, который в данном случае приводит к подозрениям в намеренном искажении экономической информации, публикуемой официально. В таких условиях значимость личного опыта субъективно усиливается, а иногда и демонстративно противопоставляется официальной информации, тиражируемой СМИ.

Текущие оценки состояния экономики страны, которые жители России дают в последние годы, неизменно оказываются крайне негативными (табл. 3). Пятый год подряд не менее трех четвертей взрослого населения страны сообщают, что экономика страны находится в кризисе.

Изменения в уровне жизни жителей России в последние годы являются беспрецедентными в новейшей истории страны. Впервые на протяжении более чем пяти лет происходит неуклонное снижение личных денежных доходов населения.

Рисунок 2

СРАВНЕНИЕ ВАЖНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ОЦЕНКАХ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В ЭКОНОМИКЕ СТРАНЫ В РОССИИ И США (Россия — опрос городского и сельского населения в возрасте 18+, проведенного в марте 2016 г., N = 1600; США — опрос населения в возрасте 18+, проведенного в январе 2016 г., N = 1000, AP-NORC)

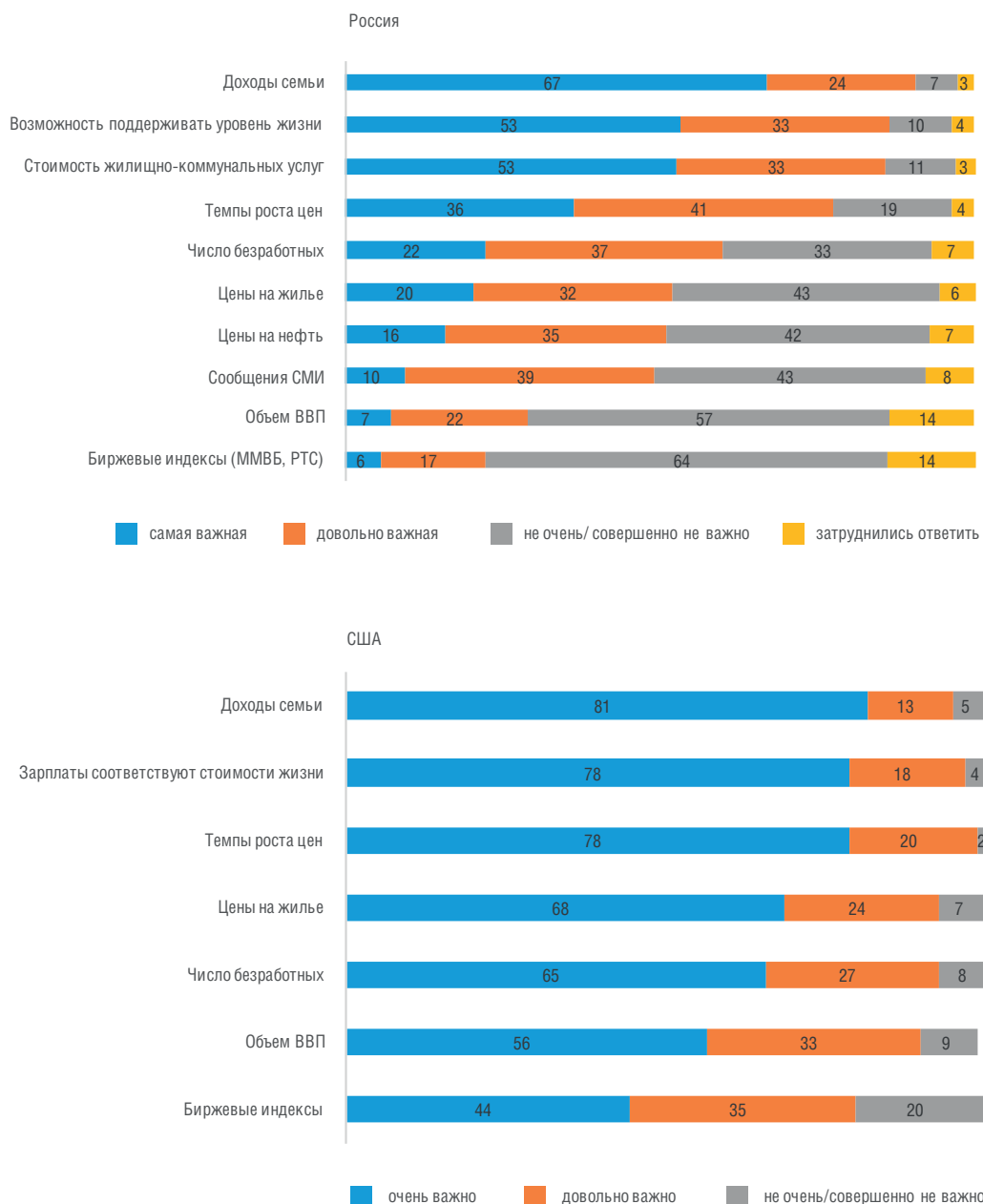

Таблица 3

ДИНАМИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЙ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С МНЕНИЕМ, ЧТО В РОССИИ СЕЙЧАС ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС?» (по данным опросов городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенных «Левада-Центром» в указанные даты, N = 1600 в каждом опросе)

	Дек. 2014 г.*	Дек. 2015 г.	Дек. 2016 г.	Сент. 2017 г.	Авг. 2018 г.
Определенно согласны	31	43	46	47	35
Скорее согласны	21	39	39	35	40
Скорее не согласны	16	10	7	11	15
Определенно не согласны	21	2	3	3	5
Затрудняюсь ответить	12	6	6	4	6

*«Втягивается в кризис».

Безусловно, происходящие процессы воспринимаются иначе, чем четверть века назад, в начале 1990-х (с 1992 г.), когда падение доходов было на порядок значительнее, но менее продолжительным. Уже в 1993–1994 гг. наблюдался рост денежных доходов, притормозивший в 1995 г. и затем серьезно прерванный первым рыночным экономическим кризисом (1998 г.). Но уже в 2000-м реальные доходы населения стали расти. Последовал наиболее запомнившийся и чаще всего упоминаемый период стремительного роста денежных доходов всех слоев российского общества, приведший к восстановлению ранее утерянного уровня жизни.

Общественный смысл этих наиболее значимых периодов снижения уровня жизни был принципиально разным в разное время. В первый период (начало 1990-х) падение доходов было «побочным продуктом» более общих процессов социально-политической трансформации общества, перехода от социализма к рыночному хозяйству, от плановой экономики к рыночной, от гегемонии коммунистической идеологии к многопартийной системе и демократии, от тоталитаризма к либеральному обществу. Экономические трудности переходного периода и драматическое снижение уровня жизни большей части населения расценивались как временное явление, как разовая плата за переход к новым возможностям, которые обеспечат улучшение жизни для всех членов общества.

Нынешнее падение денежных доходов, начавшееся с конца 2014 г., не связано с такими сильными тектоническими общественными преобразованиями и носит более повседневный характер, является характеристикой сложившегося социально-экономического порядка, в котором, как утверждает теория рыночной экономики, возможны взлеты и падения (экономические кризисы), не предполагающие

пересмотра базовых основ социально-экономического устройства общества. Но в отличие от прежних экономических кризисов, которые успело пережить российское общество в рамках нового порядка, нынешняя ситуация явно затянулась. Впервые в новейшей истории снижение доходов привело к пересмотру моделей потребительского поведения в сторону их упрощения и снижения запросов, и это все менее похоже на временную адаптацию к краткосрочным трудностям¹.

Двадцатилетний юбилей первого рыночного по своей природе экономического кризиса (1998 г.) — хороший повод для более подробного рассмотрения восприятия населением экономических кризисов в условиях сложившейся в стране экономической системы. Как люди воспринимают на практике эту теоретическую конструкцию рыночной экономики — кризис как инструмент регулирования экономики страны, который является неотъемлемым элементом эффективного ведения хозяйства и в конечном счете приводит к экономическому росту и улучшению благосостояния всех членов общества? В такой теоретической конструкции экономический кризис рассматривается как относительно краткосрочное состояние, имеющее свои начало и конец в обозримом временном пространстве (в рамках человеческой жизни), т.е. речь идет о циклическом развитии, о периодически возникающих кризисах. Это означает, что в памяти/опыте каждого человека должно быть более одного экономического кризиса, если речь идет о рыночной экономике. Поэтому возникает вопрос, по каким признакам люди определяют начало и окончание неблагоприятных экономических периодов, с неизбежностью возникающих в их жизни.

¹ См.: Красильникова М.Д. Российский потребитель — меняется ли он? // Вестник общественного мнения. 2016. № 1.

В экономической науке проблема периодизации экономических кризисов остается полностью не решенной. На практике в разных экономиках используются свои инструменты (правила) установления хронологии экономических циклов, а общепризнанным образцом является метод, применяемый Национальным бюро экономических исследований США (НБЭИ)¹. Все применяемые методы периодизации экономических циклов так или иначе основаны на анализе динамики макроэкономических показателей. Для населения, как было показано выше, подобная информация является важной, но не первостепенной.

Определение признаков/маркеров экономической ситуации (указывающих на скорое возникновение и/или прекращение экономического кризиса), которыми руководствуется население, не менее важно, чем экспертный, научный анализ экономической динамики, поскольку население является крупнейшим экономическим агентом, совокупное поведение которого непосредственно влияет на экономическую динамику.

По каким же признакам люди оценивают наступление и завершение экономического кризиса?

В ходе опроса, проведенного в сентябре 2018 г. (двадцатилетняя годовщина кризиса 1998 г.) респондентам предложены два вопроса: «По каким признакам вы судите о том, что приближается экономический кризис?» и «По каким признакам вы судите о том, что заканчивается экономический кризис?», затем были предложены симметричные наборы подсказок, включающие около дюжины различных общеэкономических индикаторов и частных, повседневных характеристик жизни обычных граждан (рис. 3). Наборы ответов на вопросы о признаках наступления/окончания кризисов были специально синхронизированы, чтобы не только оценить важность отдельных примет экономической жизни страны, наиболее чувствительных для формирования оценок населением, но и выявить возможные различия в иерархии показателей в зависимости от того, идет ли речь об ухудшении или об улучшении экономической ситуации. Вопрос предполагал множественный ответ, и респонденты почти

Рисунок 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ О ПРИЗНАКАХ НАЧАЛА ИЛИ ОКОНЧАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (данные опроса городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в сентябре 2018 г., N = 1600)

¹ См.: Белянова Е.В., Николаенко С.А. О датировке экономических циклов: мировой опыт и возможности его использования в российских условиях // Вопросы статистики. 2013. № 8. С. 30–41.

одинаково часто говорили о признаках начала и окончания (в среднем каждый выбирал не менее двух ответов: 2,2–2,4 ответа).

Как и ожидалось, с точки зрения населения, признаки изменений в экономической ситуации страны, по большому счету, одни и те же, как в случае ухудшения, так и в случае улучшения положения дел (рис. 3). В первую очередь люди обращают внимание на динамику потребительских цен: три четверти опрошенных называют этот признак, когда речь идет о приближении экономического кризиса, и половина — когда перечисляют приметы завершения кризиса.

На второе место претендуют одновременно несколько характеристик, каждую из которых упомянули примерно четверть респондентов. В качестве примет приближения кризиса респонденты называют удорожание иностранной валюты, снижение заработков и даже увольнение. Если речь идет о завершении кризиса, то к этому списку добавляется упоминание о том, что расширяются возможности людей для отдыха и развлечений. Кроме того, в обоих случаях (приближения и завершения кризиса) столь же значимым оказывается собственно общественное мнение о том, что происходит в стране («люди вокруг говорят»). Обратим внимание, что речь идет именно о повседневном межличностном общении, в рамках которого транслируется (и продолжает уточняться, укрепляться и распространяться) коллективное мнение, сформированное за счет многих факторов. Формальные каналы информационного обмена (СМИ) в субъективном восприятии оказываются гораздо менее значимыми сами по себе, пока распространяемая ими информация не «приземляется» в неформальном межличностном общении. Сама по себе эта конструкция не является новостью для социологов, но не лишне еще раз продемонстрировать ее актуальность на примере формирования, казалось бы, относительно рациональных экономических оценок и представлений.

Результаты проведенного опроса показывают, что люди все же обращают внимание на разные наборы факторов в зависимости от того, идет речь о начале или об окончании кризиса. Наибольшие отличия связаны со значимостью двух факторов — найма работников и возможностью отдыха. Если речь идет о приближении кризиса, люди чаще упоминают увольнения (20%), но наем новых работников как признак завершения кризиса называется в 2 раза реже (10%). Точно так же респонденты реже вспо-

минают о сокращении затрат и возможностей для отдыха и развлечений в преддверии кризиса (11%) и вдвое чаще говорят о них как о признаке улучшения экономической ситуации (21%).

Оказывается, наиболее жесткие формы реакции рынка труда на изменения экономических условий — увольнения/наем — несимметрично воспринимаются работниками: угроза увольнения в случае кризиса субъективно воспринимается более вероятным событием, нежели наем в случае улучшения экономической ситуации. В случае выхода из кризиса более вероятным людям кажется «увеличение объема работ» (14% упоминаний как признака выхода из кризиса против 10% — как признака наступления кризиса). Такое положение дел является косвенным свидетельством известной ригидности российского рынка труда, о которой много говорят эксперты¹.

В одинаковой мере отсутствует равенство восприятия моделей потребительского поведения как признака изменений в экономике страны — это отражение общего уровня потребления в российском обществе, которое в массе своей характеризуется структурой, присущей бедным слоям населения (одним из признаков такого относительно бедного потребления является высокая значимость расходов на отдых и развлечения в виде посещений кафе, кино и прочих относительно незначительных затрат). В сегодняшнем российском обществе именно эта статья расходов несет на себе нагрузку наиболее популярного вида статусного потребления². Это означает, в частности, что подобные затраты еще не стали нормой, от которой трудно отказываться (начать экономить), но уже являются массовым, широко используемым для демонстрации социального положения. В результате, когда речь идет об ухудшении экономической ситуации, о таких изменениях в потреблении вспоминают каждый десятый (11%), а когда думают о выходе из кризиса — каждый пятый (21%).

Таким образом, некоторые различия в структуре признаков ухудшения или улучшения экономической ситуации, которыми руководствуется население, можно охарактеризовать так: если речь идет о приближении кризиса, люди чаще вспоминают об угрозах потери заработков, а когда думают об экономическом росте — хотят видеть его результаты в позитив-

¹ См.: Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Рыжикова З.А. Движение рабочих мест в российской экономике: в поисках созидательного разрушения. Препринт WP3/2012/03.

² См.: Красильникова М.Д. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену // Вестник общественного мнения. 2011. № 1.

ных переменах в потреблении и подтверждении своего общественного статуса.

Динамика потребительских цен является важнейшим субъективным индикатором состояния экономики. В полном соответствии с теорией рост цен больше пугает людей (76% упоминаний как признака наступления кризиса), нежели их снижение вселяет надежду (52% назвали это признаком завершения кризиса).

Периодизация экономических кризисов в субъективных оценках населения

Первый полномасштабный рыночный экономический кризис в современной России начался в августе 1998 г. В сентябре 2018-го, 20 лет спустя, был проведен опрос населения страны, в рамках которого было задано несколько вопросов: 1) помнят ли люди этот кризис; 2) когда, по их воспоминаниям, он закончился; 3) были ли еще кризисы; 4) если да, то когда они начались и закончились?

Кризис 1998 г., начавшийся с объявления дефолта по государственным обязательствам (ГКО) и стремительной девальвации рубля, хорошо запомнился большинству россиян. В среднем три четверти взрослого населения 20 лет спустя не только вспомнили о нем, но и смогли оценить его влияние на свою тогдашнюю жизнь (табл. 4). А среди тех, кому сейчас за сорок, лишь 9% ответили, что не помнят, как кризис 1998 г. сказался на их уровне жизни.

Кризис 1998 г. стал серьезным испытанием для большинства населения. С одной стороны, он оказался крахом для каждого десятого из тех, кто помнит суть событий, — по субъективным оценкам респондентов, их семьям так и не удалось восстановить предкризисный уровень жизни. С другой — спустя 20 лет каждый пятый (20% от числа тех, кто смог оценить влияние кризиса) считает, что события 1998 г. практически никак не отразились на материальном положении их семей, и примерно столько же (24% от числа тех, кто смог оценить влияние кризиса) вспоминают, что трудности возникли только в первые месяцы после дефолта и их семьям удалось быстро восстановить привычный уровень жизни.

Однако чаще всего люди вспоминают, что последствия кризиса 1998 г. были многолетними и семьи долгие годы не могли восстановить предкризисный уровень жизни (42% от числа тех, кто смог оценить влияние кризиса, и 31% от всех опрошенных). Люди хорошо помнят его как серьезный удар по благосостоянию своих семей, причем оценки, данные по свежим следам, и воспоминания схожи. По данным исследования, проведенного в ноябре 1998 г.¹, отвечая на вопрос об изменениях в привычном потреблении в результате развития августовского кризиса, две трети опрошенных говорили, что «уровень потребления существенно ухудшился» (63%), примерно каждый пятый

Таблица 4

ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ КРИЗИСА 1998 Г. НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ СЕМЕЙ (данные опроса городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в сентябре 2018 г., N = 1600)

Вспомните, пожалуйста, повлиял ли как-либо кризис 1998 г. на материальное положение вашей семьи? Если да, то как именно?

	Все	Только те, кто помнит
1. Дефолт и экономический кризис 1998 г. практически никак не повлиял на материальное положение нашей семьи	15	20
2. В первые месяцы после дефолта материальное положение нашей семьи ухудшилось, но довольно скоро мы смогли восстановить предкризисный уровень жизни	18	24
3. Материальное положение нашей семьи после дефолта существенно ухудшилось, и мы долгие годы не могли восстановить предкризисный уровень жизни	31	42
4. Дефолт 1998 г. стал крахом для нашей семьи, мы до сих пор не смогли восстановить предкризисный уровень жизни	8	11
5. Нам удалось воспользоваться новыми возможностями, довольно быстро материальное положение нашей семьи стало лучше, чем до кризиса	2	3
6. Не помню, не знаю	22	
9. Затрудняюсь ответить	4	

¹ Опрос проведен по выборке, репрезентирующей мнение городского и сельского населения России в возрасте 18 лет и старше, N = 2400.

(22%) говорил о «незначительном ухудшении потребления». Только каждому десятому (12%) в те годы удалось сохранить привычный уровень потребления. Такое совпадение оценок в момент события и спустя годы редко бывает с общественной памятью и является признаком высокой значимости события и широкого согласия/консенсуса по поводу его социальной оценки.

Большая часть населения страны пребывает в уверенности, что кризис, начавшийся в 1998 г., имел долговременные последствия. Экономическая статистика более оптимистична — рост экономики, согласно данным о ВВП, промышленного производства, реальных денежных доходов населения начался уже в 1999–2000 гг. Но в представлениях обычных людей картина иная. Отвечая на вопрос, когда (в каком году), по их воспоминаниям, закончился кризис 1998 г., лишь треть опрошенных смогли назвать дату окончания кризиса (рис. 3). Значительная часть респондентов (37%) затруднились ответить, что ожидаемо, учитывая описанные выше сложности периодизации экономических циклов.

В свою очередь, только треть ответов респондентов, назвавших дату окончания кризиса 1998 г., согласуется с данными экономической статистики: о том, что кризис завершился к 2000 г., сообщили 36% (179 респондентов) тех, кто назвал год окончания кризиса. Остальные (354 респондента) назвали более поздние даты, причем в основном назывались 2001–2005 гг. (47%, 243 респондента).

Рисунок 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «В КАКОМ ГОДУ ЗАКОНЧИЛСЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС, НАЧАВШИЙСЯ В АВГУСТЕ 1998 Г.?» (данные опроса городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в сентябре 2018 г., N = 1600)

Вопрос о дате завершения кризиса в исследовании был открытым, респондентов просили назвать год. Но помимо уже упомянутой трети участников опроса, которые затруднились ответить, примерно столько же (32%, 509 респондентов) спонтанно сообщили, что, по их мнению, «Россия все время в кризисе»!

В ходе дальнейших вопросов анкеты, задачей которых являлся сбор данных о том, сколько еще экономических кризисов помнят люди, когда они начинались и заканчивались, число сторонников мнения «Россия все время в кризисе» продолжало увеличиваться. На вопрос, были ли кризисы после 1998 г. (он не задавался тем, кто уже сообщил, что страна все время в кризисе), только четверть (24%) ответили, что кризисов больше не было, а 14% сказали, что страна все время в кризисе (рис. 5).

Как правило, те немногие респонденты, которые могли назвать даты повторных кризисов, отвечали, что с тех пор был только один значительный экономический кризис, и чаще всего называли 2008 г. — 62%. Еще примерно треть (30%) полагали, что было два кризиса, и чаще всего называли две даты начала — 2008 и 2014 гг.

Вопросы о датировке окончания этих кризисов продолжали приводить к накоплению сторонников мнения о том, что Россия все время находится в состоянии экономического кризиса. Из тех, кто считает, что со времен 1998 г. был только один кризис, лишь половина ответила, что этот единственный повторный кризис закончился. Из тех, кто полагал, что кризисов

было больше, практически все не смогли назвать дату завершения повторных кризисов.

В результате обобщения ответов на эти простые вопросы о датировке экономических кризисов получилось, что половина взрослого населения страны полагает, что страна последние два десятилетия пребывает в состоянии экономического кризиса (рис. 6). И только один из десяти придерживается противоположного мнения, т.е. считает, что кризис 1998 г. закончился, больше не было столь же значительных потрясений (7%) либо были, но уже закончились (4%).

Такие результаты исследования наводят на мысль, что обычные граждане, с готовностью отвечая на вопросы анкет о причинах и последствиях экономических кризисов, чаще всего говорят не о каком-то временном состоянии экономики страны, а о привычной и неизменной повседневности.

Субъективное восприятие материальных условий жизни большинством российских семей наилучшим образом описывается словом «кризис», при этом теряется экстраординарный, временный, преходящий смысл этого понятия, кризис становится нормой жизни. И практически никогда речь не идет об экономическом кризисе как об источнике новых возможностей, о катализаторе позитивных перемен в жизни простых граждан (доля таких ответов сопоставима с ошибкой выборки).

Социально-демографические различия

Как показано выше, половина взрослого населения считает, что страна десятилетиями живет в условиях непрекращающегося экономического кризиса. Локализуется ли такое разное мировосприятие в обособленных социальных группах, и если да, то каковы их отличия от тех, кто думает иначе, т.е. видит периоды по-

Рисунок 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «БЫЛИ ЛИ КРИЗИСЫ ПОСЛЕ 1998 Г.?» (по данным опроса городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в сентябре 2018 г., N = 1090)

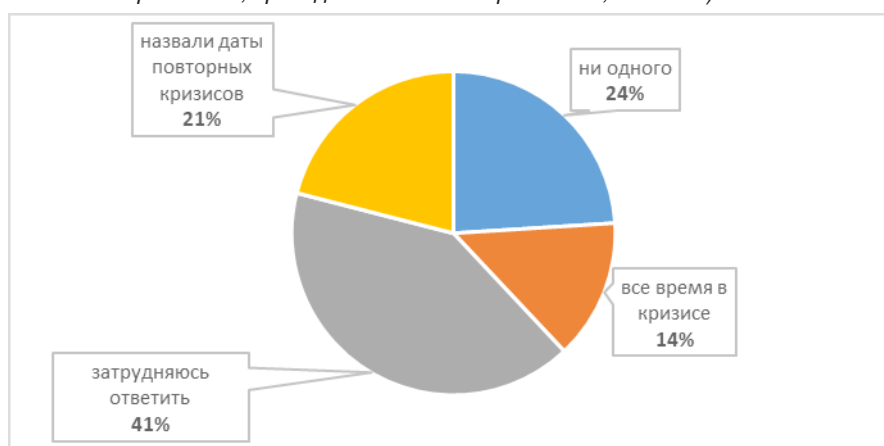
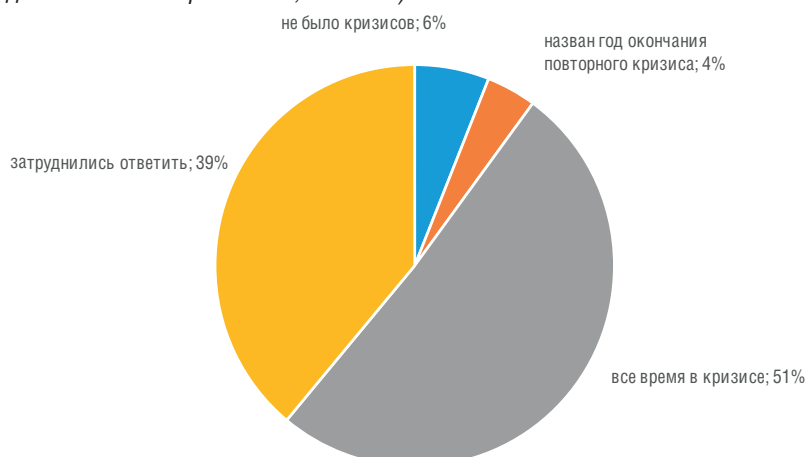

Рисунок 6

КРИЗИСЫ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ ПОСЛЕ 1998 Г. (по данным опроса городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в сентябре 2018 г., N = 1600)

зитивных перемен и, в частности, не оценивает текущее положение как кризисное? Лишь один из десяти опрошенных полагает, что кризисы уже закончились (табл. 5).

Результаты опроса показывают, что в целом ответ на этот вопрос отрицательный — различия если и возникают, то незначительные. Немного чаще «кризисные» оценки наблюдаются у москвичей и более образованных граждан, реже — в молодежной среде, у относительно более обеспеченных респондентов, а также у сельских жителей (табл. 5).

Меньшинство, различающее экономические циклы, способное отразить периоды улучшения и ухудшения экономического положения страны, мало отличается от остальной части общества не только по социально-демографическим характеристикам, но и по мировосприятию (рис. 7–9). Их модаль-

ная оценка текущей жизни «все не так плохо», тогда как у остальных «трудно, но можно терпеть». Они примерно столь же часто ощущают себя счастливыми, а источник их счастья, как и у остальных, в личных обстоятельствах. Это небольшая часть благополучных молодых граждан, которые чуть более настороженно относятся к окружающим.

Небольшая группа граждан, не оценивающих текущую ситуацию как кризисную, заметно отличается от остальной части общества по двум доступным для сравнения параметрам (рис. 10) — оценке доступности услуг образования и оценке доступности услуг здравоохранения. В отличие от основной части общества две трети позитивно оценивают возможности получения хорошего образования и половина — получения медицинской помощи¹. Однако в оценках перспектив получения хорошей рабо-

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МНЕНИЙ О КРИЗИСНОМ СОСТОЯНИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ПО СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ГРУППАМ ОПРОШЕННЫХ. ПРОЦЕНТ ПО СТРОКЕ (по данным опроса городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в сентябре 2018 г., N = 1600)

	Россия все время в кризисе	Затрудняюсь ответить	После 1998 г. кризисов не было или они закончились
В среднем	51	39	10
Возраст			
18–24 года	39	54	7
25–39 лет	52	37	11
40–54 года	53	35	13
55 лет и старше	51	40	9
Образование			
нет высшего образования	49	41	10
есть высшее образование	55	34	12
Финансовый статус			
бедные	54	40	6
средние	52	39	9
обеспеченные	46	38	16
Тип населенного пункта			
Москва	69	21	10
города более 500 тыс. жителей	51	37	12
города 100–500 тыс. жителей	53	37	10
города до 100 тыс. жителей	53	36	12
село	40	52	8

¹ Заметим, что формулировка вопросов о доступности услуг образования и медицинской помощи не определяет источника получения этих услуг (платный или бесплатный, на территории России или за рубежом).

ты по месту проживания они оценивают практически столь же категорически отрицательно, как и остальное российское общество.

Обобщая эти незначительные отличия, можно заключить, что, во-первых, массово рас-

пространенные оценки экономической ситуации в стране формируются преобладающим мнением о непреходящем кризисе; во-вторых, противоположная позиция («кризиса нет / он закончился») встречается на порядок реже, не локализована в каких-либо структурированных

Рисунок 7

ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ЖИЗНИ СЕМЬИ РЕСПОНДЕНТА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ МНЕНИЯ ПО ПОВОДУ КРИЗИСНОГО СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИКИ (данные опроса городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в сентябре 2018 г., N = 1600)

Как вы оцениваете жизнь вашей семьи?

Рисунок 8

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ СЧАСТЛИВЫМ?» В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МНЕНИЯ РЕСПОНДЕНТА ПО ПОВОДУ КРИЗИСНОГО СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИКИ (данные опроса городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в сентябре 2018 г., N = 1600)

Чувствуете ли вы себя счастливым человеком?

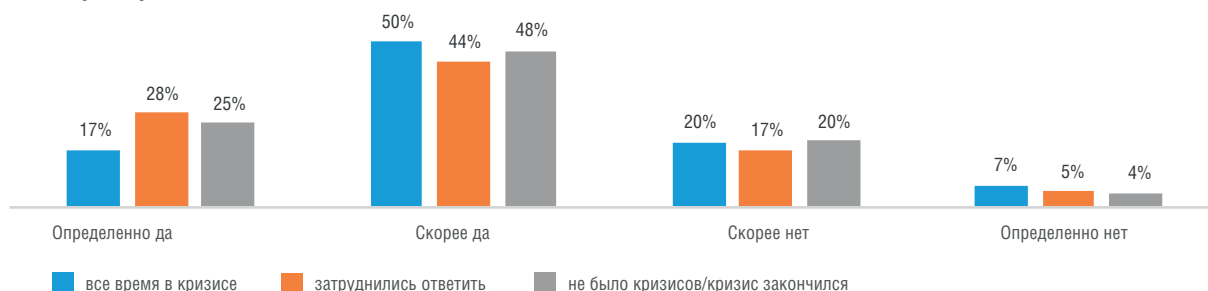

Рисунок 9

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС О МЕЖЛИЧНОСТНОМ ДОВЕРИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МНЕНИЯ РЕСПОНДЕНТА ПО ПОВОДУ КРИЗИСНОГО СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИКИ (данные опроса городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в сентябре 2018 г., N = 1600)

Можно ли доверять людям?

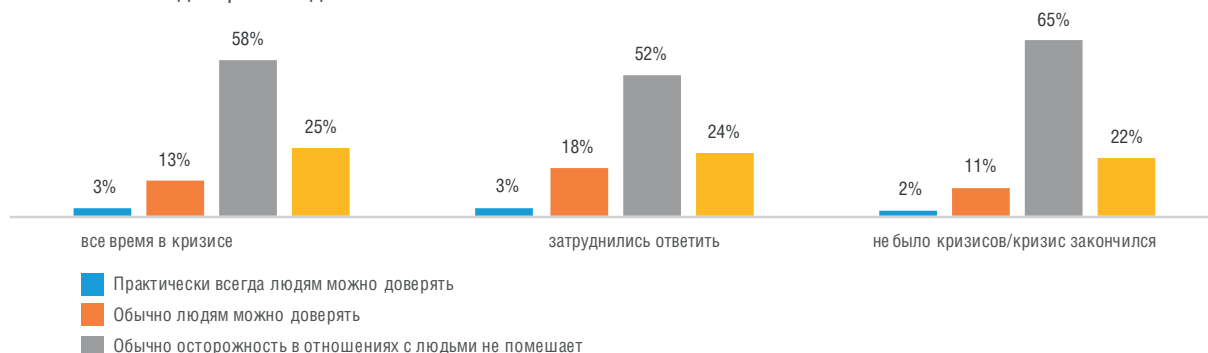
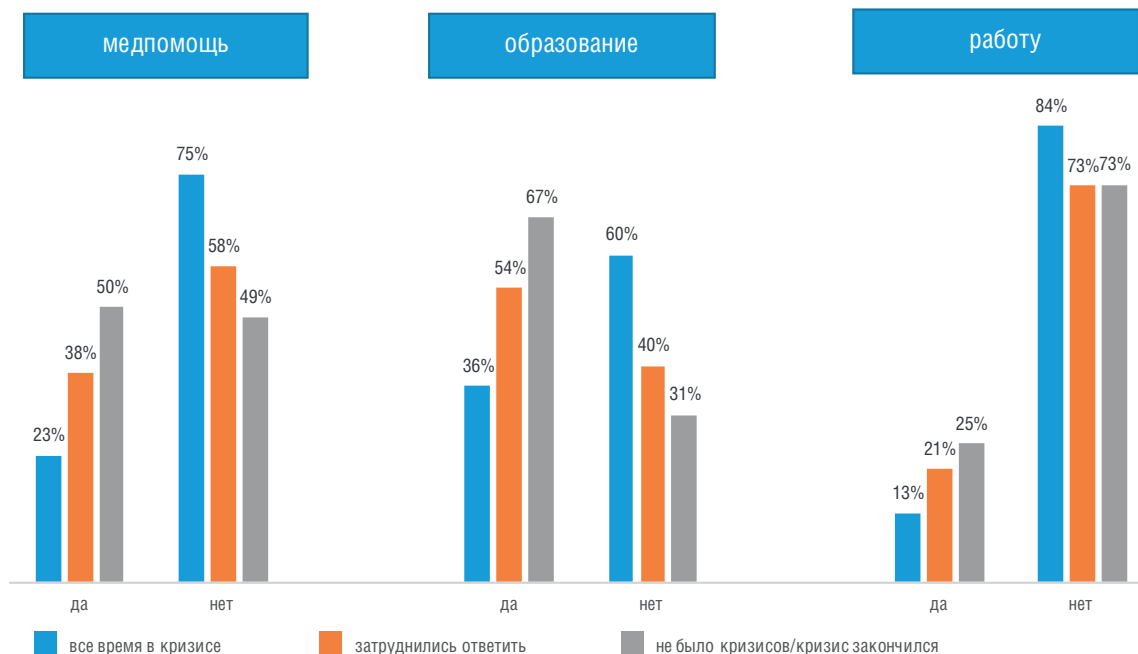

Рисунок 10

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТА НА ВОПРОС «МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧЛЕНЫ ВАШЕЙ СЕМЬИ ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ ПОЛУЧИТЬ...» В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МНЕНИЯ РЕСПОНДЕНТА ПО ПОВОДУ КРИЗИСНОГО СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИКИ (данные опроса городского и сельского населения России в возрасте 18+, проведенного в сентябре 2018 г., N = 1600)

социальных группах и чаще всего не выражается в принципиально ином восприятии других сторон жизни. Выявленные различия скорее связаны с относительным материальным благополучием отдельных граждан, причем материальный достаток скорее всего не подкрепляется значительным человеческим капиталом. Экономический кризис практически всем обществом рассматривается как устойчивое состояние экономической модели страны, без признаков изменения ситуации.

Такое «кризисное» состояние умов, рамку восприятия повседневности нужно учитывать, анализируя субъективные оценки, которые люди дают текущим событиям и явлениям. Какие черты присущи этому «кризисному» восприятию действительности? Можно предположить, что оно способствует занижению запросов и ожиданий, сокращению горизонта предвидения будущего не только общества в целом, но и личной жизни, упрощению критериев оценки сегодняшнего дня. Общество, которое привыкло жить в экстраординарно негативных условиях, легко поддается манипулированию, «дешево» в управлении. Эти характерные особенности современного российского общества не раз отмечались экспертами, и обсуждаемые в настоящей статье результаты опросов еще раз подтверждают их.

Список литературы

1. *Белянова Е.В., Николаенко С.А.* О датировке экономических циклов: мировой опыт и возможности его использования в российских условиях // Вопросы статистики. 2013. № 8. С. 30–41.
2. *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Рыжикова З.А.* Движение рабочих мест в российской экономике: в поисках созидательного разрушения. Препринт WP3/2012/03.
3. *Красильникова М.Д.* Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену // Вестник общественного мнения. 2011. № 1.
4. *Красильникова М.Д.* Отношение к власти в структуре социального самочувствия // Вестник общественного мнения. 2012. № 2.
5. *Красильникова М.Д.* Российский потребитель — меняется ли он? // Вестник общественного мнения. 2016. № 1.

В последние годы мы можем наблюдать пристальное внимание государства и научных кругов к проблеме социального неблагополучия россиян. Начиная с экономической рецессии 2014 г. учеными переосмыслился концепт нуждаемости², ряд регионов корректировал меры социальной поддержки, вводя принципы адресности, полученные результаты научной и практической деятельности выносились на дискуссионные площадки³, а в новом векторе социально-экономического развития страны на ближайшие шесть лет, озвученном президентом в послании 2018 г., в числе центральных задач была поставлена задача двукратного сокращения масштабов бедности.

Интерес к проблеме социального неблагополучия продиктован рядом объективных причин. Во-первых, можно констатировать, что типичным уровнем жизни россиян выступает малообеспеченность⁴. Широкие слои населения характеризуются довольно высокими рисками бедности в долгосрочной перспективе, что выражается в наличии широкой зоны «плавающей» бедности⁵, представители которой в

условиях экономических рецессий пополняют ряды бедного населения⁶.

Во-вторых, социальное неблагополучие широких слоев населения выступает значительной преградой на пути реализации нового озвученного экономического вектора развития, базирующегося на росте инвестиций в человеческий капитал и повышении конкурентоспособности страны на международной арене. Низкий уровень жизни препятствует наращиванию человеческого капитала, что подкрепляет неустойчивое положение значительной части россиян⁷. Вспомним, еще А. Сэн⁸ по итогам переосмысления мирового кризиса 2008–2009 гг. отмечал, что качественного экономического роста в развитых обществах можно достичь лишь с учетом мониторинга и корректировки уровня жизни и масштабов бедности (не только абсолютной, но и относительной).

Не оспаривая данного факта, мы задаемся несколько иным вопросом: что в большей степени определяет и характеризует неблагополучие многих россиян — непосредственно низкий уровень их доходов или особенности их классового положения? Можем ли мы сегодня судить о наличии низшего класса в России, каковы его особенности и в какой мере бедность выступает его маркером?

Теоретико-методологическое основание исследования

Подобная постановка вопроса требует наличия обоснованного теоретико-методологи-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20125).

² Андреева Е.И., Бычков Д.Г., Феоктистова О.А. О принципе нуждаемости при реализации бюджетных мер по социальной поддержке населения // *Финансы*. 2016. № 4. С. 21–28; Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Региональные системы социальной защиты: как и зачем вводится адресность // *Регион: Экономика и Социология*. 2016. № 4. С. 153–175; Овчарова Л.Н., Горина Е.А. Развитие адресной социальной поддержки нуждающихся в России: барьеры и возможности // *Вопросы экономики*. 2017. № 3. С. 5–21.

³ Например, конференция Всемирного банка «От единого реестра к эффективной системе социальной защиты: российский и международный опыт» в 2016 году, XVIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества в 2017 году.

⁴ Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под редакцией доктора социологических наук Н. Е. Тихоновой. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. — 368 с.

⁵ Слободенюк Е.Д. Институциональные факторы формирования застойной бедности в современной России // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). 2014. Т. 6. № 3.

⁶ Слободенюк Е.Д. Последствия кризиса 2015 года: обеднение или прекарнизация? // *Журнал исследований социальной политики*. 2017. Т. 15. № 2.

⁷ Отметим, что, согласно оценкам разных исследовательских коллективов, более половины россиян характеризуются низкой ресурсообеспеченностью и потому в принципе уязвимы в условиях типичной для России экономической нестабильности (см. подробнее: Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014. С. 331–332).

⁸ Stiglitz J., Sen A.K., Fitoussi J.P. The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited. Paris: Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress; 2009.

ческого подхода к построению классовой стратификации. Несомненно, она не уникальна и не нова — в российской научной практике присутствует ряд достижений в области выделения классовой структуры и отдельных ее элементов в неомарксистской и неовеберианской традиции. Однако стоит отметить два значимых вывода, к которым можно прийти на основании анализа научных публикаций. Во-первых, применение различных подходов (структурно-функционалистского и функционалистского) порой приводит к кардинально противоположным выводам не только о размерах классов, но даже о самом их наличии (например, о наличии среднего класса¹). Во-вторых, применение адаптированных классических методологий, успешно стратифицирующих западные общества с характерной для них высокой статусной кристаллизацией, в российском обществе оказывается менее эффективным. Существующие в российском обществе неравенства, отраслевые, региональные и по типам поселений, приводят к рассогласованию статусов, что исключает возможность однозначной трактовки их классового положения.

Решением данной проблемы может быть применение альтернативного аналитического инструмента, базирующегося не на характере обладаемых активов, а на специфике жизненных шансов (нем. *Lebenschancen*), выступающих в теории М. Вебера конституирующим признаком классовой ситуации². При этом М. Вебер вводит понятие позитивной и негативной привилегированности жизненных шансов³, что позволило ему выделить классы, положение которых характеризуется полярностью в различных сферах. При всей методологической привлекательности этой идеи сложность использования веберианского подхода к анализу классов состоит в необходимости проведения операционализации признаков позитивной и негативной привилегированности в различных сферах жизни человека, а также самого перечня этих сфер. При исследовании современного общества работа такого плана является самостоятельной научной задачей.

¹ См.: Шкаратан О.И., Иняевский С.А., Любимова Т.С. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 5–27; Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014. С. 162–245; Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.

² Weber M. *Economy and society* / G. Roth & C. Wittich Eds. Berkeley: University of California Press, [1924] 1978.

³ В рамках данной статьи для простоты восприятия позитивную привилегированность мы будем называть «жизненные шансы», а негативную привилегированность — «риски».

На основе широкого спектра научных публикаций в области классового анализа и человеческого капитала нами⁴ была реализована операционализация критериев жизненных шансов и рисков (табл. 1). При этом показателями позитивной и негативной привилегированности в каждой из сфер понималось отступление от стандарта жизни, распространенного в российском обществе, т.е. недоступные / нетипичные для большинства россиян шансы и риски.

На основе сформированного списка критериев предоставлялось возможным проанализировать общество по ряду показателей: шкалам позитивной и негативной привилегированности в отдельности, субшкалам в каждой из четырех сфер и совокупному индексу ЖШИР. Разработанный инструментальный был апробирован на двух эмпирических базах данных с целью выявления устойчивости и единообразия полученных результатов: на 24-й волне Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (2015 г., более 10 000 респондентов)⁵, а также на 3-й и 8-й волнах мониторинга Института социологии РАН (октябрь 2015 г., апрель — май 2018 г., 4000 респондентов)⁶. Сопоставление стратификационных моделей, построенных на основе совокупных индексов ЖШИР (включающих 25 делений) и их укрупненных версий (состоящих из трех страт⁷), продемонстрировало надежность разработанной методики и позволило использовать ее для ответа на поставленный в начале статьи исследовательский вопрос.

Эмпирической базой исследования, результаты которого приведены в настоящей статье, выступили данные 26-й волны РМЭЗ

⁴ Здесь мы имеем в виду исследовательский коллектив в составе Н.Е. Тихоновой, В.А. Аникина, С.В. Мареевой, А.В. Каравай, Ю.П. Лежниковой и автора данной статьи.

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms> и <http://www.hse.ru/rhms>).

⁶ Подробнее об исследовании «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» см. на официальном сайте ИС ФНИСЦ РАН: <http://www.isras.ru>.

⁷ Количество страт определялось посредством двухэтапного кластерного анализа. Наилучшим результатом (мера связности кластеров — 0,7) оказалось разделение населения на три крупные страты, с границами средней страты на значениях от –1 балла до 2 баллов по индексу ЖШИР. Подробнее результаты анализа см.: Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // *Социологические исследования*. 2018. Т. 6. № 6. С. 53–58.

Таблица 1

СУБШКАЛЫ И ПОКАЗАТЕЛИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ЖИЗНЕННЫМ ШАНСАМ И РИСКАМ (ЖШИР)¹

Показатели шкалы позитивной привилегированности	Показатели шкалы негативной привилегированности
Субшкала «Экономические условия жизни»	
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	Наличие множественных или крупных долговых обязательств
Наличие иной недвижимости при условии одновременного наличия автомобиля	Наличие значительных неэластичных текущих расходов (аренда жилья и т.п.)
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	Нестабильность доходов при отсутствии постоянной занятости
Субшкала «Ситуация на работе»	
Наличие ресурса влияния на работе	Неблагоприятные условия занятости
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян (интересной и т.п.)	Несоблюдение на работе законодательства (отсутствие официального оформления и т.п.)
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости (социальный пакет и т.п.)	Риски длительной безработицы (опыт нахождения без работы более трех месяцев подряд)
Субшкала «Возможности сохранения и наращивания человеческого капитала»	
Возможность использовать платное образование для взрослых и детей	Недоступность необходимого образования
Возможность использовать платные формы заботы о здоровье (медицинские и оздоровительные услуги)	Вероятность значимого ухудшения здоровья (работа на вредных производствах и т.п.)
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде (многообразие целей, регулярность использования Интернета)	Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни (отсутствие средств доступа к ним или навыков их использования)
Субшкала «Особенности потребления и досуга»	
Возможность расширенного стиливого товарного потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве более 1,25 медианы по населению в целом)	Суженный стандарт предметного потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве менее 0,75 медианы по населению в целом)
Особая комфортность жилищных условий (большая площадь занимаемого жилья при наличии в нем коммунальных удобств)	Плохие жилищные условия (отсутствие коммунальных удобств, общая площадь менее 12 кв. м на человека)
Хорошие возможности проведения отпуска (проведение отпуска хотя бы раз в год вне дома и т.п.)	Наличие пищевых деприваций (самооценка питания как плохого, экономия на еде)

НИУ ВШЭ (2017 г., более 12 000 респондентов). В соответствии с использованной методикой численность нижней страты (далее — НС по ЖШИР) составила 23,2% (рис. 1).

Рассмотрим, какова же специфика социально-экономического положения представителей этой социальной группы.

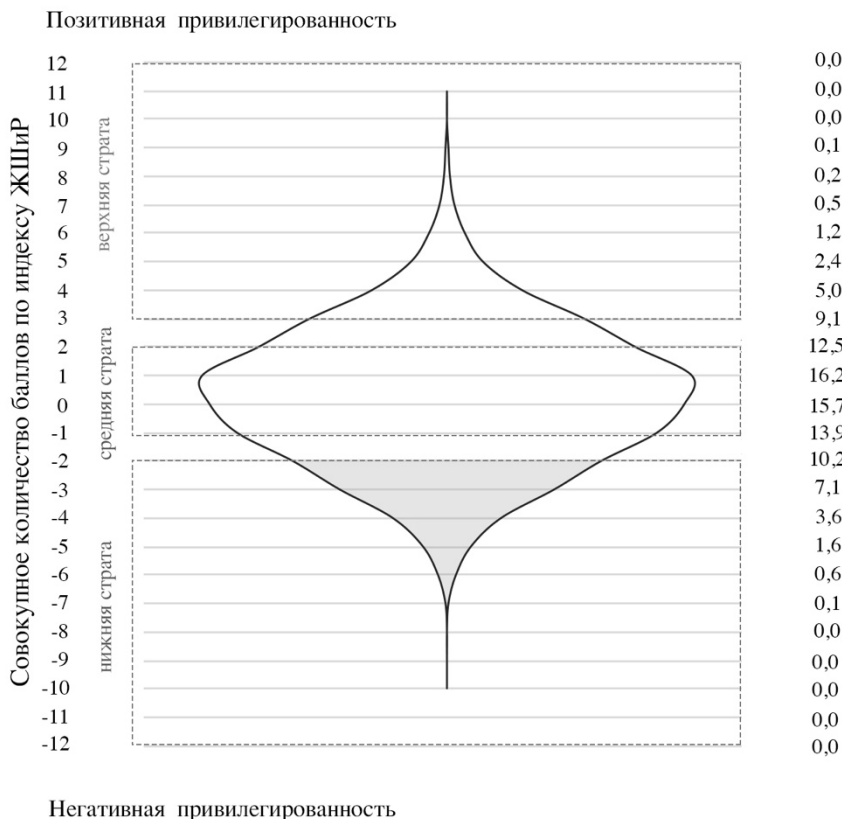
¹ Таблица приводится по источнику: Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. Т. 6. № 6. С. 55–56 (см. также: Аникин В.А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146)).

Положение представителей нижней страты на рынке труда

Так как методика выделения страт в нашем случае базировалась на выявлении слоев населения со схожими жизненными шансами и рисками, в контексте поставленной задачи необходимо понимать, схоже ли классовое положение их представителей. Рассмотрим три ключевых аспекта любого классового анализа: 1) какие профессиональные позиции занимают представители нижней страты; 2) какое качество ресурса они предлагают на рынке труда; 3) каковы особенности их трудовых контрактов с точки зрения наличия / отсутствия социальных гарантий.

Рисунок 1

СТРАТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО СОВОКУПНОМУ ИНДЕКСУ ЖШИР (% россиян, набравших определенное суммарное число баллов)

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2015, 2017 гг., взвешенные данные по переменной inwgt. Расчеты автора.

Отметим сразу, что в массе своей представители нижней страты являются именно наемными работниками, а не владельцами бизнеса (каковых, в принципе, мало в составе работающих россиян). По оценкам Глобального мониторинга предпринимательства (GEM), доля «устоявшихся» предпринимателей¹ в России в 2016 г. составляла 5,3% работающих. Еще более скромные оценки давала государственная статистика, по данным которой численность всех руководителей, работающих не по найму, в 2017 г. составляла 1,3%² занятых россиян, а иных, не являющихся руководителями (само-

занятых, занятых в семейном бизнесе), — 5,3%.

Скромна доля потенциальных предпринимателей и по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ: в 2017 г. лишь 3,2% работающих россиян характеризовали себя как предпринимателей, 2,9% являлись владельцами или совладельцами предприятия, на котором сами работали, и 5,3% считали, что занимаются предпринимательской деятельностью в рамках своей трудовой активности³. При этом подавляющее большинство сконцентрировано в верхней и средней стратах, в то время как в нижней страте встречаются считанные единицы (табл. 2).

В составе самой нижней страты численность называющих себя предпринимателями не

¹ Под «устоявшимися предпринимателями» в рамках мониторинга понимаются те, кто владеет и управляет бизнесами, получая связанные с этим доходы, более 42 месяцев подряд (подробнее см.: *Верховская О.Р., Александрова Е.А., Богатырева К.А., Джелелова М.В., Шмелева Э.В.* Глобальный мониторинг предпринимательства // Россия 2016/2017. Отчет. URL: <https://www.gemconsortium.org/country-profile/104> — 2017, с. 11, 29).

² См. подробнее: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 42.

³ Стратификационное деление по индексу жизненных шансов и рисков положительно связано со склонностью к предпринимательской деятельности. Связь переменных «респондент является собственником / сособственником предприятия» и «респондент считает, что занимается предпринимательской деятельностью» с принадлежностью к стратам значима на уровне 99%, коэффициент корреляции Спирмена составляет 0,135 и 0,117 соответственно.

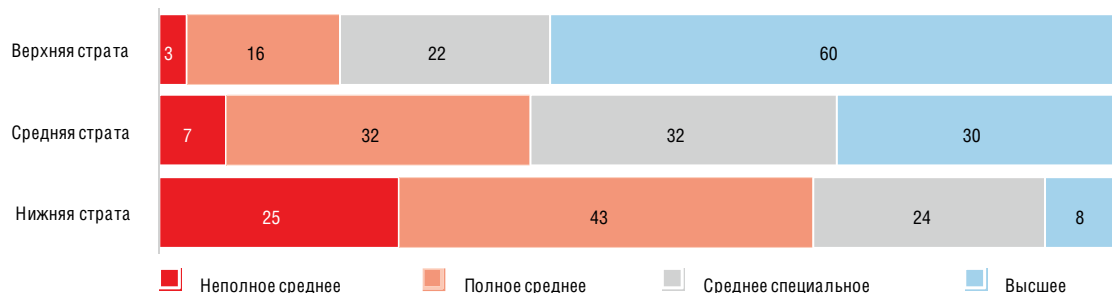
Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОССИЯН, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОТОРЫХ НОСИТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР, ПО СТРАТАМ
(% от работающих)

Страта по ЖШИР	Респондент-предприниматель (субъективная оценка своей трудовой деятельности)	Респондент является совладельцем / владельцем предприятия, на котором работает	Респондент считает, что занимается на работе предпринимательской деятельностью
Верхняя страта	57,4	62,5	47,5
Средняя страта	40,3	34,7	46,3
Нижняя страта	2,3	2,8	6,2

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г. Расчеты автора.

Рисунок 2

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НИЖНЕЙ СТРАТЫ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ (% от работающих)

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г. Расчеты автора.

достигает и 1%¹. Таким образом, практически все работающие представители нижней страты являются наемными работниками, а значит, их особое классовое положение может заключаться исключительно в схожести того ресурса, который они предлагают на рынке труда, и в том, в какой мере эти ресурсы востребованы экономикой в принципе. Рассмотрим в первую очередь качество человеческого потенциала представителей нижней страты.

Первый компонент человеческого потенциала — состояние здоровья — различается у представителей выделенных страт так слабо, что его вряд ли можно рассматривать как дифференцирующий показатель. Так, среди представителей нижней страты 56,5% оценивают свое здоровье как нормальное (при 48,8 и 48,1% в средней и верхней стратах), лишь 5,2% оценивают его как плохое / очень плохое (при 3,9 и 2,2% в средней и верхней стратах). Доля же имеющих хронические заболевания у предста-

вителей нижней страты отличается от таковой в средней и верхней стратах лишь в пределах статистической погрешности (в 17 случаях из списка 19 возможных заболеваний)².

Второй компонент — уровень образования — отличается у представителей нижней страты чрезвычайно сильно и, на наш взгляд, скрывает за собой ключевую черту ее представителей (рис. 2): четверть работающих представителей страты не имеют аттестата о полном школьном образовании, а профильное образование (среднее специальное или высшее) получили лишь треть из них. Таким образом, нижняя страта демонстрирует самую широкую представленность малообразованных слоев населения. В данном случае мы не касаемся вопроса о том, работает ли человек по профилю образования или нет, так как таковой у 3/4 представителей нижней страты просто отсутствует.

¹ Так, доля тех, кто называет себя предпринимателем в составе нижней страты, составляет всего 0,4% (при 2,3 и 7,2% в средней и верхней стратах), доля владельцев / совладельцев предприятия, на котором трудоустроены, — 0,5% (при 1,8 и 6,9% в средней и верхней стратах), а доля считающих, что на работе заняты предпринимательской деятельностью, — 1,9% (при 4,3 и 9,5% в средней и верхней стратах).

² Двумя исключениями выступают: повышенная доля лиц с хроническими заболеваниями суставов среди представителей нижней страты (17,2% при 12,2 и 10,2% в средней и верхней стратах), что отчасти связано с физическим характером их трудовой активности, и пониженная — с хроническими заболеваниями глаз, которые, наоборот, свойственны представителям верхней страты ввиду их иного характера трудовой деятельности.

Низкий образовательный уровень формирует плохие переговорные позиции представителей нижней страты на рынке труда и вытесняет их на рабочие места, характеризующиеся ущемлением трудовых прав (начиная с неофициального оформления на работу и заканчивая систематическим их нарушением (рис. 3)).

Как видно из рис. 3, степень ущемления их трудовых прав в нижней страте в 2–2,5 раза выше, чем у представителей других страт, при этом каждый пятый работающий в ней не оформлен по трудовому законодательству. Более того, 21,6% всех работающих утверждают, что вся заработная плата выплачивается им в обход законодательства¹. Таким образом, каждый пятый работающий в нижней страте занимает не просто рабочее место низкого качества, но и трудоустроен в теневом секторе российской экономики. И хотя нижняя страта не охватывает полную совокупность занятых в теневом секторе (в средней и верхней стратах «черную» заработную плату получают 9,5 и 3,9% соответственно), можно отметить их самую высокую представленность именно в этой страте.

Низкое качество человеческого капитала влияет и на то, какие именно профессиональные позиции занимают работники. Для анализа мы использовали классификатор профессий ISCO-08 (табл. 3)².

Как видим, подавляющее большинство (78,2%) всех трудоустроенных лиц нижней страты составляют представители 5–9-х классов

по классификатору ISCO-08 (в средней страте около половины — 55,0%, а в верхней страте менее трети — 30,0%). Из числа всех представителей нижней страты, попадающих в 5-й класс, более трети — продавцы-консультанты в магазинах (38,0%), каждый пятый — сотрудник защитной службы (21,6%) и практически каждый десятый — повар (9,4%), консьерж, сторож или дворник (8,9%). Среди представителей нижней страты, попадающих в 7-й класс, наиболее часто встречаются штукатуры (10,0%), сварщики (10,5%), механики и слесари по автодвигателям (10,0%), механики и слесари в сельском хозяйстве (11,5%). Среди представителей 8-го класса чаще всего встречаются водители грузовых автомобилей / фур (28,9%), слесари механосборочных работ (8,2%) и работающие на сельскохозяйственной / лесообрабатывающей технике (8,8%). В 9-м классе каждый третий — уборщик в офисах / отелях / иных учреждениях (30,4%), каждый пятый — подметальщик (18,1%), каждый десятый — грузчик (11,1%).

Обратим внимание, что 7,5% работающих в нижней страте являются представителями умственного труда — 1-го и 2-го классов по ISCO-08 (табл. 3). Более пристальный взгляд именно на этих работников продемонстрировал уже упоминавшийся в прошлых исследованиях³ феномен, типичный для России: за одними и теми же наименованиями трудовых позиций порой скрываются качественно несравнимые требования к работнику, оплата труда и его характер.

Рисунок 3
СТЕПЕНЬ УЩЕМЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ ПРАВ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НИЖНЕЙ СТРАТЫ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ
(% от работающих)

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г. Расчеты автора.

¹ 96,6% из них не оформлены по ТК РФ.

² Ввиду лаконичности названий профессиональных классов, используемых на первом уровне классификатора ISCO-08, мы указали в скобках типичные профессии, скрывающиеся за ними на третьем и четвертом уровнях (подробное описание классификатора см. на официальном сайте: <https://www.hse.ru/rims/rims/classif/isco>).

³ Аникин В.А. Профессиональная структура населения и тип экономического развития страны // Terra economicus. 2013. Т. 11. № 2.

Таблица 3

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НИЖНЕЙ СТРАТЫ ПО КЛАССИФИКАТОРУ ISCO-08 (ПО ОСНОВНОМУ МЕСТУ РАБОТЫ) В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ (% от работающих)

Классы по ISCO-08	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Военнослужащие	0,0	0,0	0,1
1-й класс — руководители	1,3	4,2	12,8
2-й класс — специалисты (инженеры, врачи, биологи, химики, физики, архитекторы, преподаватели и пр.)	6,2	15,1	27,5
3-й класс — техники и полупрофессионалы (мастера на производстве, прорабы, медсестры, бухгалтеры, торговые представители, воспитатели в детских садах, администраторы и пр.)	9,5	19,2	23,9
4-й класс — работники рутинного нефизического труда (кладовщики, почтальоны и служащие сортировки, клерки по погрузкам, отправкам и пр.)	4,6	6,4	5,7
5-й класс — работники сервиса и продаж (продавцы, консьержи, кассиры и пр.)	20,8	19,8	12,3
6-й класс — квалифицированные работники сельского, лесного и рыбного хозяйства	0,2	0,1	0,0
7-й класс — рабочие ручного труда (механики, электрослесари, строители домов, плотники и столяры, штукатуры, каменщики, сантехники, слесари, сварщики и пр.)	20,2	14,5	7,9
8-й класс — операторы механизмов (водители грузовых фур, автобусов, машинисты кранов, работающие на сельскохозяйственной / лесобработывающей технике, и пр.)	20,4	14,5	7,7
9-й класс — профессии неквалифицированного труда (уборщики, грузчики, ручные упаковщики, посыльные и пр.)	16,8	6,2	2,1

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г. Расчеты автора.

Примечание. Фоном выделены ячейки, значения в которых превышают 10%.

Анализ исключительно работников умственного труда (руководителей и специалистов) демонстрирует, что среди них три четверти представителей нижней страты (73,0%) не имеют высшего образования (при 45,8 и 23,5% в средней и верхней стратах), каждый четвертый (26,2%) — работающий пенсионер (при 18,4 и 13,5% в средней и верхней стратах) и, более того, практически половина (41,7%) проживает в селах (при 26,6 и 16,4% в средней и верхней стратах). Иными словами, позиции, которые должны скрывать за собой высококвалифицированный умственный труд, принадлежат нетипичным для этих позиций работникам — пенсионерам без высшего образования, проживающим в малой России.

Трудоустроенные представители нижней страты отличаются от остальных занятых россиян более неустойчивым положением на рынке труда: 33,8% абсолютно уверены, что в случае потери работы они не смогут найти сопоставимое место работы (при 17,7 и 9,3% в средней и верхней стратах), 42,2% испытывают сильный страх потери работы (30,4 и 21,4% в средней и

верхней стратах). При этом их повышенные страхи обоснованы — 8,9% работающих представителей нижней страты за последний год пришлось сменить не только место работы, но даже профессию (при 6,6 и 4,3% в средней и верхней стратах соответственно).

До этого момента мы рассматривали исключительно работающих представителей нижней страты, но к схожему предположению можно прийти и проанализировав особенности незанятой части населения, в первую очередь тех ее представителей, которые не являются пенсионерами. Что же можно сказать применительно к потенциальной классовой позиции тех, кто на момент исследования не был трудоустроен, и насколько они активны на рынке труда?

Кратко о незанятых

Незанятые представители нижней страты составляют 2/3 группы и поровну представлены неработающими, находящимися в трудоспособных возрастах, и неработающими пенсионерами. Отличает нижнюю страту также то, что:

— доля работающих в ней самая низкая (37,1% при 51,6 и 69,9% в средней и верхней стратах);

— доля неработающих пенсионеров в ее составе самая высокая (34,0% при 22,6 и 9,1% в средней и верхней стратах);

— среди незанятых, не являющихся пенсионерами или учащимися (студентами / школьниками), наблюдаются самые высокие показатели активно ищущих работу¹ (50,2% против 31,3 и 13,0% в средней и верхней стратах).

Отметим еще, что доля домохозяйек, ухаживающих за другими членами семьи, равно как и доля женщин, находящихся в декретном отпуске / отпуске по уходу за ребенком, в составе нижней страты наименьшая, а вот доля хронически больных и инвалидов, не являющихся пенсионерами по старости, — наибольшая. Таким образом, воспринимать незанятых как экономически неактивных неверно. Учитывая, что подавляющее большинство незанятых имели опыт работы в прошлом (99,5% пенсионеров и 75,8%² трудоспособных), а исследование содержит вопросы о последнем рабочем месте, пред-

ставляется возможным оценить их прошлую классовую принадлежность. Этот анализ привел к двум важным выводам.

Во-первых, занятые и незанятые, не являющиеся пенсионерами, практически идентичны друг другу по профессиональной структуре (табл. 4) и уровню образования (среди занятых 24,9% лиц с неоконченным школьным и 7,6% лиц с высшим образованием, в то время как среди незанятых трудоспособных — 28,8 и 7,9% соответственно).

Во-вторых, показатели уровня образования у пенсионеров в этой страте значительно ниже (не только по сравнению с другими представителями нижней страты, но и с пенсионерами из других страт): не окончили школу 41,6% неработающих пенсионеров в нижней страте (при 12,8 и 2,4% среди неработающих пенсионеров в средней и верхней стратах), а имеют высшее образование лишь 8,2% (при 24,7 и 55,6% в средней и верхней стратах соответственно). Низкий уровень образования пенсионеров из числа нижней страты объясняет тот факт, что их профессионально-должностной состав (табл. 4)

Таблица 4

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ (ПО ПОСЛЕДНЕМУ МЕСТУ РАБОТЫ ПО КЛАССИФИКАТОРУ ISCO-08) НЕРАБОТАЮЩИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НИЖНЕЙ СТРАТЫ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ (% от работавших в прошлом)

Классы по ISCO-08	Неработающие		Справочно:
	Пенсионеры	Иные	работающие
Военнослужащие	0,0	0,4	0,0
1-й класс — руководители	2,8	2,0	1,3
2-й класс — специалисты	8,3	2,7	6,2
3-й класс — техники и полупрофессионалы	11,4	9,2	9,5
4-й класс — работники рутинного нефизического труда	6,2	4,5	4,6
5-й класс — работники сервиса и продаж	19,0	19,0	20,8
6-й класс — квалифицированные работники сельского, лесного и рыбного хозяйства	0,2	0,4	0,2
7-й класс — рабочие ручного труда	13,6	22,1	20,2
8-й класс — операторы механизмов	15,3	17,7	20,4
9-й класс — профессии неквалифицированного труда	23,1	21,9	16,8

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г. Расчеты автора.

Примечание. Фоном выделены ячейки, значения в которых превышают 10%.

¹ Интересно отметить, что самая высокая доля осознанно отказавшихся от поиска работы наблюдается не в нижней, а в средней страте (18,5%, при том что в нижней и верхней стратах таковых 13,2 и 10,9%).

² Доля неработающих трудоспособных, не имевших в своей жизни опыта работы, наивысшая в средней страте (34,8% при 24,2 и 14,7% в нижней и верхней стратах). Пристальный взгляд на группу не имевших опыта работы показывает, что лица, осознанно отказывающиеся от работы, концентрируются также в основном в средней страте — 37,2% (при 10,4 и 20,0% в нижней и верхней стратах соответственно). Это также выступает аргументом в пользу достаточно высокой экономической активности представителей нижней страты.

был сильнее смещен на позиции неквалифицированного труда (9-й класс по ISCO-08).

Также отметим, что приведенные в табл. 4 профессиональные составы групп незанятых столь же сильно видоизменяются при переходе к верхней страте, как и в случае с работающими (табл. 3). Проиллюстрируем на примере пенсионеров: среди неработающих пенсионеров из числа верхней страты 33,8% были в прошлом

специалистами, 11,9% — руководителями, 23,1% — техниками и лишь 7,5% — неквалифицированными работниками.

Таким образом, опираясь на вышеизложенное, можно заключить, что, несмотря на разную экономическую активность на момент анализа, в случае с нижней стратой мы имеем дело с достаточно однородной группой лиц, занимающих (или занимавших в прошлом) ущемленное положение на рынке труда ввиду низкого образования и худшей позиции на рынке труда рабочей силы такого качества. Однако для того, чтобы утверждать, что россияне с повышенными рисками, попадающие в нижнюю страту, находятся в схожей классовой ситуации, необходимо также посмотреть и еще на один немаловажный в веберовской логике аспект — особенности их социального действия и мышления.

Социальное действие и тип мышления¹

Отличительной чертой мышления представителей нижней страты выступает внешний локус-контроль: подавляющее большинство в ней считает, что повлиять как-либо значимо на свою жизнь они не могут и потому нет смысла планировать ее даже на один-два года вперед (рис. 4).

Не углубляясь в вопрос баланса структурных и личностных факторов индивидуальной мобильности, отметим, что такой тип мышления приводит практически треть всех представителей нижней страты к осознанному отказу от попыток улучшить материальное положение семьи (табл. 5). Как и остальные россияне, представители нижней страты в трудной материальной ситуации выращивают продукты питания на дачных участках и перебиваются разовыми приработками, в остальном

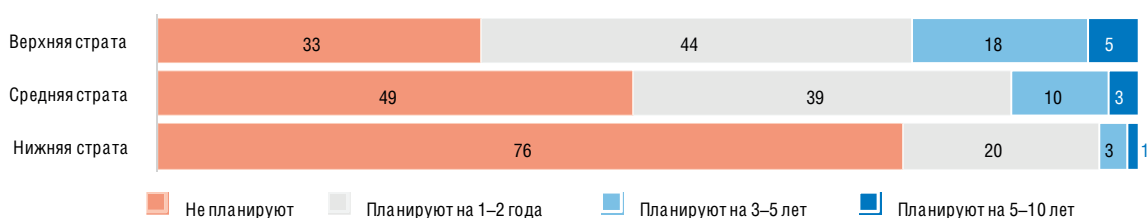
же демонстрируют даже меньшую активность по улучшению своего положения. Исключения составляют практики займов денежных средств у родственников или знакомых, а также продажи имущества или выращенной на личном участке продукции, т.е. менее типичные для населения и не связанные с производством или заработком стратегии улучшения своего положения.

Несмотря на то что представители нижней страты в наибольшей степени ущемлены в трудовых правах (рис. 3), они чаще остальных отказываются их отстаивать (13,0% из числа тех, чьи права нарушались, при 8,3 и 5,0% в средней и верхней стратах). В случаях когда они все же борются за свои права, то прибегают к тем же мерам, что и остальные россияне, однако особой активности тоже не демонстрируют. Единственная мера, к которой представители нижней страты прибегали значимо чаще остальных, — это смена места работы (4,8% против 2,6 и 2,0% в средней и верхней стратах), что объяснимо низким качеством занимаемых ими рабочих мест.

При этом их взгляды на жизнь существенно отличаются: большинство утверждает, что жизнь человека зависит от внешних обстоятельств, а не от его собственных усилий (62,1% против 45,6 и 29,9%), что для защиты своих интересов надо приспосабливаться, а не бороться за свои права, пытаясь переломить систему (59,2% против 46,8 и 32,9%), что главная ценность в жизни человека — материальное благополучие, а не свобода (49,9% против 37,8 и 29,5%), что жить, как все, лучше, чем выделяться (71,3% против 55,2 и 44,0%), и призывают успешных россиян к гуманности и помощи тем, кто потерпел в жизни неудачу (62,0% против 54,6 и 47,9%).

Рисунок 4

ПЛАНИРОВАНИЕ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НИЖНЕЙ СТРАТЫ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ (%)

Источник данных: ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г. Расчеты автора.

¹ Для анализа социального действия и типа мышления мы использовали массив данных 3-й волны мониторинга Института социологии РАН (октябрь 2015 г., размер выборки — 4000 респондентов).

Таблица 5

ПОПЫТКИ УЛУЧШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НИЖНЕЙ СТРАТЫ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ (%)

Предпринимаемые действия по улучшению материального положения	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Ничего не предпринимают, так как ничего не могут сделать для улучшения своего положения	32,8	16,9	8,4
Обеспечивают себя сами некоторыми продуктами питания	24,1	28,8	23,1
Используют любую возможность разовых и временных приработков	22,9	25,9	18,9
Работают сверхурочно или по совместительству по основному месту работы	12,5	18,2	19,5
Вынуждены занимать деньги	12,5	9,7	3,5
Получают помощь со стороны родственников, друзей, знакомых	9,5	10,7	8,7
Торгуют продуктами, выращенными ими самими	8,9	5,8	2,8
Ничего не предпринимают, так как в этом нет необходимости	5,3	14,0	31,0
Работают по совместительству в нескольких местах на постоянной основе	3,4	7,3	10,2
Распродают кое-что из накопленного имущества	2,7	1,1	1,0
Переквалифицируются, чтобы сменить работу	1,8	2,4	2,8
Сдают в наем жилье, гараж, дачу, автомобиль и т.п. и/или используют проценты от сбережений	1,2	2,4	5,5

Источник данных: ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г. Расчеты автора.

Примечание. Ранжировано по убыванию распространенности в нижней страте; фоном и жирным шрифтом выделены ячейки, значения в которых превышают 10 и 20% соответственно.

Таким образом, мы можем зафиксировать пассивные стратегии поведения в отношении решения базовых и наиболее острых в их жизни проблем — в отношении своего материального благополучия и борьбы за соблюдение трудовых прав, что также опосредованно выступает борьбой за материальное благополучие¹.

Таблица 6

ВЕЛИЧИНА СРЕДНЕДУШЕВЫХ ДОХОДОВ И ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НИЖНЕЙ СТРАТЫ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАТАМИ И С БЕДНЫМИ (руб.)

	Среднедушевые доходы домохозяйства		Заработная плата по основному месту работы	
	Среднее значение	Медианное значение	Среднее значение	Медианное значение
Верхняя страта	29 178	21 600	35 653	30 000
Средняя страта	19 031	15 775	24 019	20 000
Нижняя страта	14 158	12 850	17 977	15 000
Справочно: бедные*	7 358	7 500	14 954	12 000

*Примечание. Россияне со среднедушевым доходом домохозяйства менее одного прожиточного минимума на душу населения по региону проживания.

Источник данных: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г. Расчеты автора.

¹ К схожим выводам приводит и исследование, фокусом которого выступает анализ форм социально-экономической адаптации представителей анализируемых страт (см. подробнее: *Каравай А.В.* Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // *Terra ecomotus*. 2018 (в печати).

Уровень доходов представителей нижней страты

Последний штрих к портрету нижней страты, который следует осветить, — их уровень доходов (табл. 6).

Из табл. 6 видно, что анализируемое стратификационное деление коррелирует с доходами населения (коэффициент корреляции Спир-

мана со среднедушевыми доходами — 0,317, с размером заработной платы у работающих — 0,343)². При этом неверно было бы утверждать,

² Корреляция значима на 99%-ном уровне значимости.

что большими жизненными рисками характеризуются исключительно низкодоходные слои населения. Для ответа на поставленный в начале статьи вопрос, в какой мере бедность выступает маркером повышенных жизненных рисков (пребывания в нижней страте), мы выделили группу россиян, среднедушевые доходы в домохозяйствах которых не превышают среднедушевой прожиточный минимум в регионе проживания. Таковых в 2017 г. в нашей выборке насчитывалось 17,7%. Риск попасть в бедность у представителей нижней страты повышен (31,8%, при 15,5 и 6,2% в средней и верхней стратах), однако бедные составляют лишь треть ее общей численности, т.е. типичным представителем нижней страты выступает небедный россиянин. Верно и обратное: из всей совокупности бедных в нижнюю страту попало менее половины (42,7% при 50,9 и 6,3% в средней и верхней стратах), т.е. представитель нижней страты репрезентирует бедность лишь в половине случаев. Исходя из этих данных можно утверждать, что проблема ограниченных жизненных шансов — это феномен иной природы, нежели нехватка денежных доходов¹.

Заключение

Данный анализ приводит нас к двум значимым выводам.

Во-первых, можно с уверенностью утверждать, что в современном российском обществе численность низшего класса достаточно велика (четверть населения страны). Использование неовеберианской методологии стратификации общества, в основу которой заложены показатели жизненных шансов и рисков, расширило исследовательские возможности и позволило

выявить россиян, характеризующихся схожей классовой ситуацией вне зависимости от факта их трудоустройства на момент проведения опроса, — профессиональный состав занятых и незанятых представителей этого класса (определяемый по нынешнему / последнему месту работы) и уровень их образования практически идентичны. Уязвимость их положения на рынке труда вызвана низким качеством их человеческого капитала, не востребованного экономикой. Их особое классовое положение выражается в ущемлении трудовых прав работников (отказе от оформления по трудовому кодексу, задержке заработных плат, отправлении в неоплачиваемые отпуска и пр.), нестабильности занятости (с достаточно регулярной сменой не только места работы, но даже профессии) и отчасти в пребывании в теневом секторе экономики. Ввиду объективности этого положения представители низшего класса демонстрируют пассивно-адаптивные стратегии защиты своих интересов. Значительную часть — треть низшего класса в целом — составляют неработающие пенсионеры с плохим здоровьем, которые, судя по последнему месту работы и уровню образования, находились в схожем классовом положении в прошлом.

А во-вторых, низший класс пересекается с абсолютной бедностью лишь на треть, т.е. типичными его представителями являются небедные россияне. Это позволяет утверждать, что зона социального неблагополучия в России значительно шире, чем официальные оценки бедности. Избранный вектор борьбы с бедностью хотя и сократит зону социального неблагополучия, но практически не повлияет на сокращение масштабов низшего класса, так как уязвимое положение его представителей не сводимо исключительно к материальной депривации. Сокращения масштабов низшего класса возможно достичь лишь посредством разработки мер социальной политики, направленных на нивелирование провалов на локальных рынках труда (как минимум в области контроля защиты трудовых прав работников), а также при условии расширения доступа его представителей к социальным услугам (в первую очередь к здравоохранению и образованию).

¹ Доминирование в жизни рисков над шансами имеет мало общего с низким уровнем жизни и пребыванием в бедности. К схожим результатам приходят и другие исследователи: при выделении группы бедных в соответствии с разными подходами прослеживается расхождение групп бедных по доходам, депривациям и субъективному восприятию, а при выделении классовой структуры в 2008–2009 гг. четверть занятых ввиду неоднозначно трактуемой ситуации не могли быть отнесены ни к какому классу и определялись исследователями как находящиеся на маргинальных классовых позициях (см. подробнее: Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 24–35; Овчарова Л.Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38). Методологические трудности, из раза в раз встречающиеся в работах исследователей, высвечивают значимую особенность российского общества — наличие ряда факторов, которые нарушают естественные меритократические механизмы формирования статусной принадлежности и приводят к декомпозиции статусов на массовом уровне, ключевым среди которых выступают неравенства по региону проживания, типу поселения и отрасли, в которой занят человек.

Список использованной литературы

1. *Аникин В.А.* Профессиональная структура населения и тип экономического развития страны // *Terra economicus*. 2013. Т. 11. № 2.
2. *Аникин В.А.* Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 4 (146).
3. *Андреева Е.И., Бычков Д.Г., Феоктистова О.А.* О принципе нуждаемости при реализации бюджетных мер по социальной поддержке населения // *Финансы*. 2016. № 4. С. 21–28.
4. *Верховская О.Р., Александрова Е.А., Богатырева К.А., Джелепова М.В., Шмелева Э.В.* Глобальный мониторинг предпринимательства // *Россия 2016/2017. Отчет*. [Электронный ресурс]. <https://www.gemconsortium.org/country-profile/104> — 2017; дата обращения к источнику: 23.04.2019.
5. *Каравай А.В.* Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // *Terra economicus*. 2018 (в печати).
6. *Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А.* Региональные системы социальной защиты: как и зачем вводится адресность // *Регион: Экономика и Социология*. 2016. № 4. С. 153–175.
7. *Овчарова Л.Н., Горина Е.А.* Развитие адресной социальной поддержки нуждающихся в России: барьеры и возможности // *Вопросы экономики*. 2017. № 3. С. 5–21.
8. *Овчарова Л.Н.* Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // *SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*. 2012. № 16.
9. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / *Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк*; под ред. д-ра социол. наук Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
10. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018.
11. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.
12. *Слободенюк Е.Д.* Институциональные факторы формирования застойной бедности в современной России // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2014. Т. 6. № 3.
13. *Слободенюк Е.Д.* Последствия кризиса 2015 года: обеднение или прекаризация? // *Журнал исследований социальной политики*. 2017. Т. 15. № 2.
14. *Тихонова Н.Е.* Низший класс в социальной структуре российского общества // *Социологические исследования*. 2011. № 5.
15. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014.
16. *Тихонова Н.Е.* Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // *Социологические исследования*. 2018. Т. 6. № 6.
17. *Шкаратан О.И., Иняевский С.А., Любимова Т.С.* Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 5–27.
18. *Stiglitz J., Sen A.K., Fitoussi J.P.* The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited. Paris: Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress; 2009.
19. *Weber M.* *Economy and Society* / G. Roth & C. Wittich Eds. Berkeley: University of California Press, [1924] 1978.

Карина ПИПИЯ

К проблеме поколений в России

Историко-символические и политические установки

Теоретические подходы и проблемы

«Поколение» до сих пор остается одним из наименее концептуально определенных понятий, которых исследователи и ученые избегают¹. Вместе с тем поколение имеет такое же важное значение, как социальный класс или гендер, при объяснении индивидуальных и групповых различий в культуре, интересах и поведении². Социологический подход к анализу феномена поколений представлен у К. Мангейма, который предложил идею об «общественном местоположении» / «социальной локации» как важнейшей характеристике поколения, согласно которой «группе индивидов отводится одно и то же положение в социальном и историческом процессе и тем самым сужается спектр потенциально возможных жизненных ситуаций, задается предрасположенность к определенному складу мышления (курсив наш. — *Прим. авт.*) и определенному личному опыту...»³

Выделяются⁴ четыре основных подхода к периодизации и изучению поколений, кото-

рые могут рассматриваться как: а) генеалогическое родство (поколения детей и родителей); б) возрастные когорты (молодые и старшие поколения); в) периоды жизни, социализации; г) исторические периоды (поколение 1968 года, послевоенное поколение). Нередко эти основания выделения поколений совмещаются. Согласно подходу отечественного социолога Ю. Левады⁵, поколенческий ряд XX века в России насчитывал шесть поколений. В его основе представление о значимости исторических событий (и соответствующих им процессов) совмещалось с возрастом.

Учитывая дизайн выборки общероссийских массовых опросов и естественную убыль населения, следует отметить, что в настоящее время в ней практически не представлены первые три поколения, рожденные до 1929 г. В связи с этим анализ ограничивается только поколениями оттепели, застоя и перестройки из шести типов, изначально предложенных Ю. Левадой.

Таблица 1

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОКОЛЕНИЙ Ю. ЛЕВАДЫ

Исторический этап	Контекст формирования поколения	Годы рождения
1. Революционный перелом, 1905–1930	Войны, революции, Серебряный век, кровавый фанатизм	1890-е
2. Сталинская мобилизационная система, 1930–1941	Разкрестьянивание, урбанизация, массовый террор, массовое образование	Около 1910-х
3. Военный и послевоенный период, 1941–1953	Холодная война, политические чистки	1920–1928
4. Оттепель, 1953–1964	Свобода от массового страха, обличение культа Сталина	1929–1943
5. Застой, 1964–1985	Формирование массового потребительства, поколение шестидесятников	1944–1968
6. Перестроечное поколение, 1985–1999	Поколение, не знавшее переломов и исканий	1969–...

¹ См.: Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 19.

² См.: Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. Казань, 1997. С. 222.

³ Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 21.

⁴ См.: Kertzer D. Generation as a sociological problem // Annual Reviews. No. 9. 1983. P. 125–149.

⁵ См.: Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2001. № 5. С. 8–13.

Прошло более 20 лет с тех пор, как была предложена данная классификация, за которые выросло и социализировалось новое поколение жителей России, которое мы будем называть постсоветским, относя к нему людей, рожденных после 1991 г. (в 2018-м их возраст в выборке составлял от 18 до 27 лет¹, в 2019-м — от 18 до 28 соответственно). Таким образом, в статье при анализе будет рассмотрено четыре поколения (табл. 2).

Автором осознается возможная критика периодизации, особенно перестроечного (1969–1990) и постсоветского (1991–2000) поколений. Например, В. Радаев иначе разграничивает эти поколения по датам рождения: реформенное (1968–1981) и поколение миллениалов (1982–2000). Исходя из этого пограничной возрастной когортой являются респонденты 1982–1990 годов рождения, которые у В. Радаева попадают в самое молодое поколение, доступное для опросов (большинство представителей поколения Z² еще не вступили в период взросления и не попадают в опросы совершеннолетнего населения), а у автора статьи — в перестроечное.

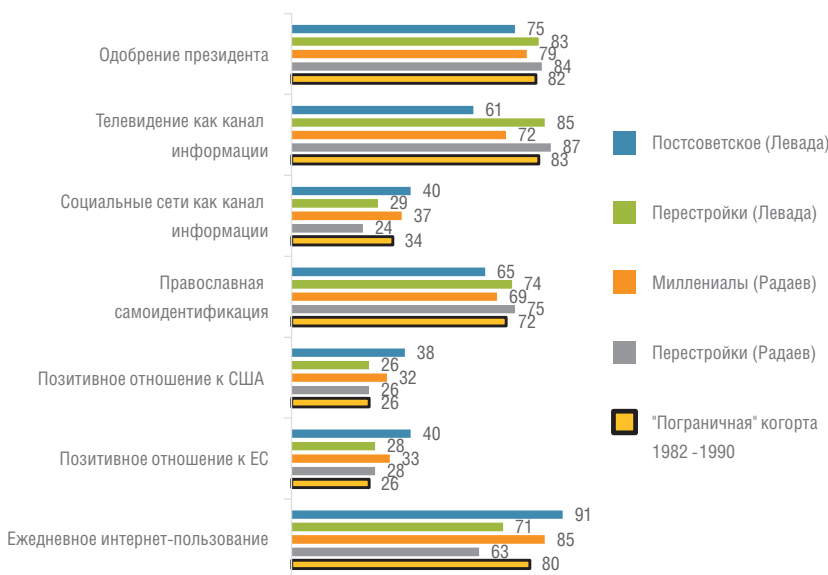
Общепринято, что периодизация поколений происходит не столько на основе биологического возраста, сколько на основе социальных изменений и событий, объединяющих

представителей близких по году рождения возрастных когорт. Жители России 1991–2000 годов рождения начали свою социализацию при устоявшейся политической системе (сегодня в публицистике часто можно встретить определение «поколение Путина»³), а некоторые исследователи отмечают важность «лейболизации» поколения для его формирования. Учитывая, что для анализа в статье преимущественно будут использоваться опросы, начиная с 2012 г., когда постсоветское поколение уже вступило в период взросления, такая периодизация представляется целесообразной.

Если отдельно выделить пограничную возрастную когорту респондентов, которые родились в 1982–1990 гг. (в 2018-м им было от 28 до 36 лет), то можно увидеть, что по уровню одобрения президента, обращения к источникам информации, религиозной идентификации, отношения к Западу оно представляется более близким к перестроечному поколению, чем к постсоветскому или миллениалам.

Периодизация поколений всегда условна, однозначно определить границы поколений практически невозможно (их всегда можно будет оспорить). Для понимания того, насколько применяемая периодизация массовых поколений в России Ю. Левады соотносится с обще-

Рисунок 1
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОКОЛЕНИЙ (в процентах от всех опрошенных; март 2018 года; N = 1612)

¹ Значительная часть данной работы была написана в 2018 г., но некоторые важные дополнения были сделаны на данных 2019 г.

² См.: Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.

³ См., напр.: «Поколение Путина» определилось с президентом. URL: <https://iz.ru/657263/angelina-galanina/pokolenie-putina-opredelilos-s-prezidentom> и т.д.

мировой практикой выделения подобных генераций, следует обратиться к опыту других стран.

Периодизацию поколений при анализе массовых настроений и установок регулярно использует Pew Research Center. В выборку общенациональных исследований населения США, которые проводят методом массового опроса, попадает пять американских поколений: тихое поколение, поколение бэби-бумеров, поколение X, поколение миллениалов и поколение постмиллениалов (как отмечают авторы, маркировка самого юного поколения пока не устоялась, поэтому является предварительной). Ниже приводится сопоставительная таблица американских и российских поколений в соответствии с датой рождения респондентов, выделяемой исследователями.

В таблицу включены только те поколения, которые в настоящее время достигаются методом общенациональных массовых опросов. Так, из табл. 2 исключено великое поколение применительно к населению США, возраст представителей которого в 2018 г. составляет 91 год и старше (о том, какие поколения исключены применительно к России, мы указывали ранее). В результате в массовые опросы населения в обеих странах преимущественно попадают четыре поколения. Стоит отметить, что средняя продолжительность вычленения поколения в США и России (применительно к рассматриваемым четырем поколениям) оказывается практически идентичной: 16,2 года против 17 лет соответственно. Исследователи из Pew Research Center более подробно разграничивают самое молодое поколение, выделяя миллениалов и постмиллениалов, и объясняют это политическими, экономическими, технологическими и социальными факторами¹. Среди прочего

они указывают на большую актуальность трагедии 11 сентября, о которой постмиллениалы, в отличие от миллениалов, мало помнят или не знают совсем; память о войнах в Афганистане и Ираке, со свойственной тому периоду политической поляризацией; взросление при первом темнокожем президенте и большее этническое разнообразие среди поколений миллениалов в истории страны (среди постмиллениалов младше 21 года этническое разнообразие еще выше).

Разграничение самых молодых поколений является предварительным, требуется время и данные, чтобы понять, где проходят границы, отделяющие миллениалов от следующих за ними постмиллениалов. Применительно к России (и это отчасти объясняет отсутствие столь дробного деления в данной работе) подобное разграничение представляется еще более проблематичным, учитывая мощные социальные изменения, связанные с распадом СССР и становлением нового государства, на период которых пришлось взросление нынешних молодых. В отечественной практике историко-символическим характеристикам этого поколения, в отличие от поведенческих стратегий, уделялось немного внимания, во многом портрет постсоветской молодежи еще требует своего анализа, без которого выделение последующего поколения лишено смысла.

Эмпирическая база исследования

Методологической базой данной работы выступили результаты опросов населения России старше 18 лет, которые репрезентировали жителей России по полу, возрасту и образовательному уровню в соответствии с итогами Всероссийской переписи, доступными на момент проведения опросов². В статье используются

Таблица 2
КЛАССИФИКАЦИЯ МАССОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ В США И РОССИИ

Поколения в США			Поколения в России		
Название поколения	Годы рождения	Возраст в 2018 году	Название поколения	Годы рождения	Возраст в 2018 году
Silent generation	1928–1945	73–90	Оттепели	1929–1943	75–89
Baby Boom generation	1946–1964	54–72	Застоя	1944–1968	50–74
Generation X	1965–1980	38–53	Перестройки	1969–1990	28–49
Millennial generation	1981–1996	22–37	Постсоветское	1991–2000	18–27
Post-millennial generation	1997 and later	18–21	–	–	–

¹ Подробнее см. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/03/01/defining-generations-where-millennials-end-and-post-millennials-begin/>

² Результаты опросов, используемых в работе, частично доступны в Едином архиве экономических и социологических данных. URL: <http://sophist.hse.ru/>

результаты инициативных¹, omnibusных исследований, проведенных «Левада-Центром» в период 2001–2019 гг. В каждом исследовании было опрошено порядка 1600 человек (если количество участников или параметры исследования значимо отличались, это указывалось при анализе).

Цель статьи — это анализ динамики мнений и установок жителей России из разных поколений, затрагивающих историко-символическую сферу общественного мнения: восприятие исторических событий и личностей; советского прошлого; характер отношения к Западу, каналы информации и уровень доверия им; предпочтительный тип государственного устройства и потребительские модели. Сразу укажем на ограничение данной работы, в ней не рассматривается дифференциация в *поведенческих стратегиях* поколений, изучению которой (преимущественно) посвящены работы других авторов. Основные дискуссии по поводу поколенческих различий в России касаются именно историко-символической сферы, а не реального поведения — никто не будет спорить с тем, что молодые поколения активнее используют Интернет в повседневной жизни.

Принимая во внимание методические возможности массового опроса и используемую поколенческую типологизацию Ю. Левады, еще раз подчеркнем, что в данной статье предпринимается попытка проанализировать различия *между поколениями*, а не между возрастными группами. Для анализа возрастных

особенностей, учитывая выборку подобных исследований, следовало бы применять иную периодизацию возрастных групп (18–24, 25–39, 40–54, 55 лет и старше), без учета идеи о социальной локации поколения, которая гипотетически влияет на ее установки и поведение.

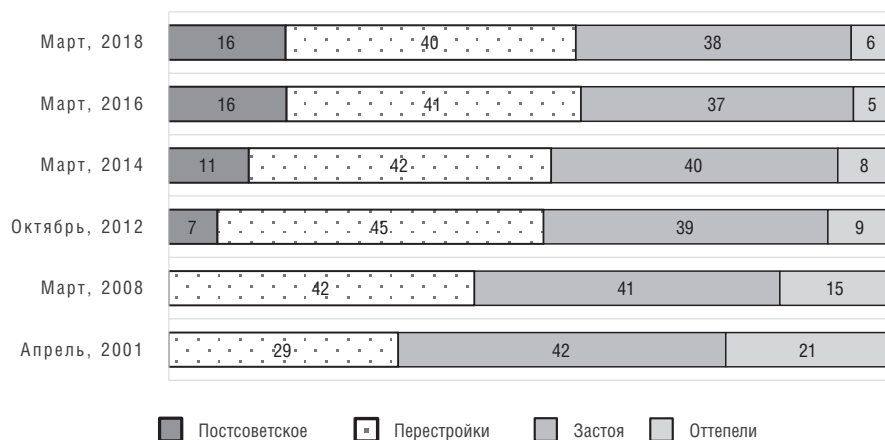
Массивы с индикаторами, используемыми в статье, различались по месяцам, т.е. опросы проводились не одномоментно, а в нескольких omnibusах в течение выбранного периода. По возможности мы отбирали сопоставимые периоды (месяц и год) по всем анализируемым темам.

Если обратиться к долям ранее выделенных поколений в выборке общероссийских исследований в период 2001–2018 гг., то получится следующее распределение, исходя из которого поколения перестройки и застоя являются количественно доминирующими поколениями, а значит, их мнение обладает наибольшим весом в обществе (рис. 2).

Распределение возрастных когорт, согласно данным Росстата о численности населения РФ по полу и возрасту на 1 января 2018 г.², идентично пропорциям аналогичных когорт в выборке используемых опросов. Поколения застоя и перестройки (если рассматривать их как возрастные когорты) действительно преобладают в численности совершеннолетнего населения страны. Однако стоит учитывать, что данные Росстата приводятся на 1 января 2018 г. и сравниваются с результатами опроса в марте 2018 г., поэтому в табл. 3 из последнего были исключены респонденты, рожденные

Рисунок 2

ДОЛИ ПОКОЛЕНИЙ В ВЫБОРКЕ ОМНИБУСА (в процентах от выборки в целом, исключая позиции «нет ответа» и «затруднившихся ответить»)

¹ То есть проведенных за счет собственных средств организации.

² Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094

в 2000-м (хотя в выборке мартовского омнибуса «Левада-Центра» они уже попадали в постсоветское поколение, как представители 18-летних¹).

Значимость исторических событий

Одним из инструментов определения всегда условных границ поколений выступает историческое событие (-ия), которое (-ые) оказало (и) наибольшее символическое и социокультурное влияние на судьбу социальной общности². С. Вейгель отмечала, что «изучение поколения в его символическом выражении подразумевает безусловную значимость родовых отношений в процессе *конструирования истории и культурной памяти*»³, подчеркивая тем самым важность межпоколенной трансмиссии истории и культуры в обществе. На употребление термина «поколение» в символическом смысле указывал также И. Кон, отмечая, что чем «значительнее историческое событие, тем шире хронологические рамки его влияния»⁴.

П. Сорокин указывал, что различия между «молодыми и старшими поколениями» заключаются в разном восприятии (реакции) людей разных возрастов одних и тех же *событий*⁵. В работах вышеуказанных авторов делается акцент на важности исторических оценок и выделения центральных событий для формирования поколенческого восприятия и опыта, но не всегда

такая периодизация работает, и представители молодого / нового / последующего поколений *могут реагировать на исторические события идентичным старшим поколениям образом*, на что указывал К. Мангейм.

Важность исторических событий в общественном мнении замерялась вопросом с карточкой со списком событий и возможностью указать то, что в нем не было представлено (всего 36 событий). Снижение размерности списка событий на результатах опроса в 2017 г., т.е. попытка выделения в нем событийных блоков одного историко-социального периода — условные «события девяностых годов», «советская система», «революционное прошлое» — не была успешной, а количество выделяемых факторов (если их не ограничивать искусственно) составляло 13, объясняя при этом только 16% дисперсии, что нельзя считать удовлетворительным для анализа.

Несмотря на это, была предпринята попытка принудительно сформировать три фактора с учетом временной и смысловой близости событий: период Великой Отечественной войны и достижений (война, создание социалистического лагеря и ядерного оружия, запуск первого искусственного спутника Земли и полет Ю. Гагарина); конец советского периода (ввод войск в Афганистан, Олимпиада-80, чернобыльская катастрофа, начало перестройки) и постсовет-

Таблица 3
СРАВНЕНИЕ ДОЛИ ПОКОЛЕНИЙ В ВЫБОРКЕ ОМНИБУСА И В ОТЧЕТЕ РОССТАТА ЗА 2018 ГОД (в процентах)

Поколение	Год рождения	Доля в выборке омнибуса в марте 2018 года	Доля в отчете Росстата о численности населения РФ
Постсоветское	1991–1999	15	13
Перестройки	1969–1990	40	42
Застоя	1944–1968	38	35
Оттепели	1929–1943	6	8

¹ К этому сравнению выборки общероссийских опросов «Левада-Центра» и данных Росстата о возрастной структуре России можно отнести тех, кто придерживается мнения, согласно которому «участвовать в подобных опросах соглашаются только пенсионерки», поэтому нельзя рассматривать их как репрезентативные, т.е. отражающие возрастную структуру населения России. Как видно из табл. 3, возрастные когорты, представленные в выборке, соответствуют возрастной структуре, предоставляемой Росстатом.

² См.: Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М., 2009. С. 82.

³ Weigel S. «Generation» as a Symbolic form: On the genealogical discourse of memory since 1945 // The Germanic review. 2002. No. 4. P. 264–277.

⁴ Кон И.С. Социология личности. М., 1967. С. 110.

⁵ Цит. по: Kertzer D. Generation as a sociological problem // Annual Reviews. No. 9. 1983. P. 127.

ский период в истории страны (путч и расстрел «Белого дома», чеченская война, кризис 1998 г., взрывы в Москве и Волгодонске). Значения индексов CFI (0,940) и TLI (0,921) в целом демонстрировали пригодность модели, однако регрессия выделенных трех факторов на возраст указывала на отсутствие влияния этой переменной на выбор респондентами событий того или иного периода. Перекодирование (непрерывной) переменной возраста в четыре группы, согласно применяемому в работе поколенческому подходу, также указывало на отсутствие зависимости событийных факторов от возраста как предиктора.

Таблица 5 с распределением ответов респондентов из разных поколений о самых значимых событиях XX века для России демонстрирует отсутствие радикальных различий в первой десятке событий-лидеров. Великая Отечественная война, полет Ю. Гагарина в

космос и распад СССР признаются как самые значимые всеми поколениями (это можно проследить и по другим исследованиям «Левада-Центра», где гордость Великой Победой и освоением космоса характерна для всех без исключения возрастных когорт¹).

Таблица 4

РЕГРЕССИЯ СОБЫТИЙНЫХ ФАКТОРОВ НА ВОЗРАСТ (непрерывная переменная)

Regressions:

	Estimate	Std. Err	z-value	P(> z)	Std. Dev	Std. All
war ~						
age	0.030	0.022	1.392	0.164	0.049	0.049
ussr ~						
age	0.062	0.031	1.975	0.048	0.155	0.155
post ~						
age	0.023	0.027	0.846	0.397	0.044	0.044

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКИЕ ИЗ СОБЫТИЙ XX ВЕКА ВЫ НАЗВАЛИ БЫ САМЫМИ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ?» (в процентах; январь 2017 года; N = 1601)

	Постсоветское	Перестройки	Застоя	Оттепели
Число опрошенных	284	658	573	86
Великая Отечественная война	71	76	80	83
Полет Гагарина	53	60	57	56
Распад СССР	38	44	47	40
Октябрь 1917-го	26	36	41	41
Приход к власти Владимира Путина	30	29	25	28
Чернобыльская катастрофа	20	26	26	23
Создание ядерного оружия	14	17	20	13
Репрессии 30-х годов	9	16	17	16
Первая мировая война	14	14	16	13
Московская Олимпиада в 1980 году	11	18	18	10
Запуск первого искусственного спутника Земли	14	18	14	8
Гражданская война	11	13	14	10
Расстрел царской семьи	9	14	14	5
Первая чеченская война	8	10	9	5
Присоединение Эстонии, Латвии, Литвы, Молдавии, Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР	4	8	10	10
Кризис 1998 года	9	7	7	6
Коллективизация	5	7	10	8
Ввод советских войск в Афганистан	5	8	9	5
Первые пятилетки	2	6	7	11
Августовский путч 1991 года	6	8	8	4
Реформы Столыпина	4	7	9	5
Начало перестройки	4	7	7	3

¹ Пресс-релиз «Гордость и стыд» на официальном сайте «Левада-Центра». URL: <https://www.levada.ru/2017/03/01/gordost-i-styd/>

	Постсоветское	Перестройки	Застоя	Оттепели
Смерть Ленина	3	5	6	7
Революция 1905 года	5	7	5	1
Взрывы в Москве и Волгодонске в 1999 году	2	4	6	4
Разрушение храма Христа Спасителя	4	4	4	4
Создание социалистического лагеря в Европе	2	4	5	4
Расстрел «Белого дома» в 1993 году	3	4	4	3
Финская война	2	5	4	3
Февральская революция	3	4	3	2
Введение НЭПа	1	2	3	5
...				
Другие события	2	1	1	–
Затруднились ответить	12	5	2	2

Если в 2017 г. представителям поколения перестройки было от 27 до 48 лет, то на середину — конец 1990-х приходился период их социального становления, важность которого для формирования поколенческого разрыва отмечают многие исследователи. Однако распределение ответов в табл. 5 указывает на слабую значимость важных событий того периода: августовского путча 1991 г., первой чеченской войны, кризиса 1998 г., взрывов в Москве и Волгодонске в 1999 г.¹ Перестроечное поколение символически привязано к знаковым событиям более старших поколений, современниками которых они не являлись.

При этом тема сталинских репрессий отмечается самым молодым поколением реже, чем тема победы в Великой Отечественной войне, хотя они являются событиями одного историко-социального периода. Попутно заметим, что это указывает на избирательную передачу истории страны от поколения к поколению или на вытеснение семейного (трагического) взгляда на события прошлого. Еще К. Мангейм отмечал необходимость постоянной передачи культурного достояния (памяти) как одного из важнейших условий, которые определяют существование поколений². Анализ влияния социальных институтов, включая семью, на процесс формирования исторической памяти у молодого поколения выходит за рамки данной статьи. Однако, например, готовность пред-

ставителей поколений оттепели, застоя и перестройки делиться с детьми и внуками памятью о Великой Отечественной войне в 3 раза выше, чем желание рассказывать им о репрессиях и ссылках того периода.

Попутно еще раз обратим внимание, что вопрос касался событий XX в., хотя и в истории России XXI в. было как минимум одно коллективно значимое событие — присоединение Крыма. Учитывая массовую поддержку этого события, которую фиксировали все без исключения исследователи и поллстеры, представления о важности данного события для всех рассматриваемых поколений не вызывает сомнений. Можно обратиться к данным декабря 2018 г., свидетельствующим об отсутствии принципиальных различий в гордости за возвращение Крыма: 40 и 41% среди постсоветского и перестроечного поколений и 49 и 56% среди представителей поколений застоя и оттепели.

Подход к пониманию значимости тех или иных исторических событий через термины «национальной гордости» и «стыда» также указывает на отсутствие конфликта поколений. Индикаторы гордости сконцентрированы вокруг советского прошлого, которые выше в самых старших поколениях, в то время как стыд — вокруг низкого материального положения населения. Стыд за распад СССР в большей степени является прерогативой представителей оттепели и застоя, чем перестроечного и постсоветского поколений. Напротив, молодые поколения чаще отмечают стыд за «догоняющий» характер развития России относительно западных стран.

¹ Не сопоставимое по уровню памяти о терактах 11 сентября в США среди американского населения.

² См.: Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 20.

В настоящий момент между поколениями не отмечается поколенческого разрыва с точки зрения восприятия социального времени. Нет событий, восприятие которых поляризовало бы мнения современных поколений в России. Либо для их разграничения с точки зрения истории должна быть использована альтернативная карта значимых событий или иная (качественная) методология¹.

Отношение к Западу

Для описания поколений следует обратиться к индикаторам, которые представляют значимость с точки зрения общественных настроений и процесса национальной идентификации согласно подходу, предложенному Ю. Левадой (см. табл. 1, контекст формирования поколений). Он не выделял поколения на основе повседневного и потребительского опыта как такового, а уделял внимание социально-политическим и историческим ориентациям населения.

Важность анализа декларируемых установок представителей различных поколений в *политической сфере* (а выбранные индикаторы, вероятно, могут быть категоризированы подобным образом) отмечал К. Мангейм, подчеркивавший, что «структурное соотношение формирующих социальную жизнь импульсов, равно как и дифференциация поколений, очевиднее всего именно в этой (политической. — *Прим. авт.*) области»², хотя и призывал не выводить все различия и изменения только из политических факторов. В. Ядов также отмечал значимость внешнеполитических ориентаций, размышляя об исторической миссии молодого поколения, и выделял в возрастной когорте молодых несколько групп: от «прозападников» до «экстремистов»³.

Одним из ключевых показателей в данной работе выступает отношение к западным странам, особенно в условиях международной изоляции и обмена санкциями в течение последних пяти лет. Принципиальную значимость приобретает рассмотрение негативизма в отношении других государств как одной из форм ксенофобии (своего рода ксенофобии по «политическому» признаку), в основе которой базовый социально-психологический процесс категоризации на «своих» и «чужих». Этот механизм конструирования «чужого» не раз яв-

лялся предметом социологического разбора как среди зарубежных исследователей (Г. Зиммель, Р. Штихве), так и среди отечественных ученых (И. Гасанов, Л. Гудков, Б. Дубин, Е. Сенявская, А. Шилов). Полемика о том, следует ли рассматривать подобную бинарность как позитивный (почва для национальной консолидации и мобилизации) или негативный (укрепление изоляционизма) социальный факт, остается за рамками данной статьи.

Выбор массивов 2012, 2014 и 2018 гг. был обусловлен следующим. Период эскалации конфликта между Россией и западными странами приходился на 2014–2015 гг. (в этот период уровень негативного отношения к Западу превысил 70%-ный порог). Постепенно уровень негативизма стал снижаться. Таким образом, для понимания установок разных поколений относительно западных стран было выбрано три контрольные точки: «неконфликтный» 2012 г., «патриотический» подъем 2014 г. и «затяжная» форма конфликта в 2018 г. В марте 2014 г. до начала конфликта у представителей постсоветского поколения преобладало позитивное отношение к США (суммарно 53%), в то время как среди поколений перестройки, застоя и оттепели, напротив, сильнее был выражен негативизм: 56, 60 и 54% соответственно.

К европейскому союзу у постсоветской и перестроечной генераций выражено доминировало «хорошее» отношение, в то время как у представителей поколений оттепели и застоя позитивные и негативные оценки находились практически в равном соотношении — 1:1.

Вторая контрольная точка (март 2018 г.) однозначно указывает на снижение позитивной перцепции западных стран у всех поколений. Среди постсоветского, перестроечного и поколения застоя снижение позитивного отношения произошло за счет роста доли тех, кто затруднился ответить, в то время как уровень негативизма остался без изменений. Напротив, в поколении оттепели негативное отношение за прошедшие четыре года конфронтации и изоляционизма лишь усилилось. Аналогичные изменения отмечаются относительно отношения к Европейскому союзу.

Динамика общественного мнения 2012–2018 гг. демонстрировала, что каждый последующий замер из отобранных для анализа, в сравнении с предыдущим, практически в полтора раза снижал долю респондентов из постсоветского поколения с положительным отношением к США и ЕС. Наименее заметное ухудшение отношения к США за этот период у поколения

¹ Как конфликт позитивистского (количественного) и историко-романтического (качественного) подходов к проблеме поколений, на которые указывал К. Мангейм.

² Мангейм К. Проблема поколений. С. 46.

³ Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. С. 258.

Рисунок 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ АМЕРИКИ?» (в процентах)

Рисунок 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К ЕВРОПЕЙСКОМУ СОЮЗУ?» (в процентах)

оттепели, где доля опрошенных, настроенных позитивно, снизилась всего на 13 п.п.: с 34% в 2012-м до 21% в 2018-м. Таким образом, обострение отношений России и Запада практически не изменило и без того высокий уровень антиамериканских и антиевропейских настроений среди самого старшего поколения (главного потребителя теленовостей как источника информации об окружающем мире), а рост негативизма произошел за счет ухудшения мнений молодых поколений. Тем не менее в среде самого молодого из них (респондентов 1991–2000 годов рождения) поляризация оценок Запада наиболее слабая, в отличие от поколения перестройки и застоя, где с 2014 г. разрыв между крайними оценками увеличивается в пользу негативного отношения, в 2018-м более чем в 2 раза превысившего положительные установки.

Еще один индикатор отношения россиян к Западу — вопрос: «Как вы считаете, России следует укреплять взаимовыгодные связи со странами Запада или, наоборот, дистанцироваться от Запада?». Он был включен в анкеты 2007, 2012, 2014 и 2018 гг. В 2007-м представители самого старшего возраста из постсоветского поколения были несовершеннолетними, поэтому не попадали в выборку исследования. Среди представителей других поколений показатели желаемости сотрудничества России с Западом находились на идентичном уровне: 75% среди поколения перестройки, 77% среди поколения застоя и 73% среди поколения оттепели.

Следующий замер общественного мнения, который проводился в 2012 г. и в который уже попали миллениалы в возрасте от 18 до 21 года,

продемонстрировал важность Запада для самого молодого поколения, за сотрудничество с которым выступало подавляющее большинство в его среде (92%). При этом в 2012-м, по сравнению с 2007-м, доминирующая установка на сотрудничество представителей перестройки и застоя оставалась без изменений. Среди поколения оттепели в этот период доля опрошенных, выступающих за укрепление связей, снизилась с 73 до 65%.

Начиная с марта 2014 г. негативизм в отношении Запада усиливается во всех возрастных когортах, а установка на сотрудничество находит меньший отклик среди населения. По сравнению с 2012-м показатели поддержки взаимовыгодных связей со странами Запада снизились более чем на 10 п.п. среди всех поколений, но наиболее значимо — на 29 п.п. среди представителей постсоветской молодежи. По мере нарастания конфликта к 2018 г. поддержка установки на сотрудничество во всех поколениях продолжила снижение. Но если у представителей постсоветского и поколения застоя уменьшение поддержки происходило за счет роста доли респондентов, затруднившихся ответить, то среди респондентов из поколения оттепели и перестройки выросли негативные оценки, достигнув максимальных значений среди всех анализируемых замеров. Несмотря на эти изменения, желание сотрудничать с Западом по-

прежнему доминирует над желанием дистанцироваться от него.

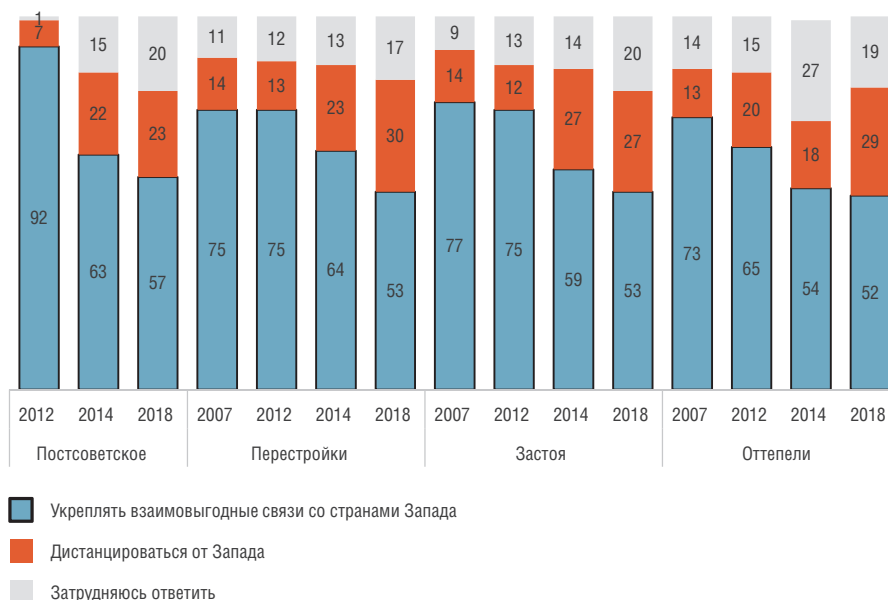
Эмиграция

Установка на эмиграцию — еще один символический элемент, характеризующий поколенческий разрыв. Если для старших поколений отъезд из страны на постоянное место жительства рассматривался скорее негативно, то в эпоху постсоветских трансформаций Запад как место для хорошей и стабильной жизни¹ стал постепенно включаться в ценностную структуру нового постсоветского общества, перестав на какое-то время быть табу в контексте социальной мобильности и улучшения качества жизни.

Мысли об эмиграции сильнее выражены у самого молодого поколения, каждый третий представитель которого хотел бы уехать за границу на постоянное место жительства. В 2017 г. идентичные показатели фиксировались у перестроечного поколения и поколения застоя — по 16%. У представителей оттепели готовность отъезда находилась на уровне статистической погрешности. Интересно, что все возрастные когорты демонстрировали планомерное снижение эмиграционных настроений от 2012 г. к 2017 г., за исключением постсоветского поколения, у которого готовность эмигрировать, по сравнению с 2012-м, снизившаяся в 2014-м, вернулась к прежним

Рисунок 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РОССИИ СЕЙЧАС СЛЕДУЕТ ...» (в процентах)

¹ На это косвенно указывает и массовый положительный образ США, «хорошее» отношение к которому в ноябре 1991 г. было выражено у 80% населения. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam/>

Рисунок 6

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ХОТЕЛИ БЫ ВЫ УЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ (ЗА ПРЕДЕЛЫ БЫВШЕГО СССР) НА ПОСТОЯННОЕ ЖИТЕЛЬСТВО?»¹ (в процентах)

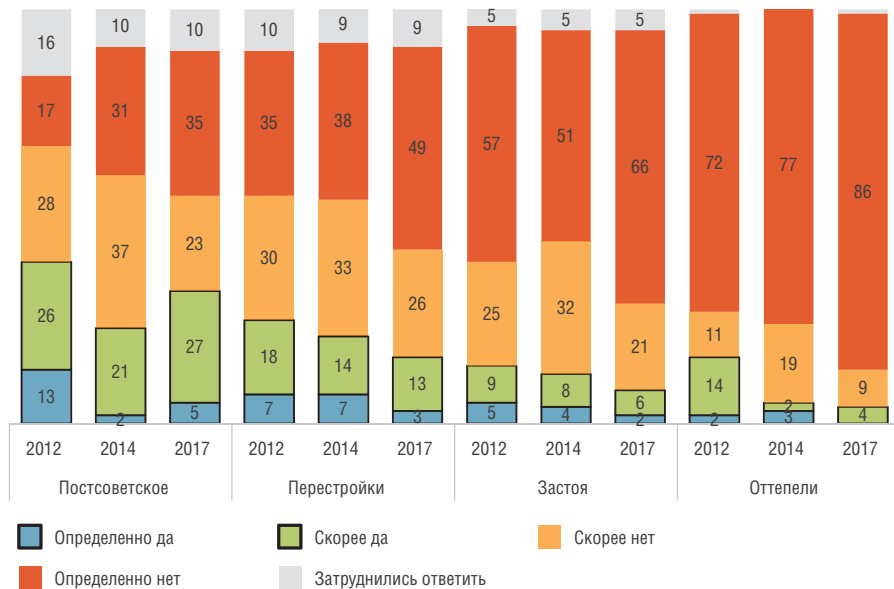
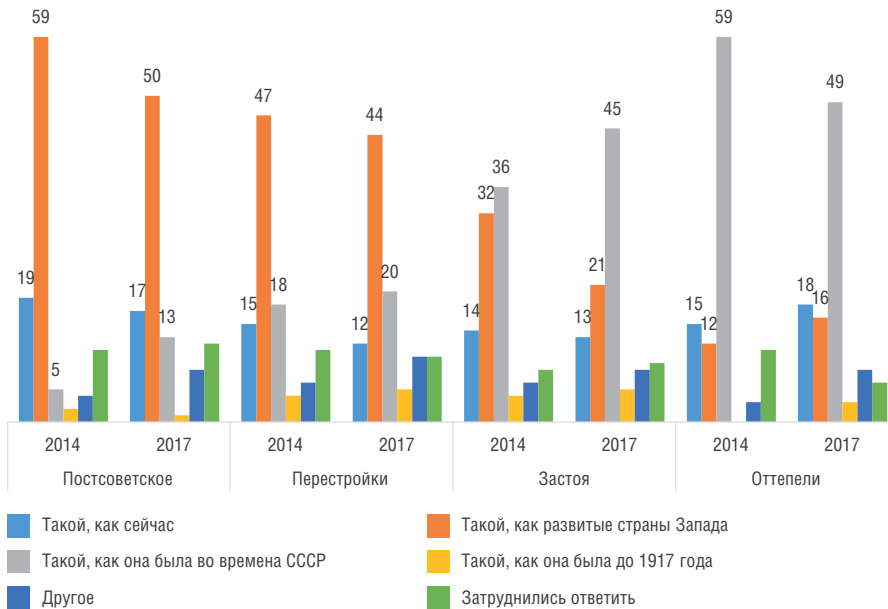

Рисунок 7

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ИДЕАЛЕ, КАКОЙ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ?» (в процентах)

значениям в 2017-м. Вероятно, именно молодежь оказалась наиболее подверженной общественной консолидации 2014 г., когда западные ценности оказались «менее модными», в то время как интерес к российской символике демонстрировал рост, инкорпорируясь в повседневную жизнь населения¹.

Де-факто реальные шаги к переезду (сбор документов) предпринимает значительно меньшее число опрошенных во всех поколениях, в том числе не более 1% среди самой молодой когорты в 2017 г. Если на уровне эмиграционных настроений поколения имеют различия, то на уровне реального поведения они отсутствуют.

¹ В 2014 г. выборка исследования составила 800 человек.

¹ В феврале 2015 г. россияне в возрасте 18–24 лет приобрели или хотели бы приобрести майку (значок) с изображением президента РФ,

что выше показателей среди других возрастных групп. URL: <https://www.levada.ru/2015/03/05/simvolika-s-izobrazheniem-vladimira-putina/>

Государственное устройство

Обратимся к ориентациям представителей разных поколений относительно желаемого типа государственной системы. В 2014 г. каждый второй представитель постсоветского поколения хотел, чтобы Россия в будущем была «такой, как развитые страны Запада». В целом это мнение доминировало и среди перестроечных опрошенных (47%). У поколения оттепели идеальная Россия будущего должна реставрировать советский строй.

Поколение застоя — единственное, представители которого не могли выбрать желаемый ориентир в дихотомии «советская модель» или «западная модель». Треть опрошенных (36%) ностальгировала по советскому строю, еще треть предпочитала западный вариант развития для России. Среди представителей всех поколений практически не было поклонников империи, выбирают которую как идеал государственного устройства не более 5% в каждой когорте.

Замер 2017 г., после обострения международной обстановки и значимого подъема антизападных настроений, демонстрирует отсутствие принципиальных изменений для постсоветского и перестроечного поколений, для которых развитые страны Запада остаются образцом идеального государственного устройства. Два самых старших поколения остаются приверженцами советской государственной модели.

Другая формулировка, предоставляющая выбрать нейтральный ответ относительно (желаемого) будущего России, показывает, что каждому пятому гражданину страны декларативно безразличен этот выбор, а главное — то, «насколько хорошо буду жить я и моя семья». Вероятно, это результат ценностного вакуума, характерного для постсоветского периода, который Р. Рывкина определяет как «ситуацию, когда людям безразлично, при каком политическом строе жить, за какую партию голосовать, какую власть иметь и др.»¹. Подобное безразличие может представлять потенциальную базу для популизма, основу которого составляют не ценностные предпочтения как таковые, рационализирующие политический выбор, а базовые, упрощенные потребности, преимущественно концентрирующиеся вокруг материального благосостояния.

Данные 2017 г., в сравнении с данными 2014 г., демонстрируют общий тренд на рост доли тех опрошенных, которые дистанциру-

ются от политического выбора. Среди самого молодого поколения она достигла практически трети, среди остальных превысила четверть. Значимо снизилось число сторонников рыночной экономики и демократии в среде самых молодых поколений, однако по-прежнему она остается наиболее желаемым типом государственного устройства². Распределение предпочтений указывает на их размывание, диффузность мнений и оценок, следовательно, отсутствие поколенческой проблематики относительно политического выбора.

Особого внимания заслуживает двукратное снижение симпатий к социалистическому государству среди представителей поколения оттепели (при сохраняющейся ностальгии по СССР)³. В качестве предположения можно указать, что сожаление о распаде может определяться не ностальгией по социализму и коммунизму как таковому, а ностальгией по социальным институтам, которые функционировали «для людей» (медицина, образование, бесплатное жилье, путевки, возможности быстрого улучшения социального положения за счет партийной вертикальной мобильности). То есть сферы, традиционно вызывающие неудовлетворение среди нынешних россиян⁴.

Отношение к Сталину

В 2018 г. исполнилось 65 лет со дня смерти И. Сталина. При заметном росте интереса к этой фигуре⁵ отношение к нему остается дискуссионным. Активная включенность образа вождя в публичное пространство современной России не позволяет пройти мимо вопроса, меняется ли массовое отношение к нему с динамикой поколений в России, т.е. изменились ли базовые установки в восприятии вождя у разных поколений с течением времени? Неоднозначность отношения к вождю заметна от политических дебатов кандидатов в президенты до местных инициатив в российских реги-

² На ориентацию российской молодежи на власть, избираемую демократическим путем, указывают и другие исследования. См., напр.: Зубок Ю. Традиционное и современное в социально-политической идентификации молодежи // Власть. 2014. № 11. С. 42.

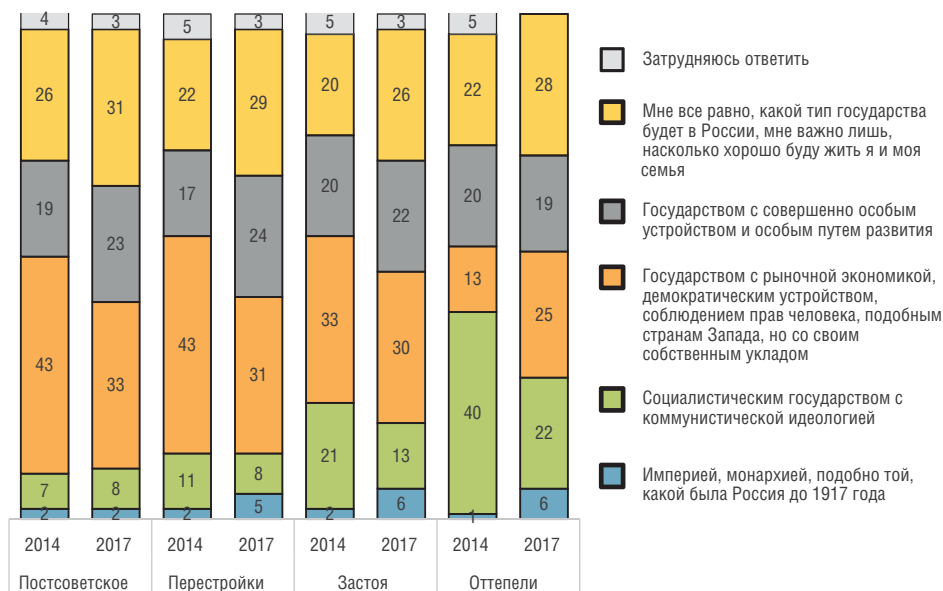
³ Об этом свидетельствует наиболее заметное снижение среди представителей оттепели поддержки о том, что советский строй характеризовала «направляющая роль коммунистической партии», что будет указано далее в работе.

⁴ Пресс-релиз «Наиболее тревожащие проблемы» на официальном сайте «Левада-Центра». URL: <https://www.levada.ru/2018/04/24/naibolee-trevozhashhie-problemy-3/>

⁵ Пресс-релиз «Сталин в общественном мнении» на официальном сайте «Левада-Центра». URL: <https://www.levada.ru/2018/04/10/17896/>

Рисунок 8

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ГОСУДАРСТВОМ КАКОГО ТИПА ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ?» (в процентах)

онах с желанием установить памятник вождю, поляризуя общественные настроения на два противоположных лагеря¹.

Как отмечает К. Мангейм, смена поколений в развитии общества приводит к «новым контактам», т.е. к ситуации, когда либо меняются общественные отношения, либо происходит смена поколений, что способствует формированию нового участника (нового поколения) культурного процесса и, следовательно, «появлению принципиально новой позиции по отношению к наследию, оставленному предшественниками»². В настоящее время применительно к России мы можем наблюдать одновременно обе ситуации: продолжающийся переход от советского общества к постсоветскому и появление нового постсоветского поколения граждан.

Для исследования динамики восприятия Сталина были использованы результаты четырех общенациональных опросов: 2012, 2014, 2018 и 2019 гг. В 2001-м и 2008-м в выборку общероссийских опросов не попадало постсоветское поколение³, поэтому они не были использованы. Напомним, что в настоящее время

наиболее крупные когорты в обществе (соответственно и в выборке, которая учитывает возрастное распределение в обществе, опираясь на данные Росстата) составляют два поколения — перестроечное и застоя.

Если обратиться к динамике общественного мнения, то следует отметить снижение числа россиян, негативно настроенных к Сталину (в 2018 г. их доля составляла меньшинство среди всех поколений), и рост положительного восприятия. Чем старше поколение, тем выше комплекс положительных чувств к вождю и меньше доля респондентов с безоценочным отношением.

Доля эмоционально нейтральных ответов без рефлексии по поводу предмета вопроса (как сумма позиций «безразлично», «затрудняюсь ответить» и «отказ от ответа») доминирует у представителей самых молодых поколений. Это отчасти подтверждает тезис о важности «быть современником» тем или иным событиям и личностям, что накладывает отпечаток на формирование особого поколенческого восприятия. Для бывших постсоветских детей и детей перестройки вождь не являлся центральной идентификационной категорией, поэтому отношение молодежи к нему преимущественно остается безоценочным. Однако и в ее среде фиксируется устойчивый рост положительных оценок от 2008-го к 2019-му. Для удобства анализа мы рассчитали «Индекс отношения к Сталину» как разницу между положительными («восхищение», «уважение», «симпатия») и не-

¹ В августе 2017 г. идею установить памятник Сталину в российских городах поддержали 39% россиян. Противоположной точки зрения о недопустимости такой идеи высказали 38% респондентов.

² Мангейм К. Проблема поколений. С. 21.

³ Подобные опросы проводятся только среди совершеннолетнего населения, а в 2001 г. представителям постсоветского поколения было от 1 до 10 лет, в 2008 г. самым старшим из них исполнилось 17 лет, соответственно они не попадали в выборку исследований.

гательными мнениями («неприязнь», «страх», «отвращение») плюс 100, чтобы избежать отрицательных значений. Если значение ниже 100, это свидетельствует о доминировании негативных оценок, и наоборот — чем выше значение индекса, тем выше комплекс положительных чувств к вождю.

Восприятие Сталина для старших поколений, представители которых являются современниками или близки к тому историческому периоду, эмоционально окрашено. Интересно, что в 2012 г. представители поколения застоя демонстрировали практически равнозначные оценки позитивного и негативного отношения к Сталину (32 против 26%). Однако последующие замеры в 2014 и 2018 гг. указывали на поляризацию оценок вождя, среди которых стало преобладать позитивное восприятие: 45 против 20% в 2014-м и 48 против 17% в 2018-м соответственно. Среди представителей оттепели (респонденты 1929–1943 годов рождения) всегда доминировал позитивный образ Сталина, который лишь укрепился после 2014 г., но ослабился от 2018-го к 2019-му.

Таким образом, тренд на рост позитивного отношения к Сталину определяется за счет улучшения мнений представителей всех поколений, за исключение самого старшего (неотрицательное отношение к вождю становится новой социальной нормой). Наиболее резкое улучшение оценок от 2012-го к 2019-му на-

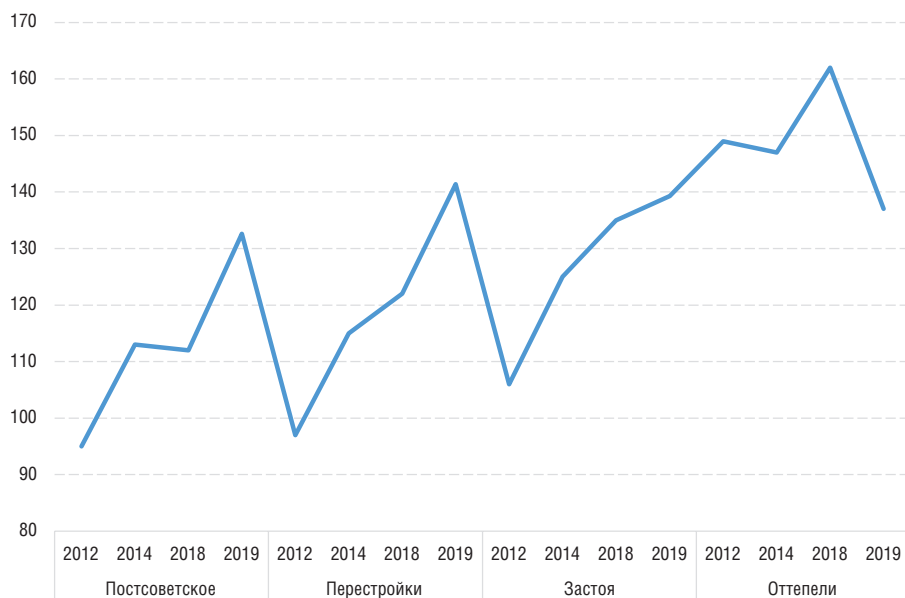
блюдается среди молодых поколений, хотя значительная часть опрошенных в их среде по-прежнему эмоционально и рефлексивно дистанцируется от оценок этого исторического этапа. К. Мангейм указывал, что, если у старшего поколения все чувства и представления определяются некоторым противостоянием (отношения к Сталину. — *Прим. авт.*), то для младшего поколения это противостояние может просто не существовать, потому что их стартовая позиция совершенно иная¹. Как отмечал Ю. Левада, «разоблачение сталинизма осталось событием заинтересованного поколения, не стало катарсисом, по крайней мере, в осознанном виде, для общества»².

Мифологизация советского

Нередко можно услышать мнение о том, что молодежь не интересуется историей и советское прошлое для нее не значимо, поэтому бессмысленно спрашивать ее о том, чего она не знает (такая логика, в принципе, отрицает познавательную возможность опросов для понимания механизмов исторической памяти). В свою очередь, хочется обратить внимание на следующий факт: если респонденты не имеют мнения и не хотят его публично демонстрировать в ситуации интервью, то они уклоняются от ответа или уходят в затруднившихся отвечать. Действительно, есть вопросы, где доля затруднившихся достигает половины от группы (например, во-

Рисунок 9

«ИНДЕКС ОТНОШЕНИЯ К СТАЛИНУ» НА ОСНОВАНИИ ВОПРОСА: «КАК ВЫ ЛИЧНО В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ К СТАЛИНУ?»

¹ Мангейм К. Проблема поколений. С. 25.

² Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования. С. 12.

прос о депортации народов в СССР). Но, если респонденты дают ответ, это свидетельствует о том, что: а) у респондента есть мнение (другое дело, что или кто способствовал его формированию) и б) он готов это мнение публично озвучить (значит, тема опроса не табуируется).

В мае 2019 г. «Левада-Центр» повторил список суждений (всего 14) из проекта «Советский человек», которые респонденты могли выбрать на карточке с ответами, если они соответствовали их представлениям о Советском Союзе, или назвать что-то другое. Ранее этот вопрос задавался дважды: в исследованиях 2000 и 2008 гг.

Во-первых, гипотеза, согласно которой населению с каждым годом становится малоинтересно советское прошлое, остается дискуссионной и на этих данных не подтверждается: интенсивность ответов у представителей постсоветского или перестроечного поколений, не заставших или заставших самый конец

советского периода, практически совпадает — они давали ответы с такой же частотой, как и самое старшее поколение (наиболее активно отвечали респонденты из поколения застоя). Во-вторых, иерархия основных представлений об СССР у представителей выделяемых поколений идентична. В первой тройке ответов: «забота государства о простых людях», «дружба народов» и «успешное развитие экономики». Респонденты старшего возраста чаще называли «достижения в сфере науки и культуры» и «постоянное улучшение жизни людей». Молодые поколения активнее выбирали такие суждения, как «преследование инакомыслящих» и «изоляция страны от внешнего мира» (оставаясь наиболее «прозападной» группой в целом, как мы ранее отмечали).

В табл. 7 мы приводим баланс ответов 2019 и 2008 гг. в зависимости от поколенческой принадлежности. Положительные значения,

Таблица 6

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТИ ОБ СССР (май 2019 г.; ранжировано по столбцу «в целом по выборке»; в процентах)

	В целом по выборке	Постсоветское	Перестройки	Застоя	Оттепели
Забота государства о простых людях	59	49	57	64	61
Отсутствие межнациональных конфликтов, дружба народов	46	38	48	49	47
Успешное развитие экономики, отсутствие безработицы	43	39	39	49	36
Постоянное улучшение жизни людей	39	29	38	46	41
Самая передовая в мире советская наука и культура	31	26	29	33	37
Направляющая роль коммунистической партии	29	31	31	28	25
Очереди, дефицит, карточки	24	23	26	24	23
Изоляция страны от внешнего мира, невозможность выезжать за рубеж и возвращаться	17	17	17	18	9
Преследования инакомыслящих, контроль КГБ над всеми	13	15	13	14	5
Бедность	13	14	13	12	14
Всевластие партийных и государственных чиновников, бюрократии	9	10	9	10	4
Отставание от развитых стран в производстве, в качестве продукции	9	10	10	8	3
Преследования церкви и верующих	8	7	8	7	4
Непосильные для страны военные расходы	7	6	8	5	7
Другое	2	2	1	3	8
Затруднились ответить	5	12	4	2	4
Интенсивность ответов		328	351	372	328

начиная от 4 п.п. и выше (т.е. превышающие погрешность), свидетельствуют о том, что в соответствующей группе в 2019 г. эта позиция стала отмечаться чаще. Отрицательные значения свидетельствуют об обратном, а ноль — о том, что поддержка того или иного суждения осталась без изменений. Представители постсоветского поколения в 2008-м были несовершеннолетними, поэтому не попадали в опросы, их ответы не приводятся.

Наиболее существенное увеличение поддержки от 2008-го к 2019-му фиксируется в отношении двух позиций, характеризующих Советский Союз как государство социальной справедливости и патернализма. Эти изменения заметны и в молодежной среде: рост на 39 и 31 п.п. среди поколения перестройки. И если про самые молодые возрастные группы можно сказать, что всякий раз в каждый последующий опрос попадает молодежь, которая не разбирается в истории, то мнения респондентов из поколения перестройки (которым на момент опроса в 2008 г. было от 18 до 39 лет, а сейчас им от 29 до 50 лет) свидетельствуют об укреплении установки рассматривать СССР как социально справедливое государство среди тех, кто раньше так не думал. Еще раз обратим внимание, что интенсивность ответов не падает, более

того, она увеличивается, за исключением представителей поколения оттепели (–23 п.п.).

Источники информации

Различия между поколениями выражены в использовании информационных каналов и доверия к ним. Несмотря на то что последние 10 лет активно обсуждается замещение телевидения как главного источника новостей для россиян Интернетом, в действительности этот процесс не столь однозначен.

В настоящее время среди представителей всех возрастных когорт телевидение занимает главенствующее положение и лидирует по уровню доверия в освещении новостей в стране и в мире. Однако изменения в структуре получения новостей молодежью нельзя игнорировать. За последние четыре года в среде постсоветского поколения аудитория телезрителей снизилась на 20 п.п., и, напротив, заметно увеличилась доля социальных сетей (с 28 до 40%). Обращение к Интернету в качестве информационного источника осталось без изменений. Аналогичный, но менее заметный, рост обращения к социальным сетям (как источнику информации) и доверие к ним фиксируются у перестроечного поколения.

Наименьшие трансформации структуры телесмотра отмечаются у старших поколе-

Таблица 7

БАЛАНС ОТВЕТОВ 2008 И 2019 ГГ. НА ВОПРОС: «ЧТО ХАРАКТЕРНО ДЛЯ ТОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ, ПО КОТОРОМУ НАША СТРАНА ДВИГАЛАСЬ ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ?» (май 2019 г.; ранжировано по столбцу «перестройка»; в п.п.)

	Перестройки	Застоя	Оттепели
Забота государства о простых людях	39	32	15
Постоянное улучшение жизни людей	31	28	21
Отсутствие межнациональных конфликтов, дружба народов	17	4	–4
Успешное развитие экономики, отсутствие безработицы	16	15	–6
Самая передовая в мире советская наука и культура	11	10	13
Преследования церкви и верующих	–1	–2	–6
Непосильные для страны военные расходы	–2	–7	–3
Бедность	–3	2	8
Преследования инакомыслящих, контроль КГБ над всеми	–3	0	–6
Отставание от развитых стран в производстве, в качестве продукции	–4	–5	–6
Всевластие партийных и государственных чиновников, бюрократии	–5	–2	–8
Направляющая роль коммунистической партии	–9	–18	–22
Изоляция страны от внешнего мира, невозможность выезжать за рубеж и возвращаться	–10	–5	–9
Очереди, дефицит, карточки	–16	–20	–15
Другое	0	0	5
Затруднились ответить	–9	–2	–1
Интенсивность ответов	51	29	–23

ний застоя и оттепели, где доля телезрителей превышает 90%-ный порог. В их среде телевидение остается бесспорным лидером доверия среди всех каналов информации, в отличие от постсоветского поколения, где суммарный уровень доверия к интернет-изданиям и социальным сетям (25 и 32% соответственно) в настоящее время выше, чем уровень доверия к телевидению. Рост доверия к сетевым источникам информации происходит не за счет интернет-изданий, а за счет социальных сетей, завоевывающих доверие постсоветского и перестроечного поколений.

Продолжает снижаться роль печатных средств массовой информации, особенно в среде перестроечного поколения. Если в 2014 г. практически каждый десятый читал печатные новости, то сейчас только каждый двадцатый. Необоснованно рассматривать это снижение как отказ от аналитической информации в пользу развлекательного контента и социальных сетей, учитывая, что печатные СМИ обзавелись интернет-версиями, переориентируя своих читателей на электронные форматы ранее печатных изданий.

Таблица 8
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ОТКУДА ВЫ ЧАЩЕ ВСЕГО УЗНАЕТЕ О НОВОСТЯХ В СТРАНЕ И В МИРЕ?»
(в процентах)

	Постсоветское		Перестройки		Застоя		Оттепели	
	2014- cur-03	2018- cur-04	2014- cur-03	2018- cur-04	2014- cur-03	2018- cur-04	2014- cur-03	2018- cur-04
Телевидение	81	61	88	85	95	93	97	93
Радио	12	10	20	15	18	17	13	12
Газеты	11	5	18	9	23	20	22	18
Журналы	5	2	6	2	5	2	1	–
Друзья, родные, соседи	30	26	25	28	24	27	19	17
Интернет-издания (газеты, журналы, информационные порталы)	36	37	33	37	15	17	1	1
Социальные сети Интернета	28	40	22	29	7	8	1	–
Другое	1	<1	1	<1	1	<1	–	–
Не интересуюсь этим	1	8	1	3	<1	1	–	6
Затрудняюсь ответить	<1	<1	<1	<1	<1	<1	–	–

Таблица 9
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКИМ ИСТОЧНИКАМ ИНФОРМАЦИИ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ В ОСВЕЩЕНИИ НОВОСТЕЙ В СТРАНЕ И В МИРЕ?» (в процентах)

	Постсоветское		Перестройки		Застоя		Оттепели	
	2014- cur-03	2018- cur-04	2014- cur-03	2018- cur-04	2014- cur-03	2018- cur-04	2014- cur-03	2018- cur-04
Телевидение	41	41	46	47	54	58	63	51
Радио	5	7	12	9	15	11	19	6
Газеты	7	3	11	5	19	12	17	10
Журналы	1	1	1	<1	1	1	1	–
Друзья, родные, соседи	15	16	18	21	21	20	20	18
Интернет-издания (газеты, журналы, информационные порталы)	30	25	28	26	10	12	3	1
Социальные сети Интернета	22	32	11	19	5	5	–	–
Другое	1	1	1	<1	1	1	–	–
Никому не доверяю	3	8	5	11	3	7	3	17
Затрудняюсь ответить	7	10	5	8	7	7	4	8

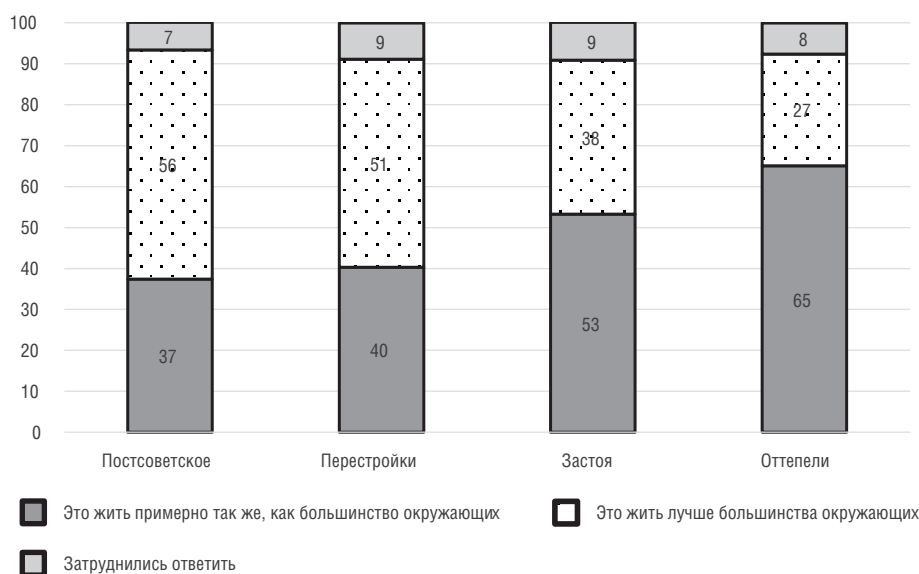
Потребление

Если на символическом уровне радикальных различий между современными поколениями в России нет, то установки в сфере потребления являются значимыми маркерами молодых и старших поколений.

Если респонденты из поколений оттепели и застоя придерживаются уравнилельной установки жить «как большинство окружающих», характерной для идеологии советского общества, то молодые поколения, напротив, избегают подобного коллективизма. Каждый второй из перестроечного и постсоветского поколений считает, что «жить нормально — это жить лучше большинства окружающих людей». Молодежь, которая не застала в осознанном возрасте период товарного дефицита, не готова ограничиваться удовлетворением базовых потребностей, заключающихся в покупке еды, лекарств и оплаты коммунальных услуг. Модель «пониженного потребления» характерна только для старших поколений. Представители постсоветского и перестроечного поколений чаще придерживаются мнения, согласно которому денег должно хватать на образование и дополнительное обучение, покупку квартиры, дачи, дома или автомобиля, отдых и путешествия за пределами своего места жительства (т.е. они демонстрируют важность мобильности и свободного передвижения), досуг¹.

Рисунок 10

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СУЖДЕНИЙ О ТОМ, ЧТО ТАКОЕ “ЖИТЬ НОРМАЛЬНО”, ВЫ СОГЛАСИЛИСЬ БЫ СКОРЕЕ ВСЕГО?» (в процентах; декабрь 2017 г.; N = 1605)

¹ Для указанных переменных — высокое значение критерия χ^2 -квадрат и малое значение p -уровня ($p < 0,001$).

По мере того как постсоветское поколение будет численно увеличиваться в структуре населения страны (сейчас оно третье по численности в выборке массовых опросов), готовность адаптироваться к возможным экономическим кризисам может снижаться. Если старшие поколения продолжают жить по принципу «не жили богато, нечего и начинать», приспособившись к негативным изменениям в сфере экономики «понижающей адаптацией» (т.е. отказываясь от чего-то), то для молодых людей материальный успех и возможность качественного потребления более значимы, поэтому вынужденный отказ от привычной модели потребления, вероятно, будет более болезненным и протестным.

Заключение

В настоящее время нельзя говорить о поколенческом разрыве / конфликте поколений применительно к историко-символической сфере общественных умонастроений. Представители разных возрастных когорт демонстрируют схожие оценки исторических событий и символов прошлого.

В российском обществе существует единая историко-социальная ось, пронизывающая все поколения вне зависимости от периода взросления, которая концентрируется вокруг победы в Великой Отечественной войне и других символов советского прошлого. Поколение застоя, численно преобладающее в структуре населе-

Таблица 10

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «НА КАКИЕ СЕМЕЙНЫЕ НУЖДЫ ДОЛЖНО ХВАТАТЬ ДЕНЕГ ТАКОЙ СЕМЬЕ, КАК ВАША, ЧТОБЫ “ЖИТЬ НОРМАЛЬНО”?» (в процентах; декабрь 2017 г.; N = 1605)

	Постсоветское	Перестройки	Застоя	Оттепели
Полноценное и качественное питание	75	80	82	90
Одежда, обувь	68	65	62	63
Текущая оплата жилья (ЖКУ, оплата аренды жилья)	43	53	66	81
Лечение, покупка лекарств	26	33	57	83
Здоровый образ жизни, занятия спортом, профилактика заболеваний	25	24	20	17
Образование, дополнительное обучение	28	21	9	6
Бытовая техника, товары длительного пользования	22	20	13	14
Текущие затраты на транспорт — общественный и личный	16	13	10	10
Покупка автомобиля	25	20	7	6
Ремонт и обустройство жилья, покупка мебели	17	26	23	15
Покупка квартиры, дачи, дома	31	23	8	8
Досуг и развлечения там, где живете	21	15	5	6
Отдых и путешествия за пределами постоянного места жительства	31	27	15	12
Возможность материально поддерживать других (родственников, детей и т.п.)	9	11	13	20
Другое	–	<1	1	2
Затруднились ответить	3	1	3	–

ния России, задает символические ориентиры и образы, в то время как поколение перестройки, несмотря на количественную представленность и переход от одного поколения к другому, во многом лишено собственного ценностного поля, транслируя символы старших поколений. Наблюдаемая реабилитация образа вождя (невывыскание отрицательных мнений) происходит в среде всех поколений. Ю. Левада отмечал, что «чем дальше уходит в прошлое его (поколения. — *Прим. авт.*) собственное время, тем более привлекательным представляется оно массовому воображению»¹.

Молодые поколения остаются наиболее «прозападными» поколениями, хотя изменение внешнеполитической повестки и обострение отношений между Россией и западными странами в период 2014–2018 гг. увеличило в их среде долю представителей, настроенных негативно или безразлично к США и ЕС, в отличие от старших поколений, в среде которых негативизм к западным странам устойчив и в меньшей степени подвержен влиянию медийного фактора. Западные страны для постсоветского поколения и поколения перестройки являются иде-

алом государственного устройства, в то время как представители поколений застоя и оттепели ностальгируют по советскому строю². Несмотря на ценностный разворот молодежи в сторону западных стран, реальные эмиграционные установки демонстрирует малая доля респондентов.

Можно с уверенностью говорить о различиях в информационных и потребительских стратегиях представителей разных поколений. У молодых жителей России информационные источники более разнообразны, в первую очередь за счет социальных медиа, которые (при прочих равных условиях) в дальнейшем смогут заместить в плане доверия и обращения традиционные средства массовой информации.

Таким образом, различия между современными российскими поколениями нельзя рассматривать как различия в символической сфере и исторической памяти. Эти различия — результат потребительских практик: от интернет-пользования до привычки к разнообразию товаров и их постоянному обновлению³, по-

² Пресс-релиз «Ностальгия по СССР» на официальном сайте «Левада-Центра». URL: <https://www.levada.ru/2017/12/25/nostalgiya-po-sssr/>

³ Вспомним очереди за продукцией Apple, когда ради покупки нового смартфона люди (преимущественно молодые) ночуют в очереди в течение нескольких дней до старта продаж.

пулярности масс-маркета и т.д. На символическом уровне у нынешнего молодого (постсоветского) поколения не сложилось свое особое понимание и видение социальной реальности и социальной истории, не произошло формирование собственной энтелехии, понимаемой как реализация внутреннего потенциала поколения. Тезис К. Мангейма о необязательности смены реальных мотивационных и поведенческих моделей со сменой поколений и ориентация младших на старших (кристаллизация их опыта взамен собственного) применительно к России находит свое подтверждение. Вопрос, можно ли рассматривать современные российские генерации с точки зрения социального времени именно как поколения или они остаются возрастными группами без своего «духа времени», во многом остается дискуссионным.

Список литературы

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; пер. с англ. С.А. Ерофеева. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1997. 420 с.
2. *Галанина А.* «Поколение Путина» определилось с президентом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/657263/angelina-galanina/pokolenie-putina-opredelilos-s-prezidentom>
3. Гордость и стыд [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/03/01/gordost-i-styd/>
4. Единый архив экономических и социологических данных [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sophist.hse.ru/>. Заглавие с экрана. (дата обращения: 14.11.2018).
5. *Зубок Ю.А.* Традиционное и современное в социально-политической идентификации молодежи / Ю.А. Зубок // Власть. 2014. № 11. С. 39–43.
6. *Кон И.С.* Социология личности / И.С. Кон. М.: Политиздат, 1967. 383 с.
7. *Левада Ю.А.* Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005 / Ю.А. Левада. М.: Новое издательство, 2006. 384 с.
8. *Левада Ю.А.* Поколения XX века: возможности исследования / Ю.А. Левада // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2001. № 5. С. 8–13.
9. *Мангейм К.* Проблема поколений / К. Мангейм; пер. с англ. В. Плунгян и А. Урманчиева // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.
10. Наиболее тревожащие проблемы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/04/24/naibolee-trevozhashhie-problemy-3/>
11. Ностальгия по СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/12/25/nostalgiya-po-sssr/>
12. Отношение к странам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/indikator/otnoshenie-k-stranam/>
13. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 328 с.
14. *Пипия К.Д.* Сталин в общественном мнении [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/04/10/17896/>
15. *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ / В.В. Радаев // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
16. *Рывкина Р.В.* Драма перемен / Р.В. Рывкина. М.: Дело, 2001. 472 с.
17. *Семенова В.В.* Социальная динамика поколений: проблема и реальность / В.В. Семенова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 271 с.
18. Символика с изображением Владимира Путина URL: <https://www.levada.ru/2015/03/05/simvolika-s-izobrazheniem-vladimira-putina/>
19. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_111/Main.htm
20. *Dimock M.* Defining generations: Where Millennials end and post-Millennials begin URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/03/01/defining-generations-where-millennials-end-and-post-millennials-begin/>
21. *Kertzner D.* Generation as a sociological problem // Annual Reviews. 1983. No 9. P. 125–149.
22. *Weigel S.* «Generation» as a Symbolic form: On the genealogical discourse of memory since 1945 // The Germanic review. 2002. No. 4. P. 264–277.

Русский марш — от восхода до заката*

В ноябре 2014 г. один из организаторов «Русского марша» Дмитрий Демушкин заявил, что движение разгромлено¹, а в ноябре 2018 г. это подтвердил известный русский националист Егор Холмогоров, посетовавший, что движению не суждено будет отпраздновать свое пятнадцатилетие².

Почему движение, с большим энтузиазмом начатое в 2005 г. в надежде на скорую «русскую весну», потерпело крах? Как оно возникло, чем руководствовалось и какие цели ставило, каким был состав его участников, как они относились к существующей в России власти и какую судьбу готовили России, почему в движении не было единства и его преследовали расколы, чем был вызван его закат после 2013 г.?

Все эти вопросы достаточно актуальны, так как, во-первых, напрямую касаются особенностей современного русского национализма и перспектив его дальнейшего развития, а во-вторых, позволяют обсудить оценку марша экспертами — от «респектабельного охранительного движения», с точки зрения правых идеологов, до «коричневого марша», в глазах либералов, левых и правозащитников.

Чтобы понять обстановку возникновения «Русского марша», следует разобраться, чем был 2005 г. для России. С одной стороны, к этому времени закончилась вторая чеченская война и, благодаря успешному подъему не-

фтегазовой отрасли, Россия начала выходить из финансово-экономического кризиса конца 1990-х, а уровень благосостояния ее населения начал постепенно расти. С другой — конец чеченской войны был отмечен ужасным терактом в Беслане (Республика Осетия — Алания) 1 сентября 2004 г., а развитие сырьевой экономики сопровождалось агрессивной политикой государства в отношении бизнеса («дело ЮКОСа»). Начало второй каденции президента Владимира Путина ознаменовалось укреплением вертикали власти и наступлением на демократические свободы. Ведь, как тогда заявлял сам Путин, власть всерьез опасалась утраты ряда южных территорий и дезорганизации государства³. Масла в огонь подливали и события в соседней Украине, где, вопреки надеждам российской власти, на рубеже 2004–2005 гг. развернулась «оранжевая революция», породившая у власти опасения того, что это может повториться и в России.

Власть ответила формированием и поддержкой молодежных движений, обученных видеть Россию в кольце врагов и направленных на противодействие любым оппозиционным общественным выступлениям вплоть до физических расправ с протестующими⁴. Однако, как отмечал Холмогоров, в этих движениях наблюдалось засилье карьеристов, и у русских националистов они не пользовались большим

* Статья написана по программе НИР № 01201370998 «Межэтнические отношения и конфликты в России и в мире».

¹ *Набережнов Г.* В Люблино начался «Русский марш» // РБК. 2014. 4 нояб. (URL: <http://top.rbc.ru/politics/04/11/2014/5458a53bcb20f36710e34e6>).

² *Холмогоров Е.* Почему умер «Русский марш» // Четыре пера. 2018. 4 нояб. (URL: http://www.4pera.ru/news/tribune/egor_kholmogorov_pochemu_umer_russkiy_marsh/). О конспирологической версии заката марша см.: Гревцев И. «Русский марш» должен быть подобен «Бессмертному полку»! // Русский вестник. 2017. 16 нояб. (URL: <http://www.rv.ru/content.php3?id=12320>).

³ Интервью Владимира Путина ведущим российским телеканалам // «Первый канал». 2004. 18 нояб. (URL: https://www.1tv.ru/news/2004-11-18/237786-intervyu_v_putina_veduschim_rossiyskim_telekanalam).

⁴ *Борусяк Л.* «Наши»: кого и как учат спасать Россию // Вестник общественного мнения (Левада-Центр). 2005. № 5 (URL: <http://polit.ru/research/2005/11/25/borusjak.html>); *Беккер В.* «Гербалайф» высокого полета. Сетевые партии и «поджог рейхстага» в Москве // Политический журнал. 2005. 1 авг. (URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=69&tek=3913&issue=113>); *Ихлов Е.В.* Самодержавное дежа-вю. Зачем возвращают черную сотню // За права человека. 2005. 20 окт. (URL: <http://zaprava.ru/news2/news.php?id=107>).

уважением. Поэтому радикальные русские националисты решили взять на себя задачу охранительства по примеру пресловутой «Черной сотни» предреволюционной эпохи.

2005 год начался с инициированного православным монархистом Михаилом Назаровым скандального письма, подписанного 20 депутатами Госдумы и требовавшего запрета всех еврейских организаций вкуче с иудаизмом за «религиозный экстремизм». К весне 2005 г. это письмо набрало 5 тысяч подписей¹, и в Генпрокуратуре встал вопрос о возбуждении дела против издания средневекового иудейского свода законов «Шулхан Арух», что вызвало международный скандал. Хотя летом эта кампания прекратилась, она показала, что прочный иммунитет от антисемитизма во властных органах отсутствует.

В еще большей мере она выявила готовность власти к поиску врага, чем и занялось прокремлевское движение «Наши», созданное в мае 2005 г.² Летом того же года патриарх Алексей II впервые благословил устраиваемый православными фундаменталистами крестный ход в связи с годовщиной расстрела царской семьи, что означало сдвиг РПЦ МП к радикальному консерватизму в борьбе за десекуляризацию общества³. Тогда же внутри русского национализма возникло интеллектуальное неоконсервативное течение, деятельность которого нашла отражение в пространном тексте «Русской доктрины», обнародованном в 2005 г.⁴ Кроме того, в 2003–2005 гг. успехов добилась новая политическая партия «Родина», позволившая ряду известных русских радикальных националистов быть избранными в Госдуму, — они-то и участвовали в кампании против «Шулхан Аруха». Наконец, в 2003 г. Александр Дугин основал Международное евразийское движение, при котором в 2005-м был создан Евразийский союз молодежи (ЕСМ).

¹ Депутаты призывают Генпрокуратуру запретить в России иудаизм // Портал социально-демократической политики. 2005. 24 янв. (URL: <http://www.psdpr.ru/news/russia/77072925>); Дейч М., Каждая В. Герой вонючего рынка, или «Православные патриоты» на тропе войны // Московский комсомолец. 2005. 24 июня. (URL: <http://www.mk.ru/numbers/1693/article56369.htm>).

² Кожевникова Г. Ультраправые тенденции в прокремлевских молодежных движениях // Русский национализм между властью и оппозицией / Под ред. В. Прибыловского. М.: Центр «Панорама», 2010. С. 4–17.

³ Солодовник С. Творческий союз с фундаменталистами // Ежедневный журнал. 2005. 22 июля. (URL: <http://www.ej.ru/comments/entry/1461/>).

⁴ Зверева Г. Русские смыслы для новой России? Опыт продвижения «Русской доктрины» // Верхи и низы русского национализма / Под ред. А. Верховского. М.: Центр «Сова», 2007. С. 121–144.

Не отставали и более мелкие неформальные группы. Так, в 2005 г. было объявлено о возрождении «Союза русского народа» к столетию его черносотенного прототипа, и первым руководителем организации был избран хорошо известный в патриотических кругах скульптор Вячеслав Клыков. В конце 2005 г. возглавляемый им Международный фонд славянской письменности и культуры торжественно отметил 1040-летнюю годовщину победы князя Святослава над Хазарией, в чем русские националисты усматривают важный символ успешной борьбы с «инородцами»⁵.

На этом фоне происходила активизация радикальных русских националистов, игравших на охвативших широкие слои общества ксенофобских чувствах, направленных прежде всего против «мигрантов», т.е. людей, массами приезжавших как с Кавказа, в том числе Северного, так и из новых постсоветских государств Центральной Азии⁶. Здесь надо различать, с одной стороны, возникшее в 2002 г. «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ), пытавшееся путем массовых выступлений заставить власть резко ограничить поток мигрантов, а с другой — уличную активность скинхедов, полагавшихся на насильственные методы устрашения мигрантов вплоть до жестоких избиений и убийств⁷. В 2005 г. оба движения переживали подъем, и ДПНИ охотно включало скинхедов в свои ряды.

Таким образом, в 2005 г. в России происходили важные политические изменения и наблюдались политические нововведения, удалявшие ее от демократии⁸. Одним из таких нововведений стал утвержденный Госдумой в декабре 2004 г. День народного единства — 4 ноября, который власть попыталась сделать едва ли не главным праздником, с одной стороны, в честь победы над поляками в 1612 г., а с другой — для восстановления дореволюционного православного чествования Казанской иконы Божией матери. Праздник был восста-

⁵ Детально см.: Шнирельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры-Гешарим, 2012.

⁶ Верховский А. Идеальная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е годы // Верхи и низы русского национализма / Под ред. А. Верховского. М.: Центр «Сова», 2007. С. 6–32.

⁷ Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2010.

⁸ Умланд А. Новый «особый путь» России после «оранжевой революции»: радикальное антизападничество и паратоталитарный неавторитаризм 2005–2008 годов // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / Под ред. Э.А. Паина. М.: Три квадрата, 2010. С. 251–254.

новлен по инициативе митрополита Кирилла, будущего патриарха, который делал акцент на массовом героизме и патриотизме и в то же время видел в событиях 1612 г. аналогию современным событиям¹. Они, на его взгляд, должны были предостеречь против заимствования чужого модернизационного опыта за счет утраты государственного суверенитета и веры. Иными словами, он подчеркивал антизападническое наполнение праздника, демонстрировавшее антизападническую идентичность России.

Вместе с тем около 10 лет праздник был фактически монополизирован ксенофобским «Русским маршем», не сплывающим, а, напротив, раскалывающим общество². Как и почему это произошло? Впервые шествие состоялось по инициативе лидеров ЕСМ, подавших заявку на организацию «Правого марша», но для придания ему массовости они объединились с такими радикальными движениями, как ДПНИ, НПФ «Память», Русский общенациональный союз (РОНС), Русское общественное движение (РОД), общество «Правда» и Национал-патриоты России, к которым примкнули футбольные фанаты, а также члены Национально-державной партии России (НДПР), национал-социалистического движения «Славянский союз» (СС), шовинистического «Русского национального единства» (РНЕ) и скинхеды. В марше участвовал и радикально настроенный депутат Госдумы РФ Николай Курьянович. В итоге марш собрал под свои знамена 2,5–3 тысячи агрессивных людей по большей части 20–35-летнего возраста, которые прошли от памятника Грибоедову по Бульварному кольцу и улице Солянке до Славянской площади.

Во главе марша шли активисты из Союза православных граждан с иконами в руках, в первых рядах оказался и публицист Егор Холмогоров. Это стало традицией, и в дальнейшем марш возглавляли люди с православной символикой, иконами и православными лозунгами. Следом за ними шла колонна ЕСМ с черно-желтыми имперскими флагами и лозунгом «Россия против оккупантов». Далее двигалась длинная колонна ДПНИ, к которой присоединились бритоголовые и прочие радикалы.

¹ День народного единства, год 2014-й // Русская православная церковь. 2014. 12 нояб. (URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/296574.html>).

² Виноградов М., Коньгина Н., Киселева П., Роткевич Е. Националисты приватизировали праздник // Известия. 2005. 7 нояб. (URL: <http://izvestia.ru/russia/article3004233>). Также см.: Zuev D. The Russian March: Investigating the Symbolic Dimension of Political Performance in Modern Russia // Europe-Asia Studies, 2013. Vol. 65. No. 1. P. 102–126; Шнирельман В.А. Народный праздник: консолидация или раскол общества // Неприкосновенный запас. 2018. № 6. С. 262–279.

Марш закончился митингом у памятника Кириллу и Мефодию, где ораторы обличали Запад в агрессии и призывали выступить против нового украинского режима³.

Настроения участников марша изначально содержали зерна раскола: если ЕСМ демонстрировал откровенное антизападничество, особенно антиамериканизм, и выступал против «оранжевой революции», то ДПНИ требовало «депортации нелегальных иммигрантов»; если для ЕСМ врагами являлись те, «кто готовит тенденции, которые могут привести к распаду государства», то для деятелей ДПНИ врагом виделась «массовая неконтролируемая миграция, люди, которые приезжают на нас наживаться»; если ЕСМ стоял за империю, то многие другие хотели «русского национального государства» и требовали установления «русской власти». Причем православные активисты понимали ее исключительно как православную монархию. Они пытались придерживаться христианской лексики и символики, хотя и среди них некоторые не могли сдержать своих крайне правых настроений. Неонацисты считали врагами любых «инородцев», особенно евреев, и выкрикивали нацистские лозунги. Лишь антипольских взглядов здесь не наблюдалось. В 2013 г. в марше даже принимала участие небольшая группа с лозунгом братства русского и польского народов, но это была дружба не столько «за», сколько «против» — против мигрантов.

Антимигрантские лозунги нашли поддержку и в рядах ЕСМ, откуда также раздавались призывы идти на Киев для свержения «оранжевой власти». Примечательно, что среди прочих лозунгов был и лозунг итальянских фашистов: «A tutti! Avanti! Benito Mussolini!» Перед маршем активисты РНЕ раздавали желающим листовки и нацистскую символику. Раздавались также призывы против «воровской власти» и требования отставки правительства. Правда, позднее организаторы марша все это либо отрицали, либо списывали на счет провокаторов⁴. В любом случае марш с самого начала был окрашен духом русского этнонационализма.

Протесты правозащитников, тут же выступивших с осуждением марша, были оставлены прокуратурой Москвы без внимания. Никакого

³ Об истории марша глазами его участников см.: Бенедиктов К. Национализм как ответ // Взгляд. 2009. 6 нояб. (URL: <http://www.vz.ru/columns/2009/11/6/345959.html>); Холмогоров Е. Почему умер «Русский марш» // Четыре пера. 2018. 4 нояб. (URL: http://www.4pera.ru/news/tribune/egor_kholmogorov_pochemu_umer_russkiy_marsh/).

⁴ Дугин А. Национализм ненависти убийственен для России! // Правда. 2006. 2 мая (URL: <http://www.pravda.ru/politics/parties/02-05-2006/83168-Dugin-0>).

экстремизма в действиях участников марша там не усмотрели. Оценку марша правозащитниками разделяли в правительстве Москвы и Госдуме, но и это не помогло привлечь радикалов к ответственности. Федеральные телеканалы стыдливо марш не показали.

Радикалы сочли первый опыт марша неожиданной удачей, и это помогло им на время сплотиться, причем вокруг ДПНИ, на несколько лет ставшего признанным лидером марша, тогда как евразийцы, шокированные поднятой волной ксенофобии, отказались от участия в марше. Зато в 2006 г. в состав оргкомитета вошли несколько депутатов Госдумы, в том числе Дмитрий Рогозин и Андрей Савельев от партии «Родина», Николай Курьянович от ЛДПР (исключенный из партии накануне марша) и др. К маршу присоединился и известный националист Сергей Бабурин со своим «Народным союзом». Алексей Навальный, входивший тогда в московское отделение партии «Яблоко», согласился в 2006 г. стать наблюдателем на заседаниях оргкомитета «Русского марша», найдя его лозунги вполне приемлемыми. В 2011 г. он даже прошел весь путь в составе марша, разделяя его антимигрантские и антикоррупционные лозунги, а затем выступил на митинге. Тогда марш едва ли не впервые подхватил его лозунг «Долой партию жуликов и воров», ставший с тех пор одним из главных лозунгов марша. Больше Навальный на «Русском марше» не появлялся, хотя регулярно выражал ему свою поддержку¹.

Участовавших в марше федеральных политиков спланировала его этнонационалистическая (русофильская) и антимигрантская повестка дня, и их не смущало сотрудничество с неонацистами. У марша имелся и расистский компонент, особенно ярко представленный в 2007 и 2009 гг. личным участием американского расиста и антисемита Престона Уиджинтона, установившего тесные отношения с лидером ДПНИ Александром Беловым².

Если в 2005 г. костяк марша состоял из мужчин молодого и среднего возраста, то затем произошло омоложение, и в дальнейшем основную его массу марширующих представляли 17–25-летние юноши. Женщины участвовали в марше много реже.

¹ Э. Паин характеризует Навального как «социального популиста» и подчеркивает отсутствие у него ксенофобии. См.: Паин Э. Динамика ксенофобии в эпоху популизма: опыт макросоциального анализа // Вестник общественного мнения. 2018. № 3–4. С. 28–30.

² О нем см.: *Holthouse D.* From Russia, With Hate. Key Racist Activist Emerges in U.S., Russia // Intelligence Report, Summer 2008. No. 130. P. 22–25.

В то же время пестрый состав участников марша с самого начала обрекал его на постоянные расколы. При подготовке марша 2006 г. активисты из ДПНИ и православные хоругвеносцы не поладили с ультранационалистами из «Славянского союза» Дмитрия Демушкина. Затем православные хоругвеносцы разошлись и со сторонниками ДПНИ. По сути, речь шла о противоречиях православных монархистов с этнонационалистами, обнаружившими устойчивый тренд к неоязычеству и расовому подходу. Именно тогда по инициативе ДПНИ движение было переименовано в «Русский марш», тогда как православные хоругвеносцы сохранили верность «Правому маршу» и провели отдельный «православный патриотический марш».

К 2009 г. ДПНИ (запрещено в 2011-м) примирилось со «Славянским союзом» (запрещенный в 2010-м, он преобразовался в «Славянскую силу»), и их лидеры Белов (Поткин) и Демушкин, создавшие в 2011-м общее движение «Русские» (запрещено в 2015-м), выступали в течение ряда лет главными организаторами марша. Но теперь у них возникло соперничество с национал-демократическим движением РОД Константина Крылова, также претендовавшим на организацию «Русского марша». Впрочем, им удалось договориться, и с тех пор они совместно устраивали марш, хотя и шли разными колоннами.

Вначале в конкуренции отдельных фракций побеждали этнонационалистические ценности, разделявшиеся большинством участников движения, что не мешало популярности имперских черно-желто-белых знамен. Численность участников марша достигала нескольких тысяч человек (от 1–3 тысяч в 2006–2009 гг. до 5–7 тысяч в 2010–2013 гг.), тогда как нескольким десяткам православных имперцев долго приходилось довольствоваться митингами на Славянской площади или крестным ходом по Тверской улице. Но расколы не переставали преследовать движение, и вечером 4 ноября 2006 г. «Народный союз» Бабурина устроил свой митинг на Девичьем поле, а православные хоругвеносцы разделились: некоторые согласились идти в первых рядах «Русского марша», но большинство примкнуло к альтернативным выступлениям.

Противоречия выявились еще на состоявшемся в Славянском центре обсуждении марша 2006 г., где православные эксперты сетовали на отсутствие единства в патриотическом движении, расколовшимся на этно-

националистическое «русское» и имперское «православное». Как подчеркнул лидер православных хоругвеносцев Леонид Симонович-Никшич, «представьте себе: идут люди с хоругвями, иконами, крестами православными, поют молитвы, и с другой стороны — практически неразличимые от футбольных фанатов молодые националисты... С одной стороны, молитва, а с другой — крики, ругань и радикальные лозунги, типа “Зиг, хайль!”»¹. Некоторые участники совещания отмечали, что «объединить все русское движения на основе какой-то единой идеологии просто невозможно», и призывали к компромиссу на базе общих антизападнических и антилиберальных настроений. В частности, русским активистам, несмотря на несогласие с их радикальными лозунгами, предлагалось совместно участвовать как в марше, так и в крестных ходах. Все же православные деятели не были склонны жертвовать принципами «православной империи», которая у них ассоциировалась с «русской цивилизацией», чуждой расовой повестки дня, навязывавшейся этнонационалистами.

Расколом способствовала и политика властей, не склонных поощрять откровенно ксенофобские массовые выступления. Поэтому едва ли не каждый год власти пытались, хотя и безуспешно, запретить марш, а затем устраивали судебное преследование его организаторов. Но преуспели лишь в том, что не позволили националистам маршировать в центре столицы. Поэтому в отдельные годы марш проходил по малолюдным набережным реки Москвы (по набережной Тараса Шевченко в 2007 г. и Якиманской и Крымской набережным в 2012-м), но там он оказывался в своеобразном гетто, где был лишен зрителей и где участникам оставалось демонстрировать свои ценности лишь друг другу.

В 2008 г. радикалы из ДПНИ и СС устроили несанкционированное шествие по Старому Арбату в надежде выйти к Красной площади, но были разогнаны отрядами ОМОНа; до 400–500 человек были задержаны, но вскоре выпущены на свободу. Одновременно небольшая православная колонна попыталась пройти по Тверской улице, но также была остановлена омоновцами. А «Народный союз» вместе с другой карликовой организацией «Русский образ», собравшие под свои знамена до 1,5 тысячи че-

ловек, вновь устроили акцию на набережной Тараса Шевченко.

В конечном итоге организаторам марша пришлось согласиться на его проведение на окраинах Москвы, и с тех пор он проходил в спальном районе Люблино, где этому благоприятствовали настроения местных жителей, недовольных планами перенесения туда торговых площадок закрытого накануне огромного Черкизовского рынка. Там марш заканчивался митингом с агрессивными выступлениями его лидеров. Но в 2009 г. конкурировавший с ДПНИ «Русский образ» устроил на Болотной площади рок-концерт, изюминкой которого стало выступление известной расистской рок-группы «Коловрат». Причем зрители сопровождали это выступление нацистскими приветствиями.

Перенесение марша в Люблино не положило конец расколам. В частности, многие русские радикалы были недовольны поездкой Белова и Демушкина в Чечню, где те встречались с Рамзаном Кадыровым. Поэтому в 2011 г. «Имперский союз молодежи», Руссовет, Всероссийский религиозный союз «Русская народная вера», альтернативное «Русское ДПНИ» и НДПР за 2 часа до «Русского марша» провели там же собственный «Имперский марш» под антилиберальными и антизападническими лозунгами, но в этой акции участвовали не более 200 человек.

С целью преодоления расколов в 2010–2011 гг. марш выработал особую структуру, в соответствии с которой участвовавшие в нем националистические партии и движения шли отдельными колоннами со своими лозунгами. С 2011–2012 гг. в марше стали участвовать казаки, футбольные фанаты и неоязычники со своими флагами и символикой. А начиная с 2012-го, к маршу присоединился «Российский общенародный союз» Бабурина. Но нередко отдельные колонны выражали недовольство друг другом, иной раз обмениваясь оскорбительными замечаниями.

Добившись успеха в столице, марш в 2006 г. вышел за ее границы и прошел в 13 городах России, с 2007-го ультралибералы устраивали акции более чем в двух десятках различных городов, в 2011-м — в 35 городах, а в 2013-м акции охватили около 50 городов. Но там на марш собирались лишь десятки или сотни человек. Иной раз среди них можно было встретить священников, хотя в целом священники не одобряли проведение марша или, во всяком случае, протестовали против использования

¹ Итоги «Русского марша» 4 ноября 2006 г. Совещание православных экспертов в Славянском центре // Русская линия. 2007. 10 янв. (URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=8758>).

религиозной символики¹. Причем протоиерея Всеволода Чаплина более всего возмутила языческая символика, а вовсе не ксенофобские настроения марша². А в 2017–2018 гг. он и сам принял участие в «Имперском марше».

Главными лозунгами «Русского марша» из года в год были «Русская власть», «Русское государство», «Русские идут», «Русские, вперед», «Нация превыше всего», «Россия — все, остальное — ничто», «Россия, нация, порядок», «Россия — для русских», «Москва — для москвичей», «Россия — страна славян», «Вернем Россию русским», «Долой засилье этнической мафии», «Сегодня мигранты — завтра оккупанты», «Смерть чуркам», «Из врагов готовим фарш — это, братцы, Русский Марш!», «Деды прогнали поляков и немцев. Не будем и мы под ярмом иноземцев!», «Мы построим белый рай — зиг-хайль». Ораторы говорят о «национал-предателях» и «неруси», якобы захвативших власть в стране. Некоторые призывали вооружаться и предсказывали революцию.

Кроме того, лозунги движения были направлены против выходцев с Кавказа и из Центральной Азии («Москвабада нам не надо»). Иногда там можно было увидеть антиисламские лозунги («Сегодня мечеть, завтра джихад», «В Москве построят минареты, спасибо Путину за это»). В 2007 г. участники марша выказывали антиазербайджанские настроения и выражали поддержку кавказскому погрому в карельской Кондопоге в сентябре 2006 г. лозунгом «Кондопога — город-герой». В 2011-м марш прошел под лозунгом «Хватит кормить Кавказ», но наряду с этим выражалась поддержка Сербии, не желавшей терять Косово, и с тех пор лозунг дружбы между Россией и Сербией вошел в постоянный репертуар «Русского марша». В 2012-м марш принял откровенно антимигрантский («Чемодан, кишлак, ишак», «Россия без чурок, кавказцев и турок») и антиисламский («Нет мечетям на русской земле») характер. Звучали там и антисемитские лозунги («Долой жидомасонов!»). Зато в 2014-м настроение многих участников марша определялось их отношением к событиям на Украине. Участникам марша

¹ Священнослужители о «Русском марше» и легальном национализме // Новости федерации. 2010. 6 окт. (URL: <http://www.regions.ru/news/2374780/>); Священнослужители о «Русском марше» // регионы.ру. 2012. 6 нояб. (URL: <http://regions.ru/news/2432199/>); Представителей Церкви возмутил факт использования православной символики на недавнем «Русском марше» // via-midgard. 2012. 9 нояб. (URL: <http://via-midgard.info/news/rpc-protiv-nacionalizma.htm>).

² Протоиерей Всеволод Чаплин: РПЦ недостаточно внимательна к уличной молодежи // newsru.com. 2013. 6 нояб. (URL: <http://www.newsru.com/religy/06nov2013/chaplin.html>).

доброжелатели регулярно предлагали расистскую, антисемитскую и конспирологическую литературу, учившую распознавать «коварных врагов», чьи тайные планы надо разоблачать и с которыми следует беспощадно бороться.

В 2010–2011 гг. в движении стали нарастать антиправительственные настроения, достигшие кульминации после 2014–2015 гг. («Мы ненавидим правительство», «Долой, долой чекистский строй»). Начиная с 2011-го появились плакаты за отмену 282 статьи УК, наказывающей за «разжигание национальной ненависти», и с требованием амнистии политическим заключенным, т.е. известным радикалам, осужденным за антигосударственную деятельность («Свободу узникам совести»). В последние годы именно это стало определять настроение марша.

В 2012 г. манифест марша следующим образом обозначал его цели: «Наши цели — ликвидация антинародного режима, освобождение от тирании, наведение порядка в миграционной сфере, придание русским государствообразующего статуса, введение визового режима со странами Средней Азии, отмена политический статей и амнистия всем политическим узникам, создание русского национального государства»³. В 2015-м это было переосмыслено: «Русский Марш — это традиция, Русский Марш — это праздник, это русский протест, это голоса десятков тысяч русских людей, которые должны быть услышаны, это импульс к национальной мобилизации, это путь обретения политической субъектности русскими, это возможность почувствовать себя единым народом»⁴. Иными словами, формулировка смягчилась и стала более обтекаемой, хотя и сохранила этнонационалистическую сущность.

С 2012–2013 гг. в марше стали принимать участие правые сторонники «здорового образа жизни» (ЗОЖ), и его репертуар обогатился протестами против алкоголизма («Русский — это тот, кто не курит и не пьет», «Умрем за Русь, а не за пьянство», «Не кури, не бухай, хачей убивай»).

Участники «Русского марша» были настроены не столько антизападнически, чего, казалось бы, следовало ожидать, сколько антилиберально: «Мы изгоним их из власти: демшизу и либерастов» (2012), «Россия — это Европа» (2016). Среди прочих звучали призывы «защи-

³ Манифест «Русского марша» — 2012 // «Русский марш». 2012. 4 нояб. (URL: <http://rmarsh.info/novosti/manifest-russkogo-marsha-2012.html>).

⁴ Кратко о «Русском марше» // «Русский марш». 2015. 4 нояб. (URL: <http://rmarsh.info/news14/kratko-o-russkom-marsh.html>).

тить белую расу», и выражалась солидарность с белыми расистами Запада. Этому служили лозунги «За белую Европу — за белую Россию» (2011), «Слава Андерсу Брейвику» (2012), «Москва — белый город» и в поддержку греческой ультрарадикальной партии «Золотая заря» (2013), «Слава белой расе» (2015). Такие настроения временами подчеркивались использованием флага Конфедерации.

Правда, движение отличается некоторым разнообразием: православные идут под знаменами с православной символикой, национал-демократы — с антимигрантскими растяжками и баннерами, расисты и неонацисты — под черными флагами с кельтским крестом и черепом, неоязычники — со знаком коловрата, казаки — с лозунгами против «этнической преступности», а также с портретами царской семьи и баннером «Слава Христу — смерть Антихристу». Настроение марша подвержено динамике: в 2005-м — «Слава империи», а в начале 2010-х — за «Русское национальное государство», «Слава Руси», но не России, «Нетрусъ, мы за единую Русь!». Некоторые участники имели шарфы имперских цветов с надписями «Русские» и «Слава Руси». В 2013-м к маршу присоединилась колонна нацболов с антикапиталистическими лозунгами и флагами с изображением лимонки.

Тем не менее расистские и неонацистские эмоции проявлялись на марше достаточно отчетливо. Со временем он стал сопровождаться нападениями на «инородцев» и антифашистов, которых либо избивали, либо даже убивали. Представители диаспор советовали соотечественникам без нужды не выходить в этот день на улицу и не пользоваться общественным транспортом.

После 2013–2014 гг. у участников марша наблюдался сдвиг к имперским настроениям: численность этнонационалистического марша резко падала (с 1,8–2 тысяч человек в 2014-м до 700–900 — в 2015-м), а имперского марша — росла (с 600–700 человек в 2013-м до 1200–1500 — в 2014-м). В итоге в 2013 г. движение окончательно разделилось на две группы — одна проводила «Русский марш» в Люблино, другая — «Имперский марш» в районе Октябрьского поля, одни подчеркивали свою верность национальной демократии, другие — имперским ценностям, одни шли под антимигрантскими лозунгами (в 2015–2018 гг. наряду с протестами против мигрантов из Средней Азии появились лозунги «Китай, вон из Сибири» и «Против продажи Сибири Китаю»), дру-

гие демонстрировали антисемитизм (хотя откровенные антисемитские плакаты допущены не были, разговоры о «жидомасонах» велись) и откровенный монархизм. Если участники марша в Люблино раскололись по вопросу об отношении к Украине (ее там поддерживали национал-социалисты, а неоязычники призывали к миру между славянами), то участники имперского марша единодушно выступали за донбасских сепаратистов и демонстрировали их знамена. Они также несли портреты погибших в Донбассе ополченцев. Имперский марш обычно сопровождался агрессивными шовинистическими песнями Жанны Бичевской на слова Геннадия Пономарева.

Участвовавшие в марше православные монархисты были охвачены эсхатологическими предчувствиями¹, и в 2015 г. заместитель главы СПХ Валерий Левченко заявил о наступлении «последних времен» и близящейся битве с антихристом. Откликаясь на проходившие в те годы споры о гибели царской семьи, в 2018 г. один из ораторов заявил, что «царя-удержителя принесли в жертву Сатане». В последние годы казаки регулярно развешивали баннер с ликом Христа и надписью «Слава Христу! Смерть Антихристу» (с этим лозунгом казаки выступали тогда и в Люблино). Кстати, идя навстречу этим взглядам, одна из песен Бичевской была посвящена «Русской Голгофе».

Если в Люблино господствовали молодежные группы, то в «Имперском марше» участвовали люди среднего и старшего возраста, причем среди них было немало женщин. Но и здесь поначалу не было единства. В 2013 г. марш был представлен двумя акциями: сначала прошла колонна «Русской коалиции действия» (550–600 человек), а затем — «Царский русский марш» (120–150 участников). Последний состоял из православных монархистов и противников «универсальной электронной карты» (УЭК). К ним присоединилось и «Русское ДПНИ». Но в 2014-м оба шествия объединились под знаменами «Русского марша — Север», выступавшего за Новороссию. Тогда на митинге имперцев выступили представители ультраправых из Бельгии и Дании.

Сперва популярность «Русского марша» росла: если в 2005 г. в нем участвовали 3 тысячи человек, то в 2013-м, когда движение достигло кульминации, — более 7 тысяч. Но в 2014-м наметился его спад (1,8–2 тысяч) в свя-

¹ О популярности этих настроений у русских монархистов см.: Шнирельман В.А. Колено Даново: эсхатология и антисемитизм в современной России. М.: ББИ, 2017.

зи с разногласиями по поводу украинских событий. А в 2015-м, потеряв своих лидеров (Белова и Демушкина), оказавшихся под арестом, он был явно провальным — на марш пришли 700–900 участников. В последующие годы преследованию подвергались и другие лидеры, и число участников, опасавшихся гонений, поступательно уменьшалось. В 2018-м в Люблино пришли лишь 150–200 участников, а в 2016–2018 гг. к Октябрьскому полю — чуть больше (300–350 человек).

Помимо рассмотренных движений в 2015 г. было проведено еще несколько акций с агрессивными шовинистическими лозунгами. Этим отличились карликовый «Русский марш за русский мир», а также колонны «Национально-освободительного движения» (НОД) и «Антимайдана», участвовавшие в официальном митинге «Мы едины», организованном «Общероссийским народным фронтом»¹.

Что касается общества в целом, то сначала большинство респондентов не поддерживали лозунги «Русского марша» (в 2005 г. таких было 64%, причем тогда это прямо коррелировало с уровнем благосостояния), но с годами поддержка его идеи росла, хотя в самые последние годы число его энтузиастов несколько уменьшилось: если в 2010-м таковых было 28%, то в 2013-м — 40%, а в 2014–2015 гг. — 30–31%. Правда, есть основания полагать, что далеко не все из них знали лозунги «Русского марша» и понимали их суть². Ведь от 59% респондентов в 2010-м до 65–70% в 2014–2015 гг. слабо представляли эти лозунги или вообще о них ничего не знали.

Как получилось, что праздник стал удобной площадкой для демонстрации ксенофобии? События 1612 г. позволяют нарисовать яркий образ смуты, созданной, во-первых, коррупционным боярством, во-вторых, всевозможными изменниками («пятой колонной»), а в-третьих, внешней военной интервенцией (поляками). Иными словами, образ врага здесь доминирует и выглядит достаточно отчетливо. А преодолена смута была не усилиями власти, оказавшейся беспомощной, а народным подъемом, исходившим из глубинки (Нижний Новгород), т.е. от «русского люда». В итоге здесь хорошо видно, кто «наши», а кто «не наши» и кто победил. Это дало радикалам повод провозгласить себя голосом «рус-

ского народа», доминирующего большинства, требующего решительно разделаться с коррупцией, установить в стране порядок и восстановить справедливость. При этом социальные требования тесно переплетались с этнонациональными. Поэтому организаторы и участники «Русского марша» нередко представляли себя «народным ополчением», выступавшим против «воровской власти», которая находилась либо в руках «инородцев», либо под их влиянием и в любом случае воспринималась как «нерусская».

Следовательно, для участников марша смысл праздника определялся не какими-то конкретными выверенными историческими фактами, а эмоциями, которые порождались современным прочтением этих фактов и актуализацией истории. При этом собственно исторические факты оказывались ненужными, и националистический миф отрывался от своей исторической основы. Важна не столько историческая канва, сколько солидарность, ею порождаемая (по Э. Дюркгейму). Знание истории и адекватное ее прочтение для этого вовсе не требуются. Поэтому об освобождении Москвы от поляков никто на марше даже не вспоминал. Зато там всячески поносили мигрантов («варваров»), якобы желавших захватить Россию и Европу, а также власть, якобы захваченную «инородцами» и не дающую свободы русскому народу. В последние годы там не только не было слышно антизападнической риторики, но даже раздавались призывы защитить Европу от «наплыва варваров».

В результате вместо интеграции праздник получил ярко выраженную дезинтегративную функцию, но не в силу иного нарратива, отличавшего участников «Русского марша» от остального общества, а из-за реинтерпретации общего нарратива. Действительно, организаторы праздника расходятся в его понимании. Если государство трактует День народного единства как манифестацию единства всего российского общества, то в Московской патриархии добавляют к этому единство Церкви, что тут же ставит православных в привилегированное положение (хотя патриарх Кирилл осуждает радикализм). А «Русский марш» делает акцент на этнонациональной солидарности, пытаясь резервировать праздник за русскими и противопоставить их либо всем «инородцам», либо «некоренным». Но и сами участники «Русского марша» понимают «русскость» по-разному: для одних она ассоциируется с православием, а для других — с язычеством, для одних — с империей, для других — с национальным государством.

¹ Москва-2015: «Русские» и прочие марши националистов // Центр «Сова». 2015. 4 нояб. (URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2015/11/d33174/>).

² Панеях Э. Как День народного единства превратился в «день националиста» // РБК. 2014. 5 нояб. (URL: <http://www.rbc.ru/opinions/society/05/11/2014/545a0088cbb20f4b28c2f5ae>).

Поэтому едва ли не с самого начала разная интерпретация праздника не позволила русским националистам объединиться и разделила их на православных монархистов и русских этнонационалистов, причем у последних отмечался явный языческий крен. Мало того, в контексте праздника именно русским приписываются такие качества, как справедливость, честность и стремление к порядку, и с этих позиций предъявляются претензии власти и раздаются требования ее замены.

В итоге «Русский марш» демонстрирует, что «любить нацию» можно по-разному, в том числе культивируя не столько добрые чувства к «своим», сколько ненависть к «чужакам». Это превращает праздник в протестную деятельность, имеющую этносоциальное измерение. Иными словами, государственный праздник получает антигосударственное наполнение. При этом он порождает массу агрессивных эмоций, связанных с «ритуалами ненависти» — кричалками, двустушищами, лозунгами, призывами оскорбительного характера, подпрыгиваниями («кто не прыгает, тот чурка»), которые исполняются целой колонной, тесно связывая ее членов общим нарушением принятых в обществе норм политкорректности.

Но эти агрессивные эмоции обращены не на поляков как исторического врага, и даже не на враждебный Запад, а прежде всего на мигрантов и мусульман, представляющихся главной угрозой России. Не меньшей угрозой некоторые участники марша видят и действующую власть, подавляющую демократические свободы. В этом смысле оппозиционный праздник несет определенный революционный заряд, и не случайно некоторые его лидеры прямо призывали участников к революции. Разумеется, эти призывы были обращены не только к непосредственным участникам, но и к воображаемым зрителям. Но на беду организаторов «Русского марша» их шествия мало интересовали общественность — журналистов и полицейских там всегда присутствовало много больше, чем зрителей. Даже жители окрестных домов редко использовали возможность наблюдения за шествием из окон.

Таким образом, вопреки мнению многих исследователей, начиная с Э. Дюркгейма, функция праздника вовсе не ограничивается формированием или поддержанием общественной солидарности и снятием напряжения или релаксацией. Действительно, сегодня многие молодежные оппозиционные движения используют праздничные торжества для протест-

ных действий. Причем стержнем такой акции является идеология, воплощенная в реальное действие, нередко противоправное или граничащее с противоправным.

Выступление правых радикалов носит черты театрализованного представления с определенной бунтарской эстетикой (вызывающий стиль поведения, знамена, транспаранты с кричащими лозунгами, одежда, нашивки, шарфы, повязки, символика, включая цветовую). Для новичков оно служит обрядом инициации, позволяющим на общих основаниях влиться в движение и продемонстрировать лояльность его ценностям. А для всех участников такое действие означает и подчеркивает их солидарность и готовность к ощутимым жертвам во имя поставленных целей. Поэтому здесь приветствуется нарочитая агрессивность, которая, впрочем, не чужда и традиционным народным праздникам. В ряде случаев полученный на празднике эмоциональный заряд порождал криминальные деяния — избиения или убийства иммигрантов по завершении праздника.

Особую роль при этом играет идеология, выражающая ценности движения и обнаруживающая себя в лозунгах, кричалках и плакатах. Причем она настолько важна, что иной раз препятствует сплочению праворадикальных оппозиционеров. Ведь даже колонны, участвующие в одном и том же шествии, нередко не разделяют идеи и ценности соседей и относятся друг к другу с настороженностью, недоверием или даже откровенной издевкой. Что же касается более широких кругов общества, то, несмотря на стремление организаторов «Русских маршей» расширить свою социальную базу, им это плохо удается. Если общественность и разделяет ксенофобские чувства в отношении мигрантов, то возлагает надежды на решение проблемы массовой миграции на власти, а отнюдь не на правых радикалов.

Почему движение пришло в упадок? Впервые, неожиданно для русских радикалов в 2010-е гг. государство приняло многие из их пожеланий и воплотило их в политической практике. Как с удивлением признался вышедший на свободу весной 2018-го бывший глава ДПНИ и организатор «Русских маршей» националист А. Белов (Поткин), «современная Российская Федерация в плане национализма ушла так далеко, что мне такое и не снилось. Те вещи, которые в свое время декларировало общество “Память”, сейчас являются основой государственной политики. Ни фиги себе, а еще нас запрещали! Я в изоляторе смотрел

телевизор — и мне становилось страшно»¹. Вторых, взяв на себя эту функцию, государство не желало конкуренции с радикалами, и многие из их лидеров оказались за решеткой. Опасаясь повторить их участь, большая часть бывших участников «Русского марша» перестали на него ходить и сегодня изливают свои агрессивные чувства в социальных сетях. В-третьих, большое число наиболее активных правых оппозиционеров уехали воевать на Донбасс, и немало их там погибло², а многие из тех, кому удалось выжить, навсегда получили иммунитет от войны. Вот почему колонны «Русского марша» тают на глазах.

Список литературы

1. *Holthouse D.* From Russia, With Hate. Key Racist Activist Emerges in U.S., Russia // Intelligence Report, Summer 2008. No. 130. P. 22–25.
2. *Zuev D.* The Russian March: Investigating the Symbolic Dimension of Political Performance in Modern Russia // Europe-Asia Studies, 2013. Vol. 65. No. 1. P. 102–126.
3. *Беккер В.* «Гербалайф» высокого полета. Сетевые партии и «поджог рейхстага» в Москве // Политический журнал. 2005. 1 августа. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=69&tek=3913&issue=113>.
4. *Бенедиктов К.* Национализм как ответ // Взгляд. 2009. 6 нояб. URL: <http://www.vz.ru/columns/2009/11/6/345959.html>
5. *Борусяк Л.* «Наши»: кого и как учат спасать Россию // Вестник общественного мнения (Левада-Центр). 2005. № 5. URL: <http://polit.ru/research/2005/11/25/borusjak.html>.
6. *Верховский А.* Идеинная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е годы // Верхи и низы русского национализма / Под ред. А. Верховского. М.: Центр «Сова», 2007. С. 6–32.
7. *Виноградов М., Конигина Н., Киселева П., Роткевич Е.* Националисты приватизировали праздник // Известия. 2005. 7 нояб. URL: <http://izvestia.ru/russia/article3004233>.
8. *Герасименко О.* Александр Поткин: «Когда уезжал из лагеря, некоторые плакали» // Русская служба Би-би-си. 2018. 26 апр. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43883799>.
9. *Гревецев И.* «Русский марш» должен быть подобен «Бессмертному полку!» // Русский вестник. 2017. 16 нояб. URL: <http://www.rv.ru/content.php3?id=12320>.
10. *Дейч М., Каждая В.* Герой вонючего рынка, или «Православные патриоты» на тропе войны // Московский комсомолец. 2005. 24 июня. URL: <http://www.mk.ru/numbers/1693/article56369.htm>.
11. День народного единства, год 2014-й // Русская православная церковь. 2014.12 нояб. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/296574.html>.
12. Депутаты призывают Генпрокуратуру запретить в России иудаизм // Портал социально-демократической политики. 2005. 24 янв. URL: <http://www.psdpr.ru/news/russia/77072925>.
13. *Дугин А.* Национализм ненависти убийственен для России! // Правда. 2006. 2 мая. URL: <http://www.pravda.ru/politics/parties/02-05-2006/83168-Dugin-0>.
14. *Зверева Г.* Русские смыслы для новой России? Опыт продвижения «Русской доктрины» // Верхи и низы русского национализма / Под ред. А. Верховского. М.: Центр «Сова», 2007. С. 121–144.
15. Интервью Владимира Путина ведущим российским телеканалам // «Первый канал». 2004.18 нояб. URL: https://www.1tv.ru/news/2004-11-18/237786-intervyu_v_putina_veduschim_rossijskim_telekanalam.
16. Итоги «Русского марша» 4 ноября 2006 г. Совещание православных экспертов в Славянском центре // Русская линия. 2007. 10 янв. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=8758>.
17. *Ихлов Е.В.* Самодержавное дежавю. Зачем взращивают черную сотню // За права человека. 2005. 20 окт. URL: <http://zaprava.ru/news2/news.php?id=107>.
18. *Кожневникова Г.* Ультраправые тенденции в прокремлевских молодежных движениях // Русский национализм между властью и оппозицией / Под ред. В. Прибыловского. М.: Центр «Панорама», 2010. С. 4–17.
19. Кратко о «Русском марше» // «Русский марш». 2015. 4 нояб. URL: <http://rmarsh.info/news14/kratko-o-russkom-marshe.html>.

¹ *Герасименко О.* Александр Поткин: «Когда уезжал из лагеря, некоторые плакали» // Русская служба Би-би-си. 2018. 26 апр. (URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43883799>).

² Об этом упомянул Станислав Белковский на «Эхо Москвы». См.: Особое мнение // Эхо Москвы. 2019. 8 февр. (URL: https://echo.msk.ru/programs/personalno/2366723-echo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com).

20. Манифест «Русского марша» – 2012 // «Русский марш». 2012. 4 нояб. URL: <http://rmarsh.info/novosti/manifest-russkogo-marsha-2012.html>.
21. Москва-2015: «Русские» и прочие марши националистов // Центр «Сова». 2015. 4 нояб. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2015/11/d33174/>.
22. *Набережнов Г.* В Люблино начался «Русский марш» // РБК. 2014. 4 нояб. URL: <http://top.rbc.ru/politics/04/11/2014/5458a53bcbb20f36710e34e6>.
24. Особое мнение // Эхо Москвы. 2019. 8 февр. URL: https://echo.msk.ru/programs/personalno/2366723-echo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.
25. *Паин Э.* Динамика ксенофобии в эпоху популизма: опыт макросоциального анализа // Вестник общественного мнения. 2018. № 3–4. С. 28–30.
26. *Панеях Э.* Как День народного единства превратился в «день националиста» // РБК. 2014. 5 нояб. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/society/05/11/2014/545a0088cbb20f4b28c2f5ae>.
27. Представителей Церкви возмутил факт использования православной символики на недавнем «Русском марше» // *via-midgard*. 2012. 9 нояб. URL: <http://via-midgard.info/news/rpc-protiv-nacionalizma.htm>.
28. Протоиерей Всеволод Чаплин: РПЦ недостаточно внимательна к уличной молодежи // *newsru.com*. 2013. 6 нояб. URL: <http://www.newsru.com/religy/06nov2013/chaplin.html>.
29. Священнослужители о «Русском марше» // *регионы.ру*. 2012. 6 нояб. URL: <http://regions.ru/news/2432199/>.
30. Священнослужители о «Русском марше» и легальном национализме // *Новости федерации*. 2010. 6 окт. URL: <http://www.regions.ru/news/2374780/>.
31. *Солодовник С.* Творческий союз с фундаменталистами // *Еженедельный журнал*. 2005. 22 июля. URL: <http://www.ej.ru/comments/entry/1461/>.
32. *Умланд А.* Новый «особый путь» России после «оранжевой революции»: радикальное антизападничество и паратоталитарный неоавторитаризм 2005–2008 годов // *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия* / Под ред. Э.А. Паина. М.: Три квадрата, 2010. С. 251–254.
33. *Холмогоров Е.* Почему умер «Русский марш» // *Четыре пера*. 2018. 4 нояб. URL: http://www.4pera.ru/news/tribune/egor_kholmogorov_pochemu_umer_russkiy_marsh/.
34. *Шнирельман В.А.* «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2010.
35. *Шнирельман В.А.* Народный праздник: консолидация или раскол общества // *Неприкосновенный запас*. 2018. № 6. С. 262–279.
36. *Шнирельман В.А.* Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры-Гешарим, 2012.
37. *Шнирельман В.А.* Колено Даново: эсхатология и антисемитизм в современной России. М.: ББИ, 2017.

Лев ГУДКОВ
Наталья ЗОРКАЯ
Екатерина КОЧЕРГИНА

НАСИЛИЕ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ: КОНФЛИКТЫ, ДАВЛЕНИЕ, ПЫТКИ¹

1. Общие замечания о характере полученных материалов

Многолетние исследования «Левада-Центра» общественного мнения россиян, их отношения к власти, судебной системе, правоохранительным органам свидетельствуют о двойственности массовых установок населения России и крайнем релятивизме или нигилизме правового сознания. Значительная часть людей воспринимает суды и правоохранительные органы как систему, защищающую преимущественно интересы власти или близких ей групп, обладающих значительными ресурсами административного влияния. Но наряду с отношением к этим институтам как преимущественно репрессивным или обслуживающим коррумпированную бюрократию сохраняются устойчивые представления о том, что где-то, далеко от повседневной жизни обычных людей, сохраняются «институты справедливости», защиты от произвола. Справедливость трудно найти в тех структурах, с которыми чаще всего имеет или может иметь дело обычный человек, — в полиции, судах низших инстанциях (мировой, районной, городской и т.п.), у судебных приставов, следователей или низовых прокуроров, к ним сохраняется устойчивое негативное отношение, недоверие и подозрения в предвзятости, формализме, равнодушии и жестокости, аморализме и коррумпированности². Но к выс-

шим российским судам или в большей степени ЕСПЧ, высшему руководству МВД, Генеральной прокуратуре, ФСБ проявляются иные установки: их идеализируют, наделяют ореолом честности, неподкупности и т.п. Это значит, что в массовом сознании воспроизводятся ценности права и правосудия, но именно в качестве утопического горизонта, представлений о том, как *должно быть*, но не как *есть на самом деле*. Одни мнения заданы работой институтов образования, культуры, социализации и пропаганды, другие — практическим опытом жизни и личного взаимодействия с правоохранительными органами.

У абсолютного большинства россиян нет практических, личных оснований критически судить о работе сотрудников правоохранительных органов (далее — СПО), поскольку 73% опрошенных, как показывают результаты настоящего опроса, никогда не оказывались в ситуациях, которые можно было бы квалифицировать как конфликт с ними. 23% опрошенных признались, что «один или несколько раз попадали в подобные положения», и лишь 2% конфликтовали с ПО «часто, многократно». На вопрос о причинах конфликтов респонденты чаще всего называли три типовые ситуации поведения СПО: демонстративное насилие и грубость при *установлении личности*, при *допросе* в качестве свидетеля, потерпевшего или подозреваемого или при *задержании* (более подробно об остальных причинах конфликтов см. в разд. 6.1, с. 22).

Попадавшие в конфликты с ПО заметно меняют отношение к полиции или другим силовикам. Если в среднем по выборке к сотрудникам полиции настороженно относятся 39% опрошенных, то среди тех, кто хоть раз оказывался в конфликтной ситуации, показатель негативного отношения к СПО поднимается до 62%. Эта закономерность «переворачивания» оценки проявляется в отношениях ко всем представителям силовых правоохранительных структур без исключения (табл. 1; здесь и далее

¹ В основе статьи лежит анализ материалов проведенного в январе — феврале 2019 г. исследования об отношении россиян к правоохранительным органам РФ, оценки их деятельности и доверия к ним, а также мнений о распространенности в системе правоохранительных органов пыток и допустимости таких практик.

² Для опроса «Взаимодействие населения с правоохранительными органами РФ» была спроектирована трехступенчатая вероятностная выборка взрослого (от 18 лет и старше) населения России. Общий объем выборки составил 3400 респондентов. Опрос проводился в 53 субъектах РФ, в 148 точках опроса, в том числе в 104 городских населенных пунктах и 44 сельских районах. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения. 2010. № 4 (106). С. 7–43; Мониторинг отношения российского населения к судебной реформе и судебной системе // Вестник общественного мнения. 2014. № 3-4. С. 13–69.

результаты опроса приводятся в процентах к числу всех опрошенных, если не указано иное).

Если в среднем по выборке 66% опрошенных допускают мысль, что они могут пострадать от произвола правоохранителей (исходя из общих соображений), то у тех, кто оказывался в ситуации конфликта с ними, *вероятность быть пострадавшими* от сотрудников подсказывает до 85% (10% считают это предположение маловероятным, 3% полностью исключают такой вариант развития конфликта).

Таблица 1

ЗАВИСИМОСТЬ ДОВЕРИЯ К СОТРУДНИКАМ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ОТ ОПЫТА КОНФЛИКТОВ С НИМИ

Доверяете ли вы сотрудникам...	В среднем		Из тех, кто имел конфликты с представителями соответствующих ведомств	
	Да, доверяют	Не доверяют, относятся с опасением	Доверяют	Не доверяют, относятся с опасением
Полиции	59	39	37	62
Прокуратуры	57	35	39	55
Судов	50	42	39	55
Следственного комитета	51	36	33	62
МВД	55	36	36	58
ФСБ	57	36	36	58
ФСИН	46	38	29	58
ФССП	45	41	29	61

2. Общее отношение к сотрудникам правоохранительных органов

Установки к правоохранительным органам обусловлены двумя составляющими: первое — практический личный опыт взаимодействия с полицией, судами и др., дополненный, что чрезвычайно важно в данном случае, рассказами людей из ближайшего окружения респондента, что обеспечивает им безусловную убедительность и достоверность конкретного примера; второе — более общие идеологические и нормативные представления о том, что и как *должно быть* при «правильном» порядке поведения граждан и сотрудников правоохранительных органов, заданных доминирующими институтами социализации (школой, пропагандой, коллективными образами, тиражируемыми массовой культурой — ТВ, кино, популярной литературой и т.п.).

Практический личный или опосредованный социальный опыт человека релятивизирует усвоенные идеологические и нормативные установки, порождая устойчивую структуру двоемыслия как средство страховки от «идио-

тизма полной доверчивости» властям и официозу, т.е. работает в качестве условия приспособления к социальной реальности.

Институциональное «доверие» четко раскладывается на «полное доверие» и «доверие в какой-то мере». В среднем показатели «полного доверия», которые носят исключительно идеологический и нормативный характер, в 1,5–2 раза ниже относительного и расплывчатого индикатора «доверяю в какой-то степени», сочетающего определенную часть настрожен-

ности и конформизма. Ниже всего (16 и 17%) — к судебным приставам и сотрудникам ФСИН, которые обладают репутацией тюремщиков со всеми ассоциациями «тюрьмы», «концлагеря»; выше всего (24%) — к ФСБ, все еще сохраняющей остатки репутации наименее коррумпированной организации власти, занятой деятельностью по защите национальных интересов, вопросами госбезопасности, разведкой и т.п.

Если говорить о суммарных показателях доверия, то оно выше всего к полиции (59%), но не за счет «полного и безусловного доверия», а из-за частичного «скорее да, доверяю», так как в случае острой нужды (кражи, нападения, выдачи документов и справок) обычному человеку так или иначе приходится обращаться только в полицию, у него нет выбора — именно с сотрудниками этого ведомства чаще всего приходится иметь дело населению; ниже всего доверие к судам, ФСИН и ФССП (50, 46 и 45%, соответственно). Высоко показное доверие к тайной политической полиции — ФСБ, наделенной пропагандой аурой особости, секретности, всемогущества и т.п. характеристиками

советских борцов с внутренними и внешними врагами, а также к прокуратуре, заслужившей в последнее время общественное внимание возбуждением целого ряда громких уголовных дел против высокопоставленных коррупционеров. В целом же колебания в массовом отношении к репрессивным органам незначительны и лишь немного превышают допустимые стандартные статистические отклонения точности измерения.

Показатели относительного, «неполного» доверия к правоохранительным органам более устойчивы, чем показатели «полного» доверия. Они меньше различаются в разных социально-демографических группах населения, отличающихся величиной и социальными и культурными ресурсами — доходами, образованием, информированностью, мобильностью, институциональными возможностями, включая обращение за защитой от произвола. Конформистское приспособление к противоречащим нормам и требованиям повседневной жизни, включая терпение, попытки откупиться, жаловаться начальству и т.п. (по сути, антиправовое поведение), — основная тактика повседневного выживания большей части населения в условиях административного произвола и правовой неопределенности.

В отличие от «доверия» показатели «недоверия» носят внутренне согласованный и определенный характер (именно поэтому в табл. 2 они приводятся в суммарном виде). Отказ от определенного и содержательного ответа («затрудняюсь ответить»), с одной стороны, представляет собой, хотя и в ослабленном виде, сочетание выражения недоверия к властям и органам правопорядка с конформистским

уходом от выражения собственной позиции, а с другой — социальную некомпетентность, отчуждение от этой тематики, табуированность рефлексии над этими трудными вопросами.

Показатели институционального «недоверия» к сотрудникам правоохранительных органов выше у тех категорий населения, которые обладают минимальными социальными ресурсами, — у молодежи и малообразованных и бедных жителей провинции, села и малых городов. Так, расхождения в ответах «определенно чувствую себя под защитой закона» между молодыми и зрелыми людьми (18–24 и 40–54) составляет 8–10 процентных пунктов (22 и 12%). Такие же колебания фиксируются между образованными и необразованными категориями, жителями крупных городов и сел, в то время как в ответах «скорее да» они заметно меньше, если только не брать различные категории опрошенных по доходам (тут они максимальны). Крайне важно подчеркнуть этот двойственный характер отношения к полиции: 59% доверяют ей и 39% боятся ее. Оно обусловлено двумя принципиально разными социальными источниками: общими коллективными представлениями, заданными институционально, и личным опытом взаимодействия с полицией, оцениваемого в значительной степени негативно (конфликты с полицией имели 25% опрошенных, прошли через пытки 10%). Молодые люди больше всех доверяют полиции и меньше всех опасаются пострадать от произвола сотрудников правоохранительных органов: среди 18–24-летних доверяют 69%, среди 40–50-летних — 57%; в Москве — 54%; в средних и малых городах и селах полиции доверяют — 60–61%. Минимальный уровень недоверия опять среди молодых (31%),

Таблица 2

ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ СОТРУДНИКАМ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ ВЕДОМСТВ?

	Определенно да	Скорее да	Сумма доверяющих («определенно да + скорее да»)	Сумма недоверяющих («скорее нет + определенно нет»)	Индекс доверия	Затруднились ответить
ФСБ	24	33	57	30	27	13
Прокуратуры	21	36	57	35	22	8
Полиции	21	38	59	39	20	2
МВД	19	36	55	36	19	9
СК	18	33	51	36	15	13
Судов	18	32	50	42	8	9
ФСИН	17	29	46	38	8	16
ФССП	16	29	45	42	3	14

Ранжировано по индексу доверия (он строится как сумма «доверяющих» минус сумма «недоверяющих»).

максимальный — среди 40–50-летних (39–41%), у бедных — 47%.

Приведем в качестве примера социально-демографические характеристики суммарного «доверия» к сотрудникам полиции и работникам судов.

Уровень доверия последовательно снижается от молодых респондентов (демонстрирующих лояльность социальному порядку, инерцию идеологической социализации в школе и других образовательных учреждениях), неопытных и не имевших конфликтов с полицией (особенно это касается женщин этого возраста), или от самых обеспеченных групп, вписанных в действующую систему управления и власти, к людям зрелым, с большим жизненным

опытом, а потому обладающим достаточным иммунитетом против идеологической индоктринации репрессивных институтов, а также к бедным категориям населения. В Москве и крупных городах доверие к полиции ниже, чем в провинции.

Та же картина распределения институционального доверия проявляется и в отношении респондентов к работникам судебной системы: оно падает от молодых и неопытных или от обеспеченных к зрелым, характеризующимся жизненным опытом, от села к столице, от обеспеченных (занимающих высокие социальные позиции) к людям с ограниченными жизненными ресурсами (низким доходом и уровнем образования, табл. 4).

Таблица 3
ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ СОТРУДНИКАМ ПОЛИЦИИ?

	Да	Нет	Индекс доверия	Затруднились ответить
Возраст				
18–24 года	68	31	37	1
25–39 лет	60	39	21	2
40–54 года	57	39	18	2
55 лет и старше	57	39	18	4
Образование				
Высшее	60	38	22	2
Среднее профессиональное	59	39	20	2
Среднее и ниже	58	39	19	3
Потребительский статус				
Бедные	49	47	2	3
С умеренным достатком	60	38	22	2
Обеспеченные	64	34	30	2
Тип поселения				
Москва	54	44	10	2
Большой город	57	40	17	4
Средний город	61	38	23	1
Малый город	60	39	21	2
Село	61	37	24	3

Таблица 4
ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ СОТРУДНИКАМ СУДОВ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ?

	Да	Нет	Индекс доверия	Затруднились ответить
Возраст				
18–24 года	65	33	32	6
25–39 лет	54	41	13	8
40–54 года	48	44	4	12
55 лет и старше	44	43	1	19

Продолжение табл. 4

	Да	Нет	Индекс доверия	Затруднились ответить
Образование				
Высшее	60	38	22	10
Среднее профессиональное	59	39	20	14
Среднее и ниже	59	39	20	15
Потребительский статус				
Бедные	49	47	2	20
С умеренным достатком	60	38	22	12
Обеспеченные	64	34	30	10
Тип поселения				
Москва	54	44	10	11
Большой город	57	40	17	14
Средний город	61	38	23	10
Малый город	60	39	21	13
Село	61	37	24	15

3. «Под защитой закона»

Несмотря на преобладание среди россиян мнений о том, что они находятся «под защитой закона» (слишком общая и абстрактно-отвлеченная постановка вопроса для социально пассивных групп населения), полной уверенности в этом нет. Чем более определенными и конкретными оказываются вопросы интервьюера об отношениях с СПО, чем ближе они к реальным условиям жизни респондента, тем слабее оказывается декларируемая норма социального порядка. Поэтому более определенно и уверенно о своей защищенности заявляют люди с меньшим социальным опытом или ограниченным кругом общения — молодежь, воспроизводящая идеологические установки власти, и население провинции, менее образованное, немобильное и консервативное (табл. 5).

Парадокс состоит в том, что абсолютное большинство опрошенных, заявляя о своей защищенности, пребывают в состоянии сильнейшего сомнения в этом, о чем свидетельствуют ответы на другой вопрос, ставящий респондента в более конкретные условия — в ситуацию возможности пострадать от произвола сотрудников правоохранительных органов (табл. 6). Когда социальный контекст вопроса понятен, люди отвечают более определенно: 7% опрошенных имеют собственный подобный опыт, дополненный разговорами с близкими, пострадавшими от полиции или других правоохранителей (еще 8%). Это значит, что мнения

15% населения обладают несомненной убедительностью эмоционального и живого примера, резко отличающегося от абстрактной приписываемой сверху нормы — необходимости выдать правильное суждение или убеждение в том, как *должно быть*. 51% считает, что такое с ними *«вполне может случиться»* (против 31%, которые считают такой вариант маловероятным или не допускают мысли о произволе правоохранителей и нарушении ими законов).

Такое соотношение мнений говорит лишь о том, что двоемыслие является социальной нормой, принципиальной схемой социального поведения — декларировать одно, но допускать совершенно иное и всякий раз сознавать практическую необходимость («вынужденность») «недолжного», неформального, непоказного поведения.

Чаще о том, что им *приходилось сталкиваться* с превышением законных полномочий полицейскими или сотрудниками других правоохранительных ведомств (самим или их близкими), говорили мужчины среднего или зрелого возраста (40–50) со средним образованием, низким уровнем доходов, живущим в средних или малых городах. Однако *опасения* из-за того, что они (респонденты) могут столкнуться с полицейским произволом, сильнее распространены в Москве и других мегаполисах, чем в провинции. В Москве подобная неуверенность достигает максимума — здесь доля людей, считающих, что они могут стать жертвой произвола

Таблица 5

ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ ПОД ЗАЩИТОЙ ЗАКОНА?

	Определенно да	Скорее да	Сумма «определенно да + скорее да»	Сумма «скорее нет + определенно нет» + 3/0	Защищенные минус незащищенные
В среднем	16	38	54	46	8
Пол					
Мужчины	16	37	53	47	6
Женщины	15	40	55	45	10
Возраст					
18–24 года	22	43	65	35	30
25–39 лет	15	39	54	46	8
40–54 года	12	38	50	50	0
55 лет и старше	17	38	55	45	10
Образование					
Высшее	12	43	55	44	11
Среднее профессиональное	16	38	54	46	8
Среднее и ниже	19	35	54	46	8
Потребительский статус					
Бедные	15	29	44	56	- 8
С умеренным достатком	15	39	54	45	10
Обеспеченные	17	43	60	40	20
Тип поселения					
Москва	13	39	52	48	4
Большой город	12	38	50	49	1
Средний город	12	42	54	45	9
Малый город	17	37	54	45	9
Село	21	38	59	40	19

Таблица 6

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ САМИ ИЛИ ВАШИ БЛИЗКИЕ ПОСТРАДАТЬ ОТ ПРОИЗВОЛА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ?

Это вполне может случиться	51
Это уже происходило со мной	7
Это уже происходило с моими близкими	8
Это маловероятно	23
Это совершенно исключено	8
Затруднились ответить	3

сотрудников полиции, органов безопасности и других силовиков, увеличивается до 62%. Выше среднего она и среди людей с университетским образованием.

Всего 8% убеждены, что для них подобные эксцессы совершенно исключены, еще около

четверти полагают, что такие случаи маловероятны. Здесь снова проявляется характерная закономерность: большей уверенностью в своей защищенности обладают молодые люди, с возрастом эта уверенность снижается — сказывается опыт жизни в условиях репрессивного

государства и милицейского произвола. Можно предположить, что более высокий уровень образования и информированность москвичей позволяют яснее видеть природу произвола и его проявления.

Иначе говоря, две трети населения живут с сознанием, что с ними *всякое может произойти*, никаких гарантий личной безопасности нет. Отсюда глубокая убежденность абсолютного большинства (62–67%) в том, что правоохранительные органы не являются надежной защитой от произвола.

4. Основные характеристики повседневной жизни российского общества

4.1. Хорошо адаптированные, пассивно приспособляющиеся и дезадаптированные категории населения

Чтобы адекватно оценивать характер массовых установок в отношении к праву и правоохранительным органам, необходимо всякий раз принимать во внимание условия повседневной жизни и существования большинства людей, а значит, их принципы и стратегии жизненного поведения. Для значительной части населения модель существования сводится к поддержанию достигнутого уровня жизни, физическому выживанию, а не улучшению или переходу к более высокой модели потребления или качества жизни. Стратегии адаптации к изменениям, происходящим в последние 15–20 лет, в первую очередь сводятся к пассивному приспособлению к внешним обстоятельствам, сокращению запросов или отказу от прежнего и привычного образа жизни¹.

Каждый пятый (19% — сумма двух первых позиций в табл. 7) россиянин не в состоянии приспособиться к нынешней жизни либо смирился с вынужденными ограничениями в большом и малом. Чаще такие суждения высказывают люди, относящие себя к низшим социальным слоям и депримируемым группам населения, т.е. обладающие низкими доходами и не имеющие особых перспектив на улучшение жизни в силу крайне ограниченных ресурсов — невысокого уровня образования и профессиональной квалификации. Эти респонденты живут в среде, которая отличается ограниченностью рынка труда (скрытой безработицей), общей застойностью жизни, депрессивной атмосферой, а также высоким уровнем социальной патологии (алкоголизм, бытовая преступность, самоубийства, девиантное поведение): они чаще встречаются в средних и малых городах, селе. Эти категории населения характеризуются трендом на снижение своего социального статуса, ухудшение жизненных шансов, общую деградацию. Их информационное поле весьма ограничено и в сильнейшей степени обусловлено влиянием телевизионной пропаганды.

Мы подчеркиваем это обстоятельство, поскольку *дезадаптированные* респонденты вдвое чаще среднего оказываются предметами особого внимания и произвола сотрудников правоохранительных органов (19 и 9%), а если сравнивать их с группами материально обеспеченных, то вчетверо (19 и 5%).

Еще чуть больше трети (34 или 35% с учетом «затруднившихся ответить») опрошенных заявляют, что для них в последние годы «ни-

Таблица 7

ЛЮДИ ПО-РАЗНОМУ УСТРАИВАЮТ СВОЮ ЖИЗНЬ, В РАЗНОЙ МЕРЕ ПРИСПОСАБЛИВАЮТСЯ К ЕЕ УСЛОВИЯМ. КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ТОЧНЕЕ ВСЕГО ОПИСЫВАЕТ ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К НЫНЕШНЕЙ ЖИЗНИ?

Я никак не могу приспособиться к нынешней жизни	6
Я свыкся с тем, что пришлось отказаться от привычного образа жизни; жить, ограничивая себя в большом и в малом	13
Мне приходится вертеться, хвататься за любую возможность заработать, лишь бы обеспечить себе и близким терпимую жизнь	31
Мне удалось использовать появляющиеся возможности, чтобы добиться большего в жизни	16
Я живу, как и раньше, для меня в последние годы ничего особенно не изменилось	34
Затруднились ответить	1

¹ Об этом прежде всего см.: *Левада Ю.* Человек приспособленный / От мнений к пониманию. Московская школа политических исследований. М., 2000. С. 438–467. См. также данные динамики адаптации населения к переменам: Ежегодник общественного мнения. М.: Левада-Центр, 2019. С. 17.

чего особенного не произошло». Как правило, это люди со средним уровнем образования (чаще — люди со средним профессиональным образованием), рабочие, служащие, живущими

в провинциальных городах, занятые рутинной работой, либо провинциальная интеллигенция, низовая администрация в провинции в средних и малых городах, селах. Доля таких ответов («живу как прежде») в этих группах поднимается до 37–40%.

Чуть меньше трети (31%) опрошенных предпринимают значительные усилия, чтобы удержаться на том уровне жизни, который они считают приемлемым. Его нельзя воспринимать как «обеспеченность» или «достаточность» доходов и заработков, это то состояние, которое называется «приходится вертеться и хвататься за любую возможность, чтобы обеспечить семье относительно терпимую жизнь». Они вместе с предыдущей группой («живу, как раньше жили») образуют основу нынешнего социально-политического порядка (65% населения).

Именно характер вписанности в систему, приспособленности к сложившемуся социальному или социально-экономическому порядку определяет ту или иную степень уверенности, чувство безопасности, включая и сознание защищенности от административного или полицейского произвола. Устойчивость сложившейся в России социальной системы придают не лояльность власти процветающего высшего слоя, контролирующего базовые институты в стране и доступ к распределению государственных благ, и не благополучие верхнего среднего класса, владеющего всеми средствами управления, власти, а *инертность и отчуждение от политики основной массы* людей, обладающих сравнительно невысоким уровнем жизненных запросов и потребностей, озабоченных в первую очередь вопросами повседневного выживания и поддержания или сохранения привычного образа жизни. Потребительский бум, захвативший верхние 20% населения, в физическом выражении не дошел до значительной части населения, но породил в основной массе российского общества сильные напряжения, сознание своей несостоятельности, зависти и хронической беспомощности¹.

И лишь явное меньшинство (16%) заявили, что им «удалось добиться большего в жизни», «использовать открывшиеся возможности» для роста доходов, карьерного продвижения,

существенного изменения в характере потребительского поведения. В основном это люди с высшим образованием, занимающие ответственные позиции в администрации, чиновники, менеджеры, занятые на ключевых постах в финансово-торговом секторе, в бизнесе и т.п. Их характеризует не только более высокий уровень доходов, уверенность в будущем, порождаемая близостью к властным структурам, занятостью на государственной службе или в крупных корпорациях, учреждениях, обладающих значительной институциональной инерцией, но и повышенная лояльность к действующему режиму, возможность использования в своих интересах скрытых ресурсов и возможностей власти, знакомства и связи с государственными чиновниками и т.п. Самая большая доля таких людей (респондентов с высокой самооценкой) фиксируется в Москве (31%, что вдвое выше среднего по стране), в крупных и средних городах, селе (26, 20 и 21% соответственно). Но большинство других людей не обладают подобными преимуществами.

4.2. Диффузная тревожность и сознание социальной уязвимости

Повседневное существование обычных людей в условиях авторитарного режима, централизованного и бюрократического государства, неподконтрольного населению, отличается высокой степенью тревожности и неуверенности, возникающих в качестве реакции на осознание своей зависимости от государства и уязвимости перед произволом властей, непредсказуемостью ближайшего будущего и отсутствием институциональных — в первую очередь судебных, полицейских — форм защиты.

Подавление возможности политической деятельности и организаций гражданского общества, установление цензуры на фоне тотальной и агрессивной демагогии и пропаганды не позволяют выражать и представлять общественные позиции разных категорий граждан, их взгляды, назревшие проблемы, отстаивать свои и групповые интересы, что обрекает людей на пассивное переживание своей незащищенности, необходимость «терпеть». Доминирующей характеристикой атмосферы в таком «обществе-государстве» становится, с одной стороны, аморфность общих, универсалистских, социально-правовых представлений (включая и слабость чувства собственного достоинства), а с другой — жесткие разделения на отдельные сферы или партикуляристские сегменты социальной жизни по принципу «мы — они», внутри

¹ См.: Гудков Л. Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Abortивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011. Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. «Средний класс» as if: мнения и настроения высокодоходной молодежи в России // ВМ. 2008. № 3. С. 27–41; Ежегодник общественного мнения. 2018. М.: Левада-Центр, 2019. С. 40. График 6.6.

которых допускаются свои порядки, правила и нормы, отступления от общепринятых или декларируемых в качестве обязательных норм. Репрессивный характер важнейших социальных институтов обрекает людей на фрагментированное существование в малых группах (семья и родственники, самое большое — коллеги по работе), которым доверяют и внутри которых чувствуют себя более уверенно и психологически комфортно, поскольку только в этих очень узких сферах могут оказывать влияние и контролировать других, влиять на них, отвечать за них. Диффузные страхи в таких социальных средах — это не реакция на конкретные угрозы или события, а средство артикуляции важнейших ценностей, которые определяют смысл повседневной жизни — благополучие детей и близких, отсутствие войны, известный минимум гарантий обеспеченности в старости (табл. 8).

Хроническая тревожность, регулярно фиксируемая более чем у половины опрошенных, образует бессознательный фон или горизонт обычной жизни людей, обусловленный социальным опытом, передаваемый из поколения в поколение советских и постсоветских обывателей. Это обстоятельство слабо артикулируется, но проявляется в виде устойчивых страхов за детей и собственное будущее, которое видится значительным большинством россиян серым и пугающим не только из-за иррацио-

нальной угрозы непредсказуемых бедствий и войн, но и из-за вечной озабоченности утраты трудоспособности, а потому перспективой собственной бедности после ухода на пенсию или из-за болезни, состоянием хронической беспомощности.

Внятно выразить социальные факторы этой общей диффузной тревожности могут немногие россияне — *более образованные, информированные и обладающие достатком выше среднего, как правило, жители крупных городов*. Эти категории населения, накопив некоторый социальный и культурный капитал, начинают претендовать на чувство собственного достоинства в силу собственных же достижений, независимо от признания каких-либо заслуг государством. Именно в этой среде начинается формирование сознания гражданственности и недопустимости сохранения тотального контроля государства. В этих группах острее и более четко, в сравнении с любыми другими категориями населения, осознается опасность административного произвола и беззакония чиновников (непосредственной формы «действительности» государства), беззакония и произвола в правоохранительных органах.

Отсутствие правовых институциональных гарантий и средств защиты от произвола властей беспокоит 22% населения (табл. 8). Этот показатель, что следует из опросов «Левада-Центра», в последние годы медленно растет.

Таблица 8
ЧЕГО ВЫ БОЛЬШЕ ВСЕГО БОИТЕСЬ? (множественный ответ)

Болезни детей, близких	60
Войны	46
Болезни, потери работоспособности	43
Бедности	30
Старости, беспомощности	28
Стихийных бедствий	26
Произвола властей, беззакония	22
Физической боли, мучений	19
Смерти	14
Гибели человечества	13
Национальных конфликтов	12
Гнева Божьего, Страшного суда	11
Преступников	10
Публичных оскорблений, унижений	7
Возврата к массовым репрессиям	6
Затруднились ответить	1

По нему можно судить о предельных параметрах демократически или либерально настроенных граждан России: нижнюю границу, твердое ядро «либералов» и демократов, составляют всего 6–7% всего населения страны. Этот контингент осознает невозможность формирования в нынешней России правового государства. В настоящем опросе это те, кто помнит о временах массового террора и репрессий и сознает угрозу возврата к таким практикам, те, кто постоянно настороже, поскольку ждет от взаимодействия с администрацией, полици-

дом, принадлежащий ведомствам или государству), или на своей *работе* возможности влияния обычного человека резко сокращаются (в среднем на треть). Они становятся призрачными уже *на уровне района или города*, в котором респонденты проживают, не говоря о влиянии на тех, кто принимает решения *в стране* в целом. (табл. 9).

В конечном счете сознание личной ответственности сменяется сознанием личной гражданской безответственности уже на уровне города и тем более страны.

Таблица 9

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ЧУВСТВУЕТЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ... (%)

	В полной мере	В значительной мере	Сумма ответов «в полной + значительной степени»	Сумма ответов «в незначительной мере» + «совершенно не чувствую»	Соотношение «ответственных» и «безответственных»
В вашей семье	74	18	92	7	13,1
У вас на работе	34	25	59	19	3,1
В доме, где вы живете	34	26	61	38	1,6
В вашем городе / районе	19	21	40	57	0,7
В стране	18	18	37	59	0,6

ей или других правоохранительных органами власти «публичных оскорблений и унижений» (табл. 8).

Материалы других, систематических социологических исследований «Левада-Центра» подтверждают эти параметры (примерно такова группа людей, осознающих характер нарушений норм и положений международного права, конвенции и договоров, заключенных РФ; обладающих иммунитетом по отношению к агрессивной пропаганде, шовинизму и т.п.).

Социальная ответственность людей носит крайне неравномерный характер: она высока в тех социальных сферах, в которых, как заявляют опрошенные, они могут влиять на положение дел, где у них есть средства для контроля за управлением отношениями в этих сегментах жизни. Респонденты сильнее всего чувствуют свою ответственность *за положение дел в семье* (поскольку только здесь они обладают максимальными возможностями влиять, воздействовать на членов семьи, доходы и т.п.), но далее она постепенно снижается по мере увеличения социальной общности и ограничения инструментов влияния на ситуацию. Уже *в доме, где они живут* (если это городской многоэтажный

5. Что делать в конфликтной ситуации?

Мнения о том, что необходимо делать человеку, столкнувшемуся с произволом сотрудников правоохранительных органов, разделились практически пополам: чуть больше половины (в сумме — 48%) готовы перетерпеть, понимая, что сделать ничего нельзя, что надо «откупаться», «договариваться» или подчиняться полиции; напротив, 46% опрошенных полагают, что надо добиваться справедливости, стараться наказать виновных. Среди последних заметно больше молодых людей без большого жизненного опыта (от 18 до 40 лет — 55%; среди пожилых респондентов — 37%), верящих в то, что можно найти управу на полицейских или сотрудников правоохранительных ведомств, превышающих свои законные полномочия. Здесь отмечена и более высокая доля образованных (51%), с выраженным чувством собственного достоинства, полагающихся на свое образование и возможности добиться справедливости и права. Среди пожилых или бедных удельный вес респондентов с такой мотивацией падает до 36–39% и, напротив, растет доля пассивных и готовых терпеть и смиряться (до 63%). Заметно выше доля «смирненных» и «пассивных» в Мо-

ске, где конфликты с полицией происходят заметно чаще.

Такое соотношение готовых к защите своего достоинства и интересов и склонных терпеть свидетельствует о том, что вера в нормативную значимость правовой регуляции слаба, никакого серьезного давления коллективные нормы и представления о справедливости и возможности защиты на отдельного человека нет¹. Об этом же свидетельствует и распределение массовых представлений о том, куда идти или куда обращаться в случае произвола СПО: 8% ни-

чего не будут делать, 11% будут использовать личные знакомства в органах власти, около трети (32%) намерены жаловаться, обращаться в вышестоящие инстанции МВД и к начальству правоохранительных ведомств, в средства массовой информации (17%). Это привычный, знакомый еще по советским временам способ поведения.

Однако растущее число россиян готовы избрать другие формы защиты: обращение в суд и прокуратуру (49%, табл. 11). Чаще об этом заявляли молодые люди (58%), хотя и не са-

Таблица 10

ЧТО МОЖНО ИЛИ ЧТО НЕОБХОДИМО ДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕКУ, ОКАЗАВШЕМУСЯ В СИТУАЦИИ, КОГДА СОТРУДНИКИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ДЕЙСТВУЮТ ПРОТИВОЗАКОННО?

	Подчиниться, выполнить, что требуют	Договориться, откупиться	Ничего не делать	Постараться наказать виновных	Затруднились ответить
В среднем	11	6	31	46	5
Пол					
Мужчины	12	7	28	48	5
Женщины	11	6	33	44	6
Возраст					
18–24 года	12	6	21	55	5
25–39 лет	9	5	26	55	4
40–54 года	11	8	30	45	6
55 лет и старше	13	6	38	37	6
Образование					
Высшее	11	5	29	51	4
Среднее профессиональное	11	7	32	45	5
Среднее и ниже	13	6	32	42	7
Потребительский статус					
Бедные	10	8	34	39	8
С умеренным достатком	12	5	31	46	5
Обеспеченные	11	6	29	50	3
Тип поселения					
Москва	14	8	32	42	4
Большой город	10	5	31	49	4
Средний город	11	7	31	46	5
Малый город	12	6	34	44	4
Село	12	6	28	46	8

¹ Иную картину мы получили бы, если соотношение уверенных в своем праве добиться справедливости и защите с теми, кто сомневается или не верит в такую возможность, составляло бы 3:1 или 4:1, в настоящем же случае эти два представления практически нейтрализуют друг друга.

мые образованные. В Москве надеющихся на защиту прокуратуры и суда оказывается меньше, чем где бы то ни было, — 32% (в средних и малых городах, селе доля таких декларативных

заявлений составляет больше половины — 52–53%). Напротив, жители столиц и крупнейших городов, респонденты с высшим образованием относительно чаще намерены обращаться за защитой к *адвокату или юристу* (40–41%), к *правозащитникам* (18–19%), которых рассматривают как альтернативу государственному органам правопорядка. Потенциально готовность к такой тактике защиты просматривается и у молодых респондентов (к адвокатам готовы обращаться 42–44% в возрасте до 40 лет и лишь 31% лиц старше 55 лет).

6. Личный опыт взаимодействия с сотрудниками правоохранительных органов

Часть анкеты в этом исследовании заполнялась респондентами самостоятельно, поскольку вопросы носят чувствительный характер¹. Этот блок должен был фиксировать опыт конфликтов и перенесенного насилия, вплоть до пыток, при взаимодействии с сотрудниками правоохранительных органов. Сюда же были включены вопросы о пережитой лично реальной угрозе насилия, о том, случалось ли респонденту быть очевидцем пыток, а также о знании о пытках, перенесенных их родственниками или знакомыми.

Таблица 11
ЕСЛИ ВЫ СТОЛКНУЛИСЬ С ПРОИЗВОЛОМ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ, ТО КУДА БЫ ВЫ СКОРЕЕ ВСЕГО ОБРАТИЛИСЬ ЗА ПОМОЩЬЮ?

	В прокуратуру, суд	К юристу, адвокату	В управление собственной безопасности МВД	В СМИ	В правозащитную организацию	К полицейскому начальству
В среднем	49	36	18	17	14	13
Пол						
Мужчины	16	37	53	47	2	1.1
Женщины	15	40	55	45	3	1.2
Возраст						
18–24 года	22	43	65	35	1	1.9
25–39 лет	15	39	54	46	2	1.5
40–54 года	12	38	50	50	2	1.0
55 лет и старше	17	38	55	45	2	1.2
Образование						
Высшее	12	43	55	44	1	1.2
Среднее профессиональное	16	38	54	46	2	1.2
Среднее и ниже	19	35	54	46	3	1.2
Потребительский статус						
Бедные	15	29	44	56	3	0.8
С умеренным достатком	15	39	54	45	2	1.2
Обеспеченные	17	43	60	40	1	1.5
Тип поселения						
Москва	13	39	52	48	0	1.1
Большой город	12	38	50	49	2	1.0
Средний город	12	42	54	45	1	1.2
Малый город	17	37	54	45	2	1.2
Село	21	38	59	40	3	1.5

¹ Интервьюер передавал планшет респонденту в момент, когда доходил до этого блока вопросов.

6.1. Конфликтные ситуации с сотрудниками правоохранительных органов

Из 3447 респондентов 73% (2498 человек) никогда не сталкивались с конфликтными ситуациями с сотрудниками правоохранительных органов, 23% респондентов имеют такой опыт, хотя бы однократный, и минимальное число — 2% — сообщили, что многократно попадали в конфликтные ситуации с сотрудниками правоохранительных органов. В сумме процент опрошенных, имевших конфликтный опыт взаимодействия с правоохранительными органами, составляет 25%, или 865 респондентов¹.

Конфликтные ситуации с сотрудниками правоохранительных органов чаще случаются у мужчин (35%); среди женщин этот процент почти в 2 раза ниже (17%), причем такие эксцессы носят у женщин преимущественно однократный характер, тогда как 4% мужчин сказали, что с ними они происходили многократно. В свою очередь «группу риска» входят молодые люди 25–39 лет и люди среднего возраста — 40–55 лет (25 и 27% соответственно). Пожилые респонденты (20%) и сельские жители (20%) гораздо реже оказываются в конфликте с полицией по сравнению с жителями более крупных населенных пунктов. Чаще всего о таком опыте «разборок» с СПО говорят жители Москвы (30%)².

У респондентов с низким уровнем образования существенно выше процент повторяющихся конфликтов, чем у респондентов из бо-

лее высоких образовательных групп (табл. 12). Это же наблюдение справедливо для анализа респондентов с разным потребительским статусом. Хотя процент сообщивших о конфликтных ситуациях самый высокий в группе высокодоходных респондентов, они в 2 раза реже попадают в повторяющиеся или многократные конфликтные ситуации с СПО, чем респонденты из низкодоходных групп (табл. 13).

Итак, среди респондентов, отметивших опыт конфликтных ситуаций с правоохранительными органами, 63% пострадавших мужчины, 37% женщины; молодежь от 18 до 24 лет реже всего имеет конфликтный опыт (9% когда-либо имели конфликтный опыт взаимодействия с СПО). Люди из трех других возрастных групп (табл. 12) говорят об этом опыте примерно одинаково часто, в среднем 30% опрошенных в возрастных группах 25–39 лет, 40–54 года и от 55 лет имели однократные или многократные конфликты с правоохранительными органами.

Анализ ответов на вопрос: «Возникали ли у вас лично конфликтные ситуации с сотрудниками правоохранительных органов?» показывает различия между респондентами, попадавшими в конфликтные ситуации однократно, и теми, с кем это происходит часто (табл. 15). Среди респондентов с самым низким уровнем образования каждый второй имеет опыт многократных конфликтов с сотрудниками правоохранительных органов.

Таблица 12

ВОЗНИКАЛИ ЛИ У ВАС ЛИЧНО КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ С СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ?
(в %)

	Всего	Пол		Возраст				Населенный пункт				
		мужской	женский	18–24	25–39	40–54	55+	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Число опрошенных	3 447	1 555	1 892	309	1 047	867	1 224	301	826	678	778	865
Ни разу	73	63	81	75	71	66	78	67	70	73	71	77
Один или несколько раз	23	31	16	22	25	27	18	29	25	22	24	18
Часто, многократно	2	4	1	2	2	3	2	1	2	3	3	2
Затруднились ответить	2	2	2	1	2	3	3	3	3	2	2	3

¹ Это сумма тех респондентов, кто при ответе на вопрос: «Возникали ли у вас лично конфликтные ситуации с сотрудниками правоохранительных органов?», выбрали ответы «один или несколько раз» и «часто, многократно».

² Сумма ответов «один или несколько раз» и «часто, многократно», табл. 10. Более высокий процент ответов среди москвичей о случаях конфликтов с СПО говорит о том, что в этой группе предположительно больше продвинутых людей, знающих свои права и готовых их отстаивать, что может быть оценено респондентом как конфликт.

Таблица 13

ВОЗНИКАЛИ ЛИ У ВАС ЛИЧНО КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ С СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ? (%)

	Всего	Образование			Потребительский статус		
		Высшее	Среднее профессиональное	Среднее и ниже	Едва хватает на еду ¹	Хватает на одежду ²	Можем позволить ТДП ³
Число опрошенных	3 447	1 019	1 316	1 111	755	1 478	1 208
Ни разу	73	73	71	74	70	76	70
Один или несколько раз	23	24	24	20	22	21	26
Часто, многократно	2	1	2	4	4	2	2
Затруднились ответить	2	2	2	3	4	2	3

Таблица 14

ВОЗНИКАЛИ ЛИ У ВАС ЛИЧНО КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ С СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ?

(в % по столбцу)

	Всего	Случались конфликты ⁴
Число опрошенных	3 447	866
Пол		
Мужской	45	63
Женский	55	37
Возраст		
18–24 года	9	9
25–39 лет	30	33
40–54 года	25	30
55 лет и старше	36	28
Образование		
Высшее	30	30
Профессиональное	38	40
Среднее и ниже	32	30
Потребительский статус		
Едва хватает денег на питание	22	23
Хватает средств на питание и одежду, покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблемы	43	38
Можем позволить себе покупать товары длительного пользования и ни в чем себе не отказывать	35	39
Размер населенного пункта		
Москва	9	11
Города более 500 тыс.	24	26
Города от 100 до 500 тыс.	20	19
Города до 100 тыс.	23	25
Село	25	20

¹ Здесь и далее используется сокращение от «Едва хватает денег на питание».

² Здесь и далее используется сокращение от «Хватает средств на питание и одежду, покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблемы».

³ Здесь и далее используется сокращение от «Можем позволить себе покупать товары длительного пользования и ни в чем себе не отказывать».

⁴ Сумма ответов «один или несколько раз» и «часто, многократно» на вопрос «Возникли ли у вас лично конфликтные ситуации с сотрудниками правоохранительных органов?».

Таблица 15

ВОЗНИКАЛИ ЛИ У ВАС ЛИЧНО КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ С СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ?

	Всего	Один или несколько раз	Часто, многократно
Число опрошенных	3 447	784	81
Пол			
Мужской	45	61	78
Женский	55	39	22
Возраст			
18–24 лет	9	9	9
25–39 лет	30	33	31
40–54 лет	25	30	35
55 лет и старше	36	28	26
Образование			
Высшее	30	31	15
Среднее профессиональное	38	41	35
Среднее и ниже	32	28	50
Потребительский статус			
Едва хватает денег на питание	22	22	38
Хватает средств на питание и одежду, покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблемы	43	39	31
Можем позволить себе покупать товары длительного пользования и ни в чем себе не отказывать	35	40	31
Размер населенного пункта			
Москва	9	11	5
Города более 500 тыс.	24	26	23
Города от 100 до 500 тыс.	20	19	23
Города до 100 тыс.	23	24	29
Село	25	20	21

Основываясь на этих результатах, мы можем описать потенциальную группу риска — людей, у кого вероятность столкнуться с полицией и жестокостью со стороны правоохранительных органов выше.

По сравнению с общей выборкой чаще в конфликтные ситуации с сотрудниками правоохранительных органов попадают мужчины со средним и профессиональным образованием. Частота возникновения подобных столкновений выше у мужчин с уровнем образования средним и ниже, живущих в небольших городах. Это люди с низким потребительским статусом, что подтверждается частотными распределениями (табл. 15). Попасть в конфликтную ситуацию с сотрудниками правоохранительных органов могут граждане с разным уровнем образования и местом жительства, но для мужчин

в возрасте 25–54 года с низким потребительским статусом вероятность повторения таких ситуаций выше.

6.2. Ситуации возникновения конфликтов с СПО

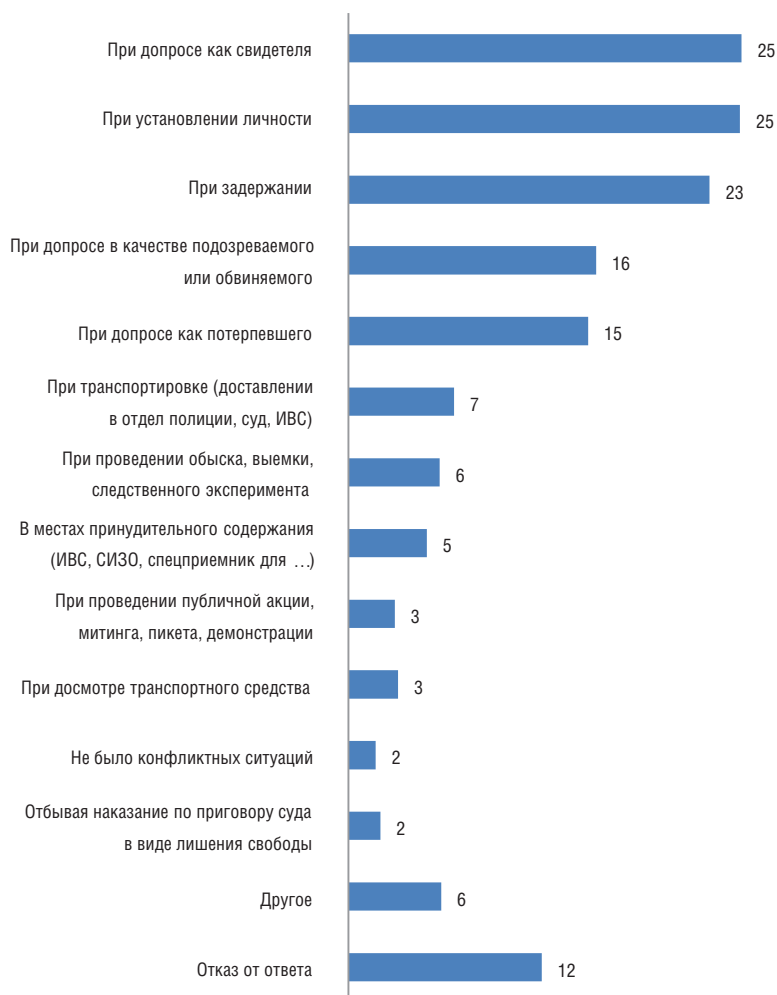
Конфликты возникают на первых стадиях контакта с СПО — установление личности (25% случаев) и при задержании (23%), а также во время допроса в качестве свидетеля.

Несколько реже конфликты происходят во время допросов в качестве подозреваемого или обвиняемого (16% случаев) или при допросе как потерпевшего (15%).

Еще реже конфликты происходят во время транспортировки задержанного или проведения обыска (рис. 1).

Рисунок 1

ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ У ВАС ВОЗНИКАЛИ КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ С СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ? (в % от опрошенных, имевших конфликтные ситуации с СПО, N = 949)

7. Угроза применения насилия или его применение со стороны сотрудников правоохранительных органов

Помимо фиксации мнений о частоте и характере конфликтных ситуаций с СПО, в настоящем исследовании также анализировался опыт применения насилия или угрозы его применения со стороны сотрудников правоохранительных органов. Вопрос звучал следующим образом: «*Бывало ли, что к вам лично сотрудниками правоохранительных органов применялось насилие или реальная угроза насилия, которое было, по вашему мнению, незаконным или неоправданно жестоким? Если да, то как часто?*».

Количество ситуаций, в которых СПО угрожали респондентам насилием или его применяли, меньше, чем количество самих конфликтных ситуаций (332 случая, не считая затруднившихся ответить, из общего числа в 3400 опрошенных). В целом количество

случаев применения насилия или угрозы его применения по всей выборке составляет 10%. В пересчете к числу респондентов, имевших конфликтный опыт взаимодействия с сотрудниками правоохранительных органов, доля ответивших утвердительно составляет 35%. Другими словами, каждый третий конфликт гражданина с сотрудниками перерастал в более серьезную ситуацию, в которой сотрудники полиции, ФСБ, СК, ГП и других ведомств применяли насилие или угрожали ее применением (рис. 2а и 2б).

Посмотрим, как частота конфликтов с представителями ПО связана с угрозой насилия или реальным насилием и противозаконными действиями со стороны СПО. В сумме 61% многократно попадавших в конфликтные ситуации с сотрудниками правоохранительных органов подвергались реальным угрозам насилия или насилию («часто, многократно», табл. 16).

Рисунок 2а

БЫВАЛО ЛИ, ЧТО К ВАМ ЛИЧНО СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИМЕНЯЛОСЬ НАСИЛИЕ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА НАСИЛИЯ, КОТОРОЕ БЫЛО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НЕЗАКОННЫМ ИЛИ НЕОПРАВДАННО ЖЕСТОКИМ? ЕСЛИ ДА, ТО КАК ЧАСТО? (в % от всех опрошенных, N = 3447)

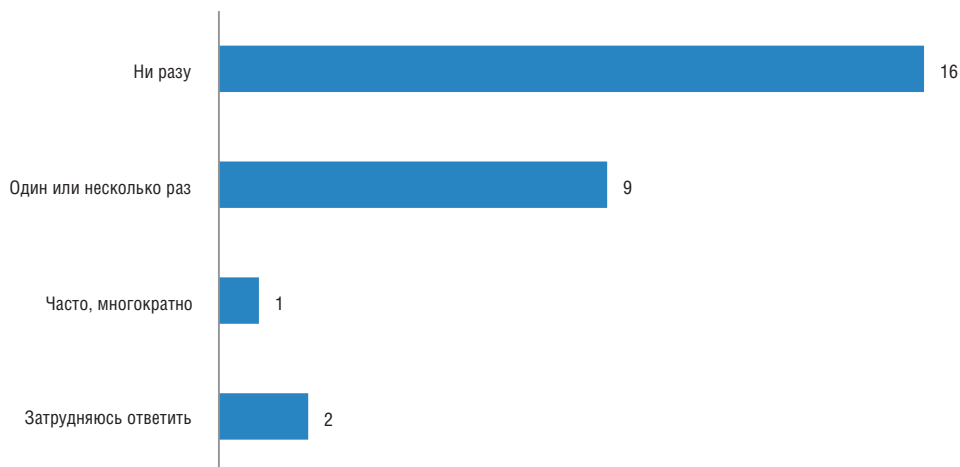
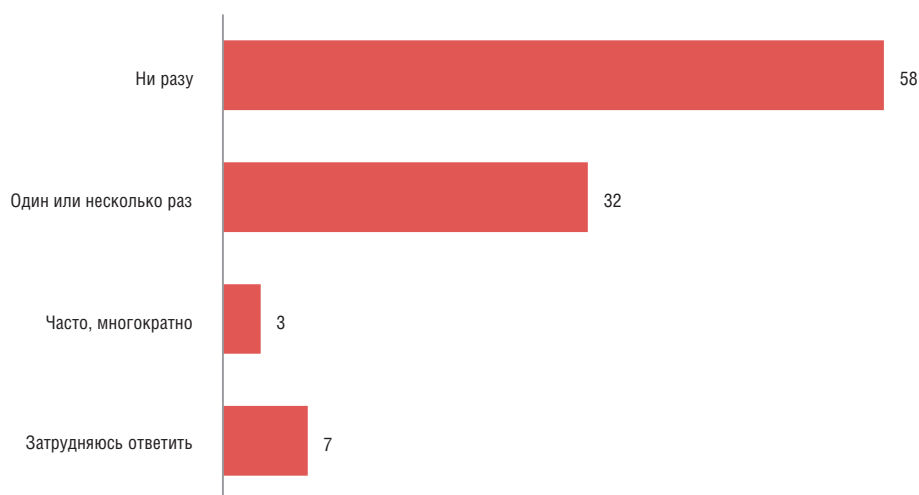

Рисунок 2б

БЫВАЛО ЛИ, ЧТО К ВАМ ЛИЧНО СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИМЕНЯЛОСЬ НАСИЛИЕ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА НАСИЛИЯ, КОТОРОЕ БЫЛО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НЕЗАКОННЫМ ИЛИ НЕОПРАВДАННО ЖЕСТОКИМ? ЕСЛИ ДА, ТО КАК ЧАСТО? (в % от числа опрошенных, имевших конфликтные ситуации с СПО, N = 949)

Но и среди тех, кто конфликтовал с СПО редко, этот показатель достаточно высок — в сумме 35% (сумма ответов «один или несколько раз» и «часто многократно» по столбцу, табл. 16).

Цифры подтверждают, что СПО применяют насилие к задержанным **нередко**. Фактически просматривается явная тенденция, что конфликт развивается и быстро переходит в фазу применения СПО насилия, а не разрешается мирно, особенно среди тех, кто конфликтует с СПО часто.

Анализ совместного распределения ответов на вопросы о случаях конфликтов и применения насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов позволяет заключить, что:

— конфликтные ситуации включают в себя не только ситуации применения или угрозы применения насилия, но и другие случаи взаимодействия с сотрудниками полиции¹;

— конфликты при взаимодействии с сотрудниками правоохранительных органов более распространены, чем насилие;

¹ В этот круг ситуаций могут попадать взаимодействие с сотрудниками ГИБДД, что не входило в анкету исследования, или ситуации, связанные с другим личным опытом. Один из респондентов рассказал, как его несовершеннолетнего ребенка забрали в полицию без оснований и с нарушением всех процедур, респондент был вынужден срочно, ночью, ехать в отдел полиции и разбираться в случившемся. В этом примере со стороны полицейских насилие не применялось, но респондент понимает, что действовали сотрудники полиции противозаконно, что привело к конфликту.

Таблица 16

СООТНОШЕНИЕ ЧАСТОТЫ КОНФЛИКТОВ И УГРОЗЫ ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ

	Возникали ли у вас лично конфликтные ситуации с сотрудниками правоохранительных органов?	
	Один или несколько раз	Часто, многократно
Число опрошенных	784	81
Бывало ли, что к вам лично сотрудниками правоохранительных органов применялось насилие или реальная угроза насилия, которое было, по вашему мнению, незаконным или неоправданно жестоким? Если да, то как часто? (в % по столбцу)		
Ни разу	60	33
Один или несколько раз	34	36
Часто, многократно	1	25
Затрудняюсь ответить	5	6

— насилие не возникает без конфликта;
 — частота применения насилия возрастает с количеством конфликтных случаев взаимодействия с правоохранительными органами;
 — респонденты в своем сознании разделяют конфликтные ситуации и применение насилия, не подменяя одно другим при ответе на вопросы исследования.

Структура и частота применения насилия повторяют структуру и частоту конфликтных ситуаций с сотрудниками правоохрани-

тельных органов (рис. 1 и 3а, 3б), т.е. в этих случаях имел место не просто словесный конфликт, но что-то более серьезное, начиная от угроз и заканчивая применением силы со стороны СПО. В ситуациях, когда к ответившим применялось насилие, резко повышается удельный вес таких ответов, как «при задержании» (30% ответивших), «при допросе в качестве подозреваемого» (25% ответивших), «при установлении личности» (24% ответивших), «при допросе как свидетеля» (21% ответивших).

Рисунок 3а

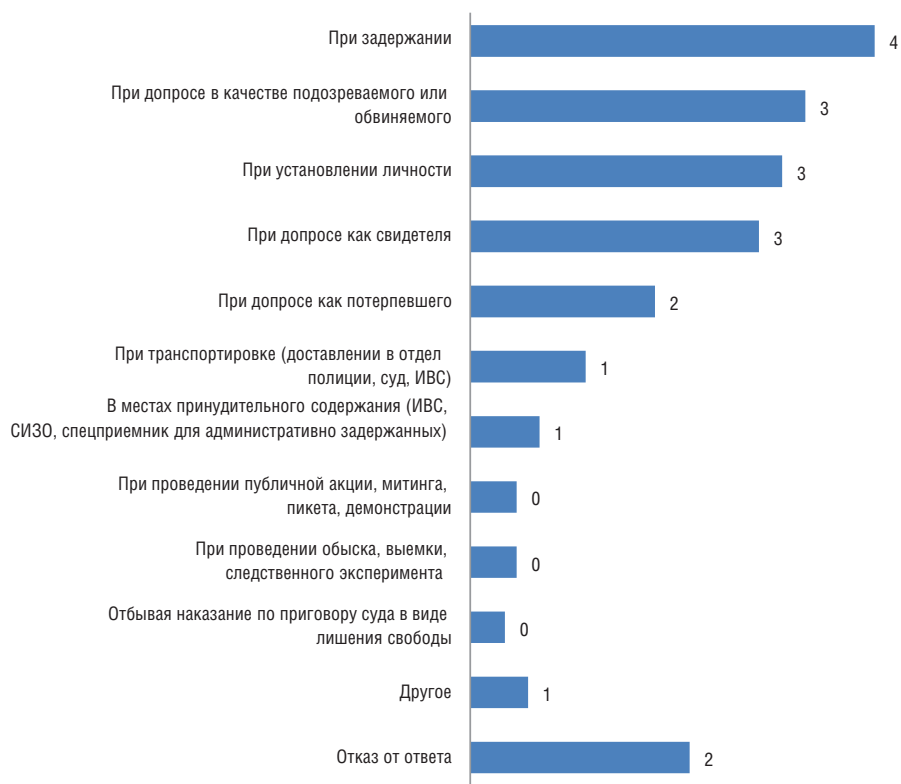
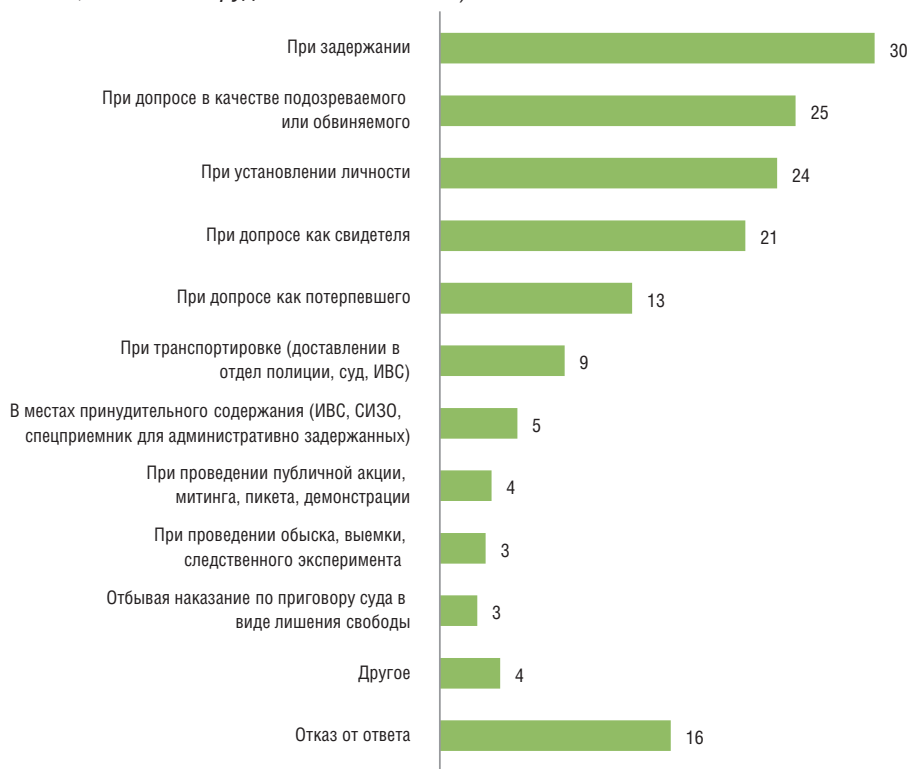
В КАКИХ СИТУАЦИЯХ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ К ВАМ ПРИМЕНЯЛОСЬ НАСИЛИЕ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА НАСИЛИЯ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ? (в % от всех опрошенных, N = 3447)

Рисунок 3б

В КАКИХ СИТУАЦИЯХ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ К ВАМ ПРИМЕНЯЛОСЬ НАСИЛИЕ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА НАСИЛИЯ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ? (в % от числа респондентов, к которым применялось насилие или его угроза, N = 403, включая затруднившихся ответить)

7. Применение пыток

Для оценки распространенности пыток, в настоящем исследовании задавались четыре вопроса, описывающие возможные сценарии применения пыток:

1. «Применялись ли к вам со стороны сотрудников правоохранительных органов пытки для получения от вас информации? Если да, то как часто?»

2. «Применялись ли к вам со стороны сотрудников правоохранительных органов пытки для получения признательного показания? Если да, то как часто?»

3. «Применялись ли к вам со стороны сотрудников правоохранительных органов запугивания, унижения? Если да, то как часто?»

4. «Применялись ли к вам со стороны сотрудников правоохранительных органов пытки в целях наказания? Если да, то как часто?»

Из числа опрошенных, к которым хотя бы раз или больше применялись пытки, 67% составляют мужчины. Чаще всего пытки применяются к респондентам в возрасте 25–39 лет (39%), несколько реже к респондентам в возрасте 40–54 лет (30%), к пожилым и молодым респондентам пытки применяются существенно реже (23 и 8% соответственно) (табл. 17).

Таблица 17

ПРИМЕНЯЛИСЬ ЛИ К ВАМ СО СТОРОНЫ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПЫТКИ?

	Доля респондентов, к которым применялись пытки
Число опрошенных	356 ⁵
Пол	
Мужской	67
Женский	33

⁵ Совокупность была выделена путем пересчета, отображены те респонденты, к которым не менее раза и более применялись пытки.

	Доля респондентов, к которым применялись пытки
Возраст	
18–24 года	8
25–39 лет	39
40–54 года	30
55 лет и старше	23
Образование	
Высшее	28
Среднее профессиональное	40
Среднее и ниже	32
Потребительский статус	
Едва хватает денег на питание	23
Хватает средств на питание и одежду, покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблемы	41
Можем позволить себе покупать товары длительного пользования и ни в чем себе не отказывать	36
Размер населенного пункта	
Москва	12
Города более 500 тыс.	28
Города от 100 до 500 тыс.	18
Города до 100 тыс.	22
Село	20

Среди четырех описанных выше оснований для пыток с огромным отрывом лидирует применение «пыток для унижения и запугивания» — на это обстоятельство указали 75% из подвергшихся пыткам (сумма ответов «один или несколько раз» и «часто, многократно»). В половине случаев СПО применяли пытки для получения признательного показания или информации от задержанных (53 и 54% соответственно, сумма ответов). В трети случаев (35%, сумма ответов) задержанных пытали в целях наказания. Единственный положительный момент — судя по распределению ответов, применение таких пыток не носит систематический характер, они редко бывают многократными.

Как и в вопросах о применении незаконного насилия, в списке ситуаций, во время которых к ответившим применялись пытки, снова лидируют позиции «при допросе как свидетеля» (31%), «при задержании» (30%) и «при допросе в качестве подозреваемого» (28%).

Респондентов также спрашивали, применялись ли пытки к третьим лицам. Вопрос звучал так: «Применялись ли пытки к третьим лицам (вашим родственникам, друзьям, коллегам) с це-

лью воздействия на вас, для наказания, получения признаний и иных сведений от вас, принуждения, запугивания вас?». Распределение ответов на этот вопрос по социально-демографическим характеристикам приведены в табл. 19.

Давление на родственников или пытки третьих лиц, очевидцами которых были опрошенные, конфликтовавшие с СПО, также является распространенным явлением. Особенно часто с ним сталкиваются молодые люди в возрасте 18–24 лет (42%). Около трети из ответивших в возрасте 25–39 лет сталкивались с таким поведением сотрудников правоохранительных органов. Меньше всего с подобными действиями «правоохранителей» сталкиваются респонденты в возрасте 55 лет и старше (18%). Если брать социально-пространственный аспект (рассматривать распределение ответов в зависимости от типа поселения опрошенных), то на фоне всех выделяемых в этом исследовании населенных пунктов лидирует Москва. Здесь с такой противозаконной практикой столкнулись 34% от опрошенных, конфликтовавших с СПО; в других городах обращаются к такой практике реже (в среднем в четверти случаев).

Таблица 18

ПРИМЕНЯЛИСЬ ЛИ К ВАМ СО СТОРОНЫ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПЫТКИ? (множественный выбор)

Применялись ли к вам со стороны сотрудников правоохранительных органов пытки для получения от вас информации? Если да, то как часто?	
Ни разу	38
Один или несколько раз	47
Часто, многократно	7
Затрудняюсь ответить	1
Отказ от ответа	7
Применялись ли к вам со стороны сотрудников правоохранительных органов пытки для получения признательного показания? Если да, то как часто?	
Ни разу	40
Один или несколько раз	46
Часто, многократно	7
Затрудняюсь ответить	2
Отказ от ответа	5
Применялись ли к вам со стороны сотрудников правоохранительных органов запугивания, унижения? Если да, то как часто?	
Ни разу	19
Один или несколько раз	65
Часто, многократно	10
Затрудняюсь ответить	1
Отказ от ответа	6
Применялись ли к вам со стороны сотрудников правоохранительных органов пытки в целях наказания? Если да, то как часто?	
Ни разу	50
Один или несколько раз	28
Часто, многократно	7
Затрудняюсь ответить	5
Отказ от ответа	10

Рисунок 4

В КАКИХ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ СИТУАЦИЙ К ВАМ ПРИМЕНЯЛИСЬ ПЫТКИ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ОТ ВАС ИНФОРМАЦИИ, ЗАПУГИВАНИЯ, УНИЖЕНИЯ, В ЦЕЛЯХ НАКАЗАНИЯ? (в % от числа респондентов, к которым применялись пытки, N = 356)

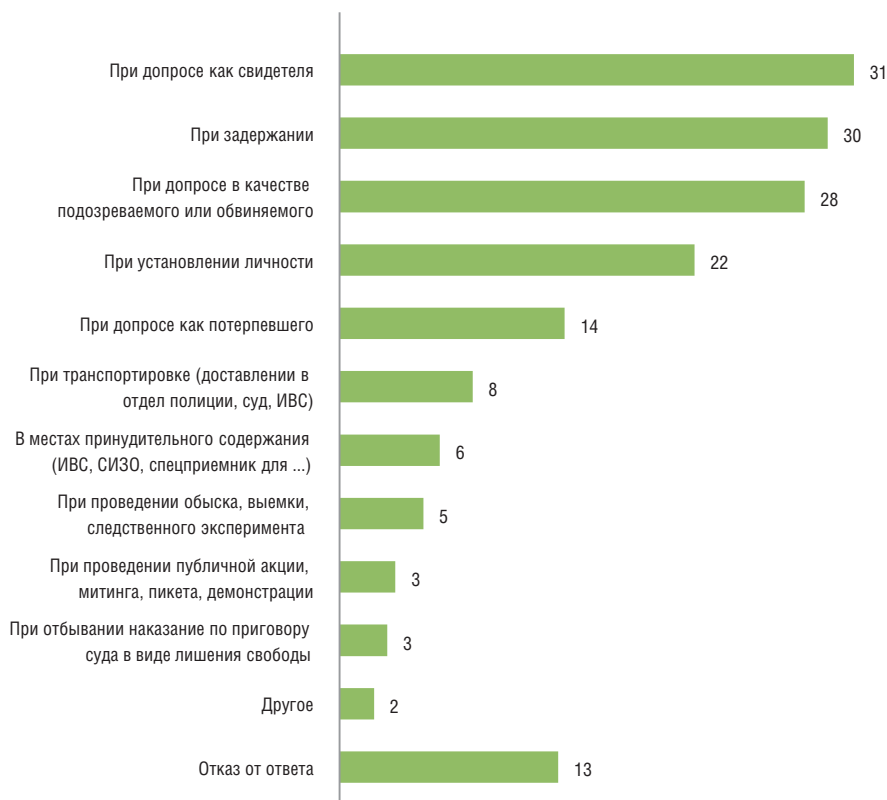

Таблица 19

ПРИМЕНЯЛИСЬ ЛИ ПЫТКИ К ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ (ВАШИМ РОДСТВЕННИКАМ, ДРУЗЬЯМ, КОЛЛЕГАМ) С ЦЕЛЬЮ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВАС, ДЛЯ НАКАЗАНИЯ, ПОЛУЧЕНИЯ ПРИЗНАНИЙ И ИНЫХ СВЕДЕНИЙ ОТ ВАС, ПРИНУЖДЕНИЯ, ЗАПУГИВАНИЯ ВАС?» (доля от респондентов, имевших конфликты с сотрудниками правоохранительных органов, N = 949)

	Пол		Возраст				Образование			Потребительский статус			Населенный пункт					
	мужской	женский	18–24	25–39	40–54	55+	высшее	Среднее профессиональное	среднее и ниже	едва хватает на еду	хватает на одежду	можем позволить ТДП	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село	
Число опрошенных	949	581	368	77	307	292	273	280	379	289	227	350	367	99	245	181	228	196
Ни разу	58	56	61	50	52	58	66	58	61	54	55	58	60	53	56	59	61	57
Один или несколько раз	26	26	27	42	32	25	18	25	26	29	26	26	27	34	26	28	23	25
Часто, многократно	4	6	2	4	5	5	2	4	4	5	6	3	4	5	5	3	6	2
Затруднились ответить	12	13	10	5	11	13	14	14	9	13	14	14	9	7	13	11	10	16

Зависимости частоты пыток от полученного образования респондентов или их образовательного статуса в этой практике не прослеживается. СПО с одинаковой частотой применяют давление на родственников задержанных или других третьих лиц из разных образовательных или потребительских групп.

В четверти случаев, когда возникали конфликтные ситуации с сотрудниками правоохранительных органов, на родственников этих респондентов также оказывалось давление и применялись пытки. В почти половине случаев, когда к респондентам применялись пытки или насилие, к их родственникам или к другим лицам также применялось такое давление или пытки (табл. 20).

Таблица 20

ПРИМЕНЯЛИСЬ ЛИ ПЫТКИ К ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ (ВАШИМ РОДСТВЕННИКАМ, ДРУЗЬЯМ, КОЛЛЕГАМ) С ЦЕЛЬЮ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВАС, ДЛЯ НАКАЗАНИЯ, ПОЛУЧЕНИЯ ПРИЗНАНИЙ И ИНЫХ СВЕДЕНИЙ ОТ ВАС, ПРИНУЖДЕНИЯ, ЗАПУГИВАНИЯ ВАС? (%)

	Доля от всех опрошенных (N = 3447)	Доля от конфликтных случаев (N = 949)	Доля от опрошенных, к которым применялось насилие или угроза насилия (N = 333)	Доля от опрошенных, к которым применялись пытки (N = 356)
Ни разу	16	58	42	38
Один или несколько раз	7	26	39	41
Часто, многократно	1	4	9	8
Затруднились ответить	3	12	10	13

Нам кажется особенно важным подчеркнуть, что СПО применяют физическое и психическое давление и насилие по отношению не только к задержанным, но и к третьим лицам, что расширяет круг пострадавших от их произвола и увеличивает число жертв. Мы видим, как число людей, к которым применяется насилие, снижается (в абсолютных цифрах — с 866 человек, конфликтовавших с сотрудниками правоохранительных орга-

нов, до 356, к которым применялись пытки), но количество пострадавших растет, потому что вовлекаются их родственники или третьи лица.

8. Арест и задержание

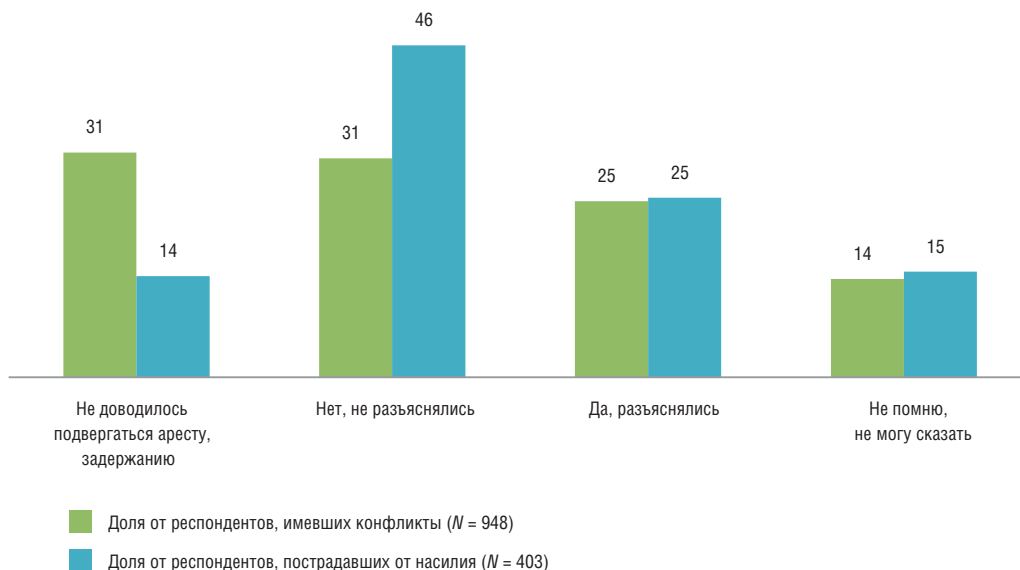
Из совокупности респондентов, оказывавшихся когда-либо в ситуациях конфликта с СПО, 69% подвергались задержанию. Другими словами, практически любая попытка со стороны обывателя начать отстаивать свои права и защищать себя ведет к его задержанию. Лишь в четверти случаев задержанным разъяснялись их права, треть не была проинформирована о правах, и еще 14% не помнят, чтобы им что-то разъяснялось. Существенных различий по

социально-демографическим характеристикам между респондентами нет.

В группе людей, к которым применялось насилие, процент респондентов, которым не сообщалось об их правах, выше, чем в более общей группе попадавших в конфликтные ситуации с СПО (46%, рис. 5). По всей видимости, это осознанная тактика сотрудников ПО — не сообщать задержанным об их правах, с тем чтобы иметь возможность на них давить.

Рисунок 5

ЕСЛИ ВАМ ДОВОЛОСЬ ПОДВЕРГАТЬСЯ ЗАДЕРЖАНИЮ, АРЕСТУ, ВЗЯТИЮ ПОД СТРАЖУ, ВАМ ПРИ ЭТОМ РАЗЪЯСНЯЛИ ВАШИ ПРАВА (сообщить родным, связаться с адвокатом и др.)?

9. Отношение к противозаконным действиям правоохранительных органов и к насилию в зависимости от опыта взаимодействия с ПО

9.1. Что считать недопустимым в действиях СПО?

Рассмотрим ответы респондентов под другим углом — в зависимости от тяжести опыта взаимодействия с СПО. Мы выделили в массиве опрошенных: 1) респондентов, имевших конфликты с правоохранительными органами; 2) тех из них, кто подвергался физическому насилию или реальной его угрозе; 3) из той же подвыборки опрошенных — тех, кто хотя бы раз и более подвергался пыткам; и сравниваем их со средними показателями по выборке.

В оценках опрошенных о недопустимых или противозаконных действиях сотрудников правоохранительных органов впечатляет высокий уровень согласия по поводу представлений о незаконных и внеправовых действиях СПО. Расхождений в ответах по всему массиву и по подвыборке имевших с СПО конфликты, а также прошедших через угрозы насилия или пытки практически нет. Этими знаниями пронизано все общество. Мнения (знания) о незаконных действиях представителей правоохранительных органов широко распространены. Это обстоятельство важно подчеркнуть, учитывая, что представления большинства россиян о своих гражданских правах весьма неопределенны; готовность отстаивать эти права низкая; компетенциями в деле защиты своих нарушенных

прав обладает лишь очень узкий слой населения (в основном это люди самодостаточные, добивающиеся успеха и благосостояния своими силами, имеющие или накапливающие для своего социального продвижения немалые социальные, образовательные, культурные ресурсы). Большинство же населения, особенно слабые в социальном плане группы, живут с хроническим ощущением нарушения своих прав и с чувством беззащитности перед лицом возможного произвола властных или правоохранительных органов¹.

Иными словами, значительная часть людей живет с ощущением разлитого в обществе насилия и угрозы, исходящих от институциональных структур общества, прежде всего силовых. Отсюда столь сильное и постоянно фиксируемое опросами стремление людей ограничить круг своей ответственности и влияния самым узким кругом общения — членами семьи, друзьями и знакомыми, минимизировать контакты и взаимодействия с властными институтами.

О пытках чаще всего говорят в отношении действий, которые ставят человека при возможном взаимодействии с правоохранителями **в униженное, бесправное положение, отнимая у него чувство собственного достоинства**: это *вербальное насилие*, которое респонденты отмечают чаще всего (и с которым, по-видимому, посто-

¹ См. об этом в статьях, посвященных исследованиям о реформе судебной системы, напр.: Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения. 2010. № 4. С. 7–43, др.

Таблица 21

КАКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВАМ В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ НЕДОПУСТИМЫМ / ПРОТИВОЗАКОННЫМ? (в % по столбцу)

	Все опрошенные	Доля респондентов, имевших конфликты с СПО	Доля респондентов, к которым применялось насилие или его угроза	Доля респондентов, к которым применялись пытки
Число опрошенных	3 447	949	403	356
Хамство, оскорбления, унижения граждан	66	66	69	68
Незаконное применение физического насилия или угрозы его применения	63	61	64	66
Угрозы, шантаж, вымогательство	63	61	58	58
Задержание без всяких оснований	47	50	46	50
Грубое невнимание и пренебрежение, игнорирование ваших заявлений, жалоб, сообщаемых данных	44	47	47	51
Обман (пользуются правовой неграмотностью населения)	42	45	45	45
Вторжение в жилое и производственное помещение без соответствующих санкций суда	39	38	40	43
Досмотр и обыск жилого помещения, транспортных средств без оснований и привлечения понятых	34	35	36	38
Затруднились ответить	2	1	1	1
Все перечисленное	0	0	1	0

янно сталкиваются). Его можно взять за одну из главных характеристик негативного образа представителя правоохранительных органов (взаимодействие **агрессивного актора и жертвы**).

На втором месте по частоте упоминаний — *применение или угроза прямого насилия* (в пределе — угроза пыток). Эта вторая важнейшая составляющая негативного образа СПО, означающая полную (уже и в физическом смысле) беспомощность и незащищенность человека перед представителями государства.

Третий, столь же часто называемый вариант — *угрозы, шантаж, вымогательство* — представляет следующую составляющую образа СПО, описывающую главную цель противоправных действий правоохранителей: сломать человека, подавить в нем всякое сопротивление и попытки защитить свои права, которые выводятся за рамки взаимодействия, добиться желаемого любыми средствами.

К *вербальному насилию* более чувствительно относятся люди, еще не вполне социализировавшиеся, оказывающиеся на пороге вхождения во взрослое общество и в этом смысле

более незащищенные, не имеющие социальных компетенций, средств и ресурсов защиты своих прав и интересов, и люди, живущие на периферии, в аномичной, девиантной среде. Периферия, как показывают различные исследования, сегодня является зоной социальной депрессии, бедности, бесперспективности, где в очень большой степени подверглись эрозии социокультурные нормы и ценности, которые должны санкционировать и поддерживать социальный порядок. В массовом сознании, как мы предполагаем, смазана или стерта четкая граница между *законными, правовыми* (ориентирующимися на верховенство права) и *противозаконными и противоправными действиями, основанными на насилии*. Другими словами, само по себе привычное насилие со стороны полиции и других силовых структур **выход за границы регулируемого правом социального взаимодействия, что сразу же разрушает значимость права в общественном мнении**. Поэтому то, что этот показатель «противоправности» вербального насилия заметно выше среднего в той же возрастной группе (18–24 года), прожи-

вающих в малых городах (77%) и особенно среди самых молодых людей на селе (80%), также явление не случайное¹.

Угроза незаконного физического насилия (в пределе — пыток), занимающая вторую позицию по частоте упоминаний респондентами, также заметно чаще упоминается (т.е. беспокоит) той же группой самых молодых, 18–24-летних (о ней сообщили 73% из этой категории опрошенных при средней доле 63%). Высокий процент упоминаний этой позиции мы встречаем также у респондентов с высшим образованием (69%), среди жителей Москвы (70%).

Третья по частоте упоминаний позиция — *угрозы, шантаж, вымогательство* — более всего беспокоят самых молодых, 18–24-летних (73% при средней 63%), видимо, чаще других возрастных групп, попадающих в ситуации *особенного* обращения правоохранителей с молодыми людьми. В остальных группах особых различий нет.

Задержание без всяких оснований чаще среднего назвали 18–24-летние респонденты — 53% (при 47% в среднем), затем жители малых городов (51%), а также наиболее обеспеченные (50%).

Грубое невнимание... игнорирование жалоб, обращений к СПО (в среднем — 44%) указывают на остроту проблемы обратной связи с органами, прежде всего с полицией, с которой чаще всего сталкиваются респонденты, на недовольство состоянием защиты их прав и реакции на требования граждан к правоохранителям.

Оставшиеся две позиции, реже упоминаемые респондентами (хотя это высокий показатель — более трети опрошенных), типа *вторжение ... в помещение ... без судебных санкций* (в среднем — 39%), также не дают дифференциацию по основным социально-демографическим группам.

И последняя позиция — *досмотр и обыск жилья или транспортных средств без оснований и понятых* (в среднем выбранное как самое недопустимое, 34% респондентов) несколько чаще среднего упоминались как недопустимые действия жителями Москвы и средних городов с относительно высоким потребительским статусом (38 и 37% соответственно).

¹ Можно интерпретировать столь характерное для подростков и молодых людей, только вступающих во взрослую жизнь, пристрастие к бранной и нецензурной речи, агрессивность поведения (прежде всего в низкостатусных слоях молодежи) как своего рода защиту от внешней угрозы насилия, интернализацию этого насилия, равно как и способ «негативной адаптации» к нему.

Таким образом мы фиксируем прослеживающуюся во всем настоящем исследовании закономерность — повышенную обеспокоенность проблематикой насилия и пыток выражают две социальные категории (или два типа) россиян, а именно:

а) молодежь из социально уязвимых групп, не имеющих еще собственного определенного и устойчивого статуса, особых ресурсов, жителей социальной периферии (бедные, необразованные и т.п.);

б) более образованные и высокостатусные группы с большими социальными ресурсами, для которых поднимаемые вопросы и проблемы могут иметь общесоциальное значение, восприниматься как проблемы постоянного ущемления гражданских прав и свобод, устройства самого общества и его силовых и правоохранительных институтов. Это в потенции — зародыш гражданского общества и основа правового государства. Только эти группы могут в будущем стать носителями универсалистского правового сознания (не партикуляристского нарушения отдельных норм и интересов, а именно идей всеобщего права).

9.2. Мнимая двойственность массовых оценок СПО

На фоне таких *согласованных* негативных мнений населения о действиях СПО (прежде всего полиции как наиболее близкой к людям правоохранительной структуры) вызывают удивление высокие показатели доверия к различным ПО и скорее позитивная оценка их работы на местах. Но, когда мы сравниваем общие данные с ответами тех, кто имел конфликты с СПО, прошел через пытки, мы видим гораздо более четкую и дифференцированную картину мнений населения о поведении правоохранителей.

Опыт столкновения с СПО, а тем более опыт перенесенного насилия и пыток, дает значительно более высокие показатели распространенности незаконных действий правоохранителей с точки зрения опрошенных. Высокая согласованность ответов (знаний, представлений) относительно незаконных действий СПО позволяет нам применить для объяснения структуры общественного мнения метафору «социальной воронки».

Те, кто находится наверху (а их большинство), не имели прямых конфликтов с СПО и непосредственного опыта насилия (75%). Они предпочитают давать существующим правоохранительным институтам скорее положи-

тельные оценки, будь то доверие, законность действий и т.п., т.е. принимать сложившуюся систему такой, какая она есть, пусть даже с «некоторыми недостатками» («иногда превышают полномочия», «иногда применяют пыт-

ки» и т.п.). Большинство этого «большинства» предпочитают считать, что оно находится под защитой закона, но не произвола (т.е. реальных действий правоохранителей) правоохранительных органов (табл. 23, 24).

Таблица 22

КАКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАН ВЫ ЧАЩЕ ВСЕГО НАБЛЮДАЕТЕ В ТЕХ МЕСТАХ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ, БЫВАЕТЕ? (в % по столбцу)

	Все опрошенные	Доля респондентов, имевших конфликты с СПО	Доля респондентов, к которым применялось насилие или его угроза	Доля респондентов, к которым применялись пытки
Число опрошенных	3 447	949	403	356
Как правило, в рамках закона	51	30	22	22
Иногда с превышением законных полномочий	30	43	45	48
Часто превышающее законные полномочия	9	19	28	25
Затруднились ответить	11	8	5	4
Законное / незаконное	1,3	0,5	0,3	0,3

Таблица 23

ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ ПОД ЗАЩИТОЙ ЗАКОНА? (в % по столбцу)

	Все опрошенные	Доля респондентов, имевших конфликты с СПО	Доля респондентов, к которым применялось насилие или его угроза	Доля респондентов, к которым применялись пытки
Число опрошенных	3 447	949	403	356
Определенно да / скорее да	55	31	26	26
Скорее нет / определенно нет	45	68	73	73
Затруднились ответить	2	1	1	1

Таблица 24

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ САМИ ИЛИ ВАШИ БЛИЗКИЕ ПОСТРАДАТЬ ОТ ПРОИЗВОЛА (ПРЕВЫШЕНИЯ ЗАКОННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ) СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ? (в % по столбцу)

	Все опрошенные	Доля респондентов, имевших конфликты с СПО	Доля респондентов, к которым применялось насилие или его угроза	Доля респондентов, к которым применялись пытки
Число опрошенных	3 447	949	403	356
Это уже происходило со мной	7	19	26	27
Это уже происходило с моими близкими	8	13	16	14
Это вполне может случиться	51	53	46	48
Это маловероятно	24	10	9	8
Это совершенно исключено	8	3	2	2
Затруднились ответить	3	2	1	1

Примерно половина опрошенных в выделенных группах считают, что они не защищены от произвола СПО. Если в среднем от него уже пострадали 15% опрошенных или их близких, то среди вступивших в конфликты с СПО таких 32%, среди прошедших через угрозы насилия и

нию незаконному насилию со стороны властей преследующих в России не ведется, что само по себе может служить характеристикой авторитарного режима, стерилизующего и подавляющего любые возможности самозащиты граждан и общества.

Таблица 25

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЕСЛИ ВЫ СТАНЕТЕ ЖЕРТВОЙ ПРОИЗВОЛА, НАПРИМЕР ПОЛИЦИИ, ЗАЩИТЯТ ЛИ ВАС СУД, ПРОКУРАТУРА, СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ? (%%)

	Все опрошенные	Доля респондентов, имевших конфликты с СПО	Доля респондентов, к которым применялось насилие или его угроза	Доля респондентов, к которым применялись пытки
Число опрошенных	3 447	949	403	356
Определенно да / скорее да	54	36	31	29
Скорее нет / определенно нет	38	56	64	68
Затруднились ответить	8	6	5	5

пыткок — 42%, а среди прошедших через пытки — 41%. Важно подчеркнуть, что этот вопрос в методическом плане не вызывает значительных затруднений: доля затруднившихся с ответом составляет всего от 3 до 1%. Это обстоятельство указывает на то, что мнения в обществе полностью сформировались.

Если большинство опрошенных рассчитывают, что в случае столкновения с произволом полиции смогут получить защиту со стороны правоохранительных органов и суда (а это именно те респонденты, которые скорее всего не попадали в такие ситуации), то по мере того, как человека засасывает воронка правоохранительного произвола, надежды на защиту резко сокращаются.

Более четверти (26%) из тех, кто имел конфликты с полицией, сами стали жертвами произвола сотрудников правоохранительных органов. А если учесть, что 16% таких респондентов имели знакомых и близких, оказавшихся объектом незаконного превышения власти полицией, то сфера распространения мнений о беспределе полиции расширяется многократно. Поэтому неудивительно, что 46% опрошенных россиян считают перспективу стать жертвой полицейского произвола «весьма вероятной».

Вместе с тем готовность сопротивляться подобному насилию существенно выше именно в Москве и в больших городах, в среде более образованных и обеспеченных людей, а также у молодежи, хотя здесь эти установки носят скорее декларативный, идеологически-нормативный характер, будучи инерцией школьного догматического воспитания. Никакой работы в школах или вузах по обучению сопротивле-

10. Что такое пытки? Представления россиян о распространенности пыток в правоохранительных органах и их допустимости

Представления о том, что такое пытки, оказываются у респондентов столь же согласованными, как и мнения о противозаконных действиях СПО.

Более 70% считают пытками все виды и способы физического насилия, избиения, физической расправы. Более половины опрошенных причисляют сюда и пыточные, т.е. связанные с физическим насилием, избиениями, издевательствами, методы содержания в заключении, ведения допроса, дознания.

Прошедшие через пытки лишь на несколько процентов чаще упоминают перечисленные выше варианты мнений.

Женщины практически по всем перечисленным позициям заметно чаще отвечают утвердительно в сравнении с мужчинами. Интенсивность ответов падает почти по всем позициям с возрастом — самые молодые (18–24 года) чаще среднего дают утвердительные ответы, пожилые же больше предпочитают уходить от определенного ответа.

Почти половина опрошенных считают, что пытки в правоохранительных органах представляют «единичные случаи». Однако второй по частоте ответ, даваемый каждым четвертым респондентом, носит прямо противоположный характер: пытки «широко распространены, являются обычной практикой». В подвыборке имевших конфликты с СПО такого мнения придерживается уже почти две пятых группы (38%), а среди прошедших через угрозу насилия и сами пытки — половина (47–50%).

Таблица 26

ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ВЫ СЧИТАЕТЕ ПЫТКАМИ В ВАШЕМ ПОНИМАНИИ? (ответы ранжированы по первому столбцу)

	Все опрошенные	Оказывались в ситуации...		
		конфликтов с СПО	им угрожали насилием и пытками	к ним применяли пытки
Число опрошенных	3 447	949	403	356
Избиения / выбивание показаний / избиение дубинками / побои / истязания / телесные наказания / рукоприкладство	78	75	74	80
Физическое насилие / изнасилования / надругательства / применение силы, приводящие к травмам / вреду здоровья	73	71	70	73
Угрозы / запугивание / подсадка в камеру к уголовникам	56	60	64	68
Моральное и психологическое давление	54	57	60	60
Использование тока / целлофановых мешков / наручников / мокрых полотенец / электрошокера / противогазов, токсических веществ	54	53	50	54
Морят голодом / не дают воды / холод	50	48	50	52
Допросы с пристрастием / ночные допросы	45	47	47	51
Грубость / оскорбления	39	37	39	41
Другое	1	1	1	1
Ничего / нет такого / нет пыток	2	2	2	1
Затруднились ответить	2	1	1	1

Таблица 27

ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ВЫ СЧИТАЕТЕ ПЫТКАМИ В ВАШЕМ ПОНИМАНИИ?

	В среднем	Пол		Возраст			
		мужской	женский	18–24	25–39	40–54	55+
Избиения / выбивание показаний / избиение дубинками / побои / истязания / телесные наказания / рукоприкладство	78	75	81	86	82	78	73
Грубость / оскорбления	39	38	40	33	36	41	41
Физическое насилие / изнасилования / надругательства / применение силы, приводящие к травмам / вреду здоровья	73	71	75	78	76	74	69
Угрозы / запугивание / подсадка в камеру к уголовникам	56	55	58	59	56	56	56
Моральное и психологическое давление	54	50	58	52	55	57	53
Допросы с пристрастием / ночные допросы	45	42	48	35	42	50	47
Морят голодом / не дают воды / холод	50	48	52	57	50	53	47
Использование тока / целлофановых мешков / наручников / мокрых полотенец / электрошокера / противогазов, токсических веществ	54	51	57	56	56	57	50
Ничего / нет такого / нет пыток	2	3	2	1	1	2	3
Затруднились ответить	2	2	2	1	1	2	3

Иными словами, если *общество в целом* настроено на оценку пыток как исключительных случаев, то *имевшие опыт взаимодействия с СПО* чаще говорят о широком распространении пыток, и тем настойчивее, чем жестче был их опыт. Хотя и среди них велика (больше трети) доля тех, кто все же считает, что применение пыток — единичные случаи. Возможно, здесь роль играет восприятие насилия как привычной («обычной», неизбежной) практики ПО, особенно среди наименее защищенных и наиболее слабых в социальном плане групп.

Чаще среднего о широком распространении пыток в ПО говорят, с одной стороны, москвичи и жители крупных городов (26 и 25%), с другой — самые бедные группы (28%). Застойная бедность, отсутствие связей, ресурсов правовой или гражданской защиты делают эту среду наиболее уязвимой для произвола и насилия со стороны ПО. В городах всех типов чаще всего о широком распространении пыток говорили самые бедные респонденты («денег не хватает

даже на еду»); в Москве — 33%, в крупных городах — 29%, в средних — 27%, в малых и на селе — 27 и 29%. Чаще среднего говорят о широком распространении пыток пожилые москвичи, 29–40-летние жители крупных городов и 24–39-летние жители сел (28–29%).

Чем выше потребительский статус респондентов из разных типов поселения, тем скорее они склоняются к преуменьшению проблемы физического насилия в ПО, отчасти даже к ее отрицанию.

Если мы возьмем общие социально-демографические характеристики тех, кто имел конфликты с СПО или пережил угрозы насилия и пытки, мы увидим, что речь идет в первую очередь о незащищенном бедном, не слишком образованном слое людей, скорее мужской части населения, о людях средних лет, которые больше знают о незаконных практиках работы СПО и при этом наименее защищены от них.

Сравнение общих мнений опрошенных о распространенности пыток с мнениями вы-

Таблица 28

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ПЫТКИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РОССИИ...

	Все опрошенные	Оказывались в ситуации...		
		конфликтов с СПО	им угрожали насилем и пытками	к ним применяли пытки
Представляют собой нехарактерное явление	16	13	10	11
Встречаются единичные случаи	49	42	36	36
Широко распространены, являются обычной практикой	23	38	47	50
Затруднились ответить	12	7	6	3

Таблица 29

ГДЕ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПЫТКИ РАСПРОСТРАНЕНЫ БОЛЬШЕ ВСЕГО? (в %. ответы ранжированы по первому столбцу)

	Все опрошенные	Оказывались в ситуации...		
		конфликтов с СПО	им угрожали насилем и пытками	к ним применяли пытки
Число опрошенных	3 447	949	403	356
В полиции, в ходе следствия	48	64	75	74
Во ФСИН, в тюрьмах, колониях, местах принудительного содержания	45	50	49	56
В Следственном комитете, ФСБ	15	20	23	23
Судебными приставами	7	8	9	10
В России не применяются пытки	1	1	1	1
Пытают везде	>1	1	6	1
Затруднились ответить	23	12	1	1

бренных нами трех подгрупп респондентов показывает, что, хотя иерархия мнений одинакова, интенсивность их выражения, частота и определенность ответов заметно различаются в разных слоях и группах. Иными словами, структура представлений общая для всех, но сгущается по мере перехода в следующие, более глубокие слои «воронки» насилия, в которую попадает меньшинство. *25% от всех опрошенных имели конфликты с СПО¹ (т.е. каждый четвертый россиянин старше 18 лет); 10% опрошенных² хотя бы раз испытали на себе пытки (т.е. каждый десятый взрослый россиянин).*

В среднем около половины респондентов считают, что пытки распространены прежде всего в полиции, в ходе следствия, а также во ФСИН, в тюрьмах, колониях и т.п. Отметим, что имевшие конфликты с полицией и особенно прошедшие через пытки значительно чаще называют на первом месте полицию и ведение следствия (64, 75, 74% соответственно). О пытках во ФСИН, в колониях и тюрьмах чаще всего говорят испытавшие хотя бы раз пытки на себе (56%).

Ответы всех опрошенных социально-демографических групп схожи, поэтому сложно выявить какую-либо тенденцию личности мне-

ний. Заметно различается по группам только доля «затруднившихся» (или уходящих от определенного ответа) — это прежде всего пожилые, старше 55 лет (30%), жители села (29%), низкообразованные и самые бедные респонденты (по 26%).

В группах, выделенных по типу поселения и потребительскому статусу, наиболее заметны расхождения среди москвичей, жителей крупных и средних городов (табл. 30).

Отметим, что, хотя больше 40% опрошенных говорили, что не знают о пытках в ПО (табл. 30), в ответах на этот вопрос позицию «в России не применяются пытки» выбрал лишь 1% опрошенных.

Третий по частоте вариант — «затрудняюсь ответить». Он наиболее высок среди самых бедных москвичей и выше среднего среди бедных в крупных городах. (В данном случае можно предполагать, что ограниченность социальных и культурных ресурсов респондента сказывается на его аналитических способностях и генерализации опыта.) Среди москвичей можно говорить о явной тенденции: чем выше потребительский статус, тем чаще упоминаются именно полиция и следствие. В группе са-

Таблица 30

ГДЕ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПЫТКИ РАСПРОСТРАНЕНЫ БОЛЬШЕ ВСЕГО?

	В среднем	Потребительский статус* Москва			Потребительский статус* крупные города			Потребительский статус* средние города		
		Денег хватает только на еду, Москва	Хватает и на еду, и на одежду, Москва	Могут приобрести ТДП, Москва	Хватает только на еду, от 500 тыс.	Хватает и на одежду, от 500 тыс.	Могут приобрести ТДП, от 500 тыс.	Хватает только на еду, от 100 до 500 тыс.	Хватает на одежду, от 100 до 500 тыс.	Могут приобрести ТДП, от 100 до 500 тыс.
В полиции, в ходе следствия	48	37	43	56	55	53	47	44	50	44
В Следственном комитете, ФСБ	15	16	8	16	18	14	15	23	18	16
Во ФСИН, в тюрьмах, колониях, местах принудительного содержания	45	31	40	46	45	48	50	43	48	49
Судебными приставами	7	12	3	8	6	9	6	10	8	5
Затруднились ответить	23	35	32	12	28	20	19	19	19	19
В России не применяются пытки	1	0	0	1	1	1	1	0	1	2
Пытают везде	0	3	0	1	0	0	0	1	0	0

N = 3447

¹ Сумма ответов «один или несколько раз» и «часто, многократно».

² Показатель, пересчитанный по общему массиву полученных данных о причинении пыток.

мых бедных москвичей наиболее высоко число упоминаний судебных приставов. Видимо, речь может идти о более частом столкновении этой

Таблица 31

КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СУЖДЕНИЙ НАИБОЛЕЕ ТОЧНО ОТРАЖАЕТ ВАШЕ МНЕНИЕ О ДОПУСТИМОСТИ ПЫТОК? (в %)

	Все опрошенные	Доля респондентов, имевших конфликты с СПО	Доля респондентов, к которым применялось насилие или его угроза	Доля респондентов, к которым применялись пытки
Число опрошенных	3 447	949	403	356
Ни при каких обстоятельствах пытки недопустимы	59	58	58	60
Применение пыток допустимо только в исключительных случаях, когда это может спасти жизни невинных людей	18	21	21	22
Применение пыток допустимо только по отношению к тем, кто совершил тяжкое насильственное преступление	11	11	9	9
У меня нет мнения на этот счет	13	10	12	9

среды с судебными исками за неоплату коммунальных услуг, налогов, возможно, непогашенных кредитов. ФСИН и места принудительного содержания в целом чаще среднего упоминают жители средних городов с относительно высоким статусом.

Следственный комитет и ФСБ чаще среднего называли бедные, проживающие в средних городах. Вероятно, в столице низшие слои крайне неохотно высказываются о такой острой и болезненной социально-правовой проблеме и заметно отличаются в этом от аналогичных групп, но удаленных от центра.

При всех описанных выше расхождениях среди разных контингентов опрошенных мнения по поводу допустимости пыток в целом оказались очень близки. Примерно три пятых во всех группах считают пытки недопустимыми ни при каких обстоятельствах. Мнения во всех основных социально-демографических группах весьма согласованны. Полным неприятием пыток отличаются москвичи (64%) и жители средних городов (65%), в особенности наиболее обеспеченные жители средних городов (69% этой группы).

Около трети опрошенных все же считают пытки допустимыми. 18% опрошенных полагают, что их можно разрешить в каких-то экстремальных ситуациях, когда признание или сведения, полученные с использованием пыток, могут спасти невинных людей. Примерно каждый десятый считает, что пытки подозреваемых допустимы в случае тяжких насильственных преступлений (это мнение чуть сильнее выражено среди низкообразованных, бедных,

жителей сел). Если учесть, что в среднем больше 60% взрослого населения России выступает за смертную казнь, а большинство придерживается мнения, что преступность можно побороть только ужесточением наказания, понятно, что и отношение к пыткам может сохранять свою двойственность, амбивалентность.

11. Знания о пытках и источники информации и них

Главный для опрошенных источник сведений о пытках, применяемых сотрудниками правоохранительных органов, по их словам, как ни странно, все же телевидение (федеральные каналы). Это неожиданное обстоятельство требует специального анализа, провести который в рамках методики данного исследования не представляется возможным¹. Наш опыт заинтересованных наблюдателей говорит об обратном — о жесткой цензуре в российских СМИ, пресекающей любую нежелательную для властей информацию или сведения, которые могут дискредитировать силовые структуры. Тем не менее респонденты в массе своей ТВ называют чаще всего (62%, табл. 33).

¹ Можно лишь строить разного рода предположения: допустим, в телесериалах о работе милиции или следователей присутствуют сцены избиения и психологического давления на людей, насилие и унижения при допросах, жестком задержании или установлении личности. То же можно предполагать о художественных фильмах, где речь могла бы идти о репрессиях сталинского времени и т.п. Еще одна гипотеза связана с недавним скандалом — избиениями заключенного в исправительной колонии, заснятыми на камеру, что так или иначе попало на федеральные каналы вопреки цензуре. Но подтвердить или опровергнуть любое из подобных объяснений мы не можем в рамках имеющегося материала.

Таблица 32

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ИЗ РАЗГОВОРОВ, СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ИЛИ ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ О СЛУЧАЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ПЫТОК ПОЛИЦИЕЙ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ? (в %)

	Все опрошенные	Доля респондентов, имевших конфликты с СПО	Доля респондентов, к которым применялось насилие или его угроза	Доля респондентов, к которым применялись пытки
Число опрошенных	3 447	949	403	356
Слышали	57	76	82	84
Не слышали	42	23	18	15
Затруднились ответить	1	1	1	0

Таблица 33

ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ О ПЫТКАХ («Откуда, из каких источников вы знаете о случаях применения пыток в правоохранительных органах?», в %)

	Опосредованная, вторичная информация				Личностная, обладающая непосредственной достоверностью		
	Федеральные каналы ТВ	Интернет, интернет-издания	Социальные сети	Печатные издания	Независимые каналы ТВ	От знакомых, друзей, коллег	От самих пострадавших
В среднем	62	36	26	16	12	29	10
Возраст							
18–24 года	47	51	46	10	23	37	9
25–39 лет	59	45	33	13	12	29	11
40–54 года	62	37	26	16	13	29	10
55 лет и старше	67	23	14	19	10	26	9
Образование							
Высшее	62	43	30	17	18	24	8
Среднее профессиональное	62	34	26	17	10	29	9
Среднее и ниже	61	31	21	13	10	33	13
Потребительский статус							
Едва хватает на еду	60	24	18	17	8	32	13
Хватает на еду и одежду	65	37	24	17	12	29	10
Могут приобретать ТДП	58	42	33	14	15	27	8
Тип поселения							
Москва	60	45	30	19	18	25	7
Большой город	62	40	28	14	15	29	9
Средний город	65	39	29	16	17	31	10
Малый город	59	34	26	18	8	30	10
Село	62	26	18	14	8	26	13

В таблице приводятся варианты ответов, данные 10% и более респондентов.

Объяснение этому, на наш взгляд, следует искать в том, что ТВ-информация о злоупотреблениях в ПО является не просто конечной стадией распространения подобных сведений, но и обладает авторитетом коммуникатора предельной общности, достоверность которой опирается на авторитет авторитарного или тоталитарного государства. Но это не начало, а конец информационного многоступенчатого информационного процесса. Наиболее точное знание о применении пыток в СПО связано больше всего с непосредственным опытом взаимодействия с СПО и знанием, распространяющимся через неформальные межличностные каналы, несмотря на цензуру или самоцензуру, существующую даже в независимых СМИ и Интернете, кремлевских троллей и контрпропагандистов, особенно заметных в последние годы. Но для того чтобы это стало достоянием хотя бы некоторых кругов общественности, например первичных групп гражданского общества, такого рода сведения должны пройти через фильтры СМИ, пусть и с ограниченной аудиторией, затем на некоторые каналы официоза, и лишь затем, после ряда публичных скандалов и непроверяемых сведений, затрагивающих отдельных высокопоставленных чиновников ПО, они могут попасть на федеральные каналы ТВ. Публикаций в независимых или альтернативных печатных изданиях или СМИ (радио, Интернет-порталы, сетевые издания) недостаточно, чтобы возбудить общее внимание к поступающим сведениям. Дело не только в том, что цензура старается блокировать или не допустить подобной информации, но и в том, что отдельные издания не пользуются у широкой публики достаточным доверием и такого рода информация остается неслышанной и незначимой.

Несколько чаще об информации о пытках в полиции, колониях и т.п., полученной из телевидения, говорили пожилые люди (67%), сохранившие память об издевательствах в милиции и КГБ советского времени, жители средних городов со средними доходами, т.е. принадлежащие к социальной среде, характеризующейся множеством разного рода ограничений в сравнении с обстоятельствами жизни в мегаполисах, и молодые люди, свободно ориентирующиеся в Интернете и «живущие» в социальных сетях.

Следующими по значимости источниками сведений о пытках по частоте упоминания опрошенными после ТВ являются:

1. *Интернет, интернет-издания* (36%) и социальные сети (26%); среди молодежи это

основной по важности канал информации о злоупотреблениях и пытках в полиции, издевательствах над заключенными в исправительных колониях и т.п. Частота упоминаний о пытках в этой связи среди молодых увеличивается в 2 и более раз; даже среди сельской или молодежи малых городов об этом из Интернета знают 43–49%; каналы личного общения (важнейший источник не только ретрансляции полученных кем-то сведений, но и интерпретации и группового объяснения сообщений, их оценки и вписывания в общий контекст или картину социальной действительности) — рассказы знакомых, друзей, коллег (29%), родственников (9%), самих пострадавших (10%).

2. *Газеты, журналы, радиостанции, независимые телеканалы* («Дождь», РБК, YouTube) и т.п. (их называли 9–16% опрошенных). Также можно утверждать, что эти каналы более авторитетны у людей высокообразованных.

Публикации правозащитных организаций, выступления правозащитников не являются достаточно влиятельными с точки зрения оценки масштабов аудитории подобных сообщений каналами — о них упоминали только 5% опрошенных. К ним прислушиваются главным образом молодые люди в Москве (среди самых молодых — 15%, среди 24–39-летних — 8%) и в других мегаполисах, где есть среда общения людей, критически относящихся к нынешнему режиму.

Из приводимой в табл. 33 данных можно сделать следующие заключения:

1. Интернет и сетевые структуры, независимые телеканалы («Дождь», РБК, YouTube) образуют общее информационное поле, в котором расходятся сведения, поступающие от какого-то одного источника. Этого нельзя сказать о федеральных каналах, куда проблемная информация интересующего нас типа поступает в последнюю очередь, только после того, как становится известной в Интернете и соцсетях. Интернет и соцсети как источники значимы в первую очередь для молодых респондентов и лиц с высоким уровнем образования (социальным капиталом и компетентностью), москвичей и жителей крупных городов, где сложились альтернативные к официальным СМИ структуры коммуникации.

2. Вся поступающая информация проходит через фильтры межличностного общения и распространения, здесь она получает интерпретацию, оценку и подтверждение или опровержение. Это не отдельный канал, а система интерпретации получаемых сведений.

3. Для бедных (во всех смыслах) групп населения убедительность придают в первую очередь личностные сообщения, подтверждающие или опровергающие информацию из официальных каналов.

4. Печатные источники (газеты, журналы) и отчасти радио не являются первичными источниками информации, но они очень важны, особенно для более образованных групп, для санкционирования достоверности получаемых сведений и вписывания их в более широкий контекст действительности.

Сравнение общих результатов о доверии к различным каналам информации с выделенными нами подгруппами показывают три четкие тенденции: конфликты с СПО и столкновение с насилием и пытками со стороны правоохранителей:

1) резко понижают доверие к федеральным СМИ;

2) увеличивают доверие к независимым вещателям;

3) увеличивают доверие к интернет-источникам и социальным сетям.

Учитывая небольшие (в масштабах страны) аудитории независимых СМИ, долю знающих о пытках (или готовых об этом говорить) можно считать значительной. В распространении информации о пытках играет свою роль и Интернет, и социальные сети, и информация от правозащитников. Больше всего об этой проблеме знают москвичи (65%), где наиболее интенсивно потребляются независимые источники информации, несколько выше среднего этот показатель у «взрослых молодых» и у респондентов 40–54 лет, респондентов с высшим образованием (59, 60 и 60% соответственно). Самый низкий показатель знания в селах (51%) и соответственно выше доля незнающих (47%). Но в целом в основных группах данные близки, различия между ними градуальны, доля знающих о пытках преобладает везде.

О применении пыток в полиции и других структурах правоохранительных органов знают 57% опрошенных (43% не слышали ничего об этом). Подчеркнем, более информированными являются жители больших городов в возрасте социальной зрелости — 25–50 лет (среди по-

Таблица 34

КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ ВЫ БОЛЬШЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ? (В%)

	Все опрошенные	Доля респондентов, имевших конфликты с СПО	Доля респондентов, к которым применялось насилие или его угроза	Доля респондентов, к которым применялись пытки
Число опрошенных	3 447	949	403	356
Федеральные телеканалы	45	39	37	34
Местные / региональные телеканалы	7	6	6	6
Газеты (местные и федеральные)	4	3	3	3
Независимые, частные телеканалы, радио, газеты	7	10	10	13
Новостные интернет-сайты	10	11	10	12
Социальные сети	9	12	14	14
YouTube-каналы	4	5	6	5
Радио	1	2	2	1
Другое	1	2	2	2
Никаким не доверяю	4	5	5	4
Затруднились ответить	6	5	3	4
Отказ от ответа	2	3	2	2

следних о такого рода «спецметодах» слышали 66–72%). В провинции — в малых городах и селах — о систематическом применении пыток знают 53–45%. Незнакомы с подобными практиками чаще всего молодые респонденты, живущие в малых городах и селах, где слабо развиты Интернет и социальные сети.

Высокий потребительский статус повышает информированность о применении пыток в ПО — в Москве в группе с высоким статусом — 73% (среди бедных москвичей он выше среднего — 65%), в крупных городах — 64%. В остальных типах поселений — средних, малых городах и селах — «знание и незнание» очень слабо дифференцированы по группам.

12. Освещение пыток в СМИ и средства противодействия пыткам

Голосом групп, выступающих за соблюдение прав и достоинства человека, законности в нашей стране, являются прежде всего правозащитные организации (а не надзорные органы, вписанные во властную вертикаль, крайне закрытые системы). Однако в нынешних условиях авторитарно-репрессивного режима с его сильнейшим влиянием силовых органов на ситуацию в стране правозащитники с трудом могут донести до общественного мнения реальную

картину нарушений гражданских прав и свобод в системе ПО. Они отрезаны от имеющих большую аудиторию СМИ, контролируемых администрацией президента. Слишком мала для этого свободная медийная площадка, слишком велика цензура федеральных каналов, по сути, дегуманизирующих общество многие годы.

Тем не менее в обществе, не говоря уже о группах, пострадавших от взаимодействия с СПО, преобладает запрос на должное, соответствующее масштабу проблемы освещение проблемы пыток в СМИ.

О недостаточном освещении этой темы чаще говорят самые бедные и самые молодые (18–24-летние — 57%) россияне. В трех группах, переживших опыт взаимодействия с СПО разной степени тяжести, доля считающих, что острейшая тема освещается неудовлетворительно, растет в зависимости от степени тяжести такого опыта — от 59%, конфликтовавших с СПО, до 67%, хотя бы раз перенесших пытки.

С одной стороны, подавляющее большинство опрошенных согласно с тем, что в стране необходимы специальные меры против применения пыток в правоохранительных органах. С другой — около двух пятых опрошенных соглашались с утверждением, что такие меры «свяжут руки» правоохранителям, что это сни-

Таблица 35

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ДОСТАТОЧНО ЛИ ВНИМАНИЯ УДЕЛЯЮТ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРОБЛЕМАМ ПЫТОК В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РОССИИ? (В%)

	Все опрошенные	Доля респондентов, имевших конфликты с СПО	Доля респондентов, к которым применялось насилие или его угроза	Доля респондентов, к которым применялись пытки
Число опрошенных	3 447	949	403	356
Освещается слишком часто	9	8	8	8
Освещается в надлежащем объеме	31	24	21	20
Не получает должного освещения	47	59	63	67
Затруднились ответить	14	9	7	5

Таблица 36

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С УТВЕРЖДЕНИЕМ: В НАШЕЙ СТРАНЕ НЕОБХОДИМЫ СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВ ПЫТОК В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ?

	Все опрошенные	Доля респондентов, имевших конфликты с СПО	Доля респондентов, к которым применялось насилие или его угроза	Доля респондентов, к которым применялись пытки
Число опрошенных	3 447	949	403	356
Согласен(-на)	75	76	78	80
Не согласен(-на)	18	19	19	17
Затруднились ответить	7	5	3	3

зит действенность их борьбы с преступностью, косвенно признавая необходимость пыток, пусть и в ограниченных масштабах (табл. 36, 37). Расклад мнений по этому вопросу практически не отличается по трем выбранным группам опрошенных.

Наиболее гуманную позицию здесь занимают москвичи (среди них и самый высокий показатель поддержки специальных мер против пыточных практик в ПО — 80%).

Мы можем заключить, что в отношении применения пыток в обществе существует определенная амбивалентность: около половины опрошенных готовы верить, что находятся под защитой закона и суда, не знают или не хотят признавать, что пытки — это распространенное злокачественное явления в органах правопорядка. Это контингент опрошенных или социальные среды, которые не сталкиваются с ПО в повседневной жизни в силу большей социальной защищенности, больших социальных ресурсов, с одной стороны, и конформизма, вписанности в систему, пассивной адаптации к ней — с другой.

Таблица 37

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С УТВЕРЖДЕНИЕМ: СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВ ПЫТОК СВЯЗАЛИ БЫ РУКИ ПРАВООХРАНИТЕЛЯМ И ЛИШИЛИ БЫ ИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЕЙСТВЕННОЙ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ? (В %)

	Все опрошенные	Доля респондентов, имевших конфликты с СПО	Доля респондентов, к которым применялось насилие или его угроза	Доля респондентов, к которым применялись пытки
Число опрошенных	3 447	949	403	356
Согласен(-на)	39	40	40	43
Не согласен(-на)	49	52	54	51
Затруднились ответить	12	8	5	5

Опрос показывает, что, хотя более половины взрослых россиян негативно относятся к пыткам, не удается четко выделить социальные слои, группы, поколения, которые могли бы последовательностью своей позиции и ее отстаивания оказывать влияние на общество, общественное мнение, политику и тем самым на трансформацию и гуманизацию правоохранительной системы.

Выводы

Анализ вопросов об опыте взаимодействия с правоохранительными органами позволяет прийти к следующим основным выводам:

1. Насилие является инструментом давления на задержанных, получения от них информации или показаний, подавления их сопротивления.

2. Чаще всего объектами насилия со стороны правоохранительных органов становятся мужчины из нижних социальных слоев в возрастной группе 25–45 лет. Это подтверждается статистикой Генеральной прокуратуры РФ¹: 51% заключенных — мужчины 25–39 лет, 33% всех заключенных имеют начальное и основное общее образование, 36% заключенных — среднее профессиональное, 70% заключенных — люди без постоянных источников дохода.

3. Своеобразный «порог входа» для возникновения конфликта с правоохранительными органами очень низкий, чаще всего конфликты возникают уже в начале взаимодействия с сотрудниками полиции и других правоохранительных органов. В этих ситуациях давление и насилие со стороны сотрудников полиции используется ими в инструментальных целях.

4. Пытки и другое умышленное причинение вреда здоровью происходят уже на других стадиях, когда человек попадает в «систему». Однако количество случаев применения насилия к попавшим в эту систему снижается. Тем

не менее мы не можем сказать, что к каким-то группам людей пытки и насилие применяются чаще или реже, чем к другим. Насилие — неотъемлемая часть работы сотрудников ПО, от него не застрахован никто, в том числе родственники или друзья задержанных.

5. Только в четверти случаев задержанным разъясняются их права. Среди респондентов, которые отметили, что к ним применялось насилие со стороны сотрудников ПО, права не разъяснились в почти половине случаев, что кажется не рядовой оплошностью, а рядовым поведением сотрудников ПО.

6. В оценках опрошенных ясно прослеживается высокий уровень согласия граждан по поводу представлений о незаконных и неправовых действиях СПО. Компетенции и го-

¹ См.: URL: http://crimestat.ru/social_portrait

товность отстаивать свои права отличают лишь узкий слой населения: в основном это люди, обладающие значительными социальными, образовательными и культурными ресурсами. Большинство же населения, особенно более слабые в социальном плане группы, живут с хроническим ощущением нарушения своих прав и чувством незащитности перед лицом возможного произвола властных или правоохранительных органов.

7. Почти половина опрошенных высказываются о том, что «пытки в правоохранительных органах представляют единичные случаи»; второй по частоте ответ (почти четверть опрошенных) — пытки «широко распространены, являются обычной практикой». В подвыборке имевших конфликты с СПО такого мнения придерживаются уже почти две пятых этой группы (38%), а среди прошедших через угрозу насилия и пытки — почти половина (47, 50%). Общество в целом настроено скорее на оценку пыток как исключительных случаев, тогда как имевшие опыт взаимодействия с СПО тем чаще говорят о широком распространении пыток, чем жестче был их личный опыт. Однако и среди них велика доля тех (больше трети), кто все же считает, что применение пыток — это единичные случаи.

8. В среднем около половины опрошенных считают, что пытки распространены прежде всего в полиции в ходе следствия, а также во ФСИН, в тюрьмах, колониях и т.п. Имевшие опыт конфликтов и пережившие насилие или пытки значительно чаще называют на первом месте полицию и ведение следствия (64, 75, 74% соответственно). О пытках во ФСИН, в колониях и тюрьмах чаще всего говорят хотя бы раз испытавшие пытки на себе (56%).

9. 25% опрошенных россиян имели конфликты с СПО, хотя бы раз испытали на себе пытки 10%.

10. Примерно три пятых во всех группах считают пытки недопустимыми ни при каких обстоятельствах. Мнения во всех основных со-

циально-демографических группах весьма согласованны.

11. В отношении применения пыток в обществе существует определенная амбивалентность: около половины готовы верить, что находятся под защитой закона и суда, но не хотят признавать, что пытки — это распространенное злокачественное явление в органах правопорядка. Более половины взрослых россиян негативно относятся к пыткам, примерно столько же считают, что борьба с применением пыток может ослабить эффективность уголовных расследований.

Список литературы

1. Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. «Средний класс» as if: мнения и настроения высокодоходной молодежи в России // ВОМ. 2008. № 3.
2. Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения. 2010. № 4.
3. Гудков Л. Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.
4. Ежегодник общественного мнения — 2018. М.: Левада-Центр, 2019.
5. Левада Ю. Человек приспособленный / От мнений к пониманию. Московская школа политических исследований. М., 2000.
6. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения. 2010. № 4.
7. Социальный портрет преступности — Портал правовой статистики. [Электронный ресурс]: http://crimestat.ru/social_portrait

Ольга КАРАЕВА

Стигматизированные: люди с ограниченными возможностями здоровья

В нашей стране 8,4% людей официально имеют статус инвалидов¹, или, более политкорректно, «людей с ограниченными возможностями здоровья». Круг проблем, с которыми они и члены их семей сталкиваются в своей повседневной жизни, кажется понятным и очевидным, но это далеко не так. Многие стороны их жизни не попадают в поле зрения здоровых людей и даже при явном сочувствии большинства окружающих к инвалидам не могут быть осознаны, поняты и пережиты.

По заказу Комитета гражданских инициатив (КГИ)² «Левада-Центр» в апреле 2019 г. провел исследование массового восприятия людей с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ) и их положения в российском обществе. Под этой категорией граждан понимались люди, имеющие недостатки в физическом или психическом развитии, с нарушениями опорно-двигательного аппарата, в том числе дети-инвалиды. Основное внимание исследователей было направлено на изучение отношения окружающих к инвалидам, осознание другими тех трудностей и ограничений, с которыми такие люди сталкиваются в обычной жизни. Речь идет о вопросах социальной дистанции, ожидаемого и декларируемого равенства прав людей с ограничениями здоровья, а также об оценках качества их жизни и характера оказываемой им социальной помощи. Отдельный блок вопросов связан с оценкой доступности бытовой среды — насколько эта проблематика значима в обществе, отрефлексирована в массовом сознании, какое ей уделяется внимание в нашей стране. Расхождение оценок и мнений само по себе является инди-

катором сильной дистанцированности от реального контекста проблематики инклюзии и слабых точек соприкосновения по сопутствию развития социальной помощи для данной категории граждан.

Исследование представляло собой всероссийский репрезентативный опрос взрослого населения страны (18 лет и старше), объем выборки составил 1625 чел. Опрос проводился методом личных интервью по месту жительства респондентов в формате CAPI (Computer Assisted Personal Interview с применением планшетов).

Социально-демографический портрет семей и их членов с ОВЗ, полученный в исследовании

Данные опроса показывают, что проблема людей ограниченного здоровья, инвалидности касается каждой пятой семьи (23%) — 13% имеют в своем составе взрослого члена семьи с ОВЗ, 3% — ребенка и 8% опрошенных имеют один из таких диагнозов. Менее 1% домохозяйств имеют в своем составе двух и более людей с ОВЗ.

Инвалидность во многом является возрастной проблемой. Две трети людей, имеющих ограниченные возможности здоровья, старше 55 лет. Гендерный профиль в целом соответствует общероссийскому распределению (48% мужчин, 52% женщин). Образовательный уровень смещен в сторону среднего профессионального и начального образования (высшее образование имеют 17%, по выборке в целом — 27%). Географически доля людей с ОВЗ распределена равномерно, за небольшим исключением юга России — в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах их доля выше, чем в среднем. В сельской местности также наблюдается более высокая доля людей с ограничениями здоровья.

По составу семьи люди с ОВЗ чаще являются одиночками-вдовцами: четверть людей

¹ Согласно данным Росстата «Положение инвалидов», 2019. URL: /http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/

² Проект «Люди с ограниченными возможностями в XXI веке: новые возможности и перспективы», см. подр. <https://komitetgi.ru/analytics/4075/>

с инвалидностью живут в одиночестве (24%) и почти треть потеряли своих супругов и являются вдовцами (29%). Однако такая черта скорее присуща возрастным особенностям данной группы — в среднем среди старших возрастов состав семьи выглядит схожим образом. Если говорить о семьях, среди членов которых есть дети или взрослые с ОВЗ, исследование их социально-демографического портрета не позволяет говорить о значимой депривированности в российском обществе.

Материальное положение семей, в составе которых есть люди с ограничениями здоровья, оказывается ниже, чем среди населения в

целом. Средний ежемесячный доход составляет около 37 тыс. руб., что на 4 тыс. руб. ниже, чем у прочих семей. При этом другие исследования показывают, что расходы на лечение и обеспечение нужд людей с ОВЗ оказываются выше среднетипичных домохозяйств. Это косвенно подтверждает другой индикатор благосостояния семей, характеризующий оценку возможностей потребления. Так, почти трети семей с людьми с ОВЗ едва хватает на питание и одежду (28%), среди обычных семей таких 21%. Иными словами, наблюдается дисбаланс и доходов, и расходов среди семей, в составе которых есть дети или взрослые с ОВЗ.

Таблица 1
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛЮДЕЙ С ОВЗ (% от опрошенных, по столбцу)

	Население в целом	Люди с ОВЗ
	N = 1625	N = 368
Пол		
мужской	45	48
женский	55	52
Возраст		
18–24 года	9	3
25–39 лет	30	13
40–54 года	25	19
55 лет и старше	36	65
Образование		
начальное или ниже, неполная средняя школа (7–8, сейчас 9 классов)	5	12
средняя школа (10, сейчас 11 классов)	18	20
начальное профессиональное образование	6	6
среднее профессиональное образование	42	42
незаконченное высшее (не менее трех курсов вуза)	3	3
высшее	27	17
Род занятий		
независимый предприниматель, самозанятый	5	2
руководитель, управленческий работник	5	4
специалист без руководящих функций (со спец. образ.)	18	5
служащий без специального образования	10	4
рабочий (в том числе мастер, бригадир), в т.ч. в сельском хозяйстве	22	7
учащийся, студент	4	1
пенсионер (неработающий) по старости / выслуге лет	23	44
пенсионер (неработающий) по инвалидности	4	30
веду домашнее хозяйство, ухаживаю за ребенком	5	1
не работаю и ищу работу	3	2
не работаю и не ищу работу	1	2

Продолжение табл. 1

	Население в целом <i>N</i> = 1625	Люди с ОВЗ <i>N</i> = 368
Семейное положение		
женат (замужем)	56	41
не зарегистрированы, но живем вместе	6	8
вдовец (вдова)	11	29
разведен (разведена)	11	10
живем порознь, но не разведены	1	–
холост (не замужем), никогда не был(а) в браке	16	12
Размер домохозяйства		
1 чел.	16	24
2 чел.	31	40
3 чел.	26	14
4 чел.	17	12
5 чел. и более	10	10

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЕМЕЙ ПО МАТЕРИАЛЬНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ (% от опрошенных, по столбцу)

	Население в целом <i>N</i> = 1625	Семьи с ОВЗ <i>N</i> = 368	Семьи без ОВЗ <i>N</i> = 1257
Месячный доход семьи			
Среднее значение (в руб.)	40 135	37 071	41 058
Материальное положение			
Нам не хватает денег даже на питание	5	6	4
Нам хватает денег на питание, но не хватает на одежду	18	22	17
Нам хватает денег на питание и одежду, покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблемы	52	50	52
Мы можем покупать некоторые дорогие вещи, такие как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль	20	17	20
Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах	4	2	4
Мы можем ни в чем себе не отказывать	2	2	3

Общие установки в отношении к людям с ОВЗ

Одним из индикаторов для успешной социальной адаптации людей с инвалидностью является их возможность присутствия в поле зрения общества. Закрытость общественной среды, отсутствие внимания к людям с особенностями здоровья служат проявлением слабой интеграции в социум и его социальную жизнь.

Для того чтобы оценить, насколько люди с ОВЗ являются привычным явлением в общественной жизни, был задан вопрос о том, как часто опрашиваемые встречают вокруг себя

людей с особенностями здоровья и инвалидностью. Опрос показал, что каждый третий взрослый житель России регулярно, практически каждый день, так или иначе контактирует с людьми, имеющими инвалидность и другие ограничения здоровья (33%). Чаще всего с ними взаимодействуют в своей повседневной жизни люди старших возрастных групп — старше 55 лет. Молодежь, напротив, заметно реже встречает вокруг себя такую категорию людей (21% в сравнении с 38% среди старших возрастов). Примерно столько же россиян замечают

рядом с собой людей с ОВЗ относительно часто — несколько раз в месяц (30%). Но более трети (37%) жителей нашей страны практически не замечают их. Менее вовлеченной во взаимодействие с инклюзией являются молодое поколение и обеспеченные слои.

Таблица 3

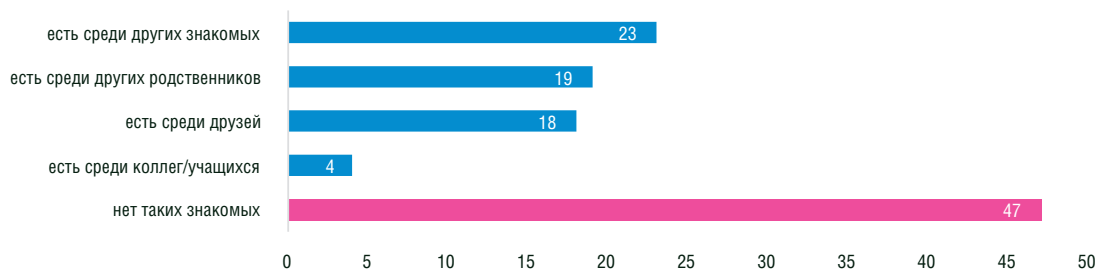
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ЧАСТО ВЫ ЗАМЕЧАЕТЕ ВОКРУГ СЕБЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ, ИНВАЛИДНОСТЬЮ?» (% от опрошенных, 1625 чел.)

Практически каждый день	33
Часто, не реже нескольких раз в месяц	30
Редко, отдельные случаи	33
Практически никогда	4

Большинство опрошенных (8 из 10) обычно сталкиваются с людьми с ОВЗ просто на улице, вне особых объектов инфраструктуры. Треть

Рисунок 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ЕСТЬ ЛИ СРЕДИ ВАШИХ ЗНАКОМЫХ, КОТОРЫХ ВЫ ЗНАЕТЕ ЛИЧНО, ЛЮДИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ, ИНВАЛИДНОСТЬЮ?» (% от опрошенных, 1625 чел.)

встречала их в медицинских учреждениях (29%) и еще четверть — в транспорте (25%)¹. Каждый десятый имеет в поле зрения людей с ограниченными возможностями здоровья по месту своей работы или учебы. В досуговых местах (музеи, театры, кафе, рестораны) люди с ОВЗ все еще являются скорее исключением — менее 5% регулярно видят людей с инклюзией в таких объектах инфраструктуры.

Проблема инклюзии довольно плотно укоренена в социальные круги общения россиян. В своем окружении более половины опрошенных (53%) имеют среди родственников, коллег или знакомых людей с ОВЗ. Помимо членов семьи пятая часть наших сограждан в числе других родственников и друзей также имеют тех,

¹ Стоит заметить, что распространенной практикой является привлечение людей с ОВЗ к участию в прошении милостыни или институционализированному попрошайничеству (на улицах или в общественном транспорте).

кто столкнулся с ограниченными возможностями здоровья.

О низкой интеграции в трудовую и образовательную среду людей с ОВЗ говорят цифры о доле людей, которые учатся или работают в коллективе с людьми с инвалидностью. На данный момент этот показатель составляет 4%.

Причины инвалидности

К числу трех основных причин инвалидизации в нашей стране респонденты относят низкий уровень безопасности жизни, аварии и ДТП (46%), низкое качество медицины, не позволяющее выявлять или успешно излечивать заболевания (44%), генетические и врожденные недостатки (42%). Треть опрошенных видят в причинах инвалидности фактор личности и связывают с безответственным отношением к своему здоровью, алкоголизмом и другими привычками, пагубно влияющими на физическое и психическое состояние человека.

Люди, имеющие ограниченные возможности здоровья, основную причину видят именно в несовершенстве здравоохранения — каждый второй выделяет именно низкое качество медицины. Остальные причины имеют заметно меньший приоритет среди тех, кто сам столкнулся с ОВЗ.

Общественное мнение об основных проблемах инвалидов

Результаты опроса свидетельствуют о наличии весьма согласованного общего понимания проблем, с которыми сталкиваются люди с ОВЗ и их семьи. Различий в ответах между теми, кто лично испытывает сложности жизни с ОВЗ, и теми, кто лишь косвенно встречался с такой проблемой, практически не наблюдаются. Основным фактором, наиболее осложняющим жизнь людей с ОВЗ, единогласно признается низкое материальное положение таких семей (более 65%).

Рисунок 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ТОГО, ЧТО В РОССИИ ПОЧТИ 9% НАСЕЛЕНИЯ ИМЕЮТ ИНВАЛИДНОСТЬ?» (% от опрошенных, 1625 чел.)

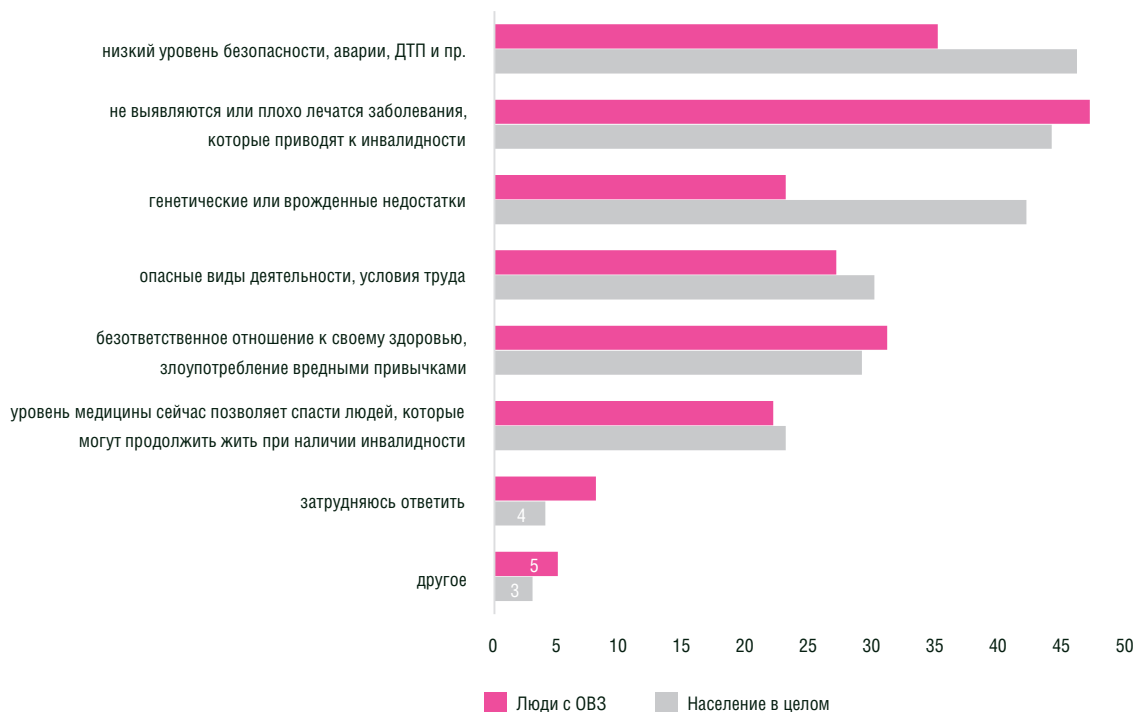
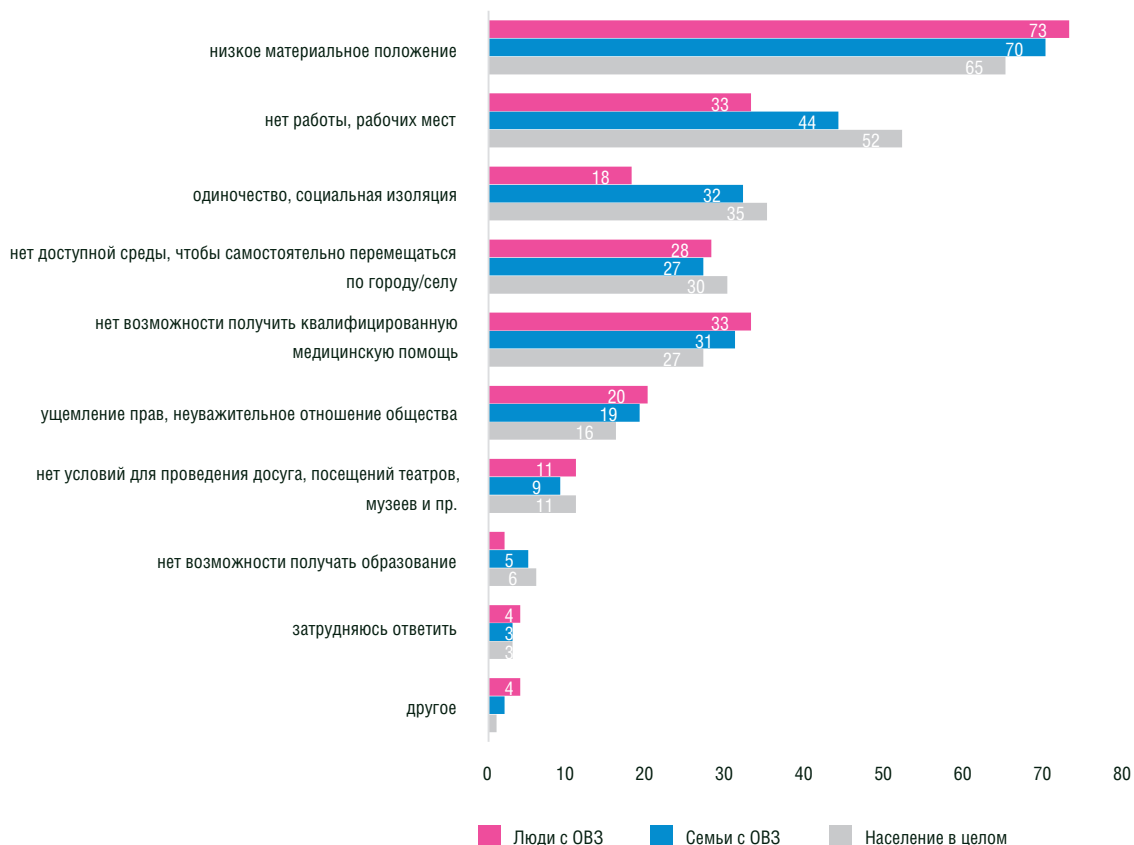

Рисунок 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «НА ВАШ ВЗГЛЯД, КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, С КОТОРЫМИ СТАЛКИВАЮТСЯ ЛЮДИ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ? НАЗОВИТЕ НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ» (% от опрошенных в каждой группе)

Второй по значимости проблемой, сопряженной с возможностью заработка, называют отсутствие работы и рабочих мест для людей с ОВЗ. Установки относительно работы и учебы совместно с людьми, имеющими особенности здоровья, будут рассмотрены в отчете в дальнейшем.

Третьей группой проблем считается одиночество, социальная изоляция таких людей. Признание обществом того, что данная группа исключается из коммуникативной среды, может служить проявлением чувства вины, недостаточного их вовлечения в ежедневную рутину. Примечательно, что люди, непосредственно столкнувшиеся с такими проблемами здоровья, отдают этой позиции меньший приоритет. Для них более существенным фактором является отсутствие возможностей по получению квалифицированной медицинской помощи.

Немаловажным барьером также признается отсутствие доступной среды, позволяющей самостоятельно перемещаться людям с ОВЗ. Эта позиция в равной степени характерна и для жителей мегаполисов, и для жителей совсем малых городов и сел.

Об ущемлении прав, о дискриминации, неуважительном отношении говорит каждый пятый респондент с ОВЗ (20%). Симметричность оценок людей с ОВЗ и без таких проблем со здоровьем явно демонстрирует понимание реальных жизненных трудностей, с которыми сталкиваются семьи. Однако степень погружения в жизнь людей, страдающих физическими или психическими ограничениями здоровья, сочувствие и готовность участвовать в решении таких проблем пока остаются невыраженными и требуют дальнейшего рассмотрения.

Оценка доступности среды

Доступность среды относится к числу важных составляющих для социальной интеграции людей с ограничениями здоровья в социум. Возможность посещения базовых объектов инфраструктуры, с одной стороны, позволяет ориентироваться на прежнее качество жизни и привычное времяпровождение, с другой — делает присутствие людей с ОВЗ видимым для общества, что способствует выработке общего восприятия проблем по адаптации и вовлеченности инвалидов в среду.

В ходе опроса россиян просили оценить доступность тех мест, которые они регулярно посещают, для людей с ОВЗ и инвалидностью. Безусловно, ограничения здоровья не всегда сопряжены исключительно с техническими

характеристиками помещений, наличием пандусов или других удобств. В рамках опроса ставилась задача проследить, насколько эти объекты инфраструктуры готовы к приему людей, имеющих особенности перемещений. В данном случае значимой позицией является и ответ «не обращал на это внимание». Для нас это будет косвенным показателем поверхностного и равнодушного отношения к проблемам людей с особенностями здоровья.

Опрос показал, что подавляющее большинство россиян признает, что их дома и место работы / учебы не приспособлены для беспрепятственного перемещения людей с инвалидностью. Менее одной пятой опрошенных (17–18%) отмечают, что такие условия созданы в местах их проживания и работы. На этом фоне сильно выделяется Москва — о комфортных условиях для перемещения людей с инвалидностью в жилых домах здесь говорят вдвое чаще (33%). Однако это не касается рабочих мест — здесь цифры аналогичны стране в целом.

Среди других объектов инфраструктуры города ситуация несколько лучше. Так, медицинские учреждения, банки в большей степени приспособлены для посещения людьми с физическими ограничениями — более трети таких учреждений, которые посещали опрошенные, можно расценивать как пригодные для маломобильных граждан. Продуктовые магазины, которые необходимы для регулярного посещения, реже учитывают потребности людей с инвалидностью. По оценкам респондентов, менее одной пятой части из них имеют специальные условия.

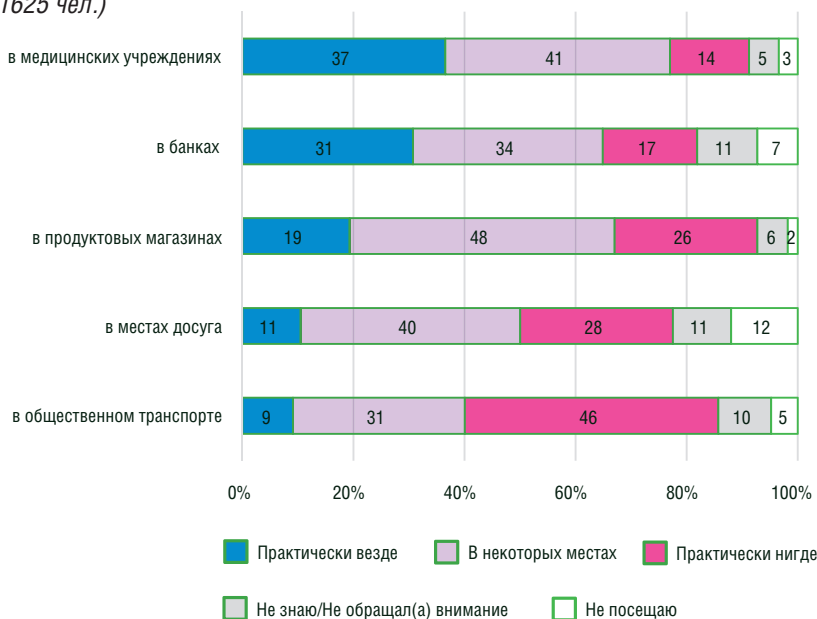
Хуже всего ситуация наблюдается в местах проведения досуга (музеи, театры и пр.) и общественном транспорте. Только один из десяти опрошенных расценивает их доступными для маломобильных людей.

В региональном разрезе различий практически не наблюдается. За небольшим исключением выделяются Москва и села. В сельской местности — ожидаемо — оценки доступности ниже, чем по стране в целом. В столице, напротив, на фоне среднероссийских показателей отличается ситуация с общественным транспортом — здесь втрое чаще говорят о том, что такие условия созданы (26% в сравнении с 9% по стране в целом).

Оценки слабой доступности среды среди населения в целом согласуются и с оценками самих людей с ограниченными возможностями здоровья. На фоне общего признания непригодности многих объектов инфраструк-

Рисунок 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СОЗДАНЫ ЛИ УСЛОВИЯ ДЛЯ БЕСПРЕпятственного ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ, КОТОРЫЕ ВЫ ОБЫЧНО ПОСЕЩАЕТЕ?»
(% от опрошенных, 1625 чел.)

туры для маломобильных граждан общественные установки свидетельствуют о номинальном запросе на изменение таких условий. Подавляющее большинство россиян (92%) разделяют точку зрения о том, что дома должны быть оборудованы пандусами, лифтами для людей с инвалидностью, даже если это приведет к усложнению конструкций и неудобству для остальных жильцов.

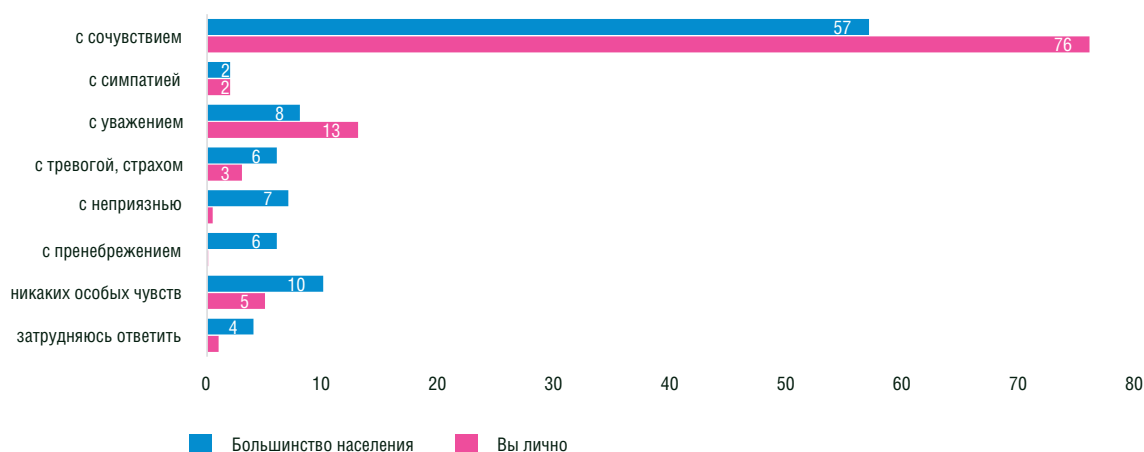
Социальная дистанция

Абсолютное большинство респондентов на вопрос, какие чувства вызывают у них и среди их окружения люди с ограниченными физическими возможностями, инвалиды, дети с ДЦП, «колясочники» и другие категории наших граждан с разного рода проблемами здоровья, говорят о сочувствии им, своем (76%) и других (57%). Эта первая реакция на человеческое страдание или невозможность вести полноценную личную и общественную жизнь чрезвычайно важна, она говорит, что в нашем обществе утвердилась норма гуманного отношения к другим, подобным себе, но лишенным целого ряда возможностей пользоваться теми благами, которые доступны здоровым людям. Другими словами, мы имеем дело с демонстрируемой публично социальной нормой «гуманности» или «общественной солидарности» с теми, кто нуждается в нашей помощи, сочувствии, поддержке. Но декларируемая норма совсем не обязательно должна переходить в те

или иные формы солидарного и ответственного действия. Для более половины опрошенных вполне достаточно лишь обозначить такие приоритеты и признание значимости этой нормы, что не предполагает какого-либо практического действия или поведения, соответствующего декларируемому этическому императиву солидарности и эмпатии. Повседневные проблемы, с которыми сталкиваются инвалиды и члены их семей, хотя и понятны и известны большинству опрошенных, не затрагивают их лично, контакты с инвалидами носят поверхностный и кратковременный характер — встречи на улице, в транспорте или в поликлиниках, учреждениях соцзащиты — и быстро вытесняются из памяти.

Социологические признаки «нормы» заключаются в том, что такое обязательное представление объединяет, заставляет людей присоединиться к этому мнению, по крайней мере, высказать согласие и одобрение с ним хотя бы на словах. Поэтому данные опроса общественного мнения о проблемах, с которыми сталкиваются инвалиды в нашей стране, и об отношении к людям с ограниченными возможностями показывают крайне слабую дифференциацию ответов респондентов из разных социально-демографических категорий. Максимальные колебания в частоте ответов на разные диагностические вопросы интервьюера в большинстве случаев составляют 7–9 п.п., что лишь вдвое превышает стандартные допустимые статистические отклонения ($\pm 3,7\%$). Это озна-

Рисунок 5

САМООЦЕНКА ЧУВСТВ, С КОТОРЫМИ ОТНОСЯТСЯ К ЛЮДЯМ С ОВЗ В НАШЕЙ СТРАНЕ (% от опрошенных, 1625 чел.)

чае, что нет каких-либо особых факторов (социальных, групповых, позиционных интересов), которые могли бы соединять или разделять одних людей в противостоянии с другими, обстоятельств, которые бы связывали с этими различиями те или иные интересы — доступ к благам, обеспечение социальных преимуществ или, по крайней мере, защиту от лишений. Другими словами, данные косвенно указывают, что сама по себе тематика «положение инвалидов», несмотря на заявляемое публично сочувствие, не слишком заботит и волнует российское общество, что дело не в душевной черствости значительного числа россиян, а в ряде ограничений на возможности «правильного поведения», накладываемых государством, окружающими и собственной пассивностью.

Поэтому общая норма проявления сочувствия инвалидам, причем, похоже, независимо от природы самой инвалидности или негласной социальной «неполноценности», в определенной степени носит показной характер необходимого в обществе социального лицемерия, проявляющегося как расхождение между скрытым негативным отношением (которое проявляется в проектируемом на неких «обобщенных других» или приписываемом им негативном отношении), и собственной декларируемой терпимостью респондента или сочувствием к «убогому» (табл. 4).

Абсолютное большинство (в среднем 91%) заявляет, что относятся к людям с ограниченными возможностями, инвалидам или нездоровым, «с сочувствием» (76%), с не совсем понятным «уважением» (13%) или «симпатией» (2%)¹. Лишь 3% опрошенных говорят о «стра-

хе» перед такими людьми, 1% — о неприязни к ним. Последние две оценки собственного отношения представляют собой неловкое указание на необходимость подчеркнуть, что выражение своего отношения к этим людям предполагает подчеркивание его особенности, особой модальности, акцентированности, которое бы снимало скрытое напряжение и преодоление подавляемой негативности. Поэтому негатив проступает в приписываемом «большинству людей в нашей стране» неоднозначном отношении к инвалидам. В этом случае суммарная доля негативных эмоций увеличивается почти до 20%: 7% заявляют, что большинство «нормальных» людей ощущают при встрече с инвалидами «неприязнь», по 6% определяют собственные ощущения как «тревогу» и «пренебрежение». Еще 10% говорят о равнодушии, индифферентности (никаких особых чувств). Таким образом, соотношение добрых чувств и негатива «у себя» и «у других» составляет в первом случае $67:19 = 3,5$, во втором — $91:9 = 10$.

О том, что такое отношение задано социальной нормой, имеющей моральный аспект, свидетельствуют крайне слабые различия в соответствующих высказываниях респондентов, относящихся к разным социальным группам и категориям. Колебания едва выходят за пределы допустимой стандартной ошибки измерения. Это значит, что действует принудительная сила коллективной нормы. Сильнее расхождения проявляются на полюсах социальных шкал: среди самых образованных и наименее образованных, в столице, среди религиозных активистов и неофитов и т.п.

¹ Можно интерпретировать «уважение» и «симпатию» как выраже-

ние признания стойкости и мужества этих людей в их борьбе с недугом или социальными ограничениями.

Таблица 4

А. С КАКИМИ ЧУВСТВАМИ БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ ОТНОСИТСЯ К ТЕМ, КТО ИМЕЕТ ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗДОРОВЬЯ, ИНВАЛИДНОСТЬ?**Б. КАК ЛИЧНО ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ТЕМ, КТО ИМЕЕТ ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗДОРОВЬЯ, ИНВАЛИДНОСТЬ?**

	Большинство людей в нашей стране относится к инвалидам...			Вы лично относитесь к инвалидам...			Баланс оценок (Б+)-(А+)	Баланс оценок (Б-)-(А-)
	А+	А-	А0 и з/о	Б+	Б-	Б0 и з/о		
В среднем	67	19	14	91	4	5	24	-16
Возраст								
18–24 года	70	15	16	89	4	7	19	-11
25–39 лет	65	22	14	91	4	6	36	-18
40–54 года	66	20	13	93	2	5	27	-18
55 лет и старше	69	17	14	90	5	5	21	-12
Образование								
Высшее	64	22	13	91	3	6	27	-19
Среднее профессиональное	67	19	14	91	4	5	24	-15
Среднее	73	14	14	91	4	5	18	-10
Ниже среднего	60	24	17	95	1	4	25	-23
Материальное положение								
Денег едва хватает на еду	66	21	13	91	5	5	35	-16
Хватает на еду и одежду	65	20	15	91	4	5	26	-16
Могут приобретать ТДП	75	17	9	92	2	6	17	-15
Обеспеченные	66	17	18	88	1	10	22	-16
Тип населенного пункта								
Москва	54	30	15	85	8	7	31	-22
Большой город	65	18	16	92	2	6	27	-16
Средний город	71	19	11	90	6	4	19	-13
Малый город	66	17	16	93	3	5	27	-14
Село	70	18	12	92	3	5	22	-15
Религиозность								
Внецерковные	63	21	18	88	4	9	25	-17
«Захожане»	71	18	12	93	3	4	22	-15
Воцерковленные (активно посещающие церковь)	68	22	11	94	3	3	26	-19

А+: позитивное отношение — сумма ответов относятся с «сочувствием» + «симпатией» + «уважением»

А-: негативное отношение — сумма ответов относятся с «тревогой, страхом» + «неприятно» + «пренебрежением»

А0: не испытывают никаких чувств + затруднились с ответом

Б+: позитивное отношение — сумма ответов относятся с «сочувствием» + «симпатией» + «уважением»

Б-: негативное отношение — сумма ответов относятся с «тревогой, страхом» + «неприятно» + «пренебрежением»

Б0: не испытывают никаких чувств + затруднились с ответом

Собственное дистанцирование от людей с ОВЗ, нежелание с ними иметь дело или отчуждение от инвалидов открыто быть выражено не может, но косвенно оно проявляется в аргументации о необходимости отдельного обучения здоровых детей (нормальных) и детей с ограниченными возможностями, равно как и в предпочтении отдельных мест работы обычных людей и инвалидов. В первом случае готовность одобрить совместное обучение детей с разными физическими характеристиками выразили 46%, сегрегированное обучение в той или иной форме — 48%. Совместную работу с инвалидами готовы признать гораздо большее число людей, а именно 68%, но 25% считают необходимым создание отдельных рабочих мест. Такое расхождение вряд ли должно удивлять: забота о благополучии своих детей — одна из предельных ценностей в современном российском обществе. Латентные предрассудки в данном случае быстрее выходят на поверхность.

Социальные различия в массовых установках крайне незначительны: несколько чаще (на 5–8 п.п.) одобряют совместное обучение самые молодые люди со средним образованием, горожане (но не москвичи); идею полностью

раздельных школ для здоровых детей и детей-инвалидов (т.е. самый жесткий вариант сегрегации) поддерживают чуть чаще люди 40 лет и старше, жители села¹.

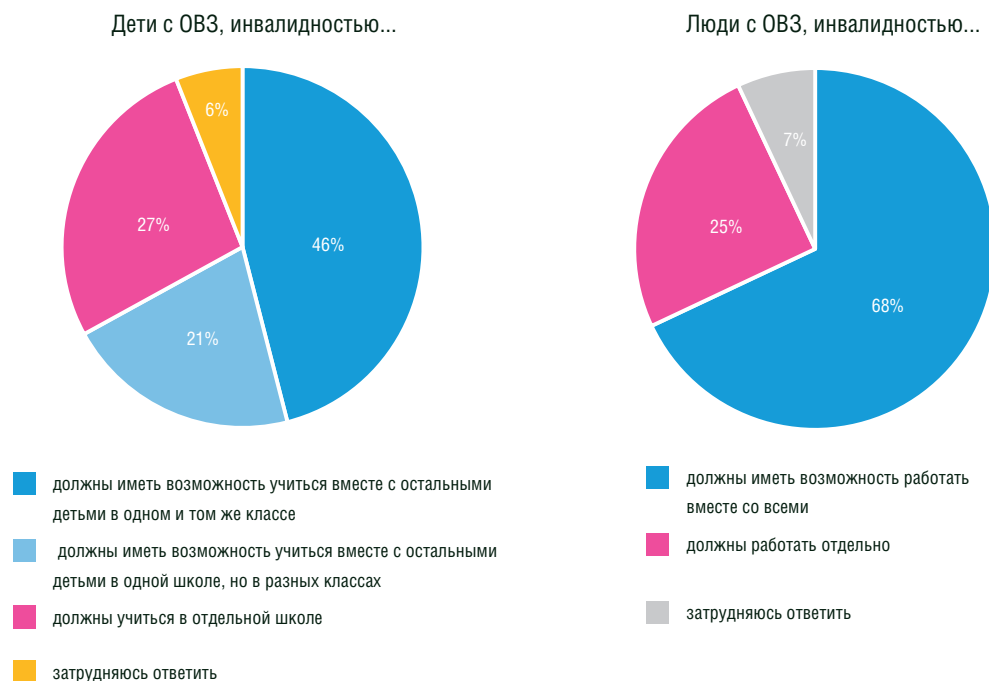
Но если принять во внимание мнения тех, у кого в семье есть инвалиды или кто сам является инвалидом, картина общего отношения окружающих заметно меняется: родители больных детей или детей с ограниченными возможностями вдвое чаще отмечают неприязненное отношение окружающих (40%). То же самое можно зафиксировать и у самих инвалидов: они заметно реже говорят о добрых чувствах окружающих к таким, как они: (54 при 67% в среднем), чаще — об отсутствии особых эмоций (18 и 10% в среднем). Напротив, респонденты, не имеющие инвалидов в семье, несколько повышают благожелательность окружающих в отношении к людям с ограниченными возможностями (70%).

Социальная политика в отношении людей с ОВЗ

Лишь четверть опрошенных россиян (24%) считают, что государство в должной мере (полностью или в значительной степени) исполня-

Рисунок 6

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ И РАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ И ЛЮДЕЙ С ОВЗ

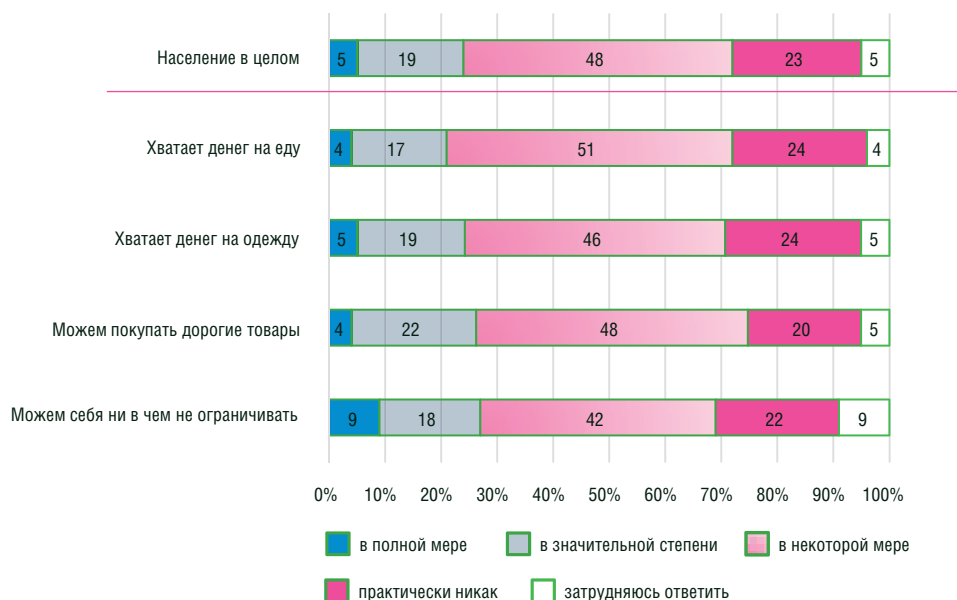
¹ В качестве гипотезы можно предположить, что социальная деградация села, включая и патологическое пьянство, оборачивается рождением детей с различными отклонениями, что в этой среде преимущественно личного общения, является наглядным аргументом в пользу спецшкол.

ет свои социальные обязательства перед инвалидами; почти столько же (23%) полагают, что власти практически ничего не делают в этом отношении. Но почти половина опрошенных (48%) склонны полагать, что «что-то делается, но этого явно недостаточно». Именно представления этого массива респондентов являются доминантными, определяющими господствующий тон общественного мнения.

Одобрение характера заботы государства о людях с ограниченными возможностями чаще высказывают носители консервативного, государственно-патерналистского сознания и идеологии — жители малых городов (29%), респонденты с низким уровнем образования (27%), отличающиеся особым религиозным рвением (30%), а также люди с самым высоким достатком (37%). Напротив, сдержанные и негативные мнения и оценки деятельности властей в этой сфере принадлежат самым бедным категориям населения (в сумме 78%, в том числе собственно негативные высказывания — 33%), жителям Москвы и других больших городов (77%), опрошенным с высоким уровнем образования (75%), индифферентным в религиозном плане (74%). В этом отношении неудовлетворенность тем, как реализуются социальные обещания государства у необеспеченных групп, соединяются с чувством моральной неполноценности, несоответствия нормам социальной справедливости в группах с более высоким социальным и культурным капиталом и ответственностью.

Рисунок 7

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В КАКОЙ СТЕПЕНИ ГОСУДАРСТВО ИСПОЛНЯЕТ СВОИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПЕРЕД ЛЮДЬМИ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ?» ПО НАСЕЛЕНИЮ В ЦЕЛОМ И В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕМЬИ (% от опрошенных, 1625 чел.)

Средний вариант — «не хватает средств» — воспроизводит банальность общепринятого стереотипного объяснения, конформистского и бездумного. Такой вариант мнений не предполагает крайней нищеты и исчерпанности бюджета, а подразумевает то, что казенные средства должны тратиться на более важные цели, а для инвалидов того, что остается, не хватает. Важно подчеркнуть, что этот вариант ответа дает минимальные колебания мнений респондентов из разных социально-демографических категорий.

Чаще цинизм и демагогию государственной заботы осознают продвинутые группы опрошенных (более образованные жители крупнейших городов), трезво и критично объясняющие социальную политику властей по отношению к инвалидам — «для государства инвалиды неинтересны», что предполагает неявное — «у него другие приоритеты». Такие мнения представляют собой оборотную сторону социальной моральной нормы: теньевые, негласные представления о реальном отношении людей к инвалидам, представляемом такой фиктивной инстанцией, как «государство», т.е. воплощением массовых представлений о надличной силе, которая распоряжается общественными фондами, берет на себя обязанность заботы о нуждающихся в помощи и поддержке, снимая тем самым личную моральную ответственность с обывателей.

Характерно, что сами люди с ограниченными возможностями или члены их семей чуть

чаще среднего вынуждены мириться с социальной стигматизацией, соглашаясь с тем, что они не представляют «интереса для государства», и полагая, что на них (как на менее важных

для власти фигур) не хватает общественных средств (примечательно, что чаще такие ответы дают не только сами инвалиды, но и пенсионеры (43 и 39%).

Таблица 5

КАКОВА ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ТОГО, ЧТО ГОСУДАРСТВО НЕ УДЕЛЯЕТ ДОЛЖНОГО ВНИМАНИЯ ПРОБЛЕМЕ ПОМОЩИ ЛЮДЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ, ИНВАЛИДНОСТЬЮ?

	Такие люди не представляют для государства интереса	Не хватает финансирования	Есть другие, более приоритетные цели
В среднем	37	34	16
Возраст			
18–24 года	36	31	25
25–39 лет	36	34	18
40–54 года	41	33	15
55 лет и старше	36	37	12
Образование			
Высшее	42	31	17
Среднее профессиональное	38	33	16
Среднее	30	46	14
Ниже среднего	26	26	10
Материальное положение			
Едва хватает на еду	36	37	15
Хватает на еду и одежду	37	33	16
Могут приобретать ТДП	40	34	14
Обеспеченные	30	37	22
Тип населенного пункта			
Москва	42	36	15
Большой город	42	32	17
Средний город	38	31	13
Малый город	35	36	17
Село	32	37	16
Религиозность			
Внецерковные	38	34	14
«Захожане»	37	36	16
Воцерковленные (регулярно посещающие церковь)	38	33	19
В семье есть инвалиды			
Сам респондент	29	43	6
Есть взрослый	43	33	14
Есть ребенок	39	31	20
Нет инвалидов	37	34	17

Примечание. В таблице приводятся только три основных варианта ответа; варианты «заботой об инвалидах должны заниматься общественные или религиозные организации», а также этим «должны заниматься сами люди, попавшие в такую ситуацию, и их близкие» набирают минимальное число ответов — 2 и 4%, что не позволяет анализировать их с точки зрения социально-демографических характеристик, давших их опрошенными. Затруднились с ответом 5% опрошенных (среди них несколько чаще встречаются молодые люди, жители села и респонденты с низким уровнем образования).

Приводимые распределения мнений свидетельствуют, что, в принципе, абсолютное большинство людей считали бы правильным («нормальным») установить иные приоритеты государственной политики в социальной сфере; они готовы одобрить выделение больших средств для облегчения жизни людей-инвалидов, считая такие решения морально оправданными. Но сама по себе политическая апатия и укоренившаяся убежденность в том, что все равно сделать ничего нельзя, заставляют мириться со сложившимся положением вещей и при ясном понимании проблем инвалидов относиться к ним с большой долей равнодушия.

Общие выводы исследования

Проблема инклюзии, инвалидности затрагивает каждую российскую семью. В российском обществе наблюдается осознанное внешнее восприятие проблем людей с ограниченными возможностями здоровья — понимание сложностей, с которыми сталкиваются такие люди и их семьи, декларируется готовность терпеть неудобства от конструкций и специальных условий во благо организации доступной среды для них. Отсутствие удобств для людей с ОВЗ и неготовность большинства инфраструктурных объектов для взаимодействия с людьми, требующих особого внимания, также признается основной частью населения.

Более трети россиян отмечают (37%), что люди с ОВЗ не представляют интерес для государства, и более 70% убеждены, что оно не оказывает им должной социальной поддержки.

При этом среди определенной доли населения фиксируется противоречие между де-

кларируемым осознанием проблем людей с ограниченными возможностями здоровья и фактическим пассивным участием общества в решении.

С одной стороны, понимание масштабов имеющихся проблемных зон (в плане качества жизни таких больных, их благосостояния, равенства возможностей в обучении и работе, доступности среды) связано с пересечением с такими индивидами — половина взрослого населения страны имеет так или иначе в круге знакомых людей с такими заболеваниями.

С другой стороны, уровень социальной дистанции подтверждает укорененность в обществе особой нормы в отношении людей с инвалидностью и особенностями здоровья. Примерно четверть людей выражают желание дистанцирования от присутствия людей с ОВЗ в одном детском или трудовом коллективе. Примечательно, что эту норму транслируют и сами люди с инклюзией — среди них столько же, кто придерживается точки зрения, что инвалидам, людям с ОВЗ не место в одних классах с обычными детьми или в офисах с остальными сотрудниками.

На фоне проявления общего сочувствия людям с ОВЗ в обществе не принято какое-либо пренебрежительное отношение к ним, но при этом присутствует некая «ограничительная» норма в восприятии их как равных. Исследование этой противоречивости в общественных установках требует дальнейшего рассмотрения на более глубинном уровне, в частности в ходе качественной методологии (фокус-групп, включенных наблюдений или интервью).

Антон КАЗУН
Анастасия КАЗУН

Место новостей о России в глобальной повестке дня: сравнительный анализ печатной прессы стран G20¹

Введение

Международные новости играют в современном мире заметную роль. Исследователи отмечают серьезное их влияние на представления населения о других государствах и народах², а также их важность при определении направлений международной политики³.

В силу исторических, географических и экономических особенностей Россия активно участвует в различных международных процессах. В частности, является полноправным членом «Большой двадцатки» (G20) — элитного клуба, который определяет направление развития современного мира. В свете обостряющейся политической и экономической конкуренции на мировой арене происходит борьба между различными странами за повестку дня в СМИ. Согласно исследованиям, международные новости испытывают более сильное влияние государственной политики, чем освещение внутренних событий⁴, а доминирующие идеологические установки могут привести к предвзятости при подготовке медиаконтента о других странах⁵. СМИ нередко конструируют образ отдельных государств как «провокаторов» на мировой арене, не уделяя при этом внима-

ния мотивам представителей этих стран⁶. Поскольку международные новости не позволяют странам-«провокаторам» оправдаться, представленными оказываются не все точки зрения.

Международные новости не только освещают события и процессы за рубежом, но и транслируют ключевые ценности страны, производящей эти новости⁷. Существует значительное число исследований, доказывающих, что сообщения об иностранных событиях испытывают влияние интересов элит⁸. Например, военные действия, в которые вовлечена собственная страна, освещаются менее критично, чем полностью внешние конфликты⁹. Таким образом упоминания других стран в СМИ иностранных государств выступают не просто зеркалом реальности, отражающим те или иные события и процессы. Взаимные упоминания странами друг друга показывают их место в мире, текущие международные отношения и расстановку сил.

Целью настоящей статьи является анализ места новостей о России в глобальном новостном потоке, создаваемом ведущими печатными

¹ Данное исследование подготовлено в рамках работы по гранту президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (№ МК-2620.2019.6).

² *Wanta W., Golan G., Lee C.* Agenda Setting and International News: Media Influence on Public Perceptions of Foreign Nations // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2004. Vol. 81(2). P. 364–377. *Cohen A.* (eds.) *Foreign News on Television: Where in the World Is the Global Village?* New York: Peter Lang, 2013.

³ *Hawkins V.* *Stealth Conflicts: How the World's Worst Violence Is Ignored.* Ashgate Publishing, Ltd., 2008.

⁴ *Gans H.* *Deciding What's News: A Study of CBS Evening News, NBC Nightly News, Newsweek, and Time.* Northwestern University Press, 2004.

⁵ *Lee C., Yang J.* Foreign News and National Interest: Comparing U.S. and Japanese Coverage of a Chinese Student Movement // *International Communication Gazette*. 1996. 56(1). P. 1–18. URL: <https://doi.org/10.1177/001654929605600101>.

⁶ *Boudana S., Segev E.* The Bias of Provocation Narratives in International News // *The International Journal of Press/Politics*. 2017. 22(3). P. 314–332. URL: <https://doi.org/10.1177/1940161217704968>.

⁷ *Ismail A., Yousef M., Berkowitz D.* 'American' in Crisis: Opinion Discourses, the Iraq War and the Politics of Identity // *Media, War & Conflict*. 2009. 2(2). P. 149–170. URL: <https://doi.org/10.1177/1750635209104652>.

⁸ *DiMaggio A.* Selling War, Selling Hope: Presidential Rhetoric, the News Media, and U.S. Foreign Policy since 9/11. SUNY Press, 2015; *Handley R., Ismail A.* Territory under Siege: 'Their' News, 'Our' News and 'Ours Both' News of the 2008 Gaza Crisis // *Media, War & Conflict*. 2010. 3(3). P. 279–297. URL: <https://doi.org/10.1177/1750635210364690>; *Herman E.* The Media's Role in U.S. Foreign Policy // *Journal of International Affairs*. 1993. 47(1). P. 23–45.

⁹ *Fahmy Sh., Kim D.* Picturing the Iraq War: Constructing the Image of War in the British and US Press // *International Communication Gazette*. 2008. 70(6). P. 443–462. URL: <https://doi.org/10.1177/1748048508096142>; *Liebes T.* Our War/Their War: Comparing the Intifadeh and the Gulf War on U.S. and Israeli Television // *Critical Studies in Mass Communication*. 1992. 9(1). P. 44–55. URL: <https://doi.org/10.1080/15295039209366814>.

СМИ стран G20. Мы ответим на вопросы, как много внимания уделяется России в международной прессе и кому уделяют внимание российские СМИ. Важно установить, насколько взаимным является это внимание и чем обусловлена взаимность.

Международные новости в странах мира

Новости о событиях в зарубежных странах испытывают влияние множества факторов, определяющих их число и характер. С одной стороны, было отмечено, что разные страны не равны в своей ценности для мировых новостей¹. Государства могут получать большее или меньшее внимание зарубежных СМИ в зависимости от таких параметров, как ВВП², наличие общей границы³, площадь⁴, численность населения⁵, объем двухсторонней торговли⁶, исходящий туризм и миграционные потоки между странами⁷.

При этом внимание к зарубежным новостям также неодинаково. Различия в объеме контента о событиях в других странах могут быть существенными: от 30 до 12% от общего числа новостей⁸. Отчасти подобные различия могут объясняться особенностями медиасистем

разных стран, в том числе моделью финансирования СМИ. Более ориентированные на рынок медиасистемы, финансируемые аудиторией, а не государством, уделяют международным новостям меньше времени⁹. Сообщения о событиях за рубежом требуют больших финансовых затрат при производстве, вместе с тем они представляют меньший интерес для аудитории ввиду удаленности от непосредственного опыта и относительной сложности интерпретации, связанной с недостаточной погруженностью в культурный контекст другого государства¹⁰. Это делает производство подобных новостей менее привлекательным для коммерческих СМИ. Впрочем, возможно, со временем ситуация изменится. Уже сейчас интерес населения к тем или иным вопросам может существенно расходиться с представлениями о нем редакторов¹¹, а генерируемый пользователями контент делает производство международных новостей менее затратным¹². Однако в настоящее время преобладание в стране финансируемых государством СМИ все еще означает более активное освещение иностранных событий. Например, именно так объясняется большее число таких новостей в Германии по сравнению с США¹³.

Другим значимым параметром является исторический контекст. В мирное время доля иностранных новостей в повестке дня относительно невелика¹⁴, тогда как напряженная международная обстановка закономерно способствует большему вниманию к событиям за рубежом. С одной стороны, конфликтная ситуация делает информацию о происходящем в других странах более актуальной, с другой — элиты могут предпринимать попытки использования СМИ для конструирования образа врага и последующей консолидации общества. Исследования, выполненные в русле теории объединения вокруг флага (rally around the flag), подтверждают, что международные конфлик-

¹ Chang T.-K. All Countries Not Created Equal to Be News: World System and International Communication // *Communication Research*. 1998. 25(5). P. 528–563. URL: <https://doi.org/10.1177/009365098025005004>.

² Golan G. Where in the World Is Africa?: Predicting Coverage of Africa by US Television Networks // *International Communication Gazette*. 2008. 70(1). P. 41–57. URL: <https://doi.org/10.1177/1748048507084577>; Guo L., Vargo C. Global Intermedia Agenda Setting: A Big Data Analysis of International News Flow // *Journal of Communication*. 2017. 67(4). P. 499–520. URL: <https://doi.org/10.1111/jcom.12311>; Wu D. A Brave New World for International News? Exploring the Determinants of the Coverage of Foreign News on US Websites // *International Communication Gazette*. 2007. 69(6). P. 539–551. URL: <https://doi.org/10.1177/1748048507082841>.

³ Dupree J. International Communication: View From a Window on the World // *International Communication Gazette*. 1971. 17(4). P. 224–235. URL: <https://doi.org/10.1177/001654927101700403>.

⁴ Segev E. Visible and Invisible Countries: News Flow Theory Revised // *Journalism*. 2015. 16(3). P. 412–428. URL: <https://doi.org/10.1177/1464884914521579>.

⁵ Rosengren K. Four Types of Tables // *Journal of Communication*. 1977. 27(1). P. 67–75. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1977.tb01798.x>.

⁶ Wu H. Systemic Determinants of International News Coverage: A Comparison of 38 Countries // *Journal of Communication*. 2000. 50(2). P. 110–130. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2000.tb02844.x>.

⁷ Chang T.-K., Shoemaker P., Brendlinger N. Determinants of International News Coverage in the U.S. Media // *Communication Research*. 1987. 14(4). P. 396–414. URL: <https://doi.org/10.1177/009365087014004002>; Kariel H., Rosenvall L. Factors Influencing International News Flow // *Journalism Quarterly*. 1984. 61(3). P. 509–666. URL: <https://doi.org/10.1177/107769908406100305>.

⁸ Aalberg T. et al. International TV News, Foreign Affairs Interest and Public Knowledge // *Journalism Studies*. 2013. 14(3). P. 387–406. URL: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2013.765636>.

⁹ Op. cit.

¹⁰ Hamilton J. The (Many) Markets for International News // *Journalism Studies*. 2010. 11(5). P. 650–666. URL: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2010.502789>.

¹¹ Tai Z., Chang T.-K. The Global News and the Pictures in Their Heads: A Comparative Analysis of Audience Interest, Editor Perceptions and Newspaper Coverage // *International Communication Gazette*. 2002. 64(3). P. 251–265. URL: <https://doi.org/10.1177/17480485020640030301>.

¹² Hamilton J. Op. cit.

¹³ Kolmer C., Semetko H. International Television News // *Journalism Studies*. 2010. 11(5). P. 700–717. URL: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2010.503020>.

¹⁴ Allen C., Hamilton J. Normalcy and Foreign News // *Journalism Studies*. 2010. 11(5). P. 634–649. URL: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2010.502788>.

ты нередко способствовали росту поддержки национального лидера¹. В качестве примера можно вспомнить фолклендскую войну, повысившую популярность Маргарет Тэтчер², и войну в Персидском заливе, увеличившую поддержку Джорджа Буша-старшего на 31% менее чем за два месяца³. Таким образом, в конфликтной ситуации повышенный спрос на международные новости может предъясняться «снизу» населением и «сверху» элитами. Наглядной иллюстрацией этого влияния международной напряженности на освещение иностранных государств может служить холодная война, в конце которой в 1991 г. освещение международных событий составляло 41% от всех новостей американских телеканалов CBS и ABC, а к 1993-му снизилось до 24%⁴.

Обобщая, мы можем сделать выводы, что внимание, которое страны получают со стороны зарубежных СМИ, распределяется неравномерно. Место, которое государство занимает в мировой повестке дня, зависит от широкого спектра экономических, политических и социальных факторов. При этом внимание, которое страны уделяют международным новостям, испытывает влияние модели финансирования СМИ, напряженности международной ситуации, а также, вероятно, в некоторой степени интересов населения и элит. Этот сложный механизм формирования мирового новостного потока делает особенно перспективным проведение сетевого анализа взаимных упоминаний стран мира.

Методология

Сбор данных осуществляется на основе ресурса Factiva (<https://www.dowjones.com/products/factiva/>), содержащего тексты публикаций 35 тысяч СМИ из 159 стран мира на 23 языках. В нашем исследовании мы ограничились анализом публикаций в 19 странах G20⁵.

¹ Казун А.Д. Эффект «rally around the flag». Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 136–146.

² Ogdan C. Maggie: An Intimate Portrait of a Woman in Power. Simon & Schuster, 1990.

³ Norrander B., Wilcox C. Rallying around the Flag and Partisan Change: The Case of the Persian Gulf War // Political Research Quarterly. 1993. 46(4). P. 759–770. URL: <https://doi.org/10.2307/448929>.

⁴ Norris P. The Restless Searchlight: Network News Framing of the Post-Cold War World // Political Communication. 1995. 12(4). P. 357–370. URL: <https://doi.org/10.1080/10584609.1995.9963084>.

⁵ Двадцатый представитель в G20 — Евросоюз. Поскольку он не является страной, в нашу выборку он не входил (кроме того, с методологической точки зрения непонятно, что считать ведущей печатной прессой Евросоюза).

В каждой стране с использованием ресурса Factiva были отобраны пять ведущих печатных СМИ, которые выпустили наибольшее число публикаций в 2018 г. Для России это «Коммерсантъ», «Российская газета», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты» и «Независимая газета». В США это Chicago Daily Herald, Washington Post, The New York Times, The Wall Street Journal и Financial Times. Аналогичным образом в каждой стране было отобрано по пять изданий⁶.

Далее в отобранной прессе каждой страны мы искали упоминание всех других стран G20 за период с 1 января по 31 декабря 2018 г. Поиск происходил на 13 национальных языках: русском, английском, французском, испанском, португальском, китайском (традиционном), немецком, индонезийском, итальянском, японском, корейском, арабском и турецком. Для Канады поиск производился одновременно на английском и французском, поскольку в выборку газет попал в том числе франкоязычный Journal de Québec. Для ЮАР и Индии поиск происходил только на английском языке, поскольку издания на национальных языках этих стран не индексируются в Factiva. Для целей поиска был подготовлен список официальных и кратких названий каждой страны на 13 языках мира.

Суммарно был осуществлен 361 поисковый запрос, по итогам которого удалось собрать базу данных взаимных упоминаний стран G20 в ведущих печатных СМИ. Итоговая база данных может быть представлена в виде таблицы размером 19×19. В клетки этой таблицы внесено количество публикаций, упоминающих каждое из 19 государств в пяти ведущих изданиях каждой страны. Единицей анализа являются уникальные статьи (Factiva позволяет автоматически удалять повторяющиеся публикации), вне зависимости от того, какое число раз в них встречается ключевое слово. Поскольку частота выхода публикаций в прессе разных стран мира неодинакова, для обеспечения сопоставимости результатов мы сделали дополнительную нормировку: число публикаций о каждой стране делилось на общее количество публикаций обо всех странах мира (исключая публикации о своей стране). Таким образом, в ячейки мы поместили информацию о доле публикаций о конкретной стране по отношению к публикациям обо всех других странах «Большой двадцатки».

⁶ Исключением является Турция, для которой в Factiva индексируется лишь одна газета Dunya.

Результаты сетевого анализа

Полученный нами результат можно представить в виде сети, где точками выступают государства, а стрелки (ребра) от страны А к стране В — упоминание в СМИ страны А названия страны В. Чем жирнее стрелочка, тем большая доля упоминаний в СМИ страны А приходится на страну В. Ребра сети ориентированы, т.е. высокая/низкая доля упоминаний одной страны в СМИ другого государства не означает, что верно обратное. Чем ближе страна находится к центру сети, тем чаще ее упоминают в других странах. Рядом расположены страны, пресса которых чаще упоминает друг друга.

Рисунок 1 иллюстрирует позиции различных стран мира относительно друг друга. США находятся в центре сети, являясь абсолютным лидером по доле внимания СМИ всех стран G20. Вокруг лидера можно выделить второе кольцо стран — это Китай, Великобритания, Германия, Франция, Россия, Япония, Канада. Интересно, что, кроме Китая, внимание к ко-

торому хорошо объясняется экономическими факторами, все эти страны входили в «Большую восьмерку» (или в «Большую семерку» без России). Остальные страны попадают в третье, периферийное, кольцо (из G7 на периферии оказалась только Италия). На рис. 2 представлена та же сеть, но в ней названия стран и точки нормированы по числу упоминаний (In-Degree Centrality). Этот рисунок дает более ясное представление об уровне неравенства между странами.

Если бы все страны получали одинаковое совокупное внимание членов G20, показатель взвешенной In-Degree центральности был бы у всех равен 1. Однако США имеет коэффициент 5,38, что означает, что страна получает внимание больше, чем пять стран G20 вместе взятых (при условии, если бы они были равны). На втором месте находится Китай с коэффициентом 2,16. На третьем — Великобритания (1,4), далее — Франция (1,153), Германия (1,15), Япония (1,07). Россия занимает 7-е место по упомин-

Рисунок 1

СЕТЬ ВЗАИМНЫХ УПОМИНАНИЙ СТРАН G20 В ВЕДУЩИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ В 2018 Г.

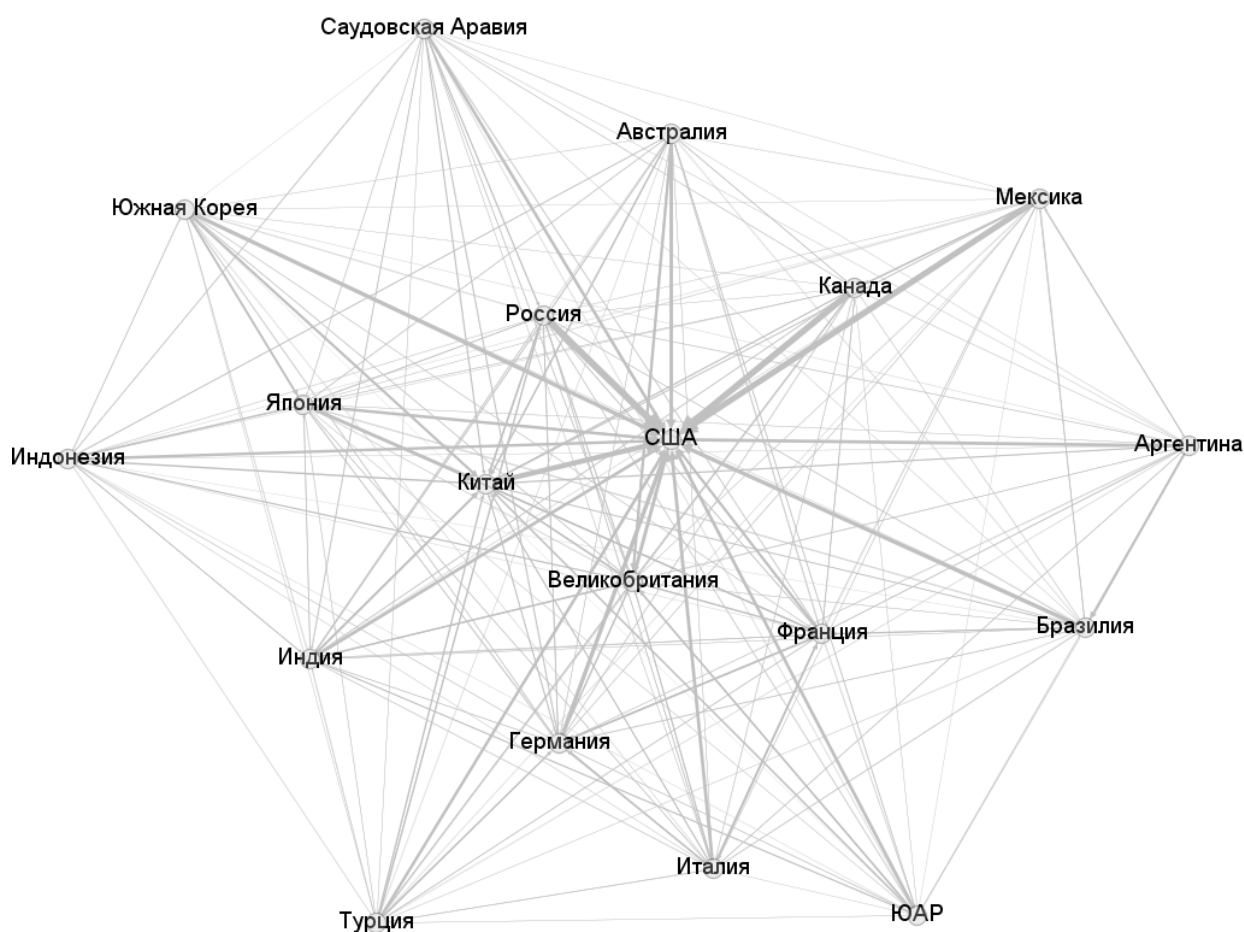

Рисунок 2

СЕТЬ ВЗАИМНЫХ УПОМИНАНИЙ СТРАН G20 В ВЕДУЩИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ В 2018 Г. НОРМИРОВКА ПО РЕАЛЬНОЙ ДОЛЕ УПОМИНАНИЙ

наемости в зарубежных СМИ (1,03). Впрочем, разницу в коэффициентах между странами, занимающими 4–7-е места, нельзя назвать существенной. На 8-м месте с достаточно сильным отставанием идет Канада (0,74). Наименьшее внимание уделяется Аргентине (0,341), Саудовской Аравии (0,237), Индонезии (0,235) и ЮАР (0,23).

Таким образом, на основе сетевого анализа мы действительно можем сделать вывод о существовании значительных диспропорций (неравенства) во внимании СМИ ведущих стран мира друг к другу. Важно отметить, что мы анализировали 19 наиболее экономически развитых стран мира, но даже среди них обнаружили существенную степень неравенства. Если бы база данных позволяла проанализировать все страны, то неравенство должно было бы окзаться еще выше.

Положение России: о ком у нас пишут, и кто про нас пишет

Большинство публикаций в российских медиа посвящено США (53,4%¹), т.е. США упоминаются чаще, чем все другие страны G20 вместе взятые. Хотя США являются лидером по упоминаемости во всех без исключения странах мира, нигде доля новостей о США не превышает 50%, а в среднем составляет 30%. Почти столь же часто, как Россия о США, пишут только ее непосредственные соседи — Канада (48,6%) и Мексика (46,2%).

Вторым объектом интереса для российской прессы является Китай (14,5%). По интересу СМИ к этой стране мы не являемся лидером. Больше России о Китае пишут Япония (25,7%

¹ Здесь и далее процент означает долю публикаций о стране в национальных СМИ по отношению к числу всех публикаций с упоминанием хотя бы одной из стран G20.

от числа всех упоминаний других стран), Южная Корея (19,2%), Индия (17,8%) и США (15%).

Третье место по вниманию российской прессы занимает Германия (4,8%), за ней идет Турция (3,9%) и Франция (3,7%). Впрочем, по сравнению с США и Китаем эти страны получают уже существенно меньшее число упоминаний в российской прессе.

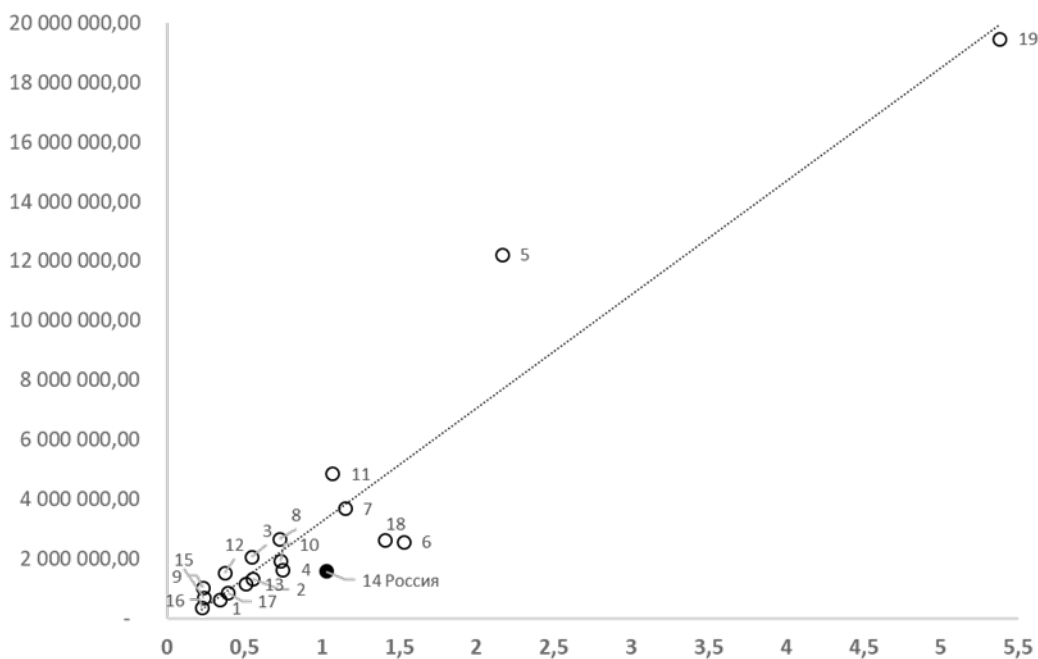
Как мы увидели выше, Россия не находится в центре мировой повестки дня. Наибольшую долю внимания она получает в прессе Турции (11,4%), США (11,2%) и Саудовской Аравии (9,9%). Меньше всего о России пишут в Канаде, Австралии и Мексике.

Влияние размера экономики на место в глобальной повестке дня

Уже на основе визуализации сети глобального новостного потока (рис. 2) можно сделать вывод о том, что ключевым фактором является ВВП. Действительно, ниже (рис. 3) видно, что ВВП страны очень хорошо предсказывает уровень ее центральности (Weighted In-Degree).

Рисунок 3

СВЯЗЬ МЕЖДУ УРОВНЕМ ЦЕНТРАЛЬНОСТИ (WEIGHTED IN-DEGREE) В СЕТИ И РАЗМЕРОМ ВВП СТРАНЫ

Примечание. Горизонтальная ось — взвешенный показатель In-Degree Centrality, вертикальная ось — ВВП в 2017 г. по данным Всемирного банка. Подписи: 1 — Аргентина, 2 — Австралия, 3 — Бразилия, 4 — Канада, 5 — Китай, 6 — Франция, 7 — Германия, 8 — Индия, 9 — Индонезия, 10 — Италия, 11 — Япония, 12 — Южная Корея, 13 — Мексика, 14 — Россия, 15 — Саудовская Аравия, 16 — ЮАР, 17 — Турция, 18 — Великобритания, 19 — США.

Корреляция составляет 0,94. Без США, являющимся явным «выбросом», уровень корреляции все равно остается очень высоким — 0,83, при выполнении расчетов без учета Китая связь также останется сильной (0,73). Таким образом, подобно ряду зарубежных исследований¹ наш анализ подтверждает высокую степень зависимости места страны в мировой повестке дня от ВВП.

Если сделать поправку на ВВП, окажется, что внимание к России непропорционально высоко. На рис. 3 хорошо видно, что страны с более высоким уровнем центральности (находящиеся правее России) имеют существенно более высокие показатели ВВП, а многие страны с аналогичными или даже более высокими показателями ВВП получают меньшее внимание. В целом на графике видно, что Россия находится существенно ниже линии тренда. Это говорит о том, что свое место в международной повестке дня Россия получает не благодаря экономическим факторам, а, по всей видимости, в силу особенностей внешней политики.

¹ Golan G. Op. cit.; Guo L., Vargo C. Op. cit.; Wu D. A Brave New World for International News? Exploring the Determinants of the Coverage of Foreign News on US Websites.

Место международных новостей в национальной повестке дня

В анализе международных новостей важно учитывать еще один фактор — какое место зарубежные события занимают в новостной повестке той или иной страны в целом. США могут доминировать в новостной повестке всех стран мира, но это не значит, что жителей всех этих стран волнует ситуация в США, если международным новостям в целом не уделяется большого внимания.

В этой связи очень интересным индикатором является то, насколько часто пресса упоминает свою страну по сравнению с другими странами G20. Мы уже отметили высокую вариативность интереса к различным странам, которая может зависеть от множества факторов. Потому более надежно сравнивать новости о себе не только с новостями о других странах, но и с новостями об одной самой упоминаемой стране. Для стран G20 это США, а для США — Китай. Второй индикатор будет представлять собой соотношение новостей о самой часто упоминаемой зарубежной стране к числу упоминаний своей страны.

Таблица 1 показывает, что печатная пресса различных стран мира уделяет разное внимание зарубежным новостям. Вверху таблицы находятся страны, пресса которых очень часто упоминает другие страны G20. Внизу таблицы расположены страны, СМИ которых, напротив, чаще упоминают свою страну. Россия занимает верхнюю строчку по показателю о соотношении числа упоминаний своей страны к самой популярной зарубежной стране: индекс 1,06 говорит о том, что в нашей выборке за 2018 г. США упоминались почти столь же часто, как Россия. Контрастный пример — Франция, где свою страну пресса упоминала в 24,7 раза чаще, чем США (остальные страны еще реже). Если смотреть на интерес СМИ к новостям о странах G20 в целом, то лидерами являются США и Южная Корея, где упоминания о других странах и о себе соотносятся чуть менее чем как 3 к 1. Для России этот индекс также сильно превышает средние значения и составляет 0,56. Одновременно с этим есть немало стран, чья пресса существенно чаще пишет о себе, а не о других (Франция, Индия, Мексика).

Таблица 1

СТЕПЕНЬ ВНИМАНИЯ ПРЕССЫ СТРАН G20 К СВОЕЙ СТРАНЕ И К ЗАРУБЕЖНЫМ СТРАНАМ

	Соотношение упоминаний о своей стране к упоминаниям самой популярной страны из G20	Соотношение упоминаний о своей стране к упоминаниям всех стран G20
Россия	1,06	0,56
Южная Корея	1,29	0,39
Китай	1,79	0,72
Канада	1,91	0,93
США	2,60	0,39
Саудовская Аравия	3,09	0,71
Германия	3,38	1,04
Бразилия	4,59	1,41
Турция	4,69	1,02
Австралия	4,80	1,28
Аргентина	5,03	1,25
Мексика	5,33	2,46
ЮАР	5,41	1,30
Япония	5,67	1,28
Великобритания	7,19	1,85
Италия	7,90	1,96
Индонезия	8,60	1,86
Индия	12,03	2,82
Франция	24,73	4,84
В среднем	5,85	1,48

Интересно, что между уровнем центральности в сети и вниманием к новостям в рассматриваемых странах нет значимой корреляции. Находящиеся в центре сети Франция и Великобритания больше пишут о самих себе, США и Россия чаще интересуются международными событиями. Находящиеся во внешнем круге Южная Корея и Саудовская Аравия много внимания уделяют странам G20, в то время как Индонезия и Мексика сравнительно чаще освещают внутренние события. Таким образом, действительно, в ведущих печатных изданиях разных стран можно увидеть фокус как на внутренней, так и на внешней повестке дня, что может объясняться как культурными особенностями, так и местом на политической карте мира.

Обсуждение результатов

Анализ прессы позволяет достаточно хорошо воспроизвести политическую и экономическую карту современного мира. В самом деле, США и Китай, находящиеся в центре сети, имеют в современном мире самое высокое влияние на экономическую и политическую повестку дня. Внимание СМИ к ним и их интерес друг к другу лишней раз подчеркивают это доминирующее положение. Интересно, что печатные СМИ достаточно точно воспроизводят современный политический порядок, помещая в центр внимания «Большую восьмерку» (кроме Италии) и оставляя остальные страны G20 (кроме Китая) на периферии. Это обстоятельство позволяет выдвинуть смелое предположение, что анализ глобального новостного потока в динамике и под различным углом может рассказать исследователям многое о том, как меняется соотношение сил на международной арене.

С одной стороны, Россия занимает вполне закономерное место в сети взаимных упоминаний. С другой — внимание к России непропорционально размеру ее экономики. Уникальной особенностью российской повестки дня является огромное внимание к США — ни одна другая страна G20 не пишет об американских событиях столь же много. Вероятной причиной этого является то, что образ США может иметь определенную функцию для внутренней политики нашей страны¹. Однако это внимание до определенной степени взаимно, ведь печатная пресса США в 2018 г. уделяла немалое внимание России. Этот эффект может быть и времен-

¹ Казун А.Д., Казун А.П. И не друг, и не враг: Дональд Трамп в российских СМИ // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 90–104.

ным, поскольку после избрания Трампа в США активно обсуждался вопрос о сотрудничестве команды американского президента с Россией, его российских бизнес-интересах, а также в контексте возможности влияния фейковых новостей на выборы². Кроме того, некоторый вклад в освещение России зарубежными странами мог внести чемпионат мира по футболу, проводившийся в 2018 г. в Москве. Время покажет, останется ли Россия в американской повестке дня в последующие годы, в том числе при следующем президенте.

В российских СМИ в последние годы наблюдались попытки конструирования образа Китая как ключевого азиатского партнера и возможного союзника для противостояния с США. Однако интерес российской прессы к Китаю не оказался взаимным. Если Китай для нас № 2, то для Китая Россия только № 7. Анализ глобального новостного потока показывает, что Китай может видеть для себя в качестве партнеров другие страны, такие как Япония, Великобритания, Канада, Франция и Германия. Если и можно говорить о сотрудничестве, то Россия является младшим партнером. Старшим же партнером Россия может являться в отношениях с Турцией и Саудовской Аравией, чья пресса весьма много внимания уделяет нашей стране.

Разумеется, нельзя и переоценивать возможности анализа СМИ. Этот инструмент имеет ряд ограничений. В настоящем исследовании мы рассмотрели только взаимные упоминания стран «Большой двадцатки», оставив за скобками характер этих упоминаний. Вместе с тем существуют не только количественные, но и качественные различия в освещении международных событий странами мира. Например, общественные телеканалы уделяют большее внимание основным зарубежным новостям (hard news), относящимся к политическим, экономическим и социальным проблемам, тогда как частные вещатели сильнее фокусируются на развлекательных новостях (soft news) о знаменитостях и спорте³. Важен и тон, в котором освещаются зарубежные государства. Россия и США часто упоминают друг друга в негативном ключе, интерес же США и Великобритании, вероятнее всего, обусловлен партнерством. Однако анализ тональности сообщений является отдельной задачей, которая не могла быть решена

² Hansen I., Lim D. Doxing Democracy: Influencing Elections via Cyber Voter Interference // Contemporary Politics. 2019. 25(2). P. 150–171. URL: <https://doi.org/10.1080/13569775.2018.1493629>.

³ Aalberg T. et al. Op. cit.

в данном исследовании, предполагавшем использование выборки прессы на 13 различных языках. Более детальный анализ характера упоминаний стран мира и выделение содержательных особенностей их освещения может стать перспективным направлением для дальнейших исследований. Другим возможным направлением анализа является рассмотрение динамики глобального новостного потока с тем, чтобы посмотреть, как менялись взаимодействия между различными странами мира.

Заключение

В настоящей работе впервые был проведен количественный анализ глобального новостного потока в странах G20. Для этих целей на основе ресурса Factiva по строгой выборке была собрана не имеющая аналогов база данных, предложена методика ее анализа. Используемая методика имеет высокий потенциал для дальнейшего изучения освещенных в данной статье вопросов.

Результаты исследования позволяют увидеть место новостей о России в международной повестке дня. Они показывают, какие страны проявляют высокий интерес к нашей стране, а какие остаются безразличными. Наконец, мы продемонстрировали, где этот интерес является взаимным, а где нет. Мы показали, что Россия относится к группе стран, СМИ которых больше внимания уделяют зарубежной повестке. Это говорит как о высокой вовлеченности России в международную политику, так и о значимости последней для конструирования общественного мнения в нашей стране.

Список литературы

1. *Aalberg T., Papathanassopoulos S., Soroka S., Curran J. et al.* International TV News, Foreign Affairs Interest and Public Knowledge // *Journalism Studies*. 2013. 14(3). P. 387–406. URL: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2013.765636>.
2. *Allen C., Hamilton J.* Normalcy and Foreign News // *Journalism Studies*. 2010. 11(5). P. 634–649. URL: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2010.502788>.
3. *Boudana S., Segev E.* The Bias of Provocation Narratives in International News // *The International Journal of Press/Politics*. 2017. 22(3). P. 314–332. URL: <https://doi.org/10.1177/1940161217704968>.
4. *Chang T.-K.* All Countries Not Created Equal to Be News: World System and International Communication // *Communication Research*. 1998. 25(5). P. 528–563. URL: <https://doi.org/10.1177/009365098025005004>.
5. *Chang T.-K., Shoemaker P., Brendlinger N.* Determinants of International News Coverage in the U.S. Media // *Communication Research*. 1987. 14(4). P. 396–414. URL: <https://doi.org/10.1177/009365087014004002>.
6. *Cohen A.* (eds.) *Foreign News on Television: Where in the World Is the Global Village?* New York: Peter Lang, 2013.
7. *DiMaggio A.* Selling War, Selling Hope: Presidential Rhetoric, the News Media, and U.S. Foreign Policy since 9/11. SUNY Press, 2015.
8. *Dupree J.* International Communication: View From ‘a Window on the World // *International Communication Gazette*. 1971. 17(4). P. 224–235. URL: <https://doi.org/10.1177/001654927101700403>.
9. *Fahmy Sh., Kim D.* Picturing the Iraq War: Constructing the Image of War in the British and US Press // *International Communication Gazette*. 2008. 70(6). P. 443–462. URL: <https://doi.org/10.1177/1748048508096142>.
10. *Gans H.* Deciding What’s News: A Study of CBS Evening News, NBC Nightly News, Newsweek, and Time // *Northwestern University Press*, 2004.
11. *Golan G.* Where in the World Is Africa?: Predicting Coverage of Africa by US Television Networks // *International Communication Gazette*. 2008. 70(1). P. 41–57. URL: <https://doi.org/10.1177/1748048507084577>.
12. *Guo L., Vargo C.* Global Intermedia Agenda Setting: A Big Data Analysis of International News Flow // *Journal of Communication*. 2017. 67(4). P. 499–520. URL: <https://doi.org/10.1111/jcom.12311>.
13. *Hansen I., Lim D.* Doxing Democracy: Influencing Elections via Cyber Voter Interference // *Contemporary Politics*. 2019. 25(2). P. 150–171. URL: <https://doi.org/10.1080/13569775.2018.1493629>.
14. *Hamilton J.* The (Many) Markets for International News // *Journalism Studies*. 2010. 11(5). P. 650–666. URL: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2010.502789>.
15. *Handley R., Ismail A.* Territory under Siege: ‘Their’ News, ‘Our’ News and ‘Ours Both’ News of the 2008 Gaza Crisis // *Media, War & Conflict*. 2010. 3(3). P. 279–297. URL: <https://doi.org/10.1177/1750635210364690>.

16. *Hawkins V.* Stealth Conflicts: How the World's Worst Violence Is Ignored. Ashgate Publishing, Ltd., 2008.
17. *Herman E.* The Media's Role in U.S. Foreign Policy // *Journal of International Affairs*. 1993. 47(1). P. 23–45.
18. *Ismail A., Yousef M., Berkowitz D.* 'American' in Crisis: Opinion Discourses, the Iraq War and the Politics of Identity // *Media, War & Conflict*. 2009. 2(2). P. 149–170. URL: <https://doi.org/10.1177/1750635209104652>.
19. *Kariel H., Rosenvall L.* Factors Influencing International News Flow // *Journalism Quarterly*. 1984. 61(3). P. 509–666. URL: <https://doi.org/10.1177/107769908406100305>.
20. *Kolmer C., Semetko H.* International Television News // *Journalism Studies*. 2010. 11(5). P. 700–717. URL: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2010.503020>.
21. *Lee C., Yang J.* Foreign News and National Interest: Comparing U.S. and Japanese Coverage of a Chinese Student Movement // *International Communication Gazette*. 1996. 56(1). P. 1–18. URL: <https://doi.org/10.1177/001654929605600101>.
22. *Liebes T.* Our War/Their War: Comparing the Intifadah and the Gulf War on U.S. and Israeli Television // *Critical Studies in Mass Communication*. 1992. 9(1). P. 44–55. URL: <https://doi.org/10.1080/15295039209366814>.
23. *Norrander B., Wilcox C.* Rallying around the Flag and Partisan Change: The Case of the Persian Gulf War // *Political Research Quarterly*. 1993. 46(4). P. 759–770. URL: <https://doi.org/10.2307/448929>.
24. *Norris P.* The Restless Searchlight: Network News Framing of the Post Cold War World // *Political Communication*. 1995. 12(4). P. 357–370. URL: <https://doi.org/10.1080/10584609.1995.9963084>.
25. *Ogden C.* Maggie: An Intimate Portrait of a Woman in Power. Simon & Schuster, 1990.
26. *Rosengren K.* Four Types of Tables // *Journal of Communication*. 1977. 27(1). P. 67–75. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1977.tb01798.x>.
27. *Segev E.* Visible and Invisible Countries: News Flow Theory Revised // *Journalism*. 2015. 16(3). P. 412–428. URL: <https://doi.org/10.1177/1464884914521579>.
28. *Tai Z., Chang T.-K.* The Global News and the Pictures in Their Heads: A Comparative Analysis of Audience Interest, Editor Perceptions and Newspaper Coverage // *International Communication Gazette*. 2002. 64(3). P. 251–265. URL: <https://doi.org/10.1177/17480485020640030301>.
29. *Wanta W., Golan G., Lee C.* Agenda Setting and International News: Media Influence on Public Perceptions of Foreign Nations // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2004. Vol. 81(2). P. 364–377. URL: <https://doi.org/10.1177/107769900408100209>.
30. *Wu D.* A Brave New World for International News? Exploring the Determinants of the Coverage of Foreign News on US Websites // *International Communication Gazette*. 2007. 69(6). P. 539–551. URL: <https://doi.org/10.1177/1748048507082841>.
31. *Wu H.* Systemic Determinants of International News Coverage: A Comparison of 38 Countries // *Journal of Communication*. 2000. 50(2). P. 110–130. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2000.tb02844.x>.
32. *Казун А.Д., Казун А.П.* И не друг, и не враг: Дональд Трамп в российских СМИ // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 1. С. 90–104.
33. *Казун А.Д.* Эффект «rally around the flag». Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 1. С. 136–146.

Молодые интеллектуалы: почему они уезжают из России и собираются ли вернуться?¹

Длительное время тема новой волны эмиграции из России не была в центре внимания исследователей. В основном обсуждались масштабы этого явления². Публиковались также результаты локальных исследований, посвященных жизни российских эмигрантов в разных странах: Франции, Израиле, Финляндии и др., в том числе их адаптации и самоидентификации³. В последнее время в научном и общественном дискурсе резко актуализировалась проблема утечки мозгов из России. После долгого перерыва появились большие исследования, посвященные этой теме. В част-

ности, монография Ш. Пуффер, Д. МакКарти и Д. Сатински *Hammer&Silicon: The Soviet Diaspora in the US Innovation Economy*⁴, доклад Дж. Хёрбста и С. Ерофеева «Путинский исход: новая утечка мозгов» Атлантического совета Соединенных Штатов⁵. В научном сообществе, прессе, социальных сетях активно обсуждались данные Всероссийского опроса общественного мнения, проведенного «Левада-Центром» в декабре 2018 г.: 17% жителей России хотели бы покинуть страну, а среди молодежи таких 41%⁶. Доля давших такие ответы очень слабо меняется от года к году, заметного роста не наблюдается: в 2012 г. ответили, что хотели бы уехать из России 20% респондентов, в 2015-м — 16%, годом позже — 19%. Практически такие же данные получены в результате опроса, проведенного Институтом Гэллага в декабре 2018 г., — 20% россиян хотели бы уехать из России⁷.

И, хотя по сравнению с предшествующими годами эмиграционные настроения изменились несущественно, а реально готовится к отъезду, как указывает Д. Волков, не более 1% россиян⁸, возникает представление, что действительно можно применить термин «ис-

¹ Выражаю благодарность Григорию Франгуриди, Кириллу Левинсону и Кириллу Борусяку за помощь в организации исследования.

² См., напр.: *Рязанцев С.В.* Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 84–94; *Рязанцев С., Письменная Е., Лукьянец А. и др.* Современная эмиграция из России и формирование русскоязычных сообществ за рубежом // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 6. С. 93–107; *Латова Н.В.* Утечка мозгов в системе институтов воспроизводства человеческого капитала современной России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/utechka-umov-v-sisteme-institutov-vosproizvodstva-chelovecheskogo-kapitala-sovremennoy-rossii>; *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3. № 3. С. 82–93; доклад М.Б.Денисенко «Эмиграция из бывшего СССР за последнюю четверть века» на научном семинаре в НИУ-ВШЭ 24 апреля 2019 г. URL: <http://www.liberal.ru/articles/7357>

³ См., напр.: *Грунт Е.В., Журавлева-Леенаф О.* Культурная идентичность русскоязычных эмигрантов в современной Франции // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Социальные науки*. 2015. Т. 10. № 4. С. 145–153. URL: <file:///C:/Users/lubov/Downloads/1793-3815-1-SM.pdf>; *Зборовский Г.Е., Широкова Е.А.* Ностальгия российских эмигрантов: пробный опрос в Финляндии // Социологические исследования. 2003. С. 75–79. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/782/909/1216/010.ZBOROVSKI.pdf>; *Климович Л.В., Лукичева Л.Ю.* Специфика социокультурной идентичности современных выпускников российских вузов, эмигрировавших за рубеж (по материалам Ульяновского региона) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. (University proceedings. Volga region. Social sciences)*. *Sociology*. 2017. № 3 (43). С. 98–106; URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifikasotsiokulturnoy-identichnosti-sovremennyh-vypusknikov-rossiyskih-vuzov-emigririrovavshih-za-rubezh-po-materialam>.

⁴ *Puffer Sh.M., MacCarthy D.J., Satinsky D.M.* *Hammer&Silicon: The Soviet Diaspora in the US Innovation Economy* // Cambridge University Press, 2018.

⁵ *Хёрст Дж., Ерофеев С.* Путинский исход: новая утечка мозгов. / Атлантический совет Соединенных Штатов, 2019. URL: http://publications.atlanticcouncil.org/putinskiy-iskhod/putinskiy-iskhod.pdf?fbclid=IwAR1ejwmkh52Vy-66bWHaR_ixDN6uQwgHbhpfiVv7L4GcuPmLKLtEiPybibhE (дата обращения 09.05. 2019).

⁶ URL: <https://www.levada.ru/2019/02/04/emigratsionnye-nastroeniya-3> (дата обращения 09.05.2019).

⁷ URL: https://news.gallup.com/poll/248249/record-russians-say-leave-russia.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication&fbclid=IwAR1zD1AACTwE pS31-euLE5ZCoFullcTe9JlqVlcS76uqzmZJYzoZn49inw

⁸ *Волков Д.* Конец антизападных настроений. URL: <https://planperemen.org/opinion/volkov/14022019>

ход населения». По-видимому, именно оценка эмиграционной ситуации как «исхода» во многом стала причиной роста исследований и публикаций на данную тему. На это прямо указывают авторы доклада «Путинский исход», отмечая, что «в 2017 году в США был достигнут самый высокий уровень обращений россиян за политическим убежищем за двадцать четыре года. При этом российская утечка мозгов удвоилась в 2015–2017 гг.»¹. Растет и число граждан России, участвующих в лотерее на получение вида на жительство США: с 2010 по 2018 г. оно увеличилось в 4,3 раза, составив в 2018 г. 434 тыс. чел., или 0,3% населения². Однако в докладе не обращается внимания, что это на порядок меньше, чем в ряде других стран постсоветского пространства. В частности, в 2018 г. в лотерее на получение американской грин-карты приняло участие 441 тыс. жителей Молдавии, где всего 3,55 млн жителей, 1450,5 тыс. жителей Украины, 2114,5 жителей Узбекистана. Хотя численность населения этих стран существенно меньше, чем в России, количество желающих эмигрировать намного больше. На это в докладе обратил внимание и заведующий кафедрой Института демографии НИУ-ВШЭ М. Денисенко: «Количество впервые выданных разрешений на проживание (в США. — Прим. авт.) практически не меняется для России. А что меняется, так это количество выданных разрешений на проживание для Украины. Совершенно гигантский рост, и эти выданные разрешения на проживания выдаются, главным образом, в одной стране — в Польше. А что касается России, то изменений здесь в общем-то, мы особых не видим»³.

Мне представляется, что называть современную эмиграцию из России «исходом» — заметное преувеличение, не говоря о том, что неизвестны реальные объемы этой эмиграции. По одним источникам, постсоветскую Россию покинули 10,6 млн жителей⁴, что явно сильно преувеличено, по другим — 4,5 млн человек⁵, а в докладе «Путинский исход» сообщается,

что эмигрантов от 1,6 до 2 млн⁶. Нередко критикуются официальные данные Росстата — за несоответствие действительности. Но точных данных не существует и не может существовать, поскольку огромное число россиян, уезжая на работу или учебу за рубеж, длительное время имеют только российский паспорт, но в дальнейшем не планируют возвращаться. Далеко не все остаются в других странах навсегда, некоторые расценивают отъезд как временный, и станет ли он постоянным, неизвестно даже им. Можно ли их считать эмигрантами? С другой стороны, увеличилось число людей, получающих гражданство других стран, но сохраняющих российское гражданство и проживающих в России. Второе гражданство они получают «на всякий случай», чтобы уехать из России, если политическая ситуация в стране станет для них неприемлемой, либо для того, чтобы посещать другие страны без визы. В общем, действительно точных данных нет и не может быть, только оценочные. Как отметил в докладе М. Денисенко: «Об эмиграции очень много говорят, очень много пишут, но эта тема действительно окутана таким туманом таинственности. И этот туман таинственности во многом связан с тем, что те оценки, которые публикуются, очень часто противоречивы»⁷.

О современной волне эмиграции (как бы ни понималось это слово) справедливо принято говорить как о высокообразованной, успешной, вызванной в большей мере не экономическими причинами, как прежде, а политическими и, в отличие от предыдущих волн эмиграции, протекающей в условиях открытых границ⁸. В монографии Ш. Пффер и соавторов отмечается: представители этой «волны эмиграции были успешными и в той стране, откуда они уехали»⁹. Добавим, что они живут в условиях широкого распространения Интернета и других современных технологий, которые делают мир все более глобальным.

Мы решили обратиться к представителям наиболее образованной части молодой российской эмиграции, чтобы выяснить их мотивацию к отъезду, особенности самоидентификации и культуры, активность общения с русскоязычным сообществом в новой стране проживания, с родными и друзьями в России; какие достоинства и недостатки молодые интеллектуалы находят в России и новой стране проживания.

¹ «Путинский исход». С. 7.

² URL: <https://travel.state.gov/content/dam/visas/Diversity-Visa/DVStatistics/DVApplicantEntrantsbyCountry%202010-2012.pdf>, <https://travel.state.gov/content/dam/visas/Diversity-Visa/DVStatistics/DVApplicantEntrantsbyCountry%202013-2015.pdf>, <https://travel.state.gov/content/dam/visas/Diversity-Visa/DVStatistics/DV%20AES%20statistics%20by%20FSC%202016-2018.pdf>

³ Денисенко М.В. Эмиграция из бывшего СССР за последнюю четверть века. С. 10.

⁴ URL: <https://www.proekt.media/research/statistika-emigration/>

⁵ URL: <https://www.interfax.ru/russia/531362>

⁶ «Путинский исход». С. 1.

⁷ «Путинский исход». С. 2.

⁸ Там же. С. 1.

⁹ Puffer Sh.M., MacCarthy D.J., Satinsky D.M. Op. cit. P. 140.

Эта группа кажется наиболее интересной, поскольку, когда говорят и пишут об утечке мозгов, обычно считают самым важным истораживающим то, что массово уезжает наиболее образованная и активная молодежь и её отъезд негативно скажется на будущем России. «Молодыми интеллектуалами», «элитой» мы с некоторой долей условности называем респондентов, потому что им удалось поступить на обучение в аспирантуру или магистратуру в университеты, занимающие топ-позиции в мировом рейтинге (Гарвард, МИТ, Стэнфорд, Лондонская школа экономики и пр.), выдержав конкуренцию с сотнями претендентов не только из страны, где находится университет, но и из других стран, либо потому что они начали работать в ведущих мировых компаниях, что не менее сложно. После окончания аспирантуры они имеют возможность получить профессорские должности или постдок в престижных университетах Европы, США, Канады, Австралии и пр.

Описание исследования и ограничения выборки

Для проведения исследования мы составили и опубликовали онлайн-анкету, состоящую из 48 открытых вопросов. Для набора респондентов обратились к знакомым молодым людям, имевшим широкие связи с представителями интересующей меня группы или к ней принадлежащим, а именно к выпускникам лучших российских вузов, продолжившим образование в топ-университетах США и Европы или нашедшим там работу. Всего получили 200 адресов в социальной сети Facebook, по которым разослали ссылку на опубликованную онлайн-анкету с приглашением принять участие в исследовании. Мы также просили респондентов дать ссылку на вопросник друзьям и знакомым, что некоторые из них и сделали, то есть был использован также и метод «снежного кома».

В связи с таким способом набора респондентов и небольшим их числом, хочется обратить особое внимание на методологический статус исследования и его результатов. Из сказанного выше ясно, что это не разновидность массового опроса, то есть количественного исследования, и здесь не релевантен привычный вопрос о репрезентативности выборки. Задача построить репрезентативную относительно какой-либо генеральной совокупности выборку не ставилась и не решалась. Исследование не имело цели произвести какие-либо статистически значимые измерения и оценки.

По характеру решаемых задач это зондажное культурологическое исследование, а по целям и характеру получаемой информации оно носит признаки качественного. Его цель — выяснить, что происходит с ценностями представителей одной из субэлитных групп, в связи с отъездом из России выпавших некоторое время назад из российской повседневности и погрузившихся в западную академическую и бытовую среду, в какие конфигурации и смысловые конструкции эти ценности вступают в сознании молодых людей. Основные выводы, которые позволяют сделать результаты исследования, касаются некоторых базовых паттернов российской культуры, их способности меняться и противостоять изменениям в ситуации контакта с иной культурой.

Всего на вопросы анкеты ответили 115 человек: 44% мужчин и 56% женщин. 19% уехали из России не более двух лет назад, 3–4 года — 29%, 5–6 лет — 18%, 7–9 лет — 18%, 10 лет и ранее — 16%. 2/3 респондентов — не старше 30 лет. Половина участников опроса состояла в браке, и только у 30% были дети. Более половины респондентов указали, что придерживаются либеральных политических взглядов. Остальные либо сообщили о своей политической нейтральности, либо придерживаются других политических взглядов.

Большинство участников исследования — выпускники МГУ, НИУ-ВШЭ, МФТИ, РЭШ, СПбГУ, НГУ¹, то есть наиболее престижных российских вузов. По два-три респондента — выпускники РГГУ, Финансового университета, РУДН, МГИМО. Среди них есть получившие в России гуманитарное (35%), экономическое (27%), математическое, физическое образование, программисты (в сумме 28%) и др.

Более половины (57%) приехали в другие страны (США, Германию, Великобританию, Нидерланды и пр.) для учебы в аспирантуре или магистратуре, остальные для работы или по другим причинам. Привлекательными для наших респондентов являются те же страны, в которые стремятся приехать продолжить образование или получить работу молодые интеллектуалы со всего мира. В этом плане наши вполне успешно включились в общемировые процессы.

¹ Отмечу, что наиболее успешные эмигранты из СССР и России, интервью с которыми приведены в книге Ш. Пуффер и соавторов, как и многие из наших респондентов, в основном окончили МГУ, СПбГУ, МФТИ и НГУ, лояльность которым сохранили на всю жизнь. В частности, Физтеху в монографии посвящена целая глава (здесь же, с. 79). В постсоветское время число университетов, дающих столь же высокий уровень образования, расширился очень незначительно: к упомянутым вузам добавились НИУ ВШЭ и РЭШ.

О полученном в России образовании большинство участников исследования придерживаются высокого мнения: 38% назвали его отличным, 26% очень хорошим (в сумме 2/3), 30% — хорошим, и лишь 6% оценили его как среднее. Почти 3/4 респондентов уверены, что в лучших российских вузах можно получить образование мирового уровня, но добавляют, что таких вузов очень мало. Преимущественно это университеты, перечисленные выше. Чаще всего, что было характерно и для советского времени, наиболее высокие оценки дали имеющие математическое образование, образование по естественным наукам, IT-технологиям, а также, и это новое явление, экономисты. К числу университетов, дающих высококачественное образование, котирующееся за рубежом, в постсоветское время добавились только НИУ-ВШЭ и РЭШ (число выпускников ЕУ СПб и МВШСЭН невелико, поэтому они не попали в наше исследование). Если в советское время у выпускников экономических вузов не было шансов достичь высоких позиций в фирмах и университетах США (в исследовании Ш. Пуффер они отсутствуют полностью), то сейчас экономическое образование в лучших российских вузах дает для этого хорошие шансы. Это подтверждают и высокие позиции некоторых российских университетов в рейтингах по отдельным направлениям обучения. Так, по направлению «Экономика и эконометрика» НИУ-ВШЭ входит во вторую половину первой сотни мирового рейтинга¹, РЭШ и МГУ — в первую половину второй сотни. По обучению математике МГУ находится на 34-й позиции, в первую сотню по математике входит и СПбГУ. По обучению физике МГУ занимает очень высокую, 26-ю, позицию, в топ-сотню входят также МФТИ и МИФИ.

При этом практически все, кто не считает свое образование отличным или очень хорошим, либо выпускники не топ-вузов, либо респонденты (преимущественно женщины), имеющие гуманитарное образование или образование по социальным наукам. Убежденность в высоком уровне своего образования очень важна для представителей этой группы, поскольку придает им уверенность в полном праве учиться в аспирантуре или магистратуре ведущих мировых вузов или работать в крупнейших международных компаниях. «Я здесь по праву!» — в этом уверено большинство опрошенных, не страдающих комплексом социальной неполноценности.

¹ URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2017/economics-econometrics>

Почему они уехали и собираются ли вернуться?

Известно, что появление этой волны высокообразованной эмиграции лишь в незначительной степени связано с экономическими причинами, как, например, в 1990-е. На это обращают внимание и в монографии Ш. Пуффер и соавторов, и в докладе «Путинский исход». Эта причина не была главной и для наших респондентов. Чуть более половины указали, что просто хотели продолжить обучение в престижной магистратуре и на PhD. По их мнению, в отличие от бакалавриата и отчасти магистратуры даже лучшие аспирантуры университетов России не дают такого уровня подготовки, как высокорейтинговые университеты других стран, особенно США. К тому же диплом PhD или магистратуры хороших зарубежных вузов расширяет территориальные возможности для работы в науке и бизнесе. Мир становится для них более доступным. Вторым по количеству ответов вариантов было желание поработать в крупной мировой фирме. Остальные хотели или посмотреть мир, или получить новый опыт и новые впечатления, либо вышли замуж (женились) за иностранцев: «Мы (семейная пара. — Прим. авт.) уехали не столько потому, что не нравится текущее положение дел в российской экономике и политике, но и просто потому, что интересно пожить в другой стране, расширить горизонты, приобрести новый опыт»².

Были и те, кто уехал по политическим мотивам, но их немного, в основном они покинули Россию после 2014 г. До этого политика не играла большой роли для принятия решения об отъезде. В этом наши данные отличаются от мнения авторов «Путинского исхода», которые полагают, что переломным моментом стал 2012 г., когда прошли массовые протестные акции в Москве и других городах, а Владимир Путин был избран президентом на новый срок³. Как сказано в докладе, «с этого времени ежегодная эмиграция стала превышать самые высокие показатели начала 2000-х». Возможно, для других групп эмигрантов это так, но динамика числа заявок на грин-карту это не подтверждает: резкий скачок произошел позже. Если в 2015-м, по сравнению с 2013-м, рост числа заявок составил 25%, то с 2016 по 2018 г. — на 58%. Хотя часть респондентов, большинство которых придерживается либеральных политических взглядов, участвовала в протестных акциях, гораздо больше на их желание уехать оказало влияние присоединение Крыма и ситуация вокруг

² Здесь и далее цитаты их анкет даются курсивом.

³ «Путинский исход». С. 21.

Украины, а события 2012 г. стали важным, но не решающим фактором. Было всего несколько ответов, где указывалось, что желание уехать появилось после того, как безрезультатными оказались протестные акции 2011–2012 гг. В то же время многие респонденты писали, что уезжали не по политическим причинам, но именно после Крыма их желание остаться в другой стране резко выросло: *«Я уезжал сугубо по академическим причинам. Политическая ситуация скорее влияет на оценку вероятности возвращения»*, *«На момент отъезда — нет. Сейчас обстановка заставляет думать о том, что не хочется возвращаться ни при каких обстоятельствах, даже ради очень больших денег»*. Многие, указав, что, уезжая, не рассматривали отъезд как окончательный, дальше добавляли, что после 2014 г. их мнение изменилось, они уже не хотят возвращаться в Россию.

Только 36% указали, что в момент отъезда решающим фактором была экономическая и/или политическая ситуация в России. Эти факторы отчасти повлияли на желание уехать у каждого шестого, и практически половина не связывала свой отъезд ни с экономической, ни с политической ситуацией в России. Те, кого не удовлетворяла экономическая ситуация, чаще всего ссылались на неустойчивость курса валют, плохое состояние финансового сектора, низкие зарплаты в науке, плохое оснащение лабораторий и пр. Что касается ситуации политической, то их не устраивало очень многое: отсутствие *«базовых конституционных прав, таких как свобода слова и свобода собраний»*, *«тоскливая политическая ситуация (отсутствие моего представителя в Думах государственной и московской)»*, *«Политическая ситуация вызывала постоянное ощущение затхлости»*, *«несвобода и сокращение возможностей для выражения независимой точки зрения. Политические риски»* и пр.

Тем не менее у большинства из них не было страха перед собственным будущим в России. Отвечая на вопрос: *«Как вы считаете, могли бы вы раскрыть свои способности и достичь карьерного успеха в России?»*, 60% респондентов дали положительный ответ, по 20% ответили, что не уверены либо ответили отрицательно. Только каждый пятый был уверен, что для того, чтобы добиться успеха в желаемой сфере, нужно уехать из России. Они полагали, что могли бы достичь успеха как в науке, так и в бизнесе, консалтинге, финансах, IT-сфере. Некоторые даже отмечали, что в бизнесе и науке на Западе такой высокий уровень конкуренции, что сделать карьеру в России проще. Те, кто написал, что мог

добиться успеха только отчасти, отмечали, что в России, особенно в науке, возможности неплохие, но значительно ниже уровень оплаты.

В качестве контрольного был задан проективный вопрос: *«Согласны ли с распространенным мнением, что для высокообразованной молодежи в современной России нет возможности проявить себя в полной мере?»*. Ответы на него разделились на три примерно равные части: отрицательно ответили 33%, частично отрицательно — 38%, положительно — 29%. Только около трети молодых высокообразованных участников исследования полагают, что в России они бы не состоялись, что для этого им нужно было ее покинуть, и 28% полагают, что их положение в карьерном плане, в плане возможностей предпочтительнее, чем у их друзей, оставшихся в России. Остальные думают, что находятся примерно в равных условиях либо что у них и их российских друзей есть свои преимущества и свои сложности. Чаще всего это объясняют тем, что человек с хорошим образованием успешен и может раскрыть свои возможности везде, в том числе и в России, тем более таких людей мало: *«Нет, такие возможности в России есть. Просто доля такой молодежи слишком мала. У моих однокурсников не было проблем с трудоустройством, но у тех знакомых, что поступили в университет рангом пониже, они есть. В других странах все более равномерно»*. Или вновь отмечают, что уровень конкуренции во всех сферах в России ниже, а потому людям с такими сильными исходными данными (уровень образования) эта конкуренция не страшна. Другое дело, что сам бизнес в России — опасное занятие, а потому шансы уравниваются: *«В России есть преимущества в том, что меньше конкуренция. Но при этом приходится работать с не очень мотивированными людьми. В США больше возможностей для самореализации во многих сферах, но приходится каждый день конкурировать с очень достойными и образованными людьми со всего света»*.

Если только 1/4 респондентов, уезжая, были уверены в окончательности отъезда из России, то на момент опроса ситуация изменилась: число нежелающих возвращаться удвоилось, уже половина опрошенных заявила, что их возвращение в Россию невозможно или маловероятно, причем в значительной степени из-за политических изменений в стране. Не готовых вернуться ни при каких обстоятельствах почти столько же, сколько на момент отъезда, — 30%, но к ним добавилось почти 20% тех, кто утверждает, что мог бы пересмотреть эту

возможность, если изменится политическая ситуация. Только вот в такую возможность они не верят: *«Если сменится режим и новое правительство будет ориентировано на демократические принципы и развитие высшего образования», «Когда все чекисты будут осуждены», «Когда будет прогресс в политической ситуации (сменяемость власти, политическая конкуренция), реформа судебной системы, снижение доли участия государства в экономике», «Смена режима», «Смена власти»* и пр. Тема «смены режима» как фактор возможности вернуться оказалась наиболее популярной, но казалась практически не реалистической.

Благоприятные же экономические обстоятельства для менее политизированной части респондентов действительно могут способствовать их желанию вернуться в Россию: *«Я думаю, что временное возвращение на год-два (у автора «год-два» выделено курсивом. — Прим. авт.) при условии классного предложения по работе было бы возможно», «Да, если предложат интересную и очень хорошо оплачиваемую работу в Москве», «Да, думаю вернуться через пару лет. Когда получу гражданство США и если будет возможность реализации в России», «При одинаковых карьерных возможностях (чисто гипотетическая ситуация) (чисто гипотетическая ситуация) автором выделена курсивом. — Прим. авт.) я бы предпочел Россию», «Если условия для работы и жизни в Москве будут такие же, как сейчас в США, то я вполне могу вернуться».*

Эти люди действительно могут вернуться в Россию, если получают хорошие, более предпочтительные, чем за рубежом, условия, но не рассматривают такой вариант как окончательный — так же, как многие, которые не считают конечной остановкой страну нынешнего проживания: пожив в другой стране и в большинстве случаев не воспринимая себя иммигрантами, они не считают и Россию страной, в которую могут вернуться навсегда. Пожив длительное время в другой стране, они в большинстве случаев вообще перестают считать нормой жить в любой стране, включая Россию, всю жизнь. Возможности широки, рынок предложений кажется почти безграничным. В этом смысле они действительно становятся людьми мира, причем для них очень важно, чтобы это был мир, не ограничивающий их свободы, в том числе свободы места проживания и работы. Нашлось несколько респондентов (почти все девушки), которые заявили, что уезжали из России временно и обязательно вернутся.

Как вас теперь называть: неопределенность понятия «эмиграция» в современном мире

Когда мы говорим об эмиграции, обычно вкладываем в это понятие традиционный смысл: смену одной страны постоянного проживания (родины) на другую. Примерно так трактуется это понятие и в научной литературе. Между тем в глобальном мире это понятие утратило определенность. Уезжая из России учиться или работать, только 1/4 респондентов уверены, что это окончательный отъезд. Остальные ответы распределились почти поровну: половина респондентов считает, что уезжают временно, вторая вообще над этим не задумывалась.

В условиях глобализации рынок образования и профессиональной деятельности для молодой интеллектуальной элиты значительно шире рамок национальных границ. Это совсем не похоже на прежнюю ситуацию, когда эмигранты «сжигали все мосты», пересекая границу. Особенно интересны ответы тех, кто вообще не задумывался, как надолго уезжает, отправляясь учиться или работать в другую страну. Казалось бы, речь идет о судьбоносном решении — смене страны, основного языка, образа жизни и пр., но они не воспринимают его как важнейшее в жизни. Вот как охарактеризовал свой переезд один из респондентов: *«Я бы сказал, что переезд из Москвы в Берлин не сильно отличается от переезда из Москвы в Новосибирск. Разве что условия жизни в Берлине сильно лучше».* Были и те, кто, после школы отправившись учиться в московский вуз, переживали сильнее, чем теперь, когда переехали в США или Нидерланды. Тогда они впервые уехали из дома, им нужно было учиться жить самостоятельно. Теперь они это умеют, они повзрослели, а потому смена страны не стала для них серьезным потрясением. Да, были сложности, прежде всего связанные с недостаточным знанием бытового иностранного языка (академический они знают), с новыми бытовыми сложностями, различием менталитетов, но это не очень пугало. Главное — смена страны проживания не воспринимается многими высокообразованными молодыми респондентами как пороговое, чрезвычайное событие, это одна из нормальных траекторий жизни, со своими сложностями и радостями. Мир глобален, и это воспринимается как норма. В этом смысле для многих современных молодых людей возможность поменять жизнь, уехав за границу, — это не эмиграция в традиционном понимании, а часть нормального образа жизни современного человека, принадлежащего к их социальной группе.

Как уже отмечалось, половина опрошенных утверждает, что их отъезд из страны не был связан с невозможностью себя реализовать в России, а также с плохой экономической и политической ситуацией в стране. Им просто хотелось продолжить образование в университете мирового уровня или найти более интересную и перспективную работу. Они полагают, что, пока открыты границы, не обязательно заглядывать далеко, можно будет определиться потом.

И, поскольку им не всегда требуется переосмысливать или проблематизировать свой новый статус, не обязательно давать ему и какое-то определение. Традиционное самоназвание «эмигрант» кажется многим из них устаревшим, относящимся к далеким (с их точки зрения, в силу возраста) временам, когда человек, уехавший в другую страну, терял связь с родными и друзьями, часто не имел возможности не только с ними видеться, но и переписываться, оказываясь один в новом, неизвестном мире. Сейчас ситуация кардинально иная. Во-первых, абсолютное большинство респондентов ехали не на «пустое» место: они уже поступили в университет или нашли работу, некоторые женщины ехали к мужу-иностранцу. Во-вторых, они знали, какие доходы будут иметь: в основном скромные (особенно у PhD-студентов), но достаточные для жизни. В-третьих, к моменту отъезда многие уже зарегистрировались в русскоязычных сообществах в социальных сетях и там получили информацию об особенностях поиска жилья и о решении прочих бытовых сложностей. В-четвертых, большинство из них отправлялись в те места (особенно в университеты, на работу в крупных компаниях), где их ждало русскоязычное окружение. В-пятых, современные технологии позволяют им при желании постоянно общаться с родными и близкими в России. Все это настолько не укладывается в привычный образ эмигранта, что большинство не переносит на себя это понятие. Эмигрантами, иммигрантами и экспатами назвала себя в сумме только четверть опрошенных, часть из которых молодые люди, уехавшие по принципиальным политическим мотивам, женщины, вышедшие замуж за иностранцев, и выпускники школ, уехавшие в другую страну на ПМЖ вместе с родителями, которые и приняли решение об отъезде.

Часть респондентов не называют себя эмигрантами и по формальным причинам: они могут длительное время жить в другой стране, оставаясь гражданами России и не имея вида

на жительство (например, студенты PhD). После окончания учебы им снова предстоит решать вопрос о стране проживания. Как сказал нам во время интервью студент PhD, не ответивший на вопросы анкеты: «*Мой дом там, где моя работа*». Но главная причина, почему относительно немногие называли себя эмигрантами, — возможность вернуться в Россию, отсутствие привязки к жизни в какой-то конкретной стране, стремление сохранить как базовую основу свою первоначальную идентичность.

Еще 1/4 определили себя студентами, или профессорами, или просто временно проживающими в другой стране. При этом о своем статусе студента или профессора писали только мужчины, а о себе как о временно проживающей — женщины. А почти половина респондентов либо никогда над вопросом «кто я теперь?» не задумывались либо не могли дать определение своему статусу, а потому давали самые разнообразные ответы на этот вопрос: «*Охарактеризовал бы себя как представителя глобального рынка труда, который может работать где угодно, оставаясь гражданином РФ*», «*Эмигрантом себя если и называл, то в шутку. В академии нет таких жестких границ, я себя воспринимаю прежде всего как российского ученого, который базируется в США/Канаде*», «*Молодой специалист международного уровня*», «*гражданин мира*», «*Мы — россияне, живущие за границей. Эмиграция звучит как что-то с потерей связи со отправившей страной, это совсем не так*», «*Я не считаю себя эмигрантом, никто из знакомых, живущих в России или за рубежом, не употребляет это слово. Я считаю себя просто русской студенткой во Франции*».

Интересно, что немало тех, кто вообще никак себя не называет, не проблематизируя свой статус: «*Никак себя бы не охарактеризовала. Переезжать из одного города в другой или из страны в страну за работой — это обычная жизнь, тут не нужно отдельное слово*». То есть какое-то слово, специальный маркер необходим в том случае, если норма нарушается, а это «обычная жизнь», то есть часть нормы.

Достигшие высочайшего профессионального и статусного роста респонденты из монографии Ш. Пуффер и ее соавторов свою идентичность описывали более определенно, хотя и для них этот вопрос оказался сложным¹, некоторые делали это через этническую принадлежность (в основном еврейскую, что касалось

¹ Пуффер Ш. и соавт. Указ соч. С. 324–370. Тема идентичности эмигрантов посвящен большой раздел монографии.

эмигрантов из СССР и отчасти уехавших в начале 1990-х). Среди наших респондентов таких по понятным причинам не оказалось, поскольку современная интеллектуальная эмиграция не носит этнического характера, имеет общие для всех основы¹. Другие указывали смешанную русско- (российско-) американскую или американско-русскую (российскую) идентичность², были и те, кто называл себя русскими (россиянами), причем даже долго прожившие в США: «Я русская, я всегда буду русской по национальности и по идентичности»³.

Среди участников данного исследования никто не указал на полную связь своей идентичности со страной нового проживания. Наверное, отчасти это связано с тем, что большинство живет в новой стране не настолько долго, чтобы новую идентичность сформировать, но многие к этому и не стремятся. Как сказал один из экспатов в интервью: «Зачем мне их культура, когда у меня есть своя?», а идентичность, несомненно, связана с культурной принадлежностью: как показало исследование, это главное ее основание. Язык и культура, но не национальность и религия — основы идентичности молодых участников исследования. Отмечу, что в исследовании приняли участие не только этнически русские, однако этнический фактор не имел значения.

О своей смешанной идентичности сообщил каждый седьмой респондент (преимущественно это девушки, в том числе вышедшие замуж за иностранцев): «Думаю, что 50/50. Конечно, я остаюсь носителем русского языка, а это уже большая часть русской культуры», «70/30», «Культура — это очень большое слово. Я продолжаю праздновать Новый год, но при этом отмечаю и католическое Рождество. Я говорю со своим ребенком по-русски, а с мужем по-английски. Я считаю себя русской, но при этом абсолютно комфортно чувствую себя гражданкой этой страны», «Я в шпегате — это и плюс, и, наверное, где-то минус», «Я уже ни та, ни та. Чувствую весомое влияние обеих культур. Стараюсь осознанно выбирать лучшие стороны обеих. Это процесс». Чуть больше (18%) тех, кто объявляет себя гражданином мира либо считает, что Россия — это часть Европы и есть общая европейская культура: «Обе культуры европейские. Не могу сказать, что ценности сильно разные», «В моей жизни было много переездов, считаю себя

космополитом», «Я носитель современной интернациональной либеральной (в противовес консервативной) культуры», «Я европеец, был и остался» и пр.

Но абсолютное число респондентов (почти 70%) считают себя носителями русской культуры, на ней базируется их идентичность, от которой они не стремятся отказаться, большинство эту идентичность ценит и хочет сохранить: «Представителем русской культуры. Хотя я читаю американскую литературу, слушаю американскую музыку и смотрю американские фильмы. Но больше уделяю внимание тому, что происходит в российском обществе, читаю русскую литературу и слушаю российскую музыку», «Безусловно, я чувствую связь только с русской культурой. Мое сердце резонирует с русской литературой, с русской музыкой. Я знаю точно свою нишу в русском обществе», «Остаюсь и планирую остаться русской», «Я остаюсь и останусь русским, конечно, у меня русский подход к работе и к творчеству и это в том числе позволяет мне добиваться здесь успеха», «Я носитель русской культуры и не планирую это как-то менять», «Я носитель русской культуры. Это заключается в первую очередь в языке, а затем уже в воспитании: отношении к работе, семье, окружающим людям, деньгам и богатству, счастью и т.д.».

На момент опроса половина респондентов состояли в браке, в основном со своими соотечественниками. На вопрос, с кем лучше вступать в брак (с русскими или представителями страны нынешнего проживания), абсолютное большинство респондентов ответили, что это не имеет значения, поскольку главное — любовь, но каждый пятый (в основном мужчины) полагает, что лучше вступать в брак со своими, поскольку общий менталитет имеет важное значение. Были и ответы, тоже мужские, что в другой стране вообще сложнее найти себе пару, создать семью. При этом они хотят, чтобы их дети (имеющиеся или будущие) знали русский язык, были знакомы с русской культурой. Многим кажется, что иначе произойдет социокультурный разрыв: «Безусловно, хотел, чтобы дети знали русский язык и культуру. Чтобы я мог с ними полноценно общаться, чтобы они лучше понимали меня», «Да, хочу. И не представляю себе родителей, которые хотели, чтобы их дети не были на них похожи», «Я хотел, чтобы мои дети знали языки и культуру страны родителей (и это в каком-то смысле обязанность родителей)». Были даже такие ответы: «Если дети появятся, то хотелось, чтобы они стали русскими людьми», то есть не только хочется сохранить свою базо-

¹ Среди респондентов было очень мало людей, уехавших в Израиль, но и они уехали не по этнической или религиозной причине.

² Пуффер Ш. и соавт. Указ соч. С. 334–337.

³ Пуффер Ш. и соавт. Указ соч. С. 339.

вую идентичность, но и передать ее детям, даже если они никогда не будут жить в России.

Другим кажется, что русская культура так ценна, что, не восприняв ее, дети много потеряют: *«Однозначно хотел, чтобы они имели представление о русской культуре, так как считаю ее бесценным вкладом в мировую культуру», «Я буду прилагать все усилия, чтобы в будущем мои дети говорили на русском языке и ценили великую русскую культуру»* и пр. Некоторые дают более прагматичное объяснение, полагая, что принадлежность к двум культурам создаст детям дополнительные преимущества. Другое дело, что практически все понимают, что дети неизбежно ассимилируются, живя вне России, хотя они этого или не хотят.

Одна из респонденток написала, что только в новой стране она почувствовала себя русской, носительницей русской культуры, осознала свою идентичность. Для молодых, высокообразованных экспатов это понимание, в отличие от самоназвания (эмигрант, экспат и пр.), очень важно. Оно позволяет им при переезде в любую страну не терять идентичности и чувствовать себя уверенно. Выше отмечалось, что эту уверенность им придает полученное в России хорошее образование. Вторым фактором для них является принадлежность к русской культуре, которую они ценят очень высоко, это тоже важный якорь. Для абсолютного большинства такие якоря играют важную роль. И это не только чувство принадлежности к культуре, но и общение с русскоязычными друзьями в стране проживания, с родными и (в меньшей степени) друзьями в России. На это обращают внимание и авторы доклада «Путинский исход»: опрошенные ими эмигранты «демонстрируют интенсивные связи со страной исхода. Использование современных средств коммуникации помогает эмигрантам оставаться на связи с семьей и друзьями»¹. О тесных связях с представителями оставшейся в России семьи и русскоязычной диаспоры в США сообщается и в монографии Ш. Пуффер и соавторов, и эти связи сохраняются десятилетиями².

Связи с русскими и связи с Россией

Преимущественно русская идентичность предполагает общение с соотечественниками как личное, так и с помощью интернет-технологий. И действительно, многие участники опроса (62%) сообщили, что они активно общаются с соотечественниками в стране своего

проживания, не очень много — 13%, мало — 20% и только для 5% это не имеет значения. Такая высокая доля тех, у кого есть возможность общаться в новой стране с соотечественниками на русском языке, связана с особенностью группы. Они преимущественно либо учатся в университетах, либо работают в крупных компаниях. В обоих случаях это места, где присутствуют представители разных стран, в том числе выходцы из России.

Среди тех, кто общается не очень много или мало, значительную часть составляют молодые люди, оказавшиеся вне русскоязычной диаспоры: *«Не общаюсь почти по-русски, не с кем», «Не очень много в силу отсутствия русского окружения. Но всегда очень рада познакомиться с интересным русскоязычным человеком. Все равно на английском не получится разговаривать с такой глубиной оттенков, как на русском. Этого очень не хватает»*. Они бы хотели общаться с соотечественниками, но не имеют такой возможности. Среди них есть женщины, которые вышли замуж за иностранцев, живущие в небольших европейских городах.

Принципиально стремящихся избегать тесного общения с соотечественниками немного: *«Мало общаюсь и не ищу общения с русскими. Это не имеет значения. Напротив, часто, общаясь с русскими, я сталкиваюсь с тем, от чего, в конце концов, я уезжал. Я не понимаю, зачем люди уезжают, если они начинают строить Россию вокруг себя заново»*. Это маргинальная позиция, она характерна для части уехавших или вынужденных уехать из России по политическим мотивам, считающих себя эмигрантами, изначально не желавших вернуться в Россию и ориентированных на смену идентичности.

С другой стороны, есть и те, кто вне университета или работы общаются преимущественно и даже только с русскими, выстраивают вокруг себя ту самую «маленькую Россию»: *«Я в основном общаюсь с русскоговорящими вне работы», «Эмоционально насыщенное общение практически полностью с русскоязычными», «Я почти с ними только и общаюсь»*. Такое общение для них психологически комфортно, но в этом чувствуются явные элементы эскапизма, нежелания принять и интериоризировать новую культуру, новый образ жизни, то есть получить бонусы от жизни в другой стране и дополнительные возможности, но не меняться самим. Об этом открыто свидетельствуют некоторые ответы респондентов: *«Я полностью адаптирован к жизни в другой стране, но не ощущаю принадлежности к ее судьбе и к ее обществу», «Я точно адапти-*

¹ «Путинский исход». С. 11.

² Пуффер Ш. и соавт. Указ соч.. С. 368.

ровался, но не могу сказать, что я чувствую принадлежность к жизни тут. Меня до сих пор больше волнуют новости из России, чем новости из США, я чувствую и понимаю российские проблемы острее, чем американские».

Здесь мы видим стремление разделить жизнь частную (пусть она остается привычной, такой, как в России) и жизнь профессиональную. Проявляется это и на уровне языка: бытовой русский сочетается с профессиональным английским или другим языком страны проживания. В той или иной степени бытовое общение на русском языке характерно для большинства участников опроса. Это один из якорей, позволяющих сохранять изначальную идентичность.

Что касается общения с русскими в России и других странах с помощью интернет-технологий, то у большинства оно идет весьма активно. О частом и регулярном общении с родными и близкими, оставшимися в России, сообщили 3/4 респондентов. Для этого используют социальные сети, Skype, WhatsApp и другие мессенджеры. При этом с годами родственные связи не слабеют, активность общения практически не меняется. Общаются и с друзьями из России, но многие пишут, что с годами это происходит реже. Постепенно в новой стране проживания складываются новые дружеские связи, появляются новые друзья. Но связи с самыми близкими друзьями нередко сохраняются, особенно если экспаты время от времени приезжают на родину. Тогда личные встречи несколько активизируют дружеские отношения. Родственные связи сохраняются и на расстоянии, даже если не подкрепляются эпизодическим личным общением. Если связи с родными изначально, еще в России, были близкими и тесными, молодые экспаты стремятся при возможности совершать визиты в Россию. Особенно сильно скучают по родным девушки. Можно предположить, что связи с родителями, бабушками и дедушками более устойчивы, чем связи дружеские, поскольку не предполагают возможности их замены.

Еще один фактор поддержания связи с родиной и сохранения идентичности — интерес к информации о событиях, происходящих в России. Абсолютное большинство респондентов (3/4) продолжают активно следить за новостями из России, каждый шестой следит, но не так регулярно. Для некоторых события в России в течение многих лет остаются более важными, чем новости в стране проживания. Отчасти слабый интерес к новостям в новой стране связан с

тем, что они не уверены, что не переедут в другую страну. Но в большей мере это определяется все-таки преобладанием российской идентичности, блокирующей новый интерес. Не случайно часть респондентов публикуют в социальных сетях свои оценки и анализ событий, происходящих в России. Адресатами при этом являются как их друзья из России, так и русскоязычные знакомые из других стран, своего рода виртуальная диаспора. Иногда это касается даже разбора матчей российской футбольной лиги. Понятно, что информацию о российской жизни они получают из интернет-СМИ. Поскольку среди участников исследования много молодых людей с либеральными взглядами, наиболее популярными ресурсами оказались социальные сети, где в друзьях преимущественно единомышленники, YouTube (в том числе YouTube-канал Навального) и «Медуза», некоторые смотрят телеканал «Дождь», читают новостные ленты, определенные газеты: *«Внимательно слежу. В основном через социальные сети. Также читаю “Медузу”, Медиазону и “Репаблик”», «“Медуза”, “Ведомости”, “Коммерсантъ”», «Открываю meduz’u раз в пару дней. Смотрю YouTube», «Читаю “Медузу”, смотрю “Дождь”».*

В ответе за Россию?

Почти все наши молодые респонденты живут в США и европейских странах в ситуации ухудшающихся отношений между Россией и этими странами. При этом большинство, с одной стороны, российскую политику не поддерживают, с другой — любят Россию и российскую культуру, чувствуют свою принадлежность к ней. Это сложная ситуация: если ты из России, не отвергаешь своей к ней принадлежности, то как быть с чувством вины и ответственности за политику твоего государства? Переносить ли вину на себя? Как показало исследование, этого чаще всего не происходит: участники опроса принципиально разделяют отношение к России и ее людям и отношение к российскому государству, его политике, в том числе внешней. Поэтому, хотя многих возмущает политическая ситуация в стране, они не чувствуют и не хотят чувствовать за нее ответственности. Они считают, что представляют за рубежом страну, общество, но не российское государство. Некоторые в ответах сделали на этом акцент.

Именно поэтому почти 70% участников опроса ответили, что им не бывает стыдно из-за того, что они приехали из России: *«Нет, я*

не испытываю личной ответственности за грехи моего государства» (характерно, что, хотя человек не живет в России, государство называется «моим»), «Стыдиться своей страны — идиотизм», «Нет, действия политического руководства не являются действиями всех граждан», «Нет. Ни разу. Я не отождествляю себя с государством», «Нет. Я очень люблю свою страну» и пр. Еще одна причина, по которой они не испытывают ответственности за политику государства, не чувствуют вины и стыда из-за того, что приехали из России, лишь немногие сталкивались с негативным к себе отношением из-за принадлежности к России. 82% указали, что никогда не встречали негативного к себе отношения из-за того, что они русские, с 12% это случалось, но редко, лишь 6% сообщили, что это происходит часто: «А про русофобию не слышали?» (респонденты из Великобритании и Нидерландов).

По-видимому, во многом это обусловлено особым положением большинства участников опроса, основная часть которых — аспиранты и студенты ведущих мировых университетов и сотрудники известных международных фирм. Поскольку рядом с ними учатся и работают люди из разных стран мира, давно сложились правила взаимодействия, не предполагающие дискриминации представителей каких-либо стран: «Нет, вокруг сплошной мультикультурализм», «Нет, я не вращаюсь в тех кругах, где это допустимо», «Не сталкивался. Думаю, что многие образованные люди стараются жить без предрассудков и судить людей по их поступкам, а не по полу, национальности и другим признакам», «Ни разу. Плохие отношения остаются в большой политике. На личностном уровне в моем окружении нет никакого негатива. Только шутки про русских шпионов и мафию», «Ни разу. Все очень четко разделяют людей и политику», «Нет, думаю, что есть люди, которые относятся негативно, но при общении это никогда не показывают. Здесь это считается неприличным».

Те 30% респондентов, которые все-таки иногда испытывают стыд за свою принадлежность к России, разделились на две группы. Представители первой (малочисленной) сообщили, что им бывает стыдно, когда они видят, как некрасиво себя ведут русские туристы за рубежом, то есть им стыдно не за государство, а за людей: «Не все соотечественники ведут себя прилично. Неприятно видеть наших пьяными на улицах», «Часто стыдно и неприятно, когда вижу неадекватных соотечественников». Это

вполне традиционные ламентации, и на себя как представителя страны они, как правило, не переносятся.

Представители второй группы «стыдящихся» (более многочисленной) испытывают стыд за политику России, принимают на себя ответственность за действия государства: «Скорее не стыдно, что приехал из страны, а стыдно за действия руководства страны», «Да, это касается агрессивной политики России», «Да, стыдно за допинг на Олимпиаде, за Крым и Восточную Украину, за поддержку Асада», «Да, когда отправили Скрипаля и потом умерла случайная жертва ОВ “Новичок”». Характерно высказывание одного из респондентов, который объясняет, что сначала ему было стыдно за принадлежность к России, а потом стало легче, когда он понял, что его не винят окружающие: «Стыд сначала был, но потом прошел, когда стало понятно, что никто меня не осуждает из-за того, что я из России. Стыд был в основном из-за политических решений в стране». Иными словами, существенную роль в этом вопросе может играть внешняя реакция: если тебя не винят в политике России, ты имеешь право сам этого не делать.

Большинство респондентов отмечали, что им задают вопросы о стране, из которой они уехали. Эти вопросы преимущественно касаются политической проблематики, иногда о русской культуре, кухне, климате, и 2/3 вопросов касались президента страны, тема Путина является ведущей: «Что я думаю о Путине, что в России думают о Путине», «Хотят знать, что я, гражданин России, думаю о Путине», «Популярен ли Путин», «Хотят знать, что у Путина в голове и как я к нему отношусь», «Хотят знать, что я думаю о Путине, действительно ли он тиран и убивает людей, правда ли, что Путин — самый богатый человек в мире», «Мог ли Путин повлиять на выборы?», «Иногда люди (не русские) заявляют, что им нравится Путин, что вызывает несколько неудобный разговор, потому что я не разделяю этих чувств» и пр. Иногда у респондентов возникает ощущение, что за рубежом о России знают очень мало, страна ассоциируется с Путиным, а потому одних это действительно волнует (вмешательство России в американские выборы, отравление Скрипаля), а иногда «это как разговор о погоде» — раз русский, о чем еще говорить? И это многим не нравится, потому что сами они хотели бы дистанцироваться от государства и его политики. Гораздо большую ценность для них представляет русская культура, но о ней их обычно не спрашивают.

Русская культура или западные институты: что важнее?

Старая и новая страны по-своему привлекательны для молодых образованных экспатов, принявших участие в исследовании, однако достоинства, которые они видят, принципиально разные, взаимодополняющие (табл. 1).

В новой стране высокообразованные респонденты больше всего ценят факторы социально-политические и социально-экономические, а также собственные возможности и перспективы, высокое качество жизни и комфорт. Среди социально-политических факторов чаще всего называют свободу, демократию, хорошо работающие институты, соблюдение законов. По частоте упоминаний с большим отрывом лидирует «свобода», далее следуют «демократия» и соблюдение государством «правил» («Здесь достойное отношение к людям во всем — будь то чистые дороги или честный суд»). В результате появляется чувство уверенности и безопасности: «Здесь у меня нет ощущения бесправности и ощущения, что государственный каток может переехать меня в любую минуту», «Чувствую себя здесь увереннее и спокойнее». Молодые респонденты видят для себя большие возможности как в карьере, достойно оплачиваемой работе, так и в комфортных условиях жизни. Реже упоминают людей, иногда в общих выражениях — тогда отмечают их вежливость и приветливость, иногда новых друзей, в том числе русских. Правда, вежливость и приветливость — это скорее про спокойствие и безопасность, чем про общение. Отвечая на вопрос, что больше всего не нравится в новой стране, самым популярным был как раз ответ «люди», которых называли холодными и эгоистичными, а в одном из ответов молодого человека из Англии написано: «Здесь мне нравится все, кроме людей». В группу «другое» попали разные упо-

минания: от хорошей кухни и красивой природы до мультикультурализма и отсутствия притеснения геев.

В разговоре о России они ценят другое, здесь преобладают факторы эмоциональные и социокультурные. Лидирует, конечно, русская культура, которую ценят, причем в самых разных ее проявлениях. При этом о культуре практически нет развернутых ответов, респонденты не рассказывают о любимых писателях или художниках, ответы односложные или с коротким жанровым перечислением: «Культуру, выдающихся людей, историю», «Культуру, литературу, живопись, кинематограф», «Нашу литературу и науку, историю и русский язык», «Русский язык и культуру», «Архитектуру и культуру», «Культуру, в особенности литературу», «Культуру — язык, музыку, поэзию, литературу, церковную культуру, любимый Петербург». Лапидарность ответов свидетельствует, что «все понимают», о чем речь, ценности не требуют специальной расшифровки. И, что характерно для литературоцентричной культуры, чаще всего называют русскую литературу, но также музыку, театры, музеи, архитектуру и пр.

Более трети респондентов указали на то важное, что можно назвать ностальгическими чувствами, иногда им было очень сложно их сформулировать: «Это единственная страна, которую я могу считать родной», «Снег зимой. Не знаю, сложно сказать», «Память о моем прошлом», «Неуловимое чувство родины, которое я обнаружил только после того, как уехал и прожил несколько лет за границей», «Абсурдность и сумасшествие, непредсказуемость и полноту жизни», «Это мой дом».

В большом числе ответов (суммарно более половины) указывалось, что самое ценное для участников опроса в России — это люди («просто люди», народ и, конечно, родные и друзья).

Таблица 1

ЧТО РЕСПОНДЕНТЫ ЛЮБЯТ И ЦЕНЯТ В РОССИИ И СТРАНЕ НОВОГО ПРОЖИВАНИЯ (человек, в порядке убывания числа ответов)?

Россия	Чел.	Страна проживания в настоящее время	Чел.
Русская культура	45	Социальные институты, свобода, безопасность	42
Память о прошлом, чувство ностальгии	42	Деньги, качество жизни, комфорт	30
Семья, друзья	32	Другое	23
Люди	29	Возможности и перспективы	22
		Люди	19

¹ Поскольку некоторые респонденты давали более одного ответа, сумма больше числа ответивших. Всего 115 ответивших.

В «людях вообще» ценят «душевность», «открытость», «искренность», «теплоту», «ударостойкость», «Стойкость духа. Тонкость чувства», «Быстрота и способ мышления людей», в качестве ценности упоминается и интеллигентность. Про родных и друзей вспоминают с очень сильным чувством. Характерно, что экспаты называют самые клишированные характеристики русского человека. Скорее всего, если бы они жили в России, характеристики были бы иными, не столь ностальгически тепло окрашенными и менее клишированными. Упоминаний людей как особой ценности, вероятно, было бы меньше. Как мы видим, про русского человека и иностранца транслируют вполне привычные и банальные представления: одни хороши при коротком контакте (вежливые), другие — при тесном, близком (душевные и искренние).

Достоинства России и страны нового проживания в сознании респондентов дополняют и уравнивают друг друга. Закон, порядок, демократия и свобода есть в новой стране, в отличие от прежней. Культура — в России, упоминаний о культуре новых стран нет. Это, очевидно связано со стремлением сохранить идентичность, а потому неготовностью или нежеланием понять, почувствовать и принять культуру новой страны. О России говорят с большой теплотой, о новой стране — рационально и рассудительно, о России с любовью, о новой стране — с уважением.

В ситуации открытых границ такое сочетание позволяет молодым эмигрантам существовать гармонично. Возможность жить в благоприятных социально-политических и социально-экономических условиях, быть свободными, уважать государство, делать карьеру, иметь комфортные бытовые условия, сохраняя принадлежность к базовой культуре и постоянные связи с родными и близкими в России, для большинства из них делает предпочтительной жизнь в других странах.

Список литературы

1. Грунт Е.В., Журавлева-Леенаф О. Культурная идентичность русскоязычных эмигрантов в современной Франции / Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Социальные науки. 2015. Т. 10. № 4. С. 145–153. URL: file:///C:/Users/lubov/Downloads/1793-3815-1-SM.pdf
2. Денисенко М.Б. Эмиграция из бывшего СССР за последнюю четверть века. Доклад на научном семинаре в НИУ-ВШЭ 24 апреля 2019 г. URL: <http://www.liberal.ru/articles/7357>
3. Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Ностальгия российских эмигрантов: пробный опрос в Финляндии // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 75–79. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/782/909/1216/010.ZBOROVSKI.pdf>
4. Климович Л.В., Лукичева Л.Ю. Специфика социокультурной идентичности современных выпускников российских вузов, эмигрировавших за рубеж (по материалам Ульяновского региона) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион (University proceedings. Volga region. Social sciences. Sociology). 2017. № 3 (43). С. 98–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-sotsiokulturnoy-identichnosti-sovremennyh-vypusknikov-rossiyskih-vuzov-emigrirovavshih-za-rubezh-po-materialam>
5. Латова Н.В. Утечка мозгов в системе институтов воспроизводства человеческого капитала современной России // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3. № 3. С. 82–93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/utechka-umov-v-sisteme-institutov-vozproizvodstva-chelovecheskogo-kapitala-sovremennoy-rossii>
6. Рязанцев С.В. Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 84–94.
7. Рязанцев С., Письменная Е., Лукьянец А. и др. Современная эмиграция из России и формирование русскоязычных сообществ за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 6. С. 93–107.
8. Хёрст Дж., Ерофеев С. Путинский исход: новая утечка мозгов. / Атлантический совет Соединенных Штатов. 2019. URL: http://publications.atlanticcouncil.org/putinskiy-iskhod/putinskiy-iskhod.pdf?fbclid=IwAR1ejwmkh52Vy-66bWHaR_ixDN6uQwgHbhpfiVv7L4GcuPmLKLEtPybibhE (дата обращения 09.05. 2019).
9. Puffer Sh.M., MacCarthy D.J., Satinsky D.M. Hammer&Silicon:TheSoviet Diaspora in the US Innovation Economy // Cambridge University Press, 2018.

Интернет-источники

1. <https://www.levada.ru/2019/02/04/emigratsionnye-nastroeniya-3> (последняя дата обращения 09.05.2019).
2. https://news.gallup.com/poll/248249/record-russians-say-leave-russia.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication&fbclid=IwAR1zD1AACtwEpS31-euLE5ZCoFullcCTe9JlqVIcS76uqzmZJYz0Zn49inw (последняя дата обращения 10.05.2019).
3. <https://travel.state.gov/content/dam/visas/Diversity-Visa/DVStatistics/DVApplicantEntrantsbyCountry%202010-2012.pdf> ; <https://travel.state.gov/content/dam/visas/Diversity-Visa/DVStatistics/DVApplicantEntrantsbyCountry%202013-2015.pdf>; , <https://travel.state.gov/content/dam/visas/Diversity-Visa/DVStatistics/DV%20AES%20statistics%20by%20FSC%202016-2018.pdf> (последняя дата обращения 05.04.2019).
4. <https://www.proekt.media/research/statistika-emigration/> (последняя дата обращения 03.04.2019).
5. <https://www.interfax.ru/russia/531362> (последняя дата обращения 03.04.2019).

Резина РЕШЕТЕЕВА

Государство и потребители: распределение ответственности в восприятии потребителей

На данных опроса москвичей¹

Потребители и государство

Распространение и интериоризация правил потребления тесно связаны с деятельностью государства, которое неоднократно способствовало упразднению одних качеств потребителя и формированию других². После Второй мировой войны удовлетворенность потребителя становится одним из ключевых критериев оценки качества государственного управления³. Предполагается, что хорошее государство обеспечивает хорошую жизнь своим гражданам. Потребитель становится объектом заботы со стороны государства, в чью обязанность входит защита экономических прав граждан. Кризис же в потреблении, как правило, становится поводом для переоценки взаимоотношений между гражданами и государством⁴.

Начиная с 1970-х гг. складываются правовые режимы защиты потребителя. Законы о защите потребителя также отражают элементы политической культуры стран, где они имплементируются. Например, в Европе сформировались разные представления о том, что такое потребительский интерес и как его надо защищать. В Германии защита потребителя заключается в обеспечении потребителя всей необходимой информацией о продуктах, поощрявший осознанный и самостоятельный выбор. Другой позиции придерживались французские регуляторы, стремясь купировать

риски, которые могут поджидать потребителя при покупке нового товара⁵.

Что касается российского контекста, то сфера потребления тесно переплеталась с политическим доменом, ведь долгое время производство и государство были фактически единой сущностью. Положение и роль потребителя эволюционировали вместе с институциональным контекстом: в советское время потребитель был помощником государства, затем стал объектом заботы и, наконец, в условиях рынка превратился в защищающегося потребителя. Потребительские проблемы рассматривались обычными гражданами в связке с политической ситуацией и служили критерием для оценки политического курса⁶.

Цель данной статьи — реконструировать отношения между потребителями и государством в наше время. Для этого мы проанализируем представления о триаде «потребители — продавцы — государство». Вначале мы остановимся на историческом контексте, в котором формировались образы торговли, потребителя и роль государства начиная с советского периода. Этот этап позволит глубже понять структурные условия фреймирования частного потребительского опыта. Затем мы рассмотрим рыночную ситуацию с позиции потребителя, опираясь на данные опроса москвичей. Мы считаем, что нельзя пренебрегать мнением потребителей, утверждая, что они не разбираются в экономических вопросах. Взгляд потребителей на вопросы вины и ответственности — важный конститутивный элемент экономического и политического порядка⁷.

¹ В данной статье использованы результаты проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Я благодарна Анне Кругловой и Елене Бердышевой за обсуждение этой работы.

² Kroen S. A political history of the consumer // *The Historical Journal*. 2004. Vol. 47. No. 3. P. 709–736. Trentmann F. Citizenship and consumption // *Journal of Consumer Culture*. 2007. Vol. 7. No. 2. P. 147–158. Решетеева Р.И. Что политического в потреблении? // *Экономическая социология*. 2018. Т. 19. № 1. С. 168–187.

³ Hilton M. Consumers and the State since the Second World War // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2007. Vol. 611. No. 1. P. 66–80.

⁴ McCormack D. Governing inflation: Price and atmospheres of emergency // *Theory, Culture & Society*. 2015. Vol. 32. No. 2. P. 131–154.

⁵ Trumbull G. *Consumer capitalism: politics, product markets, and firm strategy in France and Germany*. New York: Cornell University Press, 2006.

⁶ Shevchenko O. *Crisis and the everyday in postsocialist Moscow*. Bloomington: Indiana University Press, 2008. 242 p.; Oushakine S.A. «Against the Cult of Things»: On Soviet Productivism, Storage Economy, and Commodities with No Destination // *The Russian Review*. 2014. Vol. 73. No. 2. P. 198–236.

⁷ Swedberg R. Folk economics and its role in Trump's presidential campaign: an exploratory study // *Theory and Society*. 2018. Vol. 47. No. 1. P. 1–36.

На основе опроса мы проанализируем, что потребители ожидают от производителей, магазинов и представителей власти. Мы рассмотрим, какая роль отводится государству в вопросах потребительского благополучия, как в восприятии потребителей распределяются ответственность между потребителем, магазинами, производителями и государством, а также посмотрим, связаны ли потребительская удовлетворенность и отношение к политической системе.

Эмпирической базой исследования послужил уличный опрос москвичей по анкете, сконструированной на основе инсайтов из интервью¹ и уже проведенных количественных исследований. Опрос был проведен в декабре 2017 г. Выборка составила 532 человека, структура выборки репрезентирует половозрастные характеристики взрослого (18+) населения Москвы.

Эволюция отношений между государством и потребителем в России

Потребитель в советское время: помощник и гражданин

Фигура советского потребителя сильно отличается от образа потребителя, сформированного в европейской и американской рыночных экономиках. Советский потребитель не сталкивается с проблемой покупки ненужных вещей в условиях товарного изобилия, у него нет доступа к кредитным средствам, стимулирующим потребительскую активность. Советское потребление строится в условиях хронического дефицита, проявляющегося в разной степени на протяжении всего советского периода². В этих условиях потребитель участвует в потребительской гонке за необходимым, выбирая из ограниченного предложения. Зачастую советский потребитель вынужден покупать то, что продается в тот момент, когда подошла его очередь³. Товарный дефицит задает общий фон потребительской повседневности, но не является единственной определяющей характеристикой⁴.

¹ Предыдущие этапы работы с опорой на данные интервью с москвичами: Бердышева Е.С., Романова Р.И. Социальная архитектура рыночной цены: основы восприятия цен потребителями (случай Москвы) // Вопросы экономики. 2016. № 5. С. 127–150; Berdysheva E., Romanova R. Rethinking prices during an economic crisis: Calculation as a new mode of consumer behaviour in Russia // International Journal of Consumer Studies. 2017. Vol. 41. No. 4. P. 397–403.

² Корнаи Я. Экономика дефицита. М.: Наука, 1990.

³ Осокина Е.А. Прощальная ода советской очереди // Неприкосновенный запас. 2005. Т. 43. № 5.

⁴ Oushakine S.A. «Against the Cult of Things»: On Soviet Productivism, Storage Economy, and Commodities with No Destination // The Russian Review. 2014. Vol. 73. No. 2. P. 198–236.

Новое Советское государство нуждалось и в новом взгляде на потребителя, который бы соответствовал идеологическим основам⁵. Уже в 1927 г. вступило в силу постановление «О мерах усиления борьбы со злоупотреблениями, недочетами и нездоровыми явлениями в торговле». Оно обязывало все торговые организации завести книгу жалоб, предназначенную для потребителя⁶. В 1934 г. обманы потребителя (нарушение установленных розничных цен, сокрытие цен, обвешивание и проч.) кодифицировались как уголовные преступления не только против гражданина, но и против государства в целом. За обворовывание потребителя и обман Советского государства было предусмотрено тюремное заключение сроком до 10 лет.

Контроль осуществлялся не только сверху, но и снизу: государство запустило общественные кампании, следящие за соблюдением советских норм торговли⁷. Группы активистов на добровольных началах фиксировали случаи нарушения (например, несоблюдение рекомендованного уровня цен). Помимо репрессивных мер в 1930-е гг. были созданы специальные публичные площадки, где голос потребителя мог быть услышан, — конференции с производителями, выставки товаров. Будучи свободными для посещения, в отличие от рабочих собраний, пропуск которых мог рассматриваться как политический протест, потребительские мероприятия пользовались спросом у населения⁸. Таким образом осознанное потребление, выраженное в добровольной готовности воздействовать на торговлю, становилось долгом советского гражданина, заинтересованного не только в удовлетворении собственных потребностей, но и в развитии государства.

С началом холодной войны государственная риторика менялась: вместо помощника государства потребитель становится объектом заботы. Интересы потребителя необходимо было охранять⁹. Дискурсивно новая формула советской политики потребления отражалась

⁵ Gurova O. Consumer Culture in Socialist Russia / The SAGE Handbook of Consumer Culture (eds. O. Kravets, P. Maclaran, S. Miles, A. Venkatesh). London: SAGE Publication, 2018. P. 102–124.

⁶ Твердюкова Е.Д. Жалобные книги советских предприятий торговли и общественного питания (1920-х — 1980-х гг.) как форма апелляции к власти // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История. 2015. № 1. С. 19–28.

⁷ Randall A. The Soviet Dream World of Retail Trade and Consumption in the 1930s. Hampshire, UK: Palgrave Macmillan, 2008. P. 120.

⁸ Randall A. Op. cit. P. 149.

⁹ Богданова Е.А. Конструирование проблемы защиты прав потребителей: Ретроспективный анализ // Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. № 18. С. 167–177.

установкой «все во имя человека, все для блага человека»¹. Так, гражданское законодательство в 1960-е возлагало на продавца ответственность за проверку качества товаров, освобождая от этой обязанности потребителя². В это же время расширялся «фронт» формального недовольства: к жалобам на качество продовольственных товаров добавлялись жалобы на нехватку товаров³. Одновременно с этим в правовом поле появилась категория «необоснованной жалобы», к которой стали относить жалобы на дефицит товаров или перебои в их поставке. Подобные жалобы были направлены не против продавца, но против экономической системы государства и расценивались как акт гражданского неповиновения. Известны прецеденты, когда торговое учреждение защищалось от жалобы потребителя ответной жалобой и составляла акты на граждан, отказывавшихся брать в расчет трудности переходной экономики⁴.

«Вас тут много, а я одна!» — знаменитое высказывание, превратившееся в устойчивую норму властного преимущества продавца. Потребительские проблемы стали объектом сатиры популярной культуры, прочно закрепляясь в нормативных установках. Почти в любом художественном фильме советского времени встречается тема недобросовестной торговли⁵. Сформировалась коллективная идентичность как потребителя, так и представителей торговли: первых в качестве жертвы, пострадавшей от произвола системы, последних как злодеев, эксплуатировавших свое привилегированное положение в системе потребления. За покупателем закрепилась реактивная нормативность, он был вынужден реагировать и подстраиваться под продавца с его требованиями и притязаниями: обреченный выбор вместо предпочтения, зависимый вместо автономного. Советскому потребителю требовались креативные усилия для самообеспечения: не купить, но достать; а если невозможно достать, то сделать самому.

Жалобы для советского потребителя — институционализированное средство регуляции (квази)рынка. В отличие от жителей стран с рыночной экономикой «голосовать рублем» советскому потребителю было сложно ввиду

товарного дефицита. Поэтому выражение потребительского недовольства адресовалось напрямую власти, которая хоть и несла ответственность за производство, дистанцировалась от нарушений на уровне реализации товара. Более того, в правовом регулировании появился новый хозяйственный субъект — торговые учреждения, способные пойти на обман и поэтому требующие контроля как «снизу», так и «сверху». В этой системе государство открыто становилось на сторону покупателя, нуждающегося в защите от «произвола» продавцов. Жалобы — важный для России инструмент контроля за обществом, который был доведен до совершенства при советском режиме⁶.

Хотя государство было фактически слито с производством, негативный облик прочно закрепился именно за представителями торговли как самостоятельной группой. Государству удалось частично дистанцироваться от нападков потребителей путем выстраивания системы помощи «пострадавшим» от действий торговых работников. Разбирая потребительские жалобы, государство играло роль арбитра, защищающего интересы потребителя. Этика заботы пронизывала социальную политику, в частности, в отношении советского потребителя⁷. Такой формат социально-политического контракта предполагал, что «сильное» и «компетентное» государство выступает «добрым», «снисходительным» покровителем, который обещает заботиться о своих подданных, оберегая их от возникновения правовых проблем.

Российский потребитель в условиях рынка

До конца 1980-х проблема потребительских прав формулировалась как проблема нарушенных прав. После распада Советского Союза акцент сместился с заботы о потребителе на самозащиту потребительских прав⁸. Сейчас политика защиты потребителей в России опирается во многом на Конвенцию ООН по правам потребителя. Государству вменяется в обязанность создание правового и административного поля, которое будет понятно потребителю и позволит ему с минимальными издержками защитить свои права. Со своей стороны государство ожидает, что «разборчивые потребители» уме-

¹ Гурова О.Ю. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 126.

² Твердюкова Е.Д. Суверенитет потребителя и государственная потребительская политика в СССР (постановка проблемы) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 154–168.

³ Твердюкова Е.Д. Указ. соч.

⁴ Там же.

⁵ Fedorova M. «Give Me the Book of Complaints»: Complaint in Post-Stalin Comedy // Laboratorium. 2014. Vol. 6. No. 3. P. 8–92.

⁶ Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 37–48.

⁷ Богданова Е.А. Советский опыт регулирования правовых отношений, или В «ожидании заботы» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 1. С. 77–90.

⁸ Богданова Е.А. Конструирование проблемы защиты прав потребителей: Ретроспективный анализ. С. 174.

ют «осознанно выбирать» и знают свои права и обязанности¹.

В государственных документах декларируется уязвимость потребителя перед рыночной системой, потребитель — экономически слабая сторона в рыночных отношениях². Защищающийся потребитель должен обладать средствами для восстановления справедливости. Эти декларативные принципы социальной политики в отношении потребителя созвучны принципам неолиберальной политики в отношении гражданина. От неолиберального субъекта ожидают готовности брать ответственность на себя, автономность, готовность к действию и благоразумие (*responsibilization, automization, empowerment, prudentialism*)³. Вместе со свободой выбора потребитель обрел обязанность быть ответственным и самостоятельным⁴.

Потребительские переживания с момента распада Советского Союза стали устойчивым страхом. Страх рождается в условиях неопределенности и является реакцией на асимметрию власти. Если посмотреть на опросы общественного мнения, то рост цен и вероятность обнищания устойчиво вызывают опасения россиян⁵. Рост цен является лидером социальных проблем и страхов россиян последние 20 лет, обгоняя коррупцию, безработицу и пр.⁶. Тревоги по поводу своей экономической безопасности свидетельствуют о перманентной неопределенности в этой сфере. Можно предположить, что при переходе к рынку за потребительскую автономию пришлось расплатиться ощущением безопасности. Дефицит и ограничения в советское время были неблагополучной, но все же предсказуемой и привычной социальной ситуацией.

¹ Стратегия государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года. URL: <https://rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/543/strategiya-gosudarstvennoy-politiki-rossiyskoy-federatsii-v-oblasti-zashchity-prav-potrebiteley-na-period-do-2030-goda.pdf>_(дата обращения: 25.06.2019).

² См. напр.: Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2018 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2019. 324 с.

³ Matza T. «Good individualism»? Psychology, ethics, and neoliberalism in postsocialist Russia // *American Ethnologist*. 2012. Vol. 39. No. 4. P. 804–818.

⁴ Clarke J. New Labour's citizens: activated, empowered, responsabilized, abandoned? // *Critical social policy*. 2005. Vol. 25. No. 4. P. 447–463; Avi S., Cherrier H., Canniford R. Consumer Empowerment: A Foucauldian Interpretation // *European Journal of Marketing*. 2006. Vol. 40. No. 9/10. P. 1013–1030.

⁵ Данные ФОМ. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/12596>

⁶ Данные «Левада-Центра». URL: <https://www.levada.ru/2018/09/06/trevozhashhie-problemy/>

В ответ на рыночную неопределенность можно наблюдать своего рода реинкарнацию института жалоб. В последние годы растет спрос на формальные способы защиты потребительских прав. Всплеск потребительской активности пришелся на период экономического кризиса, который серьезно сказался на потребительском благополучии россиян. Начиная с 2013 г. установился стабильно высокий уровень жалоб, которые потребители направляют в Роспотребнадзор⁷. Россияне стали чаще жаловаться на представителей торговли: динамика обращений экспоненциально росла, начиная с 2005 г., а затем зафиксировалась на максимально высоком уровне в период экономического кризиса (2014–2017 гг.). В период 2013–2016 гг.росло количество судебных обращений по защите прав потребителей. Согласно данным Верховного Суда РФ, в 2013 г. в суды поступили 383 458 исков от потребителей, а в 2016 г. их было уже 503 110.

Культура подозрения в сфере потребления

Уровень доверия населения малому и среднему бизнесу невысок. Согласно данным RLMS HSE⁸, в 2015 г. 33,6% опрошенных россиян указали, что не доверяют малому и среднему бизнесу. Почти столько же (31,5%) на вопрос про доверие ответили «и да, и нет». Данный показатель почти не менялся за последние 10 лет⁹. В этой связи важно понять, как москвичи в принципе оценивают свое положение на рынке и на кого, с их точки зрения, можно положиться. Мы адаптировали вопрос, послуживший индикатором доверия, из европейского исследования продуктовой безопасности¹⁰. Перед респондентом моделируется ситуация потенциальной угрозы и предлагается оценить реакции ключевых акторов на рынке.

Подозрительность и недоверие являются основными фреймами восприятия представителей рынка — производителей продуктов и ма-

⁷ Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2017 г.: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2018. 318 с.

⁸ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

⁹ Козырева П.М., Смирнов А.И. Население и бизнес: дефицит доверия, его причины и последствия // *Polis: Journal of Political Studies*. 2017. № 1. С. 53–69.

¹⁰ Kjærnes U., Harvey M., Warde A. Trust in food: A comparative and institutional analysis. New York: Palgrave MacMillan, 2007 P. 69.

Таблица 1

ПРЕДСТАВЬТЕ, ЧТО В КРУПНОЙ ПАРТИИ МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ БЫЛА ОБНАРУЖЕНА ИНФЕКЦИЯ, ОПАСНАЯ ДЛЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО В ЭТОЙ СИТУАЦИИ СДЕЛАЮТ... (в %)

	Производители продуктов	Магазины, продающие продукты	Государство	НОО* по защите потребителей
Скроют информацию	62	59	28	10
Расскажут лишь часть правды	27	31	55	45
Расскажут всю правду	11	10	17	45

*Независимые общественные организации.

газины. Около 60% опрошенных предполагают, что магазины и производители скорее обманут потребителя, нежели предупредят об опасности. Подозрение в оппортунизме распространяется и на представителей власти, хотя и в меньшей степени. Но 83% потребителей считают, что государство так или иначе станет манипулировать правдой в критической ситуации. Мы видим, что государство, как и участники рынка, представляется внешней формальной структурой, преследующей собственный интерес.

Гораздо больше доверия внушают независимые организации по защите прав потребителя. Почти половина респондентов ожидают, что эти акторы расскажут всю правду о потенциальной угрозе. Потребители возлагают на НОО гораздо больше надежд, нежели на государство. Можно предположить, что в рыночном пространстве формируется альтернатива государству в вопросах обеспечения предсказуемости.

Примечательно, что, анализируя потребительский опыт на данных интервью, мы фиксировали схожие настроения. Центральная категория, полученная в ходе нашего анализа, — «не быть обманутым»¹. Описывая собственный потребительский опыт, информанты стремятся декодировать «истинное» значение цен. Категорию «не быть обманутым» мы концептуализировали как потребительский цинизм, основываясь на теории цинизма П. Слотердайка². Цинизм означает состояние осознанного разочарования — готовность к привычно худшему сценарию развития событий³. Парадоксально, но пессимистичные ожидания от поведения продавцов рождают чувство уверенности (confidence) и даже защищенности. Ведь в этом

случае разочарование — ожидаемый итог, который зависит в большей степени от внешних обстоятельств.

Мы использовали три утверждения, согласие с которыми может считаться индикатором потребительского цинизма (табл. 2). Эти утверждения были адаптированы из наших собственных наработок в ходе анализа интервью и уже проведенного количественного исследования по теме потребительского цинизма⁴.

Потребители ожидают, что нормы солидарности должны превалировать над стимулом получения прибыли. Поэтому в отношениях между потребителями и участниками рынка прослеживается напряжение. 68% опрошенных считают, что магазины ориентируются на свои интересы вопреки интересам потребителя. 46% уверены, что магазины могут безосновательно повышать цены. Московские потребители сомневаются и в производителях продуктов: 42% считают, что производители могут сэкономить на качестве продуктов. Подобное поведение магазинов и производителей — нарушение экономической справедливости в понимании потребителя. С точки зрения С. Ушакина, слом советского режима и привычных социальных структур привел к распространению теорий заговоров (popular conspiracy)⁵. Их социальная функция состоит в объяснении того, что скрыто или непонятно.

Мы предполагаем, что готовность к обману и хабиитуализированное сомнение имманентно сфере потребления. Культура подозрения — устойчивый элемент потребительской культуры, унаследованный еще из советского опыта. Конечно, формат отношений между потребителем и продавцом изменился с приходом рынка,

¹ Бердышева Е.С., Романова Р.И. Социальная архитектура рыночной цены: основы восприятия цен потребителями (случай Москвы) // Вопросы экономики. 2016. № 5. С. 127–150.

² Решетева Р.И. Как потребители воспринимают рыночное пространство: цинизм и индивидуальное сопротивление (на основе интервью с москвичами) (готовится к печати).

³ Слотердаjk П. Критика цинического разума / Пер. с нем. А. Перцева. М.: АСТ Москва, 2009. 800 с.

⁴ Helm A.E., Moulard J.G., Richins M. Consumer cynicism: developing a scale to measure underlying attitudes influencing marketplace shaping and withdrawal behaviours // International Journal Of Consumer Studies. 2015. Vol. 39. No. 5. P. 515–524.

⁵ Oushakine S.A. Stop the Invasion! Money, Patriotism, and Conspiracy in Russia // Social Research: An International Quarterly. 2009. Vol. 76. No. 1. P. 71–116.

Таблица 2

ОЦЕНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НАСКОЛЬКО ВЫ СОГЛАСНЫ С ДАННЫМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ (в %)

Магазины, продающие продукты питания, не будут безосновательно повышать цены на продукты	Полностью не согласен	16
	Скорее не согласен	30
	Скорее согласен	38
	Полностью согласен	9
	Затрудняюсь ответить	7
Магазины, продающие продукты питания, преследуют свои интересы вопреки интересам потребителя	Полностью не согласен	8
	Скорее не согласен	18
	Скорее согласен	43
	Полностью согласен	25
	Затрудняюсь ответить	6
Производители продуктов питания не будут жертвовать качеством продуктов, даже если это позволит им повысить прибыль	Полностью не согласен	10
	Скорее не согласен	32
	Скорее согласен	39
	Полностью согласен	9
	Затрудняюсь ответить	10

однако асимметрия власти в пользу продавца не ушла в восприятии потребителей. Говорить о недоверии нам представляется не совсем точным: недоверие предполагает, что вы не готовы действовать, так как реакция контрагента для вас непредсказуема¹. В отношении между потребителем, продавцом и государством сохраняется подозрение, которое формирует конкретные ожидания от опыта взаимодействия. Подозрение, в отличие от недоверия, позволяет действовать.

Распределение ответственности за цены, безопасность и качество продуктов питания

По данным RLMS-HSE, около 80% опрошенных россиян убеждены, что государство, а не рынок, должно устанавливать цены на продукты питания². Являясь фокальной точкой потребительской тревоги, цены являются основой рыночного порядка. Можно предположить, что именно поэтому цены требуют более пристального внимания регулятора. Уверенность в качестве и безопасности продуктов связана с общим доверием институтам рынка и власти³. Эмпирические исследования показывают, что различия

в отношении к ответственным за производство и продажу продуктов объясняют вариативность потребительских установок в разных странах⁴. Как мы увидели в предыдущем разделе, потребители крайне скептически оценивают основных акторов рынка: государство, магазины и производителей. Можно предположить, что ожидания нечестной торговли спровоцируют повышенный спрос на государственный контроль.

В целом среди опрошенных москвичей 87% считают, что в России сейчас нужно контролировать цены на продукты питания, и только 9,5% придерживаются противоположного мнения. У московских потребителей есть запрос на прозрачность рыночного обмена. Согласно данным, чуть более половины считают, что ответственность за цены продуктов лежит на государстве. При этом не все опрошенные считают, что регуляция цен — прерогатива государства: 41% респондентов выбрали иной вариант контроля за ценами. Почти 30% опрошенных полагают, цены должны регулироваться внутри самого рынка — магазинами и производителями. Еще 13% в качестве контролирующей инстанции хотели бы видеть независимые общественные организации.

¹ Luhmann N. Familiarity, confidence, trust: problems and alternatives / Trust: Making and Breaking Cooperative Relations (ed. D Gambetta). Cambridge, MA: Oxford University Press, 1988. P. 94–108.

² Козырева П.М., Смирнов А.И. Население и бизнес: дефицит доверия, его причины и последствия // Polis: Journal of Political Studies. 2017. № 1. С. 53–69.

³ Kjærnes U., Harvey M., Wardle A. Trust in food: A comparative and institutional analysis. New York: Palgrave MacMillan, 2007.

⁴ Berg L., Kjaernes U., Ganskau E., Minina V., Voltchkova L., Halkier B., Holm L. Trust in food safety in Russia, Denmark and Norway // European Societies. 2005. Vol. 7. No. 1. P. 103–129; De Jonge J., Van Trijp J.C.M., van der Lans I.A., Renes R.J., Frewer L.J. How trust in institutions and organizations builds general consumer confidence in the safety of food: A decomposition of effects // Appetite. 2008. Vol. 51. No. 2. P. 311–317.

Идея интервенции государства в рынок не вызывает абсолютной поддержки у московских потребителей. С точки зрения потребителей, в вопросах регулирования цен у государства есть конкуренты. То есть рыночный порядок может поддерживаться не только «твердой рукой» государства, но и самими участниками процесса. У ностальгии по советскому прошлому с гегемонией государства есть свои границы¹. В ходе интервью с москвичами идея предсказуемости и понятности советского прошлого тоже озвучивалась осторожно: информанты сожалели об утраченных стандартах качества товаров, но к идее возврата к советскому потребительскому быту относились крайне сдержанно².

Далее рассмотрим, как распределяется ответственность за безопасность и качество продуктов в восприятии московских потребителей.

Распределение ответов на вопрос про качество и безопасность продуктов питания схожи. Возможно, в восприятии потребителя эти категории связаны: если продукт качественный, значит, безопасный. Как мы видим, москвичи приписывают ответственность за контроль качества и безопасности продуктов преимущественно государству. Но в то же время потре-

бители ожидают, что и участники рынка будут относиться внимательно к качеству и безопасности продуктов, которые реализуют. Суммарно процент людей, приписывающих ответственность рынку, больше, чем тех, кто выбрал государство. Как и в случае с ценами, хотя и в меньшей степени, потребители хотели бы видеть добросовестное поведение со стороны рыночных игроков.

Уязвимость потребителя и отношение к государству

М. Красильникова полагает, что «личные денежные доходы населения и цены на потребительском рынке являются основными для населения критериями уровня благополучия в стране»³. Мы бы хотели продолжить этот аргумент и выдвинуть гипотезу: неуверенность в своих потребительских правах выливается в критическое отношение к государству в целом. В теории предполагается, что виктимизация вызывает пропорциональное усиление обвинения⁴. Несогласие с утверждением, что в случае нарушения потребитель сам сможет защитить свои права, мы интерпретируем как представление о собственной уязвимости.

Таблица 3

КТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДОЛЖЕН ОТВЕЧАТЬ ЗА КОНТРОЛЬ РЫНОЧНЫХ ЦЕН НА ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ СЕГОДНЯ В РОССИИ? (в % от тех, кто считает, что нужно контролировать цены на продукты)

Производители продуктов питания	13
Магазины, продающие продукты питания	15
Государство	55
Общественные организации, действующие в интересах потребителя	13
Затрудняюсь ответить	4

N = 488. Те, кто утвердительно ответил на вопрос о необходимости контроля за ценами.

Таблица 4

КТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДОЛЖЕН НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА... (в %)

	Безопасность продуктов	Качество продуктов
Государство	41	42
Производители	35	35
Представители торговли	12	13
Общественные организации, действующие в интересах потребителя	10	9
Затрудняюсь ответить	2	1

¹ Oushakine S.A. «We're nostalgic but we're not crazy»: Retrofitting the Past in Russia // The Russian Review. 2007. Vol. 66. No. 3. P. 451–482.

² Бердышева Е.С., Романова П.И. Указ. соч.

³ Красильникова М.Д. О чем говорят индексы? Возможности и ограничения динамических сопоставлений данных опросов общественного мнения // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. Т. 1–2. № 126. С. 47–57.

⁴ Рикёр П. Справедливое / Пер. с франц. Б. Скуратова, П. Хицкого, под ред. К. Голубович. М.: Логос, 2005. С. 56.

Почти 60% опрошенных москвичей не уверены, что смогут защитить свои потребительские права. Примерно столько же утверждают, что государство в целом не справляется с задачей защиты потребительских прав. Считается, что тот, кто в наибольшей степени подвергается воздействию власти, вероятнее всего будет более остро осознавать ее действие¹. Согласно имеющимся данным, потребители, сомневающиеся в защите своих прав, критически оценивают и усилия государства в этой сфере². И, наоборот, те, кто уверен, что сможет защитить свои права, положительно оценивают деятельность государства в этой сфере.

Далее мы рассмотрим, как связаны уязвимость потребителя и его установки в отношении государства. В опросе мы также предлагали респондентам оценить степень своего согласия с утверждениями, отражающими восприятие государства. Установки в отношении политической системы мы адаптировали из уже апробированной методологии по измерению политического цинизма³.

Наше исходное предположение нашло подтверждение в данных. Действительно, сомнения в своих потребительских правах связано и с сомнениями в политической системе. Из четырех предложенных утверждений у трех есть статистически значимая связь с восприятием своей потребительской уязвимости (табл. 6). Уязвимый потребитель считает, что государство плохо справляется с задачей защиты прав потребителей. Более того, те, кто сомневается в защите собственных потребительских прав, считают, что государство не заинтересовано в решении проблем населения⁴. Верно и обратное: уверенность в своих потребительских правах положительно связана с уверенностью в заинтересованности государства решать проблемы населения.

Заключение

Потребительская идентичность несет на себе отпечаток культурного контекста и особенности социально-политического общественного контракта. В современной России

Таблица 5

ОЦЕНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НАСКОЛЬКО ВЫ СОГЛАСНЫ С ДАННЫМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ (в %)

	Государство в полной мере справляется с защитой прав потребителей	Вы уверены, что в случае нарушения ваших прав как потребителя вы сможете их защитить
Полностью согласен	7	9
Скорее согласен	30	24
Скорее не согласен	42	35
Полностью не согласен	17	24
Затрудняюсь ответить	4	8

Таблица 6

ПОЖАЛУЙСТА, ОЦЕНИТЕ, В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ЛИЧНО СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ (в %)

1 — не согласен, 2 — скорее не согласен, 3 — скорее согласен, 4 — согласен, 30 — затрудняюсь ответить

	1	2	3	4	30
Государство заинтересовано в решении проблем населения*	7	23	44	17	9
Государство впустую тратит наши налоги*	10	31	36	8	15
Страной управляют компетентные люди, которые знают, что делают*	8	22	44	14	12
Политиков не волнует мнение таких людей, как вы**	6	25	42	12	15

*Есть статистически значимая связь с высказыванием «Вы уверены, что в случае нарушения ваших прав как потребителя вы сможете их защитить», sign < 0,05.

**Нет статистически значимой связи.

¹ Эвик П., Силби С. Обыкновенное право: истории из повседневной жизни / Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов (ред. Э. Панеях). М.: Стаут, 2014. С. 232.

² Статистика χ^2 -квadrat значима на уровне 0,05.

³ Dekker H., Meijerink E. Political cynicism: Conceptualization, operationalization, and explanation // Politics, Culture and Society. 2012. Vol. 3. No. 1–2. P. 33–48.

⁴ Статистика χ^2 -квadrat значима на уровне 0,05.

декларируется курс на потребительскую автономию: «Денег нет, но вы держитесь». Ожидается, что потребитель должен сам нести ответственность за свое благополучие. Для этого он должен вести себя «разумно» и «рационально» — учиться быть компетентным. Но даже в условиях дистанцирования и провозглашения курса на самостоятельность, государство остается одним из ключевых акторов на рынке с точки зрения потребителей. Потребительский опыт не может рассматриваться вне гражданской идентичности.

В советское время в сфере потребления происходит рутинизация несправедливости в отношении покупателя. За потребителем закрепляется роль жертвы, фактически беспомощной перед диктатом продавца. Мы полагаем, что готовность к обману остается ключевой чертой современной российской сферы потребления — культуры подозрения. Критическое отношение к продавцам распространяется и на государство, которое также находится вне зоны контроля и рассматривается внешней структурой, преследующей собственные интересы.

При этом мы видим, что подозрение в отношении представителей власти существует вместе со спросом на контроль, т.е. позиция государства вызывает вопросы, но при этом точно не снимает функцию установления порядка — потребителю необходимы предсказуемые элементы внутри рыночного пространства. Государство в восприятии потребителя и есть та самая абстрактная система внешнего порядка. Сомнения в интенциях рыночных игроков частично компенсируются вменением ответственности государству. Государство же существует преимущественно в сознании граждан. Если они не верят в силы государства, ни одно логическое упражнение не сможет сделать его реальным¹. Но ответственность ведет к виновности. Поэтому те потребители, которые чувствуют, что не могут защитить свои потребительские права, критически относятся и к политической системе.

Но было бы поспешным делать выводы о патернализме потребителя. Государство является важным, но не единственным агентом, способным позаботиться об интересах потребителя. От участников рынка ожидается обеспечение прозрачных и понятных условий обмена — императив справедливости и добродетели. Предполагается, что производители и магазины учитывают интересы потребителя,

а не только максимизируют прибыль. Можно предположить, что спрос на альтернативные средства регуляции рынка может служить резервом для построения взаимоотношений без участия государства.

Список литературы

1. Бердышева Е.С., Романова Р.И. Социальная архитектура рыночной цены: основы восприятия цен потребителями (случай Москвы) // Вопросы экономики. 2016. № 5. С. 127–150.
2. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 37–48.
3. Богданова Е.А. Конструирование проблемы защиты прав потребителей: Ретроспективный анализ // Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. № 18.
4. Богданова Е.А. Советский опыт регулирования правовых отношений, или В «ожидании заботы» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 1. С. 77–90.
5. Гурова О.Ю. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. 2005. № 4.
6. Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2018 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2019. 324 с.
7. Корнаи Я. Экономика дефицита. М.: Наука, 1990.
8. Осокина Е.А. Прощальная ода советской очереди // Неприкосновенный запас. 2005. Т. 43. № 5.
9. Красильникова М.Д. О чем говорят индексы? Возможности и ограничения динамических сопоставлений данных опросов общественного мнения // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. Т. 1–2. № 126. С. 47–57.
10. Решетеева Р.И. Что политического в потреблении? // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 1. С. 168–187.
11. Рикёр П. Справедливое / Пер. с франц. Б. Скуратова, П. Хицкого, под ред. К. Голубович. М.: Логос, 2005. 301 с.
12. Слотердайт П. Критика цинического разума / Пер. с нем. А. Перцева. М.: АСТ Москва, 2009. 800 с.

¹ Strayer J.R. On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton: Princeton University Press, 1970. P. 5.

13. Стратегия государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года. URL: <https://rosпотребнадзор.ru/upload/iblock/543/strategiya-gosudarstvennoy-politiki-rossiyskoy-federatsii-v-oblasti-zashchity-prav-potrebiteley-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 25.06.2019).
14. *Твердюкова Е.Д.* Жалобные книги советских предприятий торговли и общественного питания (1920-х — 1980-х гг.) как форма апелляции к власти // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История. 2015. № 1. С. 19–28.
15. *Твердюкова Е.Д.* Суверенитет потребителя и государственная потребительская политика в СССР (постановка проблемы) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 154–168.
16. *Эвик П., Силби С.* Обыкновенное право: истории из повседневной жизни / Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов (ред. Э. Панеях). М.: Статут, 2014. С. 221–245.
17. *Avi S., Cherrier H., Canniford R.* Consumer Empowerment: A Foucauldian Interpretation // European Journal of Marketing. 2006. Vol. 40. No. 9/10. P. 1013–1030.
18. *Berg L., Kjaernes U., Ganskau E., Minina V., Voltchkova L., Halkier B., Holm L.* Trust in food safety in Russia, Denmark and Norway // European Societies. 2005. Vol. 7. No. 1. P. 103–129.
19. *Clarke J.* New Labour's citizens: activated, empowered, responsabilized, abandoned? // Critical social policy. 2005. Vol. 25. No. 4. P. 447–463.
20. *Dekker H., Meijerink E.* Political cynicism: Conceptualization, operationalization, and explanation // Politics, Culture and Society. 2012. Vol. 3. No. 1–2. P. 33–48.
21. *Fedorova M.* «Give Me the Book of Complaints»: Complaint in Post-Stalin Comedy // Laboratorium. 2014. Vol. 6. No. 3. P. 80–92.
22. *Gurova O.* Consumer Culture in Socialist Russia / The SAGE Handbook of Consumer Culture (eds. O. Kravets, P. Maclaran, S. Miles, A. Venkatesh). London: SAGE Publication, 2018. P. 102–124.
23. *Helm A.E., Moulard J.G., Richins M.* Consumer cynicism: developing a scale to measure underlying attitudes influencing marketplace shaping and withdrawal behaviours // International Journal Of Consumer Studies. 2015. Vol. 39. No. 5. P. 515–524.
24. *Hilton M.* Consumers and the State since the Second World War // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2007. Vol. 611. No. 1. P. 66–80.
25. *Luhmann N.* Familiarity, confidence, trust: problems and alternatives / Trust: Making and Breaking Cooperative Relations (ed. D. Gambetta). Cambridge, MA: Oxford University Press, 1988. P. 94–108.
26. *Kjærnes U., Harvey M., Warde A.* Trust in food: A comparative and institutional analysis. New York: Palgrave MacMillan, 2007.
27. *Kroen S.* A political history of the consumer // The Historical Journal. 2004. Vol. 47. No. 3. P. 709–736.
28. *McCormack D.* Governing inflation: Price and atmospheres of emergency // Theory, Culture & Society. 2015. Vol. 32. No. 2. P. 131–154.
29. *Oushakine S.A.* «Against the Cult of Things»: On Soviet Productivism, Storage Economy, and Commodities with No Destination // The Russian Review. 2014. Vol. 73. No. 2. P. 198–236.
30. *Oushakine S.A.* «We're nostalgic but we're not crazy»: Retrofitting the Past in Russia // The Russian Review. 2007. Vol. 66. No. 3. P. 451–482.
31. *Randall A.* The Soviet Dream World of Retail Trade and Consumption in the 1930s. Hampshire, UK: Palgrave Macmillan, 2008.
32. *Shevchenko O.* Crisis and the everyday in postsocialist Moscow. Bloomington: Indiana University Press, 2008. 242 p.
33. *Strayer J.R.* On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton: Princeton University Press, 1970.
34. *Swedberg R.* Folk economics and its role in Trump's presidential campaign: an exploratory study // Theory and Society. 2018. Vol. 47. No. 1. P. 1–36.
35. *Trentmann F.* Citizenship and consumption // Journal of Consumer Culture. 2007. Vol. 7. No. 2. P. 147–158.
36. *Trumbull G.* Consumer capitalism: politics, product markets, and firm strategy in France and Germany. New York: Cornell University Press, 2006.

Александр ФАТЕХОВ

Политическая активность московской студенческой молодежи в 2017–2018 гг.¹

Введение

Социальные ожидания россиян сегодня связаны с активным участием молодежи в политических процессах, протекающих в государстве. Так, согласно данным опросов, абсолютное большинство россиян (90%) считают, что молодежь следует привлекать к участию в политической и общественной жизни страны, причем это участие должно осуществляться, как полагают россияне, в таких формах, как голосование на выборах, деятельность в составе общественных организаций, связанных с политикой, в частном и публичном обсуждении политической ситуации, и других конвенциональных формах активности². Завершившийся электоральный цикл 2016–2018 гг., сопутствовавшие ему политические события, а также прецеденты, не имевшие непосредственной связи с выборами, открыли для российской молодежи возможности реализации политической активности, удовлетворения социальных ожиданий, распространенных в российском обществе, а также стали для части молодых россиян первым опытом полноправного участия в политике.

После нескольких резонансных антикоррупционных митингов особое значение при-

обретает политическая активность старшеклассников и студентов, в частности, живущих в крупных городах, тех социальных общностей, которые называются экспертами новой волной протестующих, новым политическим субъектом³. При этом если анализу протестного движения и особенностям политических настроений молодежи посвящено достаточно большое количество исследований⁴, то характеристикам собственно деятельного участия в политике и установок на реализацию той или иной активности этих социальных общностей внимание уделяется в значительно меньшем объеме. Так, целью данного исследования стало изучение видов и форм политической активности московских студентов, выявление особенностей и основных тенденций их участия в политике.

По данным общественной организации «ОВД-Инфо», проводившей анализ 193 «встреч» митингующих в социальной сети «ВКонтакте», молодежь в возрасте 18–23 лет,

¹ Статья базируется на бакалаврской выпускной квалификационной работе, написанной и защищенной автором на кафедре социологии Московского государственного лингвистического университета. Обоснование выборки см. в Приложении.

² Молодежь и политика: точки соприкосновения // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2358> (дата обращения: 15.12.2018).

³ См.: «Движуха, которой раньше не было» // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/03/28/protest/> (дата обращения: 26.04.2018); Новые митингующие: управляемой и скучной толпы уже не будет // РБК. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/27/03/2017/58d91ffc9a7947f2ae7ecaf1 (дата обращения: 26.04.2018); Поколение Z: в чем опасность для режима. URL: <https://planperemen.org/opinion/volkov/05122018> (дата обращения: 06.12.2018).

⁴ См., напр.: Чем российская молодежь отличается от своих родителей // «Левада-Центр». URL: <https://www.levada.ru/2018/12/10/chem-rossijskaya-molodezh-otlichaetsya-ot-svoih-roditelej/> (дата обращения: 15.03.2019); Насколько юн протест? Статистика против Думы. URL: <https://ovdinfo.org/articles/2018/12/19/naskolko-yun-protest-statistika-protiv-dumy> (дата обращения: 19.02.2019).

т.е. та категория молодых людей, которая имеет большую вероятность быть представленной преимущественно студентами, занимала наибольшую долю от числа участников оппозиционных митингов 12 июня 2017 г. (37,6%), тогда как доля несовершеннолетних-школьников составила десятую часть (11,6%, в Москве — 11,3%) протестовавших¹. Кроме того, большинство представителей социальной общности студенчества имеют в своем распоряжении больше законно доступных форм участия в политическом процессе в силу достижения совершеннолетия, чем школьники, поэтому фокус исследования пал именно на эту категорию населения.

Так, основную эмпирическую базу статьи составляют результаты двух волн авторского исследования, проведенных 18–22 декабря 2017 г. и 24–28 сентября 2018 г. среди студентов очной и очно-заочной форм обучения, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, высших учебных заведений Москвы в возрасте 17–25 лет, пользующихся социальной сетью «ВКонтакте» и являющихся подписчиками студенческих сообществ. Метод сбора данных — онлайн-анкетирование, анкеты размещались в отобранных студенческих вузовских сообществах в социальной сети «ВКонтакте», численность и структура подписчиков которых пропорциональна распределению генеральной совокупности по направленности учебного заведения, специальности². Отбор респондентов осуществлялся с использованием вопросов-фильтров по квотной выборке, репрезентирующей студентов по направленности специальности, полу, возрасту, а также курсу обучения. Объем выборок с учетом их ремонта и взвешивания данных по квотам составил в первую волну 457, а во вторую — 375 человек. Квоты сформированы по всей совокупности московских студентов, основываясь на том допущении, что структура студентов-подписчиков вузовских сообществ в сети «ВКонтакте» в целом схожа с распределением генеральной совокупности по квотным признакам. Это допущение базируется на данных исследований аудитории социальных сетей, свидетельствующих о широком охвате данным ресурсом изучаемой

¹ Насколько юн протест? Статистика против Думы. URL: <https://ovdinfo.org/articles/2018/12/19/naskolko-yun-protest-statistika-protiv-dumy> (дата обращения: 19.02.2019).

² Статистика высшего образования // Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: <https://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2017/во-2017/ФСН-ВПО-1-2017> (дата обращения: 20.11.2017).

возрастной группы (86,1%), а также категории «учащиеся» (82,4%)³.

Теоретические основания изучения политической активности

Изучение политической активности московской студенческой молодежи потребовало содержательного теоретического осмысления этого социального явления, разработки социологической концепции, составляющей опору эмпирического исследования. Первоочередной задачей стало определение категорий «политика» и «политическое», позволяющих относить те или иные проявления социальной деятельности к числу собственно политических. Эта задача была решена путем обобщения нескольких теоретико-методологических подходов⁴ в интегрированное, более универсальное определение, задающее принципиальные теоретические рамки исследования. Так, политика была определена как упорядоченная в пространстве и времени деятельность, направленная на завоевание, удержание и использование власти, участие в делах управления государством для удовлетворения (несовпадающих) интересов и притязаний определенных социальных общностей, являющаяся при этом и продуктом, и средством производства системы социальных отношений по поводу власти.

Таким образом, основываясь на данном определении, к политическим следует относить те проявления и феномены социальной жизни, которые удовлетворяют наличию следующих условий: они должны наблюдаться в контексте государства, быть связаны с использованием, достижением, удержанием власти, быть обусловленными специфическими (несовпадающими) интересами и притязаниями тех или иных социальных общностей, субъектов.

Следующим шагом теоретического обоснования изучаемого феномена обществен-

³ Результаты измерения аудитории Интернета // Mediascope. URL: http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2018&captcha_code=0cae924b236ee9c59ef9d2cf340c0acc&captcha_word=WM6PJ&set_filter=Y (дата обращения: 20.03.2018).

⁴ См.: Вебер М. Власть и политика / М. Вебер; пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 254; Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем.; под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. С. 297–303; Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секр. О.Е. Чернощек. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 344; Шабров О.Ф. Понятие политического: возможна ли политическая наука? // Власть. 2016. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-politicheskogo-vozmozhna-li-politicheskaya-nauka> (дата обращения: 23.09.2018).

ной жизни стало определение и теоретическое упорядочивание категорий, описывающих те или иные проявления индивидуальной, групповой или массовой человеческой деятельности различного характера, в частности в политической сфере. В результате данного этапа теоретического поиска политическая активность была выделена как одна из двух составляющих политического участия — термина, используемого в качестве средства теоретического описания форм и их характера взаимоотношений гражданина с государственной властью, политическими партиями и прочими политическими «игроками», позволяющего анализировать как инструментальный результат распределения власти, так и способы реализации своих притязаний в сфере политики, а также качества этих способов. Политическая активность выступает категорией, обобщающей деятельные формы участия и степень их выраженности (интенсивности), в противовес пассивному участию, абсентеизму. Под политической активностью понимается совокупность поведенческих актов и установок, осуществляемых субъектами политики в различных формах деятельности, ориентированной на достижение политических целей, определяющих характер их участия в политическом процессе. Как следует из определения, политическая активность подразделяется в данном исследовании на два вида: реализованную активность, под которой понимается совокупность фактически осуществленных действий, и потенциальную, под которой понимаются установки на реализацию участия в политике в тех или иных формах.

Кроме того, политическая активность московской студенческой молодежи представлена в пяти компонентах с опорой на распространенный в современной отечественной социологии подход Карпенко и Ламанова¹: в электоральном (активность субъектов политики, связанная с их участием в избирательном процессе), структурном (активность, связанная с участием в политических организациях), стихийно-массовом (деятельность по организации массовых политических акций, участию в них), профессиональном (участие в политике как в одной из профессиональных сфер) и коммуникационном (активность субъектов политики, связанная с потреблением, производством или воспроизводством информации о политике).

¹ См.: Карпенко О.М., Ламанов И.А. Молодежь в современном политическом процессе в России. М.: Изд-во СГУ, 2006. С. 135–143.

Характеристика видов и форм политической активности московской студенческой молодежи

Декларируемая реализованная политическая активность московской студенческой молодежи по завершении изучаемого периода (2017–2018 гг.), характеризующая фактическое участие студентов в находившихся за это время политических событиях, отражает преобладание в структуре форм ее проявления тех форм, которые относятся к электоральному компоненту (рис. 1). Так, самыми распространенными формами политической активности представителей данной социальной общности, теми, которые проявляли наибольшие доли студентов, стали подписание петиций, обращений к власти (эту форму активности реализовали 50,1% опрошенных), голосование на выборах президента РФ (43,5%), а также на выборах глав регионов (29,5%).

Четверть (24,1%) московских студентов принимала участие в деятельности общественных организаций и движений. Данная форма является самой распространенной среди форм, относящихся к компоненту структурной активности, остальные его составляющие не выражены. Московские студенты в основной массе не вовлечены в формы профессионального и партийного участия в политике. Очевидно, что формы профессиональной активности не могут носить массовый характер, а современные политические партии чаще представляют собой кадровые, нежели массовые политические союзы, чем и обуславливаются перманентно низкие показатели данной активности.

Показатели структурной (в том числе партийной) активности в целом по населению России близки к нулю, находятся в пределах статистической погрешности и колеблются в диапазоне 1–3%². Принимая во внимание методические ограничения и возможные смещения в данных, обусловленные различиями в методиках, можно отметить более высокий, чем у населения России в целом, уровень активности московских студентов по профессиональному компоненту. Несмотря на то что студентам вследствие первоочередной ориентации на получение образования менее свойственна активная трудовая деятельность, они имеют некоторые возможности (такие как стажировки, практики и т.п.) участвовать в политике на профессиональном уровне, недоступные большинству рядовых граждан. Кроме того, академическая и практическая деятельность студентов, обучающихся по специальностям, связанным

² См.: Общественное мнение – 2017. М.: Левада-центр, 2018. С. 42.

Рисунок 1

ПРИНИМАЛИ ЛИ ВЫ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД УЧАСТИЕ В... (% , сентябрь 2018 г.)

с политикой, также дает им возможность проявлять данную форму активности. Их число довольно велико — например, в 2017 г. выпуск только по одной из таких специальностей, «Государственное и муниципальное управление», составил 2317 человек¹.

Важно отметить также невыраженный характер стихийно-массовой активности, проявленной московскими студентами за наблюдаемый период. Вовлеченность в стихийно-массовую активность имела локальный характер, проявлялась на уровне отдельных групп, а не на уровне большинства студентов. Так, 15,7% опрошенных заявили, что принимали участие в легальных митингах, шествиях и демонстрациях, 11,5% — в несогласованных с властями акциях.

Несмотря на тот факт, что голосование на президентских выборах является одной из наиболее распространенных форм реализации политической активности московскими студентами, декларируемая явка среди совершеннолетних представителей данной социальной общности, составившая 46%, оказалась заметно ниже как явки по населению страны в целом

(67,5%²), так и явки российской молодежи 18–34 лет (65,6–69,5% по данным экзит-поллов³). Из числа голосовавших на президентских выборах студентов наибольшая доля поддержала действующего президента (43,2%), а также около трети (30,1%) отдали голоса П.Н. Грудину, остальные кандидаты заручились поддержкой менее 10% московской студенческой молодежи каждый. Стоит отметить значимое различие в распределении голосов за кандидатов, наблюдаемое между сравниваемыми подгруппами (табл. 1). Так, несмотря на то что наибольшая доля голосов московского студенчества была отдана за В.В. Путина, его поддержка на выборах в данной социальной общности была ниже, чем в целом среди россиян и российской молодежи.

Видовой анализ политической активности в динамике позволил выявить несколько особенностей соотношения потенциальной и реализованной активности (см. рис. 2). Потенциальная политическая активность московских студентов по замеру, проведенному в декабре 2017 г., отражала заинтересованность боль-

¹ См.: Статистика высшего образования // Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: <https://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2017/во-2017/ФСН-ВПО-1-2017> (дата обращения: 20.11.2017).

² ЦИК РФ. Официальный сайт. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&global=1&vrn=100100084849062&region=0&prver=0&pronetvd=null> (дата обращения: 19.02.2019).

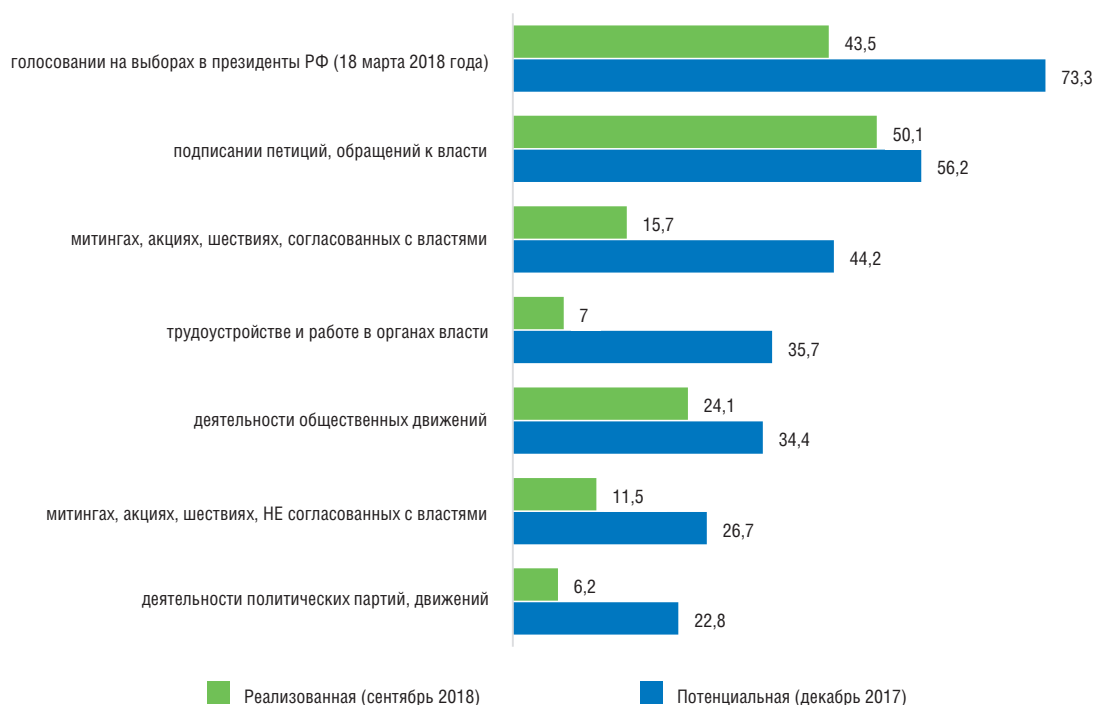
³ Молодежь ломает стереотипы // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002> (дата обращения: 19.02.2019).

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГОЛОСОВ, ОТДАНЫХ ЗА КАНДИДАТОВ НА ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РФ 18 МАРТА 2018 Г. (%)

	Россияне в целом ¹	Российская молодежь (18–34 года) ²	Московские студенты
В. Путин	76,7	68–71,8	43,2
П. Грудинин	11,8	11,6–12,4	30,1
В. Жириновский	5,7	7,1–8,3	4,6
К. Собчак	1,7	4,4–6,4	8,9
Г. Явлинский	1,1	0,9–1,3	4
Б. Титов	0,8	1–1,4	1,2
М. Сурайкин	0,7	0,8–0,9	0,1
С. Бабурин	0,7	0,6–0,9	1,8
Недействительные	0,8	1,1–1,2	6,1

Рисунок 2

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ. УЧАСТИЕ В... (% от всех опрошенных)

шинства в участии в выборах, электоральную мобилизованность. Высокий уровень потенциальной электоральной активности московской студенческой молодежи не выразился в таком же высоком уровне реализованной активности. 37,5% из числа опрошенных студентов, заявивших о готовности голосовать, были намерены поддержать на выборах оппозици-

онного политика А.А. Навального при условии выдвижения его кандидатуры. Вероятно, объявленный им «бойкот выборов» привел к потере интереса к выборам части студентов и отказу участвовать в голосовании его сторонников. По оценкам экспертов, призывы Навального могли повлиять на 8–15% избирателей (тех, кто следит за его деятельностью)¹. В этом контексте важно отметить и тот факт, что студенты не оказали столь же выраженной

¹ ЦИК РФ. Официальный сайт. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&global=1&vrn=100100084849062&region=0&prver=0&pronetvd=null> (дата обращения: 19.02.2019).

² Молодежь ломает стереотипы // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002> (дата обращения: 19.02.2019).

¹ См.: Навальный начинает кампанию по бойкоту президентских выборов // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/01/14/747759-navalnii-boikotu-prezidentskih-viborov> (дата обращения: 15.01.2018).

поддержки на выборах другим «либеральным» кандидатам.

Наиболее выраженными оказались различия в уровнях стихийно-массовой и профессиональной политической активности. Относительно высокий уровень потенциальной профессиональной активности, выраженной в готовности 35,7% опрошенных трудоустроиться и работать в органах власти, не свидетельствует о фактической готовности к осуществлению этой деятельности, а выражает направленность установок, восприятие работы во властных структурах как престижной, желаемой. Более высокий уровень потенциальной, чем реализованной, стихийно-массовой активности не конвертируется в реальные действия на таком же уровне. Вероятнее всего, он отражает солидарность данной социальной общности, поддержку митингующих менее активным большинством, демонстрирует запрос на выражение политических притязаний студенческой молодежи. Показатель потенциальной стихийно-массовой активности у изучаемой общности стабилен и не изменился по результатам второго замера (рис. 3).

Потенциальная политическая активность московской студенческой молодежи по результатам замера в сентябре 2018 г. отражает выраженные установки на участие в политике посредством форм электоральной активности, к которым относятся подписание петиций и

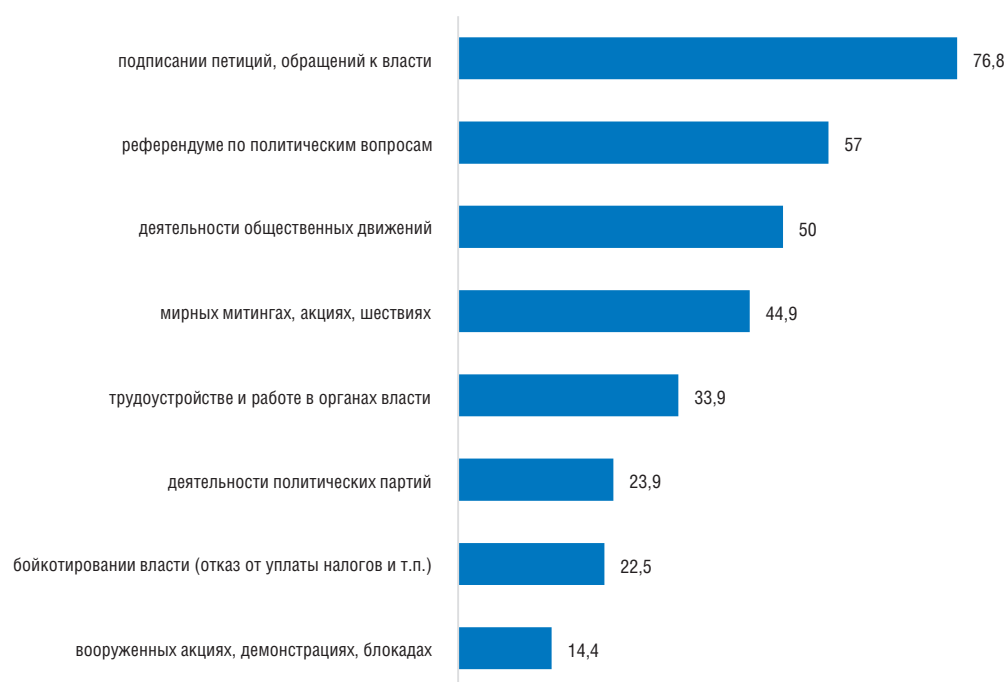
обращений к власти (76,8%), голосование на референдуме (57%). Кроме того, студенты выражают готовность к участию в деятельности общественных движений (50%) и в мирных митингах, шествиях, демонстрациях (44,9%). Распределение долей студентов, готовых проявлять соответствующие формы потенциальной активности, структурно близко к распределению по реализованной активности. Кроме того, не наблюдается значительных различий в потенциальной активности студентов в период мобилизации перед президентскими выборами и по завершении электорального цикла. Установки на неконвенциональные формы политической активности выражены в меньшей степени, чем прочие формы.

Типология московских студентов по характеристикам их политической активности

Поиск универсального показателя, способного отразить активность респондентов на индивидуальном уровне, привел к выбору индивидуального индекса разнообразия форм проявления политической активности индивидом. Данный показатель, представляет собой простую сумму форм проявления политической активности респондентом и вычисляется для обоих видов активности — реализованной и потенциальной. Перечень форм, используемых для вычислений, представлен в табл. 2. Он включает 10 форм для реализованной активно-

Рисунок 3

ДОПУСКАЕТЕ ЛИ ВЫ ДЛЯ СЕБЯ ВОЗМОЖНОСТЬ УЧАСТИЯ В... (% , сентябрь 2018)

сти и 8 — для потенциальной. Таким образом, индивидуальный индекс политической активности измеряется в количественной шкале отношений и имеет границы отрезков [0;10] и [0;8] соответственно.

На этапе предварительного анализа был проверен ряд гипотез о характере распределения частот по формам активности для различных групп московской студенческой молодежи. По его результатам удалось установить статистически значимую связь (критерий « χ^2 -квадрат», уровень значимости 0,05) между проявлением активности по какому-либо компоненту из числа профессиональной, стихийно-массовой или структурной и количеством форм участия в политике. Таким образом, индекс позволяет учесть «деятельные» формы проявления политической активности наряду с количественной интерпретацией уровня активности.

Классификация данных путем использования метода иерархической кластеризации позволила выявить три типа московских студентов по характеристикам их реализованной и потенциальной политической активности, получившие условные названия «активисты», «обыватели» и «абсентеисты». Структура типов отображена на рис. 4.

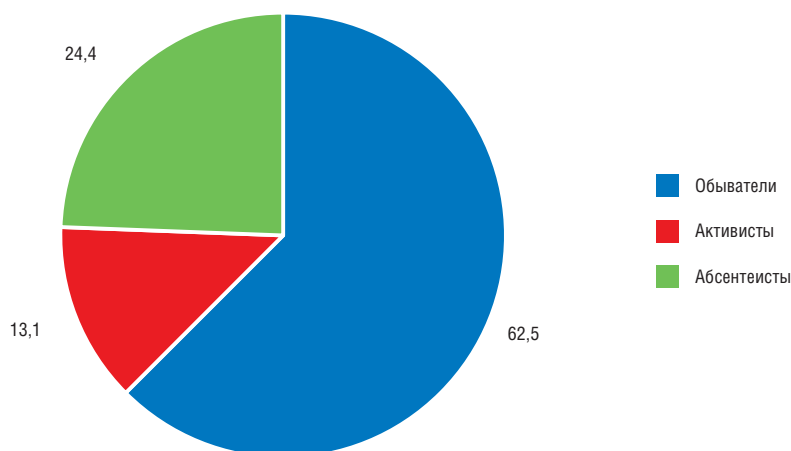
Так, «активистами» обозначен кластер студентов, проявивших в среднем порядка пяти форм реализованной политической активности и готовых проявлять столько же форм активности в будущем. Студенты, отнесенные к данному типу, наиболее активно участвуют в политике, проявляют множество различных по компонентам политической активности форм участия в политике. Речь, прежде всего, идет о деятельных формах, подразумевающих систематическое, многократное участие, например, в деятельности политических партий или общественных движений. Они вовлечены в политическую деятельность и имеют установки на активное участие в политике в будущем. К типу «обывателей» относятся студенты, проявившие за последний год в среднем одну-две формы политической активности, но при этом выражающие готовность проявлять политическую активность более разнообразно и интенсивно в будущем. Тип «абсентеист» представлен теми студентами, которые не проявляли политической активности за последний год ни в одной из форм или же осуществляли какие-либо единичные действия, например подписывали петиции. Представители данного типа не проявляют политической активности и не имеют установок проявлять ее в будущем, они выра-

Таблица 2

ПЕРЕЧЕНЬ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОСКОВСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ ПРИ ПОДСЧЕТЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИНДЕКСА

№ п/п	Формы проявления политической активности	
	Реализованная	Потенциальная
1	Участие в деятельности политических партий, движений	Участие в вооруженных акциях, демонстрациях, блокадах
2	Работа в органах власти (стажировка, место трудоустройства)	Бойкотирование власти (отказ от уплаты налогов и т.п.)
3	Участие в работе местного самоуправления	Участие в деятельности политических партий, движений
4	Работа на выборах в качестве наблюдателя	Трудоустройство и работа в органах власти
5	Участие в митингах, шествиях, демонстрациях, НЕ согласованных с властями	Участие в мирных митингах, акциях, шествиях
6	Участие в митингах, шествиях, демонстрациях, согласованных с властями	Участие в деятельности общественных организаций, движений
7	Участие в деятельности общественных организаций, движений	Голосование на референдуме по политическим вопросам
8	Голосование на выборах мэра Москвы / губернатора МО 9 сентября 2018 г.	Подписание петиций, обращений к власти
9	Голосование на выборах президента РФ 18 марта 2018 г.	—
10	Подписание петиций, обращений к власти	—

Рисунок 4

СТРУКТУРА ТИПОВ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ ПО ХАРАКТЕРИСТИКАМ ИХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ (%)

жают отстраненность от политики и являются пассивными участниками политического процесса.

Меры центральной тенденции, на которых основано классифицирование студентов и присвоение их типам соответствующих названий, представлены в табл. 3, где они сгруппированы по видам политической активности.

Наиболее распространенным типом студентов, составляющим большинство в структуре московской студенческой молодежи, по параметрам политической активности является тип «обыватели» (62,5%). Данному типу свойственно проявление преимущественно электоральной активности. Так, 43,7% от числа «обывателей» голосовали на президентских выборах 2018 г., 54,6% осуществляли свое волеизъявление посредством обращения к властям в форме петиций и писем, 27,7% голосовали на выборах мэра Москвы / губернатора Подмосковья. Пятая часть «обывателей» (19,3%) принимала участие в деятельности общественных движений и организаций. Различные комбинации данных форм активности и составили участие этого кластера студентов в политике в течение изуча-

емого периода. Иные формы политической активности данной категорией студентов практически не проявлялись, число осуществлявших прочие формы деятельности находится в пределах ошибки измерения и не может быть истолковано иначе как незначительное. Как показал анализ, «обыватели» демонстрируют интерес к политике, по их собственной оценке, достаточно хорошо осведомлены о политической ситуации в стране и в мире. Большинство (62,3%) не удовлетворено внутренней политикой, проводимой властями в стране, в то время как внешняя политика государства воспринимается этой категорией лучше, доля неудовлетворенных этой сферой составляет 49,5%.

«Обыватель» имеет выраженные установки на более активное участие в политическом процессе в будущем. Именно этот тип студентов привносит различия в структуры реализованной и потенциальной активностей — их потенциальная активность выше, чем реализованная. В то время как структуры активностей по видам у остальных типов студентов совпадают: «активисты» активны и намерены оставаться такими же активными в политике

Таблица 3

МЕРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТЕНДЕНЦИИ ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИНДЕКСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ТИПЫ СТУДЕНТОВ

Тип студентов	Индивидуальный индекс политической активности					
	Потенциальная активность			Реализованная активность		
	Среднее	Медиана	Мода	Среднее	Медиана	Мода
«Обыватели»	3,71	4,0	4	1,87	2	1
«Активисты»	5,84	6,0	6	4,86	5	5
«Абсентеисты»	0,61	0,75	0	0,99	1	0

в дальнейшем, «абсентеисты» отстранены от государства и политики и не выражают готовности включаться в политические процессы, а «обыватели», составляющие основную массу московского студенчества, допускают участие в большем количестве форм деятельности и имеют амбиции быть более вовлеченными в политику. Но, как показывает сравнение характеристик их активности во времени, их установки так и остаются установками — потенциальная активность не конвертируется в реальную в том же объеме, но свидетельствует об определенной направленности настроений социальной общности.

Наиболее ярко выраженные установки «обыватели» имеют преимущественно на те же формы деятельности, что они осуществляют фактически: подписание петиций (89,7%), участие в референдуме (70,5%), т.е. формы, относящиеся к компоненту электоральной активности. При этом более выражена, чем реализована, потенциальная стихийно-массовая активность «обывателей» — 52,9% из их числа допускают участие в мирных митингах, акциях, шествиях. Примечательно, что стихийно-массовая активность «обывателей», несмотря на общий негативный фон их политических настроений, имеет преимущественно конвенциональный характер, неконвенциональные установки наблюдаются у десятой части представителей этого типа.

Доля «активистов» в выборке не позволяет провести глубокий и подробный анализ особенностей их политической активности, однако на базе имеющихся данных есть возможность обозначить некоторые тенденции и выраженные аспекты, характеризующие политическое участие данной категории московских студентов. Так, среди «активистов» наблюдается высокий уровень политической активности, прежде всего по структурному и стихийно-массовому компонентам. Именно к данному типу студентов относятся те группы молодых людей, которые активно вовлечены в политическую деятельность, причем как в «офлайне», так и в Интернете. «Активисты» значительно чаще остальных типов публикуют информацию о политике в Интернете, а также чаще используют Интернет в качестве инструмента политического участия — подписывают с его помощью петиции, участвуют в доступных в Сети формах волеизъявления. Кроме того, удалось установить, что в группе «активистов» доля юношей статистически значительно превышает долю девушек, тогда как среди «абсентеистов» — наоборот.

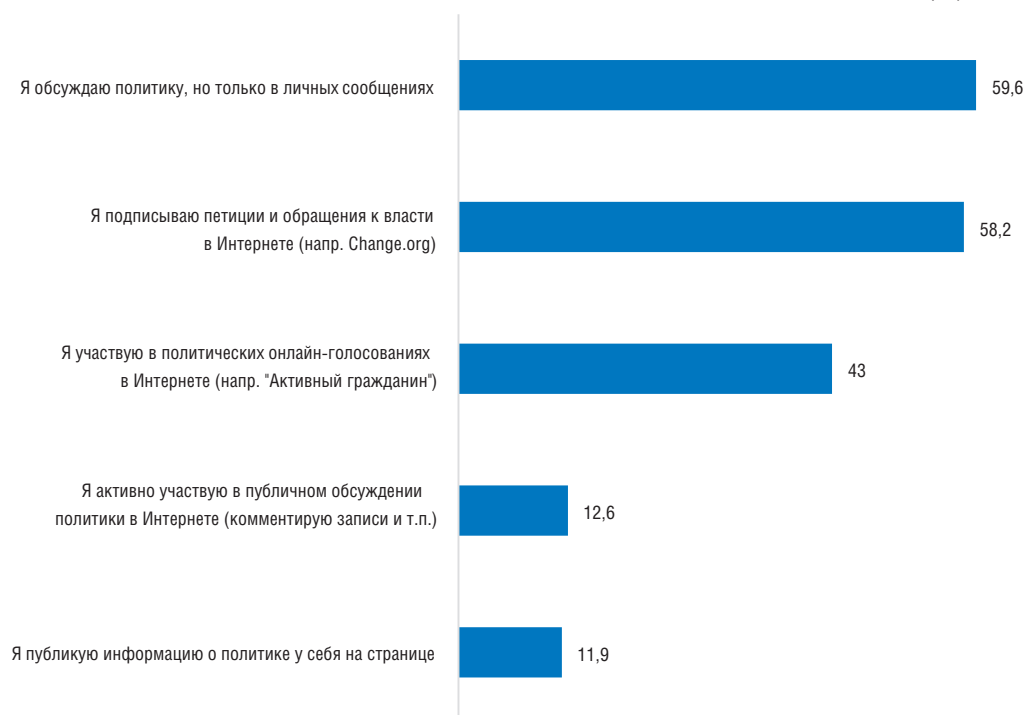
«Абсентеисты» практически полностью выключены из деятельного участия в политическом процессе. Представители данного типа проявляли не более одной формы участия в политике, при этом характер данных форм отражает единичное, несистематическое участие. Так, если «абсентеисты» проявляли активность в какой-либо форме в течение изучаемого периода, то она ограничивалась голосованием на выборах или подписанием петиций. У представителей данной социальной общности отсутствует выраженная стихийно-массовая, структурная и потенциальная активность. «Абсентеисты» не проявляют интереса к политике, оценивают свою осведомленность о политической ситуации в стране и мире в целом как плохую, политика не представляет значимой ценности для представителей данного типа. Они стремятся отстраниться от участия в политической жизни и не имеют установок на более активное участие в политике в будущем. Большинство представителей данного типа допускают проявление электоральной активности в будущем (например, проголосовать на референдуме), однако исключают возможность реализовывать активность по другим компонентам.

Политическая активность московских студентов в Интернете

На рис. 5 аналогично распределениям по видам активности, рассмотренным выше, упорядоченно отображены основные формы проявления политической активности московских студентов в Интернете. Так, наиболее часто встречаемыми формами реализации активности в Сети стали обсуждение политики в личной переписке (59,6%), подписание петиций и обращений к властям (58,2%), а также участие в политических онлайн-голосованиях (43%).

В структуре тех активностей, которые молодежь осуществляла в Интернете, подписание петиций так же выражено, как и в аспекте реализованной активности в «офлайне». Эта форма политической активности анализируется в данном контексте вне зависимости от временных рамок, операционализация данного показателя в опросе в анкете не предполагала уточнения временного промежутка (в отличие от показателя, отраженного на рис. 1, — там речь идет об активности за последний год, к моменту проведения анкетирования), внимание сосредоточено на самом факте, отражающем преобладающий характер осуществления деятельности. Из числа тех студентов, за последний год прини-

Рисунок 5

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ПУБЛИКАЦИОННОЙ И ВОЛЕИЗЪЯВИТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ (%)

мавших участие в подписании петиций и обращений к власти, 79% предпочитают делать это в Интернете. Таким образом, самая массовая, распространенная среди московской студенческой молодежи форма участия в политике реализуется главным образом с помощью Интернета. Значение коэффициента связи Крамера, полученное при анализе перекрестных таблиц, сопрягающих форму реализации политической активности посредством подписания петиций и канала, по которому она осуществляется, составляет 0,67, что свидетельствует о наличии сильной связи между этими двумя переменными. Следовательно, можно говорить о переходе некоторых форм реализации политической активности, таких как подписание петиций, писем, обращенных к властям, в электронную форму. Это делает более доступными и легко осуществимыми такие формы политической активности, что в то же время может снижать уровень деятельного участия, способствовать укоренению практик «гражданственности малых дел».

Обсуждение политики в личной переписке между студентами иллюстрирует заинтересованность данной категории политическими событиями. При этом публично высказывает мнение в социальных сетях, на интернет-сайтах только десятая доля респондентов. Эта активность выражена в комментировании записей, написании постов и т.п. Информацию о по-

литике на своих страницах в социальных сетях размещают менее 12% московских студентов. Такая тенденция вызвана распространенным в данной среде страхом репрессий за публикацию политических материалов, опасениями «сесть за репост».

Теоретическая модель данного исследования предполагает рассмотрение Интернета в контексте политической активности молодежи в двух перспективах: в качестве средства, обеспечивающего потребление информации студентами, а также в качестве канала распространения информации и реализации политической активности через доступные в Интернете формы. Фактически проведенное исследование вводит и третью — рассмотрение Интернета как пространства сбора эмпирических данных. Так, наблюдение за этапом проведения работ по сбору данных позволило зафиксировать во время проведения второй волны опроса снижение количества студентов, готовых выразить мнение посредством заполнения социологической анкеты в социальных сетях. Эта тенденция была выявлена при анализе «параданных», т.е. данных, непосредственно не включенных в систему показателей, заданную в исследовании, но при этом так или иначе фиксируемых. К их числу относятся комментарии и лайки, оставляемые под записями, response rate, строка «комментарий к анкете», которая заполняется респондентами по желанию, количество

респондентов, не до конца завершивших прохождение анкеты, и т.п. В качестве примера, иллюстрирующего мотивацию к отказу от прохождения опроса, можно привести следующие высказывания респондентов: «Надеюсь, что после этого опроса ко мне не ворвутся господа в форме»; «Было страшно проходить. Меня же не посадят?»; «Хорошая попытка, центр “Э”, но я, пожалуй, откажусь»¹. Данные наблюдения иллюстрируют вывод, приведенный выше.

Заключение

Опираясь на полученные в ходе исследования данные, следует заключить, что московская студенческая молодежь действительно выделяется по характеристикам своей политической активности как особый субъект современного политического процесса. Изучаемая социальная общность в основной массе инертна в контексте политической активности, воспринимает политику с позиции зрителей, отстранившихся наблюдателей, хотя и имеет установки на большую вовлеченность в политический процесс. Политическая активность большинства московских студентов ограничена единичными, несистематическими формами деятельности — подписанием петиций и голосованием на выборах. Проявление деятельных форм активности свойственно только немногочисленным группам, относящимся к типу «активисты». Стихийно-массовая политическая активность московского студенчества носит невыраженный характер, проявляется на уровне отдельных групп, а не на уровне большинства. При этом протестная активность видится данной немногочисленной социальной общности возможностью выражения своих политических интересов и притязаний, одобряется и допускается примерно половиной опрошенных. Установки на реализацию неконвенциональной активности выражает наименьшая доля респондентов, готовых принимать участие в политике как минимум в одной форме деятельности. Не наблюдается выраженных различий при сравнении активностей в динамике по видам между

собой, тогда как соотношение потенциальной активности с реализованной различается как по уровню, так и по количеству форм проявления. Большинство московских студентов относится к типу «обыватели» по характеристикам политической активности, который и вносит основные различия в соотношение видов активности, а также формирует преобладающие характеристики активности изучаемой социальной общности. Интернет играет значимую роль как в политической коммуникации московской студенческой молодежи, поскольку он является главным ретранслятором информации для студентов, так и в активности, выступая пространством реализации наиболее распространенной формы активности — подписания петиций. При этом только каждый десятый студент публично выражает свое мнение о политике в Интернете.

Список литературы

1. Вебер М. Власть и политика / М. Вебер; пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова. М.: РИПОЛ классик, 2017. 432 с.
2. Карпенко О.М., Ламанов И.А. Молодежь в современном политическом процессе в России. М.: Изд-во СГУ, 2006. 560 с.
3. Общественное мнение — 2017. М.: Левада-центр, 2018. 244 с.
4. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секр. О.Е. Чернощек. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 608 с.
5. Шабров О.Ф. Понятие политического: возможна ли политическая наука? // Власть. 2016. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-politicheskogo-vozmozhna-li-politicheskaya-nauka> (дата обращения: 23.09.2018).
6. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем.; под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. 568 с.

¹ См., напр.: Подслушано РТУ МИПЭА (МТУ). URL: https://vk.com/overhear_mtu?w=wall-57143976_239548 (дата обращения: 21.10.2018).

Приложение

Определение и обоснование выборки

1. Определение генеральной совокупности

Генеральную совокупность составляют студенты очной и очно-заочной форм обучения высших учебных заведений города Москвы, обучающиеся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в возрасте от 17 до 25 лет. Общий объем генеральной совокупности составляет 455 047 человек¹. Характеристики генеральной совокупности представлены далее.

Таблица А

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ПО КУРСУ ОБУЧЕНИЯ

Курс обучения	Программы бакалавриата	Программы специалитета	Программы магистратуры	Σ
1	76 416	21 264	37 753	135 433
2	71 576	19 817	36 032	127 425
3	64 823	16 331	2 801	83 955
4	63 202	15 317	0	78 519
5	5 410	14 844	0	20 254
6	26	8 898	0	8 924
7	0	537	0	537
Σ	281 453	97 008	76 586	455 047

Таблица Б

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ПО ВОЗРАСТУ

	Всего, чел.	Женщин, чел.	Мужчин соответствующего возраста, %	Женщин соответствующего возраста, %
Моложе 15 лет	3	1	66,7	33,3
15 лет	54	16	70,4	29,6
16 лет	1 950	963	50,6	49,4
17 лет	21 216	10 502	50,5	49,5
18 лет	65 307	34 734	46,8	53,2
19 лет	73 316	39 930	45,5	54,5
20 лет	76 999	40 985	46,8	53,2
21 год	72 340	38 707	46,5	53,5
22 года	57 066	29 323	48,6	51,4
23 года	36 975	18 129	51	49
24 года	16 631	7 925	52,3	47,7
25 лет	7 900	3 719	52,9	47,1
26 лет	5 234	2 522	51,8	48,2
27 лет	3 694	1 769	52,1	47,9
28 лет	2 831	1 457	48,5	51,5
29 лет	2 587	1 354	47,7	52,3
30-34 года	5 446	2 714	50,2	49,8
35-39 лет	2 758	1 485	46,2	53,8
40 лет и старше	2 740	1 752	36,1	63,9
Итого	455 047	237 987	47,7	52,3

¹ Министерство образования и науки Российской Федерации. – URL: <https://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2017/во-2017/ФСН-ВПО-1-2017> (дата обращения: 20.11.2017).

Таблица В

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПО ПРОФИЛЮ ПОДГОТОВКИ И КУРСУ ОБУЧЕНИЯ (%)

Профиль / курс обучения	Технический	Гуманитарный	Естественно-научный	Другой
1	26	23	21	22
2	18	20	19	20
3	18	18	15	19
4	17	16	14	17
5	5	2	11	7
6	1	0	9	0
1 маг.	8	11	6	8
2 маг.	7	10	5	7
Σ	100	100	100	100

2. Обоснование анкетирования через социальные сети

Согласно результатам измерения аудитории Интернета (данные за февраль 2018 г.), 86,1% всех пользователей Интернета в Москве в возрасте от 18 до 24 лет пользуются социальной сетью «ВКонтакте», кроме того, 82,4% из числа людей, имеющих статус учащихся, также являются аудиторией этого проекта¹. Таким образом, можно говорить о достаточно широком охвате московской учащейся молодежи данной социальной сетью. На основании имеющихся данных можно сделать вывод о том, что большинство студенческой молодежи Москвы представлено в данной социальной сети, а значит, исследование политической активности студентов на примере пользователей «ВКонтакте» дает возможность выявления особенностей политической активности для основной массы представителей изучаемой социальной общности, оценить общую тенденцию в распределении ответов респондентов.

3. Определение методики отбора

Выбранная генеральная совокупность, ее особенности, а также ограниченность материальных и временных ресурсов определили необходимость формирования многоступенчатой выборки, репрезентирующей московскую студенческую молодежь.

А. Первый этап отбора

Данные об охвате аудитории выбранной социальной сетью позволяют с определенными допущениями отождествлять генеральную совокупность и московских студентов, пользующихся данным ресурсом, а значит, распространять характеристики «большой» генеральной совокупности на студентов – пользователей социальной сети. То есть, согласно этому допущению, распределение студентов, пользующихся выбранной социальной сетью, повторяет по контролируемым признакам (направленность специальности, пол, возраст, курс обучения – по которым известно фактическое распределение в ГС из данных статистики) распределение студентов в генеральной совокупности.

Социальная сеть «ВКонтакте» позволяет доступными инструментами поиска находить пользователей, указавших название своего учебного заведения, и таким образом отбирать респондентов, открывая этим возможности конструирования вероятностной выборки для отобранной аудитории этого сайта (путем систематического отбора, зная распределения студентов – пользователей соцсети). Однако данный подход видится излишне сложным по следующим причинам. Во-первых, отбор и анкетирование респондентов по отдельности займет слишком много времени. Во-вторых, для соблюдения полной статистически верифицируемой репрезентации необходимо множество сложных процедур контроля заполнения анкеты, системности отбора и структуры выборки. В-третьих, получение статистически репрезентативной выборки для аудитории социальной сети потребует распространения данных для «большой» генеральной совокупности.

¹ Результаты исследований аудитории Интернета // Mediascope. – URL: http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2018&captcha_code=0cae924b236ee9c59ef9d2cf340c0acc&captcha_word=Wm6PJ&set_filter=Y (дата обращения: 20.03.2018).

ности, что значительно снизит точность данных или вовсе сделает невозможным вычисление статистически измеряемой точности оценки отклонения параметров распределения генеральной совокупности по выборочным данным.

Таким образом, выбор был сделан в пользу размещения анкеты в целевых студенческих вузовских сообществах. Данный способ представляет гораздо более выгодное с позиций экономии времени и денежных средств проведение полевых работ, так как позволяет охватить значительно большее число студентов в короткие сроки. Из наиболее представительных по численности подписчиков-студентов (в соответствии со структурой ГС), а также доступных для размещения там анкеты (на правах рекламы, объявления и т.п.) сообществ были отобраны следующие:

ВШЭ (vk.com/public57354358),
МГИМО (vk.com/public57969268),
МГСУ (vk.com/public58898124),
МГМУ (vk.com/public58060828),
МГАВМиБ (vk.com/public31730990),
ФУ (vk.com/public37015953),
МИСиС (vk.com/public58897819),
МТУ (vk.com/public57143976),
МПГУ (vk.com/public30973505),
МАДИ (vk.com/public58685160),
МИФИ (vk.com/public59240455),
МГЛУ (vk.com/public58726513),
МГМСУ (vk.com/public46603054),
РГАУ-МСХА (vk.com/public58638134),
РосНОУ (vk.com/public89396164),
МГУПП (vk.com/public59320863),
МИИТ (vk.com/public58675499),
РГУНГ (vk.com/public58157078),
ВАВТ (vk.com/public58558997),
МГТУ (vk.com/public59336460),
МГК (vk.com/public60669510),
Мосполитех (vk.com/public59237599),
РЭУ (vk.com/public54683887),
РАНХиГС (vk.com/public128219388),
РТА (vk.com/public58436412),
МГУТУ (vk.com/public58580994),
РГСУ (vk.com/public58593098),
МГЮА (vk.com/public59185165).

Численность и активность подписчиков этих сообществ пропорциональна численности студентов соответствующих вузов, что позволяет соотносить эти две подгруппы студентов между собой и принять совокупность подписчиков приведенных выше сообществ эквивалентной генеральной совокупности по

контролируемым признакам. Таким образом, единицами отбора и объектами репрезентации на первом этапе являются студенческие вузовские сообщества.

Б. Второй этап отбора

Второй этап отбора предполагает расчет необходимого минимального объема выборочной совокупности. Так, для того, чтобы фактическая ошибка вероятностной выборки при объеме генеральной совокупности, составляющем 5000 единиц или более, не превышала 5%, следует формировать выборку в объеме 400 единиц¹. Таким образом, рациональным видится формирование выборки приблизительно такого же объема.

Обеспечение содержательной репрезентативности выборки по структуре контролируемых признаков дает возможность соблюсти квотная выборка с квотами, сформированными по контролируемым признакам, указанным в пункте 1. При размещении анкет в группах в социальной сети наполнение квот будет происходить стихийно, что потребует последующей коррекции соответствия структуры ВС и ГС.

Анализ активности подписчиков сообществ, отобранных на первом этапе, показал, что для покрытия объема выборки в 400 единиц нет необходимости размещать анкету во всех выбранных сообществах в целях экономии средств. Так, для размещения анкеты были выбраны наиболее многочисленные сообщества, направленность которых в целом соответствует принятой на этапе формирования ГС классификации: технические, гуманитарные, естественно-научные и прочие (в которые входят разнонаправленные университеты, а вузы, профили которых не совпадают с первыми тремя категориями). Так, на втором этапе были отобраны: МГМУ (vk.com/public58060828), МГЛУ (vk.com/public58726513), МГМСУ (vk.com/public46603054), МГТУ (vk.com/public59336460), МГК (vk.com/public60669510), МГЮА (vk.com/public59185165), МТУ (vk.com/public57143976).

Таким образом, единицами отбора второго этапа стали названные студенческие сообщества. Кроме того, на данном этапе, анкеты также рассылались методом снежного кома среди студентов ВШЭ, РУДН, ФУ, РГГУ, МГУ.

¹ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Добросвет, 2000. С. 119.

В. Третий этап построения выборки

Собранные анкеты были взвешены таким образом, чтобы распределения ВС были максимально приближены к распределениям ГС (ошибка квотной репрезентации не превышает 9% по профилю подготовки, по остальным параметрам не превышает 4%). Фактические данные, полученные после ремонта и взвешивания выборки, отражены в таблицах Д – З.

Таблица Г
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВС ПО КУРСУ ОБУЧЕНИЯ

Курс обучения	%
1	21,5
2	20,8
3	23,6
4	13,1
5	4,3
6	0,8
1 магистратура	6,3
2 магистратура	6,1
Аспирантура	3,5

Таблица Д
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВС ПО ПРОФИЛЮ ПОДГОТОВКИ

Профиль подготовки	%
Технический	35,6
Гуманитарный	36,7
Естественно-научный	19,9
Другой	7,7

Таблица Е
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВС ПО ВОЗРАСТУ

Возраст	%
17	5,4
18	19,7
19	18,9
20	19,4
21	10,6
22	9,6
23	6,7
24	3,2
25	6,5

Таблица Ж
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВС ПО ПОЛУ

Пол	%
Мужской	48,6
Женский	51,4

4. Фактическая процедура осуществления выборки

Онлайн-анкета размещается в отобранных из списка семи студенческих сообществах вузов в социальной сети «ВКонтакте». Параллельно с этим анкета распространяется методом снежного кома среди студентов еще пяти высших учебных заведений. Сбор данных происходит до тех пор, пока не будет покрыт минимальный объем выборки, затем для соответствия критериям репрезентативности осуществляется детерминированная поверхностная выборка для закрытия квот, в которых набралось меньше 50% требуемой численности (при ошибке 4%). В случае наличия расхождения квот со структурой генеральной совокупности производится взвешивание данных по квотным признакам. Предварительный отбор респондентов в выборку осуществляется вопросами-фильтрами, подразумевающими уточнение факта обучения в высшем учебном заведении Москвы и формы обучения. Ремонт выборки производится исключением анкет с незаполненным социально-демографическим блоком вопросов, а также удалением неподходящих по критериям отбора анкет (например, респондентов старше 25 лет).

К ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ В СССР И РОССИИ

Александр ЧЕПУРЕНКО

О «товарище Сталине» и «(пост)советском человеке»: от Воланда к Леваде¹

Россияне опять в большинстве относятся к Сталину вполне «благожелательно»: доля таких респондентов в марте 2019 г. достигла максимального значения за все годы наблюдений. Что же? «Люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Ну, легкомысленны... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их», — как известно, такова была оценка москвичей иностранным консультантом Воландом, якобы посетившим нашу столицу в период, который впоследствии назовут началом сталинизма. Дьявол был снисходителен к слабостям жителей Москвы. Потому что кто лучше дьявола понимает, что обычный человек не в состоянии плыть против того течения, которое образуется сцепкой мощных групповых интересов и поддерживается самым мощным оружием — идеологическим. Именно этим дьявол и пользуется, чтобы затащить филистера, шписбургера, «обычного человека» в свои сети.

Каким же был «обычный советский человек», которого выковала сталинская, а затем закалила и сформировала брежневская эпоха? Об этом следует спросить, конечно, не Воланда, а группу социологов, изучавших под руководством Левады на протяжении многих лет этот социокультурный феномен. В итоге были выявлены девять характерных черт «советского человека»:

1. Массовидный, усредненный, сориентированный на норму «быть как все», а пото-

му подозрительный ко всему новому и своеобразному.

2. Приспособленный, пассивно адаптированный к существующему социальному порядку, безропотно принимающий произвол «государства».

3. «Простой», ограниченный (в интеллектуальном, этическом и символическом плане), но выдвигающий свою примитивность и бедность как «достоинство», как превосходство над «другими».

4. Иерархический человек, четко осознающий, что не только экономические и социальные блага, но и человеческие права, внутреннее достоинство, уважение, «честь», признание человеческой ценности, понимание допустимого, этические нормы, интеллектуальные качества и способности распределяются в соответствии с социальным статусом и положением в структурах власти.

5. Хронически недовольный человек прежде всего тем, что предоставляется ему в качестве всем «положенного», а потому разочарованный, завистливый.

6. Считающий себя вправе обманывать всех, с кем имеет дело, — как начальство, власть, так и близких; лукавый человек, демонстрирующий лояльность властям и своему окружению, но по-настоящему заботящийся лишь о собственном выживании или об очень узко понимаемых прагматических интересах.

7. Неуверенный в себе человек, поскольку он никогда не может полагаться на правовую и социальную защищенность.

¹ Выступление на XIII Всероссийской конференции памяти Юрия Левады, апрель 2019 г.

8. Его разочарованность и чувство неполноценности компенсируются сознанием (массовой, коллективной) исключительности, превосходства (причастности к чему-то «особенному», «сверхзначимому», «надындивидуальному» — великим державе, империи, народу).

9. Двухнаправленно коррумпированный: подкупается не только власть в лице разного рода чиновников и надзирателей, но само население — через различные подачки, привилегии, послабления, поощрения, посулы и разнообразные символические знаки избранности.

Насколько далек нынешний постсоветский человек от человека советского? Судя по всему, в чем-то далек, а в чем-то не очень. Начнем с различий. Их немного: нынешние россияне, кажется, перестают безропотно принимать произвол «государства», об этом свидетельствуют как рухнувшие после объявления о пенсионной реформе рейтинги власти, так и результаты выборов в ряде субъектов РФ осенью 2018 г. И еще, как свидетельствуют данные опросов ИСИЭЗ ВШЭ, они гораздо более склонны к инновационному поведению в быту: чаще стремятся освоить новые финансовые продукты и технологии, услуги и активно пользуются разными гаджетами.

А вот совпадений гораздо больше. Поэтому приходится признать, что современные россияне в общем недалеко по своим социокультурным характеристикам от человека советского. Нам свойственно ощущать превосходство над «другими» и, не умея создать собственные автоприличного качества или наладить раздельный сбор мусора, презрительно отзываться об «этих америкосах» и «гейропе». (При этом более 110 млн человек никогда не покидали пределов СНГ и, по-видимому, подавляющее большинство из них никогда не имели опыта живого общения с иностранцами.)

Да, мы остаемся «иерархическими людьми», прекрасно понимающими правила игры в современной России, которые, по крылатому выражению одного из прежних диктаторов, выглядят примерно так: «для друзей — всё, остальным — закон».

Да, мы недовольны тем набором благ и услуг, которые имеем, как и качеством жизни вообще, а потому завидуем все тем же американцам и европейцам: около 20% россиян хотели бы (хотя не все из них готовы!) навсегда уехать из страны.

Да, мы считаем себя вправе обманывать всех, с кем имеем дело, потому что сложившийся в обществе порядок не кажется нам легитимным — отсюда значительный объем не-

формальной экономики, в которой, по разным оценкам, занято от 15 до 30 млн россиян.

Да, мы не уверены в своей защищенности: уровень доверия формальным правовым институтам очень низок, ни в полицию, ни в суд мы предпочитаем по возможности не обращаться, так как знаем (по собственному опыту или опыту знакомых), что не помогут.

Да, конечно, наша разочарованность состоянием дел в стране и чувство неполноценности компенсируется сознанием собственной исключительности, превосходства (причастности к великой державе) — отсюда шовинизм, расизм и прочие проявления бытового фашизма, расцветающие в российском обществе.

И да, мы возмущаемся так называемой коррупцией во власти, но сами послушно «подносим» врачу, учителю, гаишнику и т.д. и, в свою очередь, также не прочь получить подачку от властей в виде ли мизерной прибавки к грошовой пенсии или к студенческой стипендии в 1600 рублей.

Все это объясняет, почему сегодняшним россиянам близок «великий вождь» товарищ Сталин — ключевые черты сталинской эпохи, анализ которой Левада провел в статье «Советский человек и его воспроизводство», во многом также напоминают сегодняшний день.

Во-первых, «Сталин предложил свои “простые” варианты политического строительства тогда, когда исчерпали себя и оказались в тупике все “сложные”...»¹ (Разве не такая же ли ситуация сложилась в начале 2000-х гг., когда, не сумев до конца решить задачи перехода к рыночной экономике и демократии «простыми» средствами — приватизацией, либерализацией и т.д., — рыночные реформаторы стали предлагать все более сложные и еще менее понятные обывателю подходы к реформированию общества и экономики, чем окончательно оттолкнули и озлобили значительную часть общества?)

Во-вторых, сталинская модернизация сверху породила «обилие грандиозных проектов и еще более грандиозных обещаний», все это создавало «иллюзии конструктивности происходящего...» Грандиозные проекты мостов, трубопроводов, скоростных магистралей, все эти «белые слоны» олимпиад, универсиад, чемпионатов — они и сегодня должны создавать ощущение прорыва в будущее. Однако, писал Левада, достигаемый таким путем «выигрыш неизбежно оказывался временным, фасады обваливались (коррупция), а реформы

¹ Левада Ю.А. Время перемен. М., 2016. С. 341.

дрейфовали в сторону лихорадочного возведения потемкинских деревень...»¹. Здесь сама собой напрашивается параллель с масштабной модернизацией сверху, проводимой в последние годы в России, — в ее ходе опять возникают циклопические проекты вроде строительства моста на Сахалин, который никогда не будет загружен, или возведения огромного здания для Роскосмоса в форме ракеты — в ситуации, когда страна утрачивает компетенции в космической отрасли, так что едва ли не каждый второй запуск ракет заканчивается неудачей. При этом в XXI в. 2000 школ в России не имеют теплых туалетов, а порядка 20% российских больниц — горячей воды.

В-третьих, сталинизм предполагал последовательное обособление от окружающего мира: «начинали с ожиданий всемирного освободительного вихря, который должен был захватить и заброшенную в дальний угол цивилизации великую страну. Все западники и все марксисты за ними долго ждали зарниц “света с Запада”, но так и не дождались их», а в результате возникла фрустрация в правящей элите, когда рухнули надежды на “свет с Запада”», — отмечал Левада². «Внутрипсихологическая сторона ситуации “осажденной крепости” — перепуганно-озлобленное “крепостное”... сознание,

готовое видеть вокруг себя бесчисленные полчища “врагов”, готовое объяснять их кознями любые собственные неудачи и просчеты, а главное — готовое довериться “твердой руке”. И еще изоляционистский комплекс, который... сводится к ряду противопоставлений вроде “свое — чужое”. Свое всегда хорошо, чужое плохо или, по крайней мере, подозрительно»³. Не видим ли мы и в сегодняшнем дне признаков той же «осажденной крепости», ведь, согласно официальным медиа, весь мир ополчился на Россию и страх войны опять стал одним из самых сильных страхов россиян?

Напрашивается вывод: каков социум, таковы и порядки. И наоборот, каковы общественные тренды, таково и общество, их воспринимающее и усваивающее. Если социокультурный портрет современных россиян не сильно отличается от портрета «советского человека», то и власть будет воспроизводить в своих действиях многие характерные для советской эпохи подходы и решения. И, понимая социокультурную близость россиян и «советского человека», апеллировать с помощью своей пропагандистской машины к «великому советскому прошлому».

Значит, чтобы понять нынешнее общество и возможные варианты его дальнейшего изменения, продолжаем читать Леваду!

¹ Там же. С. 343.

² Там же. С. 351.

³ Там же. С. 352.

Игорь КОН:

«...После моей смерти ты можешь это напечатать».

Интервью Дмитрия Шалина с Игорем Коном

В августе 1989 г. я приехал в Бостон по приглашению Гарвардского университета для изучения перестроечных реформ. Русский исследовательский центр в тот академический год посетили многие ученые из СССР, и тогда же возникла идея провести серию интервью с советскими социологами. В тот год мне удалось записать интервью с Юрием Левадой, Борисом Грушиным, Игорем Коном, Владимиром Паниотто, Владимиром Голофастом, Галиной Саганенко, Василием Селюниным, Виталием Найшулем и Григорием Ханиным. Многие из этих интервью были впоследствии опубликованы в рамках проекта «Международная биографическая инициатива»¹. К гарвардскому циклу позже добавились разговоры с Галиной Старовойтовой, Виктором Шейнисом, Аллой Назимовой, Владимиром Ядовым, Борисом Фирсовым, Андреем Алексеевым, Леонидом Кесельманом, Олегом Божковым, Эдвардом Беляевым, Борисом Дубиным, Алексеем Левинсоном, Борисом Работом, Даниилом Дондуреем, Владимиром Магуном и Мариэттой Чудаковой².

¹ Сайт «Международная биографическая инициатива» был создан в 2006 г. Дмитрием Шалиным и Борисом Докторовым на базе Центра демократической культуры Университета Невады в Лас-Вегасе. URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>. К настоящему времени опубликованы следующие интервью гарвардского цикла: Шалин Д. «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе». Интервью с Юрием Левадой // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 155–174. URL: http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_levada_interview_90.pdf; Шалин Д. «Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз». Интервью с Игорем Коном // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 100–137. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kon_96.pdf; Шалин Д. «У нас была тема очень суровая — невозможность жить в советском обществе». Борис Грушин и Наталья Карцева. Открытая книга. Т. 2. С. 112–130 (М.: Изд-во Московского университета, 2011). URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/grushin_shalin_89.pdf; Шалин Д. Галина Саганенко и Валерий Голофаст. Беседа о русской интеллигенции // Телескоп. 2008. № 1. С. 18–24. URL: http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_golofast_intro.pdf; Шалин Д. «Всю оставшуюся жизнь буду гордиться тем, что рабочие позвали меня к себе». Интервью с Василием Селюниным // «Международная биографическая инициатива», 2007. URL: <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/seliunin.html>.

² См.: Шалин Д. «Вы слишком хорошего мнения о нашей оппозиции. Они будут расстреливать на месте на этот раз». Интервью с Галиной

Особое место среди этих интервью занимают беседы с моим учителем, коллегой и другом Игорем Семеновичем Коном. Наш первый разговор под магнитофон состоялся в мае 1990-го, последний — в мае 2008-го. В общей сложности около 18 часов записей разговоров с Коном хранятся в моих аудиоархивах. В круг наших тем входили биография семьи Игоря, годы его ученичества, веки профессионального роста, выживание в годы застоя, отношения с партийными властями и КГБ, горбачевские реформы и роль интеллигенции в эпоху перестройки, контрреформы и ультранационализм в современной России. В последней серии разговоров, записанных в 2008 г. во время визита в Лас-Вегас, Игорь размышляет о своем жизненном пути и дает оценку собственному творчеству.

Старовойтовой // Телескоп. 2008. № 1. С. 18–24. URL: http://teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1230371008241762file.pdf; Шалин Д. «Из диалогов Владимира Ядова и Дмитрия Шалина» // Вестник общественного мнения. 2015. № 3–4. С. 194–219. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/vy_ds_dialogues.pdf; Шалин Д. «По мере созревания нравственная конфронтация становилась политической». Беседа с Андреем Алексеевым, Олегом Божковым, Галиной Саганенко и Леонидом Кесельманом // Телескоп. 2010. № 4. С. 1–13. URL: http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_aa_90.pdf; Шалин Д. «На что Попов живо откликнулся: “Это Нина Андреева не меняет принципы, а я развиваюсь. Я живой человек, я меняю принципы”». Интервью с Виктором Шейнисом и Аллой Назимовой // «Международная биографическая инициатива», 2007. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/sheinis_nazimova.html; Шалин Д. «Во время чехословацких событий мы были в Кярияку и там между заседаниями ходили по дороге и обсуждали эти события». Интервью с Эдвардом Беляевым // «Международная биографическая инициатива», 2008. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/beliaev_08.html; Шалин Д. «Там, где возникает возможность реального политического действия, интеллигенция просто не возникает». Интервью с Борисом Дубиным // «Международная биографическая инициатива», 2007. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/dubin_93.html; Шалин Д. «Здесь есть искус историзации, замены философской проработки возвратом к старой конструкции». Интервью с Алексеем Левинсоном // «Международная биографическая инициатива». 2007. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/levinson_93.html; Шалин Д. «Как внутренний эмигрант я все время жил в закрытой стойке». Интервью с Борисом Работом // Борис Работ: «Шестидесятник, которого не услышали». Статьи. Интервью. Воспоминания. Сост. Л. Виссон, В. Арканов. М.: «Р. Валент», 2012. С. 34–54. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/rabbot_08.html.

Сейчас опубликованы или готовятся к печати несколько интервью из этой серии¹. Вместе с недавно изданными письмами Игоря Кона² эти публикации позволяют лучше понять творчество выдающегося ученого и неординарного человека, с которым я познакомился в 1967 г. на втором курсе философского факультета ЛГУ. Темой моей первой научной работы, написанной в студенческие годы под руководством Игоря, была теория «Я» Джорджа Герберта Мида. Этой же теме посвящена наша первая совместная публикация и моя диссертация, защищенная в 1973-м в Институте конкретных социальных исследований РАН³.

В августе 1975 г. я эмигрировал из России. В течение последующего десятилетия наши контакты оставались спорадическими, но с началом перестройки они восстановились. В 1992-м Игорь сделал доклад на Первой невадской конференции по русской культуре, позднее опубликованный в сборнике по кризису идентичности и постмодернизму⁴. Игорь принял участие в коллективной монографии «Российская культура на перепутье», для которой написал главу об этических особенностях российского сознания⁵. Несколько раз Игорь приезжал в Лас-Вегас, где я живу с 1991 г. и преподаю в Университете штата Невада. Здесь же

были записаны несколько интервью с Игорем, включая наш последний разговор, который состоялся 26–28 мая 2008 г. Часть этого интервью публикуется в данном номере журнала.

Цитата, выведенная в заголовки интервью, указывает на деликатную природу материй, затронутых Игорем в ходе нашей беседы. Значительная часть интервью посвящена отношениям Игоря с советскими властями, в частности с Комитетом государственной безопасности. Игорь рассказывает о своих отношениях с Юрием Поповым, заведомом ленинградского КГБ, курировавшим дело Иосифа Бродского по линии госбезопасности. По разным причинам Игорь не заострял внимание на этом в автобиографической книге⁶, но попросил меня опубликовать данный материал после его смерти.

В нижеследующей транскрипции вопросы и реплики интервьюера несколько сокращены. Неразборчивые слова обозначаются вопросительным знаком. В квадратных скобках содержатся пояснения редактора. В сносках дается информация о работах Кона и, по возможности, расшифровываются упомянутые имена.

Дмитрий Шалин
Лас-Вегас, март 2019 г.

Игорь Кон (ИК): В советские времена Запесочский⁷ начинал заниматься организацией дискотек и написал диссертацию о дискотеках, что вообще не вписывалось в идеологию. Светлане Иконниковой⁸ все это приходилось прикрывать, она его поддерживала.

Дмитрий Шалин (ДШ): Он был ее аспирантом?

ДШ: Нет, аспирантом он был у Артановского⁹. В каком-то смысле он шел по моим стопам, поскольку о той музыке добрые слова были сказаны только в моих книжках. Рок-музыканты все были мне благодарны, они это до сих пор помнят. Мне это говорил Артем Троицкий¹⁰, и печатно они об этом высказывались.

ИК: Вы знакомы с Гребенщиковым?

ДШ: Нет, лично нет.

¹ Шалин Д. «Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз». Интервью с Игорем Коном // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 100–137. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kon_96.pdf; Шалин Д. «Если бы в начале 80-х меня куда-нибудь выпустили, я бы точно не вернулся». Интервью с Игорем Коном // Мониторинг общественного мнения. 2019. № 2. Он же. «Я мог бы написать свою биографию в ключе жертвы режима, в ключе успешного карьериста, в ключе таланта, который не полностью раскрылся в данной системе и посредственности, которая реализовала себя на максимуме». Интервью с Игорем Коном // Социологические исследования. 2019. № 6.

² См. также: Шалин Д.Н. Из переписки с Игорем Коном // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 6. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/547/489>.

³ Кон И.С., Шалин Д.Г. Мид и проблема человеческого // Вопросы философии. 1969. № 12. С. 85–96. URL: http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_kon_vf.pdf; Шалин Д. Психологическое направление в американской социологии конца XIX — начала XX века: Дисс. ... канд. филос. наук. Москва. 1973. Институт конкретных социальных исследований РАН.

⁴ First Nevada Conference on Soviet Culture. Center for Democratic Culture, University of Nevada Las Vegas. 1992. November 23rd. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/first_nevada.html; Кон И.С. "Identity Crisis and Postcommunist Psychology". P. 395–410, in: Shalin D. (ed.) Self in Crisis: Identity and the Postmodern Condition. Special Issue of Symbolic Interaction. Vol. 15. No. 4. Fall. 1993. URL: http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_si_93.pdf.

⁵ Кон И.С. "Moral culture". P. 185–208, in: Shalin D. (ed.) Russian Culture at the Crossroads: Paradoxes of Postcommunist Consciousness. Boulder, CO: Westview Press. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/nc1/shalin_rc1_intro.pdf.

⁶ Кон И.С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.

⁷ Запесочский А.С. (род. 1954) — советский и российский ученый, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

⁸ Иконникова С.Н. (род. 1930) — заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры.

⁹ Артановский С.Н. (род. 1932) — профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры.

¹⁰ Троицкий А.К. (род. 1955) — советский и российский рок-журналист, музыкальный критик.

ИК: Они были особенно благодарны и какое-то время приглашали меня на все рок-концерты. Я тогда уже был в Москве, и это было сильно утомительно, но я увидел в этом нечто интересное. Я защищал эту музыку, не потому что она мне нравилась, я ее не знал. Я защищал право молодежи на свою культуру и на эту музыку. От того, что пенсионеры чего-то не поминают, это не значит, что это плохо. [Мою поддержку] очень ценили. Я помню, что часто ездил в Эстонию, у меня бывали лекции в Таллине. Кроме того, в Тарту я просто регулярно отдыхал, ехал через Таллин и по дороге там всегда были встречи. Причем это были очень мрачные времена. Меня пригласили на эстонское радио или телевидение, я уже не помню. Оно было хорошее. Я там был популярен задолго до того, как стал писать о сексе, который был для меня боковым сюжетом.

ДШ: Ваши новомировские статьи были куда более влиятельны.

ИК: Конечно, конечно. Я давал им интервью, не помню, о чем. Ко мне пришел главный редактор и руководители [отделов], они благодарили меня за несколько страниц о молодежной музыке в книге о психологии юношеского возраста. На самом деле это был результат работы, мне пришлось что-то почитать, и тут мне больше всего помогла поездка в Венгрию в 1969 г. В Венгрии меня переводили, читали и любили, принимали на самом высоком уровне в ЦК, хотя поездка и была частная. Мои интервью печатались в партийных изданиях, выходили книги в различных издательствах. Так вот, я сказал кому-то из руководящих товарищей-социологов, что меня сейчас интересует молодежная музыка, и мне устроили посещение фестиваля, который как раз там был. Я слушал живьем разные группы, видел, как они работают, что было страшно интересно и поучительно. Там это не запрещали, а просто поставили на коммерческую основу. Пожалуйста, вот конкурс — победите и будете зарабатывать деньги, [если] у вас есть популярность. А субсидировать вас как оперу никто не станет. Опять же, вас много и кто из вас чего стоит, мы не знаем. Кроме того, там этим занимались социологи. Не знаю, жив он или нет (последний раз, когда я там был, я с ним не встречался), но там был такой Иван Витани... Это было лучшее в соцсистеме, за исключением, может быть, Польши (я польски не читаю). У Витани было специальное исследование о социологии и эстетике молодежной музыки. В своей книжке я это использовал, у меня там есть ссылки.

ДШ: У Тома Кушмана¹ есть книга о российском роке.

ИК: Я заменял Тома Кушмана в Университете Уэсли. С ним мы познакомились уже потом. Это уже следующая эпоха. То было задолго до Тома Кушмана, и потом советские критерии несколько отличались от того, что мог написать американский социолог. Кульминацией здесь оказалась моя статья в «Правде». Это было уже в перестройку, году в 1988-м, точно уже не помню, можно установить по списку моих работ. В книжку² это не вошло, хотя это интересная новелла.

В начале горбачевского царства все время шли реваншистские разговоры. Когда Горбачев и Яковлев одновременно оказались в зарубежной командировке, то Лигачев³ организовал сразу две провокации. Первая была всем известная статья Нины Андреевой⁴. Как она там называлась, «Не могу поступиться принципами». А вторая, менее масштабная, провокация, но тоже очень значимая и с перспективами, статья в «Правде» трех великих писателей земли русской — Белова⁵, Бондырева⁶ и, как его, новосибирца? «Прощание с Матерой» — хороший писатель, но фундаменталист, он давно уже литературой не занимается. Ну, сам найдешь без труда [Валентин Распутин]⁷. В общем, три действительно — за исключением Бондырева, которого великим писателем никто не назовет, хотя он знаменитый советский писатель, но все же писатель, — а два других действительно великие писатели, как минимум выдающиеся. Они написали статью против рок-музыки, о том, что она вредно влияет на нервную систему и здоровье, со ссылками на несуществующие западные исследования. Фундаменталистов здесь тоже хватает. Очень резкая статья. Было объявлено, что «Правда» начинает дискуссию по этому поводу, а какие в «Правде» бывают дискуссии, всем хорошо известно. На следу-

¹ Том Кушман (род. 1950) — профессор социологии. Колледж Уэсли, США.

² *Кон И.С.* 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.

³ Лигачев Е.К. (род. 1920) — советский и российский государственный и политический деятель, секретарь ЦК КПСС в 1983–1990 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1985–1990 гг.

⁴ Андреева Н.А. (род. 1938) — советский и российский политический деятель.

⁵ Белов В.И. (1932–2012) — русский советский писатель, член Союза писателей СССР.

⁶ Бондарев Ю.В. (род. 1924) — русский советский писатель и сценарист, член Союза писателей СССР.

⁷ Распутин В.Г. (1937–2015) — русский советский писатель и публицист, общественный деятель.

ющий день после публикации статьи Лигачев, который вместе с Яковлевым курировал идеологию и культуру, но с противоположных позиций, собрал главных редакторов всех газет и изданий и сказал: «Вот это есть то самое, что нам надо поддерживать». То есть началась развернутая кампания против рок-музыки. В некоторых местах в провинции сразу стали закрывать рок-клубы. Ситуация была очень опасная. Мне это сильно не понравилось, и я подумал, что [надо ответить]. Формально должно было быть обсуждение. Я знал о позиции Лигачева, и мне было понятно, что, во-первых, никто достаточно веского ответа дать не сможет, это не так просто, вещи не эмоциональные. А кроме того, если послать по почте статью, то она не дойдет — «потеряется». Такие вещи всегда срежиссированы.

Поэтому я позвонил заместителю главного редактора и спросил: «У вас действительно будет обсуждение?» Он сказал: «Конечно, ради бога, присылайте». А в «Правде» всегда был очень хороший отдел школ. О школах там писали лучше, чем в любой другой газете. Там сначала много лет была замечательная порядочная женщина, старая большевичка, понимающая школу (я опять же не могу вспомнить фамилии). А потом, когда она ушла на пенсию, ее сменил человек, который, может быть, и сейчас работает в «Правде». Он убеждений вроде не менял, но человек был вполне разумный. Его зовут Олег Петрович Матягин. Я позвонил ему: «Олег Петрович, что вы печатаете?» Он говорит: «Как вы понимаете, это не я печатаю». Я говорю: «Я хочу на это откликнуться, что вы по этому поводу думаете?» Он говорит: «Давайте сделаем ход конем. Конечно, если вы просто пошлете по почте, письмо никогда не появится. Давайте сделаем так. Пошлите на мое имя, потому что писем громадные мешки, и виновника не найдут, если оно потерялось. Пришлите на мое имя, я это точно получу. И я своей властью, поскольку он редактор “Правды” по отделу школы, я своей властью пушу это в набор. И когда начнется дискуссия, то на редколлегии статья будет и там отклонить уже будет сложно». Я написал очень хороший текст, а дальше я уезжал на Кубу и думал, что, когда вернусь, здесь уже будет полный скандал и меня все будут поносить. Сначала дискуссия очень долго не разворачивалась.

ДШ: А вашу статью напечатали?

ИК: Нет, первую они напечатали, а вот обещанной дискуссии не было. Вернулся Горба-

чев и вернулся Яковлев, а у него совсем другие позиции. То есть не то чтобы я написал такую хорошую статью и повернул историю вспять. Конечно, там были и другие игры, внередакционные. Как бы там ни было, когда я вернулся (я был на Кубе недели две), дискуссии еще не было. Откликов на такую тему обычно бывает много и всегда в поддержку. Потом началась эта дискуссия, в одном номере был какой-то митрополит, который все горячо поддержал (они тогда еще не были главнокомандующими). Еще какие-то знаменитые люди выступили в поддержку и потом моя статья. По-моему, я ее сканировал, она где-то есть. А может, и нет. И моя статья была объективно... там были аргументы насчет того, как это влияет на психику, и насчет права молодежи на выбор музыки. То есть это была теоретическая статья. Она была короче того, что я послал. Конечно, оригинал был лучше, но жаловаться на сокращения [было бессмысленно], в газетах это всегда. Но суть осталась. И дальше дискуссия шла еще в нескольких номерах, и, что бывает редко в таких случаях, последующие авторы ссылались на мою статью. Дискуссия, естественно, ничем не кончилась и не должна была кончиться. Но запретительные меры отпали, когда восстановилась власть Горбачева и стало ясно, что Лигачев не командует парадом или командует только частично. Статья была очень важной, и рокеры мне — я получал письма, звонки, — они были очень благодарны. Потом черносотенная публика печатала свои статьи (мои приятели переслали их мне), где говорилось, что Кон своих детей воспитывает на классической музыке и они у него учатся в консерватории, а чужих детей он хочет отравить.

ДШ: Своих детей?

ИК: Ну да, тогда еще не все знали, что [у меня] и сексуальная ориентация не та, и вообще я агент международного империализма и сионизма. Тогда это подразумевалось, но не формулировалось. На самом деле с моей стороны это был поступок, потому что кроме неприятностей я ничего не ожидал. А в это время в «Коммунисте» шла гораздо более важная для меня статья о психологии социальной инерции.

ДШ: Ее отмечал Левада.

ИК: Да, это была очень важная статья.

ДШ: Это где-то 1987 год.

ИК: Да, где-то в эти годы. В книжке есть библиография, не проблема сверить¹. Та статья была для меня гораздо важнее. Хотя и то, и другое — партийные издания, линия «Ком-

¹ Кон И.С. Психология социальной инерции // Коммунист. 1988. № 1.

муниста» и линия «Правды» не совпадали. «Коммунист» вел либеральную линию, там меня поощряли не бояться. Фролов¹ в это время там вел игру, Араб-Оглы² занимался делом. Это был очень хороший журнал, но я опасался, что, если будет скандал тут, это может сказаться там. Никто не знает, отложат. Но ничто ничему не помешало. А среди самых ценных (я ничего не сохранил, и понятно, что мне пишут благодарственные письма люди, которые меня любят) — отклик Бовина³. Он мне специально позвонил. У нас были издавна дружеские отношения, но такого, чтобы поздравить и позвонить, этого в наших отношениях не было. Это значило, что ему действительно понравилось и он считает это очень важным. Бовин из тех людей, которые комплиментов зря никому не говорил.

ДШ: А кем он тогда был?

ИК: Он был обозревателем «Известий», но Бовин — это Бовин, его слово всегда было ценно.

ДШ: Прекрасная виньетка. Наверняка были другие люди и группы, признательные вам за защиту их интересов, — педагоги, феминистки, геи.

ИК: Только когда ты говоришь о геях, никогда не суживай дело до активистов. Активисты ко мне приходили, но с ними у меня было мало отношений. Они были совершенно беспомощны. А вообще, они все воюют друг с другом, у них разные проблемы. Кто-то из них мне нравится, кто-то нет, но я в их дела не вмешиваюсь.

ДШ: А вы всем нравитесь?

ИК: Нет, потому что я не советовал проводить гей-прайды. В самой политизированной группе они меня уважают, но я им не нравлюсь. Так же как они мне. Я понимаю их необходимость, но мои работы в этой области гораздо важнее. К юбилею я получал письма [из которых следовало, что мои работы] помогли обычным людям, а не просто активистам, получить самосознание и самоуважение. До моей книги они были больными и преступниками, и в этот статус их сейчас усердно возвращают.

¹ Фролов И.Т. (1929–1999) — советский и российский философ, партийный деятель, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, главный редактор газеты «Правда».

² Араб-Оглы Э.А. (1925–2001) — советский и российский философ, специалист по социальной философии, прогнозированию и демографии.

³ Бовин А.Е. (1930–2004) — советский и российский журналист, публицист, политолог. Кандидат философских наук. Был спичрайтером генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, а также тесно сотрудничал с секретарем ЦК КПСС Ю.В. Андроповым.

ДШ: Отменяют законы?

ИК: Законы не отменяют и диагноз не восстанавливают, но рассказать об этом и сделать это обоснованно [сложно]. [Советский] закон на самом деле отменили, потому что без этого в Совет Европы невозможно было войти. Никаких других резонансов у них не было. В моих статьях и книжках об этом говорится открытым текстом, и я продолжаю это объяснять — не думайте, что тогда власть была либеральная. Я объясняю, почему был отменен диагноз, чего никому не объяснили, даю историю вопроса. В моей книге «Люди лунного света»... Нет, это Розанов. А как же называется моя книга? «Лунный свет на заре»⁴. Первое издание так называется, и это очень важная метафора. В моей автобиографии есть резюме. Если кто-то читает, и не только геи, то становится ясно, почему существует стигма и почему эта стигма иррациональна... За этим стоит большая работа. Скажем, за статьей в защиту рок-музыки большой работы не стоит. Это просто была хорошая газетная статья. Ничего нового по этой теме в моих книжках о молодежной субкультуре не было. А тут — несколько лет работы.

ДШ: Смотрите, Игорь. Есть рокеры, которых вы поддержали в трудный момент, есть геи, которые вам чем-то обязаны, есть педагоги, которым ваши публикации помогли отстаивать свои принципы. Еще есть молодежь...

ИК: Эта молодежь сегодня пенсионного возраста.

ДШ: Ну да. Тем не менее она выростала на ваших работах. Кто еще? Наверное, были еще какие-то группы, которым вы помогли формулировать и отстаивать их интересы. Что-то в партийной среде, партийная интеллигенция?

ИК: Наверное.

ДШ: Кто еще?

ИК: Евреи.

ДШ: Конечно! Еврейские меньшинства.

ИК: «Психология предрассудка»⁵ — это был прорыв.

ДШ: Это, пожалуй, был первый поступок, где гражданская позиция сочеталась с научной деятельностью.

ИК: Эту статью перепечатывают и сегодня во всех сборниках. Хотя там есть печать времени, но мне она и сегодня нравится. Это не единственная статья о национальном вопросе. Были

⁴ Кон И.С. Лики и маски однополю любви: Лунный свет на заре // 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ, 2003.

⁵ Кон И.С. Психология предрассудка: О социально-психологических корнях этнических предрассудков // Новый мир. 1966. № 9.

так же статьи о национальном характере¹. С них начинается отечественная этнопсихология, все ссылки начинаются с этих работ. Отсюда начинаются мои контакты с этнографами. К моему восьмидесятилетию, на полит.ру... Кстати, я не могу выйти на этот сайт у тебя, «Гугл» говорит, что там опасные вирусы и вы повредите свой компьютер.

ДШ: Я выхожу на этот сайт без проблем.

ИК: Я знаю, что это не так, и все же. Так вот, они сначала дали приветствие Ядова, Фирсова и кого-то там третьего.

ДШ: Александра Гофмана.

ИК: Гофман, да. А потом они мне переслали Дробижеву². Она специалист по национальным вопросам, и она пишет не о моей роли в ее жизни, хотя есть много писем такого рода, а она опишет, что к моему юбилею посмотрела все работы по национальному вопросу — диалектика развития наций и так далее. Она посмотрела эти статьи и [увидела], что они не устарели. К сожалению, так оно и есть. Появилось много чего другого, если брать строгую науку, но, хотя я не делал специальных исследований, я писал не с кондачка. В психологии предрассудка не много сносок, но они есть, а вот в статье о диалектике развития наций, структурированной к ленинскому юбилею, нет никаких сносок, кроме как на Ленина. На самом деле я никогда не писал статьи, которая была бы до такой степени фактически фундаментальна. Национальные проблемы не только у нас. Про нас как раз писать было нельзя. Я писал про Запад, был собран огромный материал. В это время был подъем национализма. По Канаде были источники, хотя меня интересовала больше Европа. О шотландском национализме я прочитал свежую книгу, про Шотландию и Уэльс. По Бретани, когда я был в Париже, я специально попросил французских коммунистов и посмотрел французскую литературу. Там был взрыв национализма. По Швейцарии — единственный позитивный пример решения проблемы — была великолепная статья в *Social Research*. Я тогда получал много журналов, у меня были источники, но самой сложной для меня была Бельгия, находившаяся тогда на пороге распада. Я хотел найти источники, написал в ЦК бельгийской компар-

тии, но они мне не ответили. Письмо могло не дойти. На цензуру пенять не приходится, потому что до меня доходила корреспонденция и все знали, чем я занимаюсь. Проблем с этим не было. С сексом было сложнее. Я также послал письмо коллегам соцпсихологам, но получил какую-то одну хилую статью, не ответившую на мои вопросы. Помог мой друг Аполлон [Давидсон]³, который хорошо знал спецкору «Правды» в Бельгии. Уверенности нет, но, по-моему, его фамилия была Харламов. Я пытался его найти по «Гуглу» и не нашел. То есть я нашел журналиста Харламова, который покончил жизнь самоубийством, но о том, что он был в Бельгии, там не было сказано. Это не важно, но я просто хотел его упомянуть добрым словом... Когда я это прочитал, я понял, что, если меня очень будут просить стать премьер-министром Бельгии, надо отказаться. Их проблемы я понимаю, но решения их не вижу. В статье ничего этого нет, и можно подумать, что это все просто здравый смысл, но на самом деле это все глубоко фундаментально. Статья имела резонанс, ее читали и мотали на ус. Она была серьезно сделана. По форме статья была неприемлема для советской интеллигенции, потому что это был ленинский юбилей и к каждому параграфу там был эпиграф из Ленина. В сборнике своих статей я сократил эти эпиграфы, но не потому, что мне за них стыдно. Там все мысли абсолютно правильные. Они ленинские, но это те мысли, с которыми я согласен. Ленин был не дурак...

ДШ: [Игорь, приходилось ли вам иметь дело с КГБ?]

ИК: У нас с Фирсовым и Ядовым был общий знакомый, Юрий Попов, начальник идеологического отдела КГБ. Я этого человека знал очень хорошо со студенческих лет. Он был двумя курсами младше меня по Герценовскому институту. И он был секретарем комсомольской организации на историческом факультете, где я был в аспирантуре. Его обвиняли в карьеризме, и кто-то из студентов задал мне вопрос о его занятии комсомольской и партийной работой. Я сказал: «Знаете, ребята, я не вижу в этом карьеризма. Это законная работа, человеку может нравиться такой вид деятельности. Вообще, ничего дурного в желании продвигаться по административной, партийной, комсомольской, профсоюзной линии нет». Он какое-то время работал в обкоме комсомола, где Фирсов был секретарем, а он заведующим отделом. А потом

³ Давидсон А.Б. (род 1929) — советский и российский историк-африканист.

¹ Кон И.С. Национальный характер — миф или реальность? // Иностранная литература. 1968. № 9; Кон И.С. Диалектика развития наций: Ленинская теория наций и современный капитализм // Новый мир. 1970. № 3.

² Дробижев Л.М. (род. 1933) — советский и российский историк и социолог.

этот человек перешел в КГБ, и там он заведовал нашим отделом и нам помогал. В частности, он дал нам с Ядовым очень полезный совет.

ДШ: Там тоже были порядочные люди.

ИК: Это не вопрос порядочности. Он был человек жесткий, дослужился до полковника, но он старался разбираться в вещах. Порядочность — это не та категория. Он вел дело [Иосифа] Бродского. Он делал это дело. Как-то мы с ним разговаривали, и я ему сказал, что это грязное дело. Естественно, у нас не было с ним интимных дружеских отношений, но мы жили в одном доме, он жил в соседней парадной, и они иногда ко мне обращались за советами.

ДШ: Его звали...

ИК: Юрий Попов. И он, конечно, имеет мрачную репутацию среди диссидентов. Они приходили ко мне за советом, что делать. Он приходил лично, но понятно, что ничего личного там не было. Любые профессиональные разговоры там фиксировались. Я знаю случай, когда человек в Москве был спасен при помощи жесткой системы фиксации, контролирующей инстанцией. Ему из КГБ дали поручение, а потом от него отrekliсь и обвинили чуть ли не в шпионаже. Ситуация была абсолютно безнадежная, потому что они говорили, что никаких заданий в Западной Германии ему не давали. Это был мой коллега по кафедре в Институте общественных наук. Что ты можешь тут сделать, он мог погибнуть. Все остальные обвинения были дурацкие, и они в КПК рухнули. В КПК сидели старые коммунисты, очень вьедливые, они имели опыт отсидок и не любили карательные органы. Если у них возникало впечатление, что дело дутое, они проверяли. Они могли проверить. В данном случае, а это был заместитель Замошкина¹ по кафедре (история случилась уже после моего ухода, когда там бог знает что происходило). Человека обвиняли во всем на свете. Одно из обвинений было, что у него дома есть пластинка с речами Гитлера. А он германист, занимался германским фашизмом. Все это было легко опровергнуть. Он принес эту пластинку, и оказалось, что это гэдээровская пластинка и речь Гитлера там действительно есть, с комментарием о том, какой он истеричный. Второе обвинение, по которому я мог бы проходить свидетелем, если бы оказался в Москве, что [на кафедре] создали какую-то империю. Это была непонятная и мне, и Замошкину история, в которой мы участвовали. Что было на самом деле? Каждую неделю всей кафедрой

мы ездили в сауну в старом цирке. Была только наша компания, в буфете была вобла, пиво, и мы там приятно проводили время. Ничего политического не было. И вот этот коллега — у человека было какое-то мальчишество — придумал игру, что у нас такая империя — он император, кто-то из аспирантов — полковник, кто-то еще. Такая мальчишеская игра. Нам с Замошкиным было непонятно, зачем все это. Ну, играют, и пожалуйста. А когда Замошкин ушел и сняли ректора, пришел другой человек, который стал уничтожать директора. А он был любимцем Рыженко, и под него стали копать, и тут же один из аспирантов, ходивших в баню, написал донос насчет империи. Опять же, никакой политики.

Но самое страшное обвинение было связано с командировкой в ФРГ. Деталей не знаю, но ему были поручены контакты с кем-то, с кем контактировать было нельзя, с эмигрантами и так далее. Встречаться с эмигрантами было нельзя. Я помню, когда я ехал в Париж, меня кто-то предупредил, не в ЦК и не в посольстве, что есть такой магазин, где продаются русские книги и есть эмигрантские издания, туда ходить ни в коем случае не надо, как бы то не было интересно. Каждый, кто туда ходит, попадает в поле зрения, поэтому туда не ходи. А человек мог туда пойти, не зная. Так вот, этот человек ходил куда-то, куда ходить было нельзя, и встречался с кем-то, с кем встречаться было нельзя. И он был обвинен в шпионаже. Он говорил, что ему давали поручение, что он сдавал отчет в КГБ. А те сказали, мы ничего не знаем, отrekliсь полностью. Но следователь КПК имел особую власть. Они могли затребовать документы внутреннего контрольного органа. Не знаю, как он называется, орган внутренней безопасности или что-то такое. А там любая встреча, любое задание фиксируется. И тогда эта женщина вызвала [?], и ей три раза пришлось разговаривать сначала с полковником, потом с генералом, начальником этого отдела. Они сначала говорили, что ничего вообще не помнят. Потом они признались, что что-то было, но несущественное, он нам ничего не привозил. И тогда она сказала генералу КГБ — она его вызывала, и он к ней приходил, в данном случае он не мог отказаться, — она сказала: «Вы освежите вашу память. Либо вы мне расскажете все как есть, либо я запрошу протокол. Если там окажется, что он говорит правду, вам партийного билета не видать». И после этого они вспомнили, и все отпало...

¹ Замошкин Ю.А. (1927–1993) — советский социолог.

Фирсов¹ говорил, что личных отношений с Юрием Ивановичем у него не было, человек он был коварный и опасный. Не то Ядов, не то Фирсов, встретив случайно Попова, спрашивал: «Ну что вы делаете с Беляевым?»² Отпустите человека [к его жене в Париж]».

ДШ: А Эдика не выпускали?

ИК: Его не пускали, хотя там была женитьба, были документы. Я не помню подробностей и деталей, но один раз Попов сказал то ли Ядову, то ли Фирсову: «Мы его не выпустим, у него будут неприятности». И тогда ему сказали: «Ну зачем вы это делаете? У него никаких секретов нет».

ДШ: Он не член партии.

ИК: Он не член партии, все чисто. Как бы то ни было, его выпустили. А ко мне [из КГБ] обращались по разным вопросам. Одна история, рассказанная в моей книжке. Я там был не один, групповая порука и все такое. Другой случай, они приходили, когда появились подростковые фашистские организации. Они не знали, что с этим делать. Приходили и спрашивали, что это такое. Я говорю: «Ищите взрослых». Они говорят: «Все перерыли — взрослых нет». Я говорю: «Это не настоящий фашизм. Настоящий фашизм будет русский. Без русского национализма никакой фашизм не опасен. Подражание немецкому — это очень странные игры, но им импонирует сила, ритуалы». Там кого-то вешали в шутку или повесили всерьез. Это была не одна такая организация. Я знал о другой от мальчишек. Во всяком случае, в КГБ меня спрашивали. После моей смерти ты можешь это напечатать.

Люди ничего не понимают о многозначности жизни. На самом деле КГБ пронизывал все. И людей, которые бы не контактировали [с КГБ] на уровне профессоров, не было. Любая встреча с иностранцами — она всегда фиксировалась, писались справки, которые ничего абсолютно не содержали. Формально возникали какие-то поручения, но они совсем необязательно были доносительскими. Кстати, что касается предложений писать доносы, я даже удивляюсь, но мне этого никогда не предлагали.

ДШ: Это одна из причин, почему я эмигрировал.

ИК: Всем предлагали. Я не знаю ни одного человека из своих коллег, кому бы это не пред-

лагали. Они потом по секрету мне рассказывали. Дальше можно верить или не верить, что все они отказались, как они рассказывали. Опять же, отказаться можно по-разному. В некоторых случаях потом были неприятности, хотя особенно больших не бывало. Заграничные поездки прикрывались, это понятно.

ДШ: Моя поездка в ФРГ сорвалась, когда я отказался от предложения наблюдать за коллегами.

ИК: Мотивы люди находили разные в меру своего умения. Мне никогда не предлагали, хотя всем моим знакомым предлагали, но, когда спрашивают профессионального совета, отказаться нельзя. Опять же, они хотели понять. Один раз я читал у них лекцию... Нет, не один раз — два раза я читал у них в учреждении лекцию. Первый раз, когда у меня еще не было телефона.

ДШ: Когда это было?

ИК: Ну, квартиру я получил в 1961-м, телефон через пару лет. Как я его получил — это увлекательная история. Я, по-моему, тебе рассказывал. А, нет, я рассказывал ее Червякову с Игорем. Ко мне в университет (тогда уже был в университете) приехал Попов, которого я много лет не видал. Хронологию восстановить очень просто. Дело было после скандала с художниками, после посещения Хрущевым выставки. Мы с Поповым были на «ты» и по имени, здесь ничего не менялось. Он сказал: «Ты знаешь, мне нужна твоя помощь». Я насторожился: «А что тебе надо?» Он говорит: «Ты читаешь лекции, и я бы хотел, чтобы ты пришел ко мне в отдел. Мы хотим послушать про молодежь, что с ней происходит».

ДШ: Это Юрий Попов.

ИК: Да, тот самый Попов, которому я сказал по поводу Бродского, что это грязное дело. Он тогда мне ответил: «Что ты хочешь сказать, я [сам] делал это дело?» Я говорю: «Извини, но я могу только повторить, что это грязное дело». — «Но он же антисоветчик?» «Да, — сказал я, — но обвиняют его не в том, что он антисоветчик, а в том, что он тунеядец. Он поэт, что было доказано. Если у вас есть достаточно доказательств, что он антисоветчик, то возбуждайте дело по той самой статье. Тогда я тебе и слова не скажу — у тебя такая работа. А если вы обвиняете его в том, что он тунеядец, то это надо доказать, чего вы не сделали. Это плохая работа». Он умный человек, и разговор больше не продолжался. Я понимаю, что полковник КГБ — это полковник КГБ, но я знал точно, что бояться надо не тех, кто известен как работ-

¹ Фирсов Б.М. (род. 1929) — советский и российский социолог, доктор философских наук. Основатель и первый ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

² Беляев Э.В. (род. 1937) — советский и российский социолог, эмигрировавший в США.

ник КГБ, а тех, которые стукачи. По-моему, это было до 1965 года. Это любопытная история, рассказывать ее неудобно, поскольку я и так подставляюсь, народ этого не поймет.

Значит, он попросил рассказать о молодежных проблемах. А год можно определить точно, потому что это было после скандала с посещением выставки [Хрущевым], когда стали запрещать [нонконформистское] искусство и все прочее. Я сказал: «Ну, хорошо. Я лекции читаю, могу встретиться с твоим отделом. Но, понимаешь, если я тебе буду рассказывать о том, что пишут во всех газетах, то вряд ли вам это надо. А если я тебе буду рассказывать, о чем в газете писать нельзя и что расходится с газетой, ты мне гарантируешь — именно такая была формулировка — безопасность жизни, чести и имущества?» Он сказал: «Сто процентов. Нам нужен откровенный разговор. Я хочу с тобой посоветоваться и иметь профессиональные суждения, потому что у нас есть трудности и мы хотим, понять какие-то вещи». Я сказал: «Хорошо». Для храбрости, поскольку я был в первый раз в этом доме, пригласил [Вячеслава] Иванова, завкафедрой этики и эстетики. Очень порядочный человек, у нас были очень хорошие отношения. Я спросил: «Нет возражений, если мы придем вдвоем? Где-то наши взгляды могут совпадать, где-то нет». Он говорит: «Пожалуйста. Все, что у нас говорится, никаких проблем нет. В других местах, и это до нас иногда доходит, ты бы лучше был более воздержан на язык. Не всегда говоришь, как пишешь».

ДШ: Он дал понять, что...

ИК: Нет, он не дал понять, он сказал открытым текстом: «У нас можно говорить все. Утечек из наших стен не бывает». Мы приехали. В это время я знал, что в ЦК можно говорить достаточно откровенно о многих вопросах. Нет, это было позже... А нет, «Основы марксизма» — это 1958 год. Знаешь, не помню. Это 1960-е годы. Значит, мы туда приехали, у нас был долгий разговор, достаточно откровенный. Я говорил о расслоении молодежи, как они не могут принимать на веру все, что говорится. Говорил о поколениях, еще о чем-то. Подробностей не помню. Моя статья «Юность как социальная проблема» появилась позже, но один из первых разговоров [на эту тему] был в КГБ. В основном наши взгляды с Ивановым полностью совпадали. Он, кстати, был человеком более смелым, чем я. Они нас хорошо слушали, задавали вопросы. В общем, был такой разговор. В частности, я сказал, и это, пожалуй, было самое кра-

мольное из того, что я сказал в плане текущей политики, что стихи они любят не обязательно те, которые нравятся начальству, и музыка у них своя.

ДШ: И там был целый отдел? Кто вас слушал?

ИК: Слушали кагэбэшники. Это был узкий круг, не весь аппарат, только его отдел. Как он назывался, я не знаю. Было, наверное, человек тридцать или сколько. Я сказал, что на самом деле есть разные клубы, где слушают молодежную музыку, показывают картинки. Все это происходило в кафе. У них есть возможность выразить себя, что, по-моему, правильно. И вам проще, потому что вы можете туда ходить, смотреть, слушать, и, если у вас что-то вызывает опасения, вам не надо особенно трудиться, поскольку все происходит в открытую... Попов подвел итоги, сказал, что у них тоже будут проблемы, и тут все засмеялись. Стало понятно, что так оно и будет. Попов сказал, что все мы видим одни и те же проблемы и ни там, ни там решения нет. На том все и кончилось. На самом деле там были разные люди, и они хотели что-то понять. Кто-то был за обновление, во всяком случае, за больший реализм, и были чисто репрессивные силы. Двадцать лет спустя Горбачев без поддержки этих органов тоже не пришел бы к власти. Там были разные люди. Попов [и его люди] не хотели репрессий. Те же фашистские организации, они их беспокоили, но они не хотели никого сажать, понимали, что это не опасно. К тому же, если отвлечься от личных вещей и посмотреть сверху, бывали разные периоды. Иногда они получали премии и ордена за то, что они создавали политические дела, и тогда они их создавали на пустом месте. А были другие времена, когда их поощряли за то, чтобы не было лишних процессов, и тогда они их избегали.

Я знаю про ленинградский КГБ из прямо противоположного источника, не из системы. Когда-то у меня было совместительство в одном очень закрытом техническом исследовательском институте. Я преподавал философию, и там сдавали кандидатские экзамены хорошего уровня инженеры. Спустя значительное время после того, как он закончил аспирантуру (может быть, тогда он уже был доктором), мой бывший аспирант позвонил мне и попросил разрешение приехать и посоветоваться. Ну, пожалуйста. Приехал человек, квалифицированный инженер, ученый, сказал, что у него проблема: его сын-десятиклассник перед каким-то праздником расклеивал [с приятелями] антисоветские листовки в подземном пере-

ходе на Невском или прямо в Гостином Дворе. Их тут же, естественно, задержали, и они оказались в КГБ. Их поймали с поличным. Началось следствие. Старшего за ними не было. Их поддержали в одиночке, что достаточно страшно. Все остальные ребята покаяться, сказали, что больше не будут, и их сразу отпустили, потому что в КГБ было понятно, что это никакая не организация, просто мальчишки. Им это было не нужно. А этот единственный отказался каяться. От него требовали только одного: «Дядя, я больше не буду». А он отказался. Естественно, страхи там есть, для этого не нужно пыток. Но они просто хотели закрыть дело, больше им ничего было не надо. И после того у мальчишки не было бы неприятностей, но он уперся. Тогда они вызвали отца и сказали: поговорите с сыном. Причем отцу это очень неприятно, он на секретной работе. Но его не запугивали, ему и так было понятно, что это серьезно. «Мы ничего не можем с ним сделать, уговорите своего сына. Мы его на неделю отпускаем. Вот он будет неделю дома, и мы просим, чтобы он написал, что раскаивается и больше не будет. Мы не собираемся на мальчишках делать какие-то дела».

Отец убедить сына не может. Он приехал ко мне за помощью: «Не можете ли вы встретиться с моим сыном и его убедить, потому что, вы же понимаете, насколько это страшно и опасно». Я это выслушал и спросил: «Как, по-вашему, то, что ваш сын писал, это полная чепуха или это правда?» Он сказал: «Конечно, правда». — «Это у вас единственный сын? — «Да», — сказал он. «А вы с ним когда-нибудь о политике разговаривали?» — «Нет, мы в это не вникали». Я говорю: «Ну, во-первых, вы виноваты в том, что с сыном у вас нет доверительных отношений. Я понимаю, что вы боялись, что мальчишка будет болтать, но, если со своими детьми не разговаривают о самом серьезном, то потом поздно что-нибудь делать. Теперь, что делать в этой ситуации. Мне встречаться с мальчиком бесполезно, потому что мальчишки меня читали. В данном случае это бесполезно. Раз он выдержал пытку одиночной камерой, угрозы и так далее, а ведь ему в вуз поступать, значит, на этом держится его самоуважение. Я с ним разговаривать не буду, во-первых, потому что он меня не послушается, во-вторых, потому что это трагическая ситуация — если вы или кто-то другой его сломаете, он потеряет самоуважение. Это страшнее всего того, что с ним могут сделать в КГБ. Он может спиться, он может уйти. Он почувствовал себя героем, и ничего здесь

сделать нельзя. Я думаю, что все надо оставить, как есть. Если в КГБ так ласково убеждают, это значит, что им дело не нужно. Раз им оно не нужно, они делать его не будут. Разница в том, что, если бы он покался, не было бы никаких последствий». Любой вуз был бы ему открыт по-прежнему. Такие случаи известны. Какая-то категория вузов [будет ему закрыта], но это максимум. Проблема выездности и невыездности и так была не актуальна — никто не ездит. Поэтому я бы оставил дело просто так, а когда все успокоится, поговорите с мальчиком откровенно. Клеить лозунги на Невском бессмысленно, поймают наверняка раньше, чем кто-то прочтает. Это бесполезное дело.

В общем, он так и сделал. Я потом интересовался, просил его позвонить. Кончилось тем, что у мальчишки никаких последствий не было. Его выпустили, и он благополучно в вуз поступил. Тем более он не был инвалидом пятого пункта. Опять же это зависело, во-первых, от настроения в целом в системе — нужен им процесс или нет, за что их хвалят и за что ругают. И, во-вторых, от характера людей. Если какие-то молодые люди вели себя так, что они вызывали личные эмоции у следователей и те чувствовали себя лично оскорбленными, тогда могли сводить счеты. У них возможности были, и не только в суде, где высокое начальство следит, а так могли подстроить все что угодно. Любой тамошний работник мог это сделать.

Я это к тому, что та система была не вполне однородна. Один человек, работавший в КГБ, но в другом [качестве], в Москве, консультировался со мной по вопросам вполне теоретическим. Я ему как-то сказал: «А вы знаете, почему вашу репрессивную систему так не любят?» И человек мне ответил: «Вы знаете, вы ошибаетесь. Так все думают, но на самом деле реальная власть в ЦК. Мы исполнители. Это когда-то во времена Берии и Ежова вся политика действительно делалась в органах. А сейчас все находится под контролем. Какая линия в ЦК, то мы и делаем. Естественно, что поскольку пыточные службы — ну, пыток уже нет — у нас, то мы оказываемся виноваты во всем. Надо смотреть на хозяина». Подумав, я пришел к выводу, что этот человек говорил правду.

ДШ: Игорь, а если бы этот мальчик был вашим сыном, какой бы совет вы ему дали? Как бы вы сформулировали свое кредо? Чтобы вы ему посоветовали в ситуации, где он не может примириться с ситуацией, и в то же время объяснить ему, что развешивать листовки не лучший способ действовать?

ИК: В данной ситуации я не стал бы говорить, поскольку это заведомо травматическая ситуация, и я не взял бы на себя ответственность склонить подростка, который уже поставил ставку на это дело. Склонить его поступить вопреки своим убеждениям может иметь непредсказуемые последствия. Я это хорошо знаю, потому что последствия здесь страшнее, чем непоступление в вуз. Большинство говорит: «Мама, я больше так не буду». Но когда человек уже... У меня были менее драматические ситуации с той же самой логикой. У меня были друзья, семья моего одноклассника, который давно умер, еще молодым, но у меня сохранились отношения с семьей. И там, у старшей сестры моего одноклассника (это профессор Вайнштейн, который упоминается у меня в книжке), был мальчишка, которого я знал с рождения. Это внук Владимира Григорьевича. Его звали Андрей, такой большой мальчик. У меня с ним никаких контактов не было, бывал он у меня редко. Когда Андрюшка кончал десятый класс, он надумал поступать на археологию. Это очень тяжело, большой конкурс и прочее. А семейство все медицинское, кроме отца мальчика, который был полковником (там тоже были свои драматические события, но это уже другая история). И вот Нина попросила меня встретиться с Андреем и поговорить насчет выбора вуза. Она привезла мальчишку, здорового бугая. Я ей сказал: «Пожалуйста, я с ним поговорю, но не рассчитывай, что я вас буду поддерживать. Я ему скажу то, что думаю по этому поводу, независимо от того, как это понравится вашему семейству».

Она на кухне с мамой, а мы с мальчишкой разговариваем. Я стал выяснять, какова его мотивация, насколько это все серьезно. Я ему сказал, что при Эрмитаже есть школа молодого археолога, и если бы он заинтересовался археологией раньше, то мог бы туда пойти. Раньше он этим не интересовался. Медицина его не интересует, а археология просто интереснее всего остального. Мотивация не жесткая. Я понял, что у мальчика гуманитарные интересы, но выбор не столько за, сколько против всего остального. А я знал всех ленинградских археологов, потому что в 1953–1954 годах я руководил философским семинаром и всех знал очень хорошо, начиная с покойного Борис Борисыча Пиотровского¹, у меня оставались с ними превосходные отношения. Я понял, что они, конечно, в этой философии ничего не понимают,

¹ Пиотровский Б.Б. (1908–1990) — советский археолог, востоковед, доктор исторических наук, директор Государственного Эрмитажа.

но по сравнению с ними я все равно щенок. Ну, это другая тема. Я просто при нем позвонил Борисковскому и потом передал трубку Андрею. Я спросил, какой конкурс на археологии. Он сказал, что конкурс большой, поступить очень трудно, но, если он не инвалид пятого пункта, не невозможно. Но что абсолютно невозможно, это получить после этого работу по специальности, не говоря уже о приличной зарплате. После этого надо мыкаться, как сумеешь, а потом все образуется, и, когда ты получишь зарплату в 110 рублей в Эрмитаже, ты будешь счастливым человеком — работа по специальности, стабильная, и все хорошо. Но дальше никаких перспектив нет, хотя могут проявиться способности к научной работе. Я передал трубку Андрюшке, и Борисковский сказал то же самое ему. Дальше я сказал Андрюшке: «Я хорошо понимаю твою ситуацию. Твой выбор, он не жизненный, не выстраданный. Для тебя сегодня это линия наименьшего сопротивления, потому что там интересно учиться. А что будет через пять лет, думать не обязательно». Сейчас это общее место, но тогда это было не так. «Что я могу тебе сказать — если ты делаешь на это ставку, то идти на уступки дедушке и маме не надо. [Но помни], что твердость характера — это не тот оселок. Твое исходное решение еще недостаточно мотивировано. Поэтому ты подумай. Борисковский тебя примет, хотя ты не знаешь, сколько там еще идеологической мути. Ее в медицинском институте будет меньше. Но, если ты готов идти на эти риски, то не обращай внимания на семью. Более того, я тебе гарантирую, что родители меня послушаются, если я им скажу, что это твой выбор и давить на тебя не надо... Если тебе станет страшно [при таких перспективах и слабой мотивации, то решай иначе]. А решение твое».

И мальчик поступил в медицинский. А на третьем курсе я бы ему уже так не сказал. Тогда он познакомился с каким-то стариком, завещавшим ему свою историческую библиотеку, и у мальчика появился серьезный интерес к истории. На этом уровне я бы ему сказал: иди, рискуй, не надо выбирать легкий путь. Медицина и педагогика — две области, куда без желания идти нельзя. Будет плохо не только для тебя, но и для других...

ДШ: Первая история — политическая, вторая касается профессионального выбора. Мне интересно, что бы вы посоветовали своему сыну или очень близкому человеку в первом случае. Если бы ваш сын захотел идти в диссиденты, чтобы вы ему посоветовали?

ИК: Я не могу говорить об отсутствующем сыне, потому что здесь рациональности гораздо меньше. Но с чужими ребятами приходилось разговаривать много. Своего ребенка я бы воспитывал в негативном отношении к этой власти. Он присутствует при разговорах взрослых, и здесь риск, что он проболтается, но это и есть воспитание. Отец, который публично говорит одно, а думает другое, он для подростка не героический образ. Но это не разговорный жанр. В пределах разговора я бы ему сказал, что это безнадежное дело. Эта власть может рухнуть только при каких-то драматических обстоятельствах, а такого рода организации приведут вас в тюрьму. Может быть, вас помянут посмертно, но я не уверен, что это хорошо. Что бы я во всех случаях сказал, это то, что главное — сохранить самоуважение.

У меня был случай в начале 1950-х, когда я еще работал в химико-фармацевтическом институте. У кого-то из коллег был мальчик смешанного происхождения — русского и еврейского, и его записали в метрике как русского. Иногда это давало преимущество, иногда нет (зависело от фамилии, предков раскапывали и так далее). Но родители считали, что сыну лучше быть русским, чем евреем.

ДШ: Как это сделала ваша мама.

ИК: Ну а что, она сама была [русская], а документов отца не было. Так сделал, скажем, Владимир Сергеевич Рублинский, который мне сам рассказывал, что после революции он записался русским. В те годы не было дискриминации. А отец Александры Дмитриевны Люблинской вообще был главой Исаакиевского собора. Это другой вопрос. А мальчик решил записаться в евреи, что требовало хлопот. Наоборот, милиция тогда уже отказывалась записывать, так что было совсем трудно. В евреи еще можно, только это странновато. Естественно, семья была в ужасе, и меня попросили поговорить с этим мальчиком. Я ему объяснил силу антисемитизма, а это начало 1950-х, куда как страшнее, чем то, что ты знаешь. Я ему сказал, что такой шаг чреват последствиями, что языка и религии ты не знаешь, что, по сути, ты русский, независимо от того, что написано у тебя в паспорте. И родители хотят тебя уберечь, потому что тебе предстоит поступать в вуз, у тебя будет нейтральная фамилия (не помню, какая она была). А так у тебя будут дополнительные трудности. Но мальчик категорически сказал, что именно потому, что это опасно, постыдно и так далее, он чувствует себя евреем, не любит всех этих вещей и хочет записаться

тем, кем он есть. Я сказал родителям: «Оставьте мальчика в покое. Конечно, я вас понимаю и согласился бы с вами, что лучше бы он был русским». Я тогда еще не занимался психологией, но эти вещи были мне ясны интуитивно. Если для него встал вопрос, что он не может иметь самоуважения без этого шага, его позиция серьезная. Это его выбор, не треплите его нервы.

ДШ: Сохранить самоидентичность ребенка — важнейшая задача.

ИК: Да. Я много лет говорил в лекциях (в книгах это не всегда было можно сформулировать), говорил однозначно, что рано или поздно человек узнает, что самое главное, что единственная объективная реальность — это твое собственное «Я». Все остальное производно. Это труднее всего познаваемо, самое текущее и загадочное, но это надо уважать больше всего. Это отправная точка. Выгодно или невыгодно, главная проблема — посмотри, как будет тебе. Люди думают, что [в данной ситуации] все бы поступили так, потому что это хорошо. Для девяносто девяти человек из ста это может быть так. Но, если тебе это не надо, тебе это не подходит, ты чувствуешь себя иначе, то наплюй на девяносто девять человек и возьми свое. Собственное «Я» — это главная реальность, стержень, вокруг которого вращается окружающий мир. Мы этого недопонимаем, нам кажется, что все кругом существенно. Если перевести это в научные термины, о чем я говорил в разных книгах, особенно в очень важной для меня книге «В поисках себя»... Я ее тебе обязательно пришлю, ее надо прочитать. Сто лет назад я тебе говорил, что не уверен, что ты прочел и «Социологию личности». Ты достаточно много слушал меня, но...

ДШ: Читал, но не все.

ИК: Ну, понятно. Автору хочется, чтобы его читали. Понятно, что это недостижимо, да это и не тот оселок. Каждому автору хочется, чтобы его читали, но сам он других читает по диагонали... Сейчас это уже смешно читать.

[Смех]

ДШ: Что-то можно увидеть в новом свете.

ИК: Ну, не знаю. Есть новые книги, они гораздо лучше. Я знаю цену «Социологии личности». Это была эпохальная книга, и тем не менее она поверхностна, тут никуда не денешься. Но разговор не об этом.

ДШ: Мы говорим о молодом человеке, который выпадает из системы.

ИК: Надо исходить из себя. Но для того, чтобы знать себя, нужен жизненный опыт.

Подросток этого знать не может. Это не те советы, которые здесь применимы. Ты узнаешь о себе только путем ошибок, в том числе компромиссов, в том числе беспринципности. Скажем, я с давних времен, наверное, с той же самой «Социологии личности» или с новомировских статей, всегда цитировал слова Светлова: «Порядочный человек — это тот, кто делает гадости с отвращением». Звучит цинично и ирония здесь вроде бы неуместна, но на самом деле это глубокая формула. Человека, который не делает гадости, не бывает. Те, кого причисляют к лику святых, и вполне заслуженно, они-то себя святыми не считают. Практически ситуация такая: когда ты что-то делаешь и потом осознаешь, что это гадость, и гадость серьезная, то это настолько мучительно, что в следующий раз ты уже знаешь, что это слишком дорого стоит. Взять мой урок с КГБ, с тем же Социал-Христианским Союзом. Я и сейчас не знаю, как бы я в тогдашней ситуации поступил, потому что не было маневренной возможности. Я все испробовал, пытался уехать в Москву — ничего не получалось. Ты идеологический работник и не можешь отказаться от рассмотрения каких-то документов. Причем нам ничего не навязывали, нас не заставляли говорить, чего не было в тексте. Если ты согласен, что советская власть никуда не годится, то окажешься если не в соседней камере, то без работы точно. Я тогда понял, что некоторые компромиссы стоят слишком дорого. Ты бы рад, но не можешь выбросить это из памяти, ты теряешь самоуважение.

ДШ: Для кого-то это болезненно, для кого-то нет.

ИК: Да, конечно.

ДШ: Солоухин говорит: «Ну, написал доклад. Предложили — выступил».

ИК: Это понятно. Руки у нас подают всем, а когда начинается другая эпоха, то из этого делают театр. И те, которые не подают, им самим руки подавать не следует. Архивы КГБ не опубликованы. Если бы их открыли, картина была бы... Был какой-то период времени, когда можно было, если очень захотеть, посмотреть собственное досье. Я подумал, стоит ли это делать, и решил, что смысла нет. Я увижу громадное количество доносов. Они меня не удивят, но кто-то может и удивить. Хорошо уже то, что можно на них плевать, можно говорить по телефону все, что приходит тебе в голову. И наплевать, кто на меня что пишет. Сегодня это уже не совсем так, но мне возвращаться в старое ни к чему. Возраст уже не тот.

ДШ: Игорь, возвращаясь и заканчивая эту тему, вы сказали, что у вас были две лекции в КГБ, одна с Ивановым, а другая?

ИК: А вторая — это совсем смешно. Они меня попросили прочитать лекцию по психоанализу.

ДШ: Какая там была аудитория?

ИК: Человек тридцать.

ДШ: Кстати, когда мы поедем в горы, я вам расскажу, как меня пригласили в Лэнгли (ЦРУ) прочитать лекцию о России. Я там говорил о потемкинских деревнях и представлении «Я» в современной российской культуре. А у вас, значит, были две лекции.

ИК: Да. Когда я работал в Вологде, я читал лекции всюду, в том числе и в КГБ. Это был 1950 год, куда как страшнее. Я читал что-то по международному положению и призывал слушателей к укреплению бдительности. А вообще-то с лекциями в закрытых учреждениях бывали разные вещи в сталинские времена. Один лектор-международник попал в очень... Международники всегда были в погоне за сенсацией, иметь жареные факты было важно. Их могло не быть в «Правде», но их можно было найти в журнале «Новое время». Методический прием лектора — дать знать слушателям, что это вообще закрытый материал, но в этой аудитории я вам расскажу. А дальше говорилось что-то общедоступное, а человек мог не иметь никакого доступа к закрытым источникам. Разве что он Би-би-си слушал. Так вот, какой-то такой человек читал лекцию гэбэшной аудитории и употребил этот прием, который срабатывает очень хорошо. Тут же поднялся человек и сказал: «Это закрытый материал, а вы здесь допуски ни у кого не проверяли». На него поступил донос, и ему пришлось доказывать, что на самом деле ничего такого он не сказал, так делают все международники. Обычно аудитория любит, когда ей льстят, а тут пришлось оправдываться.

В какие-то очень дремучие годы меня попросили прочитать лекцию по молодежным проблемам для всего политуправления Балтийского флота. Слушали меня хорошо, все очень мило, вопросов нет, а потом ко мне подходит капитан первого ранга, отводит меня в сторонку и говорит, что у меня к вам особо доверительный вопрос. Я говорю, пожалуйста, и думаю, что же он меня сейчас спросит? Он говорит: «Понимаете, у меня сын-студент или курсант, у нас хорошие отношения, но есть одно серьезное разногласие. Он ходит с девушкой в обнимку, или по-болгарски, как это

тогда называлось. Он считает, что это можно и ссылается на газету “Смена”, а я считаю, что это неприлично и неправильно. Какое ваше мнение?» Я на него посмотрел и сказал: «Вы счастливый отец, если у вас с вашим сыном это единственная проблема. Молитесь богу и оставьте его в покое. Пусть он ходит со своей девушкой, как ему нравится». Он меня почтительно благодарил.

ДШ: Это шестидесятые?

ИК: Раньше, это пятидесятые какие-нибудь. Я жалел, что не знаю этого мальчишки, потому что мне было бы приятно получить от него благодарности за то, что недели на две папа от него отстанет. О многих других проблемах папаша, видимо, не знает. Еще когда-то я читал лекцию в нашем районе для врачей на достаточно высоком уровне, что-то связанное с сексуальностью, и какая-то докторша мне говорила, что самое страшное — это мастурбация. Она очень беспокоилась о мальчике, который долго сидит в уборной. Они не хотели, чтобы он там запирался и так далее. Я ей сказал: «Ради бога! Мальчики все этим занимаются, в этом нет ничего страшного, и вообще, заглядывать к мальчику в уборную очень неприлично. А вы еще врач в придачу». А сейчас это все снова начинается.

ДШ: Значит, однажды вы читали лекцию по психоанализу для кагэбэшников.

ИК: Да, это было смешно и смешно кончилось. Я читал популярно, все объяснял, в чем проблемы, и мне казалось, что все прошло очень хорошо. Потом были вопросы, частью по делу, а один товарищ встал и сказал: «У меня есть заявление от соседей по дому по поводу того, что собирается молодежь и занимается фрейдизмом». После лекции выяснилось, что под фрейдизмом он понимал групповой секс.

[Смех]

ИК: Это после того, как я полтора часа рассказывал о фрейдизме. Я сказал, что надо соседей успокоить и в эти дела не вмешиваться. К вашему ведомству это отношение не имеет. Фрейдизм не имеет никакого отношения к какой-то [особой] сексуальной практике.

ДШ: Как долго Юрий Попов был у вас в поле зрения?

ИК: Я не помню. Там сменилось руководство, и его ушли. Его направили с повышением куда-то в пограничные войска. Так вот, с одной стороны, Попов делал дело Бродского, а с другой — когда мы с ним разговаривали об университетской заварухе — не знаю, при тебе ли она была... Взбунтовался физический фа-

культет. Ничего особенного они не сделали, а просто забаллотировали рекомендованного парткомом секретаря комитета комсомола. Они его провалили на конференции и избрали другое бюро. Причем часть профессуры и партбюро поддерживали студентов. Из этого раскручивали громадное политическое дело. Я разговаривал по этому поводу с Поповым, и он сказал: «Я тоже считаю, что это безобразно. Это только создает проблемы». Мне пришлось по этому поводу выступать публично, и я сказал, что этого нельзя делать. Организация молодежная, кого они избрали, того они избрали. Если избранное бюро будет плохо работать, потом можно показать, что не тех выбрали. Но в этом должны убедиться избиратели.

Тут у меня был опыт моей комсомольской работы. Для меня очень важной была работа внештатного инструктора Куйбышевского райкома комсомола. Тут практически были мои сверстники. Я помню, что это способствовало моему поумнению. Я как-то выступал в одной школе и поймал себя на том, что рассуждаю на таком высоком уровне, что спустить вопрос на грешную землю уже невозможно. Соответственно я перестроился, зная, что у меня есть такая слабость. В 222-й школе я присутствовал на какой-то комсомольской конференции, где ребята дружно делали то, что я считал неверным. Они выбирали не того, кто нам в райкоме нравился. Это заставило меня задуматься, и с этого момента началась рефлексия. С одной стороны, не принимать рекомендации сверху — это афронт. Но на самом деле во мне говорило самолюбие, мы рекомендовали одно, а они выбрали другое. Заставить их принять рекомендацию можно, директор надавит, райком надавит, и они проголосуют как надо. Но, если я на этом настою, покажу, кто в доме хозяин, то они уже ничего делать не будут, потому что им показали, что они не хозяева в собственном доме. Они никакие не революционеры. Если потом окажется, что их решение привело к издержкам, вот тогда ты можешь им напомнить: «Вы так сами решили, выбрав этого мальчику, и теперь видите результат».

ДШ: Игорь, самое последнее, потом мы поедем. Когда у вас закончились контакты с КГБ?

ИК: Они закончились, когда ушел Попов. Последнее, что я помню, это как Попов рассказывал мне об Андропове, о том, как он стал начальником КГБ. У Попова сменился начальник, бывший секретарь обкома комсомола

Шумилов¹, которого хорошо знали и Фирсов, и Ядов. Попов привозил ко мне Шумилова по какому-то вопросу... А, это была история с Социал-Христианским Союзом. Попов: «Что делать с оппозицией?» Я говорю: «Ничего вы сделать не можете, это зависит не от вас. Без оппозиции страна быть не может. В Ленинграде есть два полюса, и идут два разных политических процесса. С одной стороны, это бывшие комсомольские активисты, организующиеся под левым лозунгом «от диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата». С другой — организации типа Социал-Христианского Союза. Эта поляризация неизбежна, и никакими административными мерами эти вопросы не решаются. Стране надо поминать сложность [этого процесса]».

ДШ: Это еще до Горбачева.

ИК: Да. Я тогда сказал Шумилову: «Что ж вы меня совета спрашиваете, а заграничные поездки срываете?» На что Шумилов мне сказал: «Я даю вам честное слово, что мы ничего не делаем. Все делается до нас и в других местах. Могу вас заверить, что, если бы у нас к вам были претензии и мы бы вам не доверяли, я бы не приехал, тем более к вам домой». И я ему поверил.

Потом уже мне рассказывал Попов, что, когда начальником КГБ стал Андропов², он на первую встречу пригласил Шумилова и в числе прочего спрашивал Шумилова, поддерживают ли они контакты с интеллигенцией.

ДШ: А Шумилов был...

ИК: Шумилов был начальником ленинградского управления КГБ. Потом уже Шумилов сменился, и тогда же Попова ушли. В том числе Андропов спросил Шумилова: «А вот, например, профессора Кона вы знаете?» Тот сказал: «Да, знаю». Я спросил Попова, что это значит, надо со мной советоваться или за мной присматривать? Но, поскольку задавать вопросы начальству они не смели, то... «Ты знаешь, это осталось не ясным, — ответил Попов. — Ясно одно, что он тебя знает». Я говорю: «Я это и без вас знаю. Он читает “Новый мир”. Его ребята к этому приучили».

Оставляя в стороне кагэбэшные дела, у меня был уникальный случай (хотя это все мелочи, кому это интересно), у меня была ста-

тья, которую одобрили два генсека. По определению невозможная вещь. По-моему, это был 1982 год. Прошла очередная мертворожденная школьная реформа, и в «Правде» было начато обсуждение. Все это неизящная словесность, обсуждение было такое же тухлое. Скучные люди говорили казенные слова. Меня попросили принять участие в этой дискуссии, и я написал туда статью. Это была единственная статья с мыслями. Я, конечно, не говорил, что реформа — это бред, но у меня были социологические размышления, я говорил о самостоятельности детей. Кстати, у меня наверняка не сохранилась эта статья, и я не уверен, что она даже у меня есть в списке работ. По тем временам она была очень хорошей. И потом мне рассказали, сначала в «Правде», а затем мне об этом рассказал Володя Суходеев³, бывший помощник Константинова⁴ и Ильичева⁵, в те времена редактор какого-то партийного журнала. При встрече он сказал: «Я тебя поздравляю». — «С чем?» — «Ну, как, твою статью одобрили Андропов и Черненко»⁶. Оказалось, что Андропов в один из последних моментов просветления... У него были проблемы с почкой, возможности работать ограничены, тем не менее он за чем-то следил. К нему приехали главные редакторы, люди, которые к нему допускались, и Андропов учинил разнос за бездарную дискуссию в «Правде», в которой ничего не обсуждается. «А образец, того, как надо, — это статья Кона, единственная статья, в которой [ставятся важные вопросы]». Потом уже на более широком форуме то же самое сказал Черненко.

ДШ: Вас признавали люди в диапазоне от Троицкого до Черненко.

ИК: Да, на таком уровне. На статью они ссылались и по собственному почину. В партийных документах обычно шли ссылки на первое лицо и на классиков марксизма. Остальные ссылки, как правило, вычеркивались, чтобы не создавать культ чужой личности. Поэтому, если это не вычеркивалось, то это было очень важно и редакция готова была с этим мириться. Естественно, что ссылки на меня не вписывали. Читатель не знал, что «Правду» обругали, а редакция знала, и когда меня кто-то цитировал, то редакция не

¹ Шумилов В.Т. (1924–1996) — советский военный, государственный и политический деятель, 1-й секретарь Ленинградского областного комитета ВЛКСМ, 1-й секретарь Выборгского городского комитета КПСС, начальник управления КГБ по Ленинградской области.

² Андропов Ю.В. (1914–1984) — председатель Комитета государственной безопасности СССР, генеральный секретарь ЦК КПСС.

³ Суходеев В.В. (род. 1923) — советский и российский обществовед, журналист и публицист.

⁴ Константинов Ф.В. (1901–1991) — советский ученый-философ, член Президиума АН СССР.

⁵ Ильичев Л.Ф. (1906–1990) — советский философ и партийный деятель, действительный член АН СССР.

⁶ Черненко К.У. (1911–1985) — советский партийный и государственный деятель, генеральный секретарь ЦК КПСС.

решалась вычеркивать такие ссылки, понимая, что они выполняют генеральную линию.

Практического результата все это никогда не имело. Я обижаюсь на сегодняшние власти и ругаю их за авторитаризм, за то, как они мутят народ, но на самом деле в советское время сказать можно было меньше, но толку больше не было. Можно было принять резолюцию [и не более того]. Я тогда шутил, не на публике, но в достаточно широких кругах, что западная пропаганда плохо работает (и на самом деле она плохо работала). Ежели бы я делал анти-советскую пропаганду в Америке, я бы перепечатывал сборники постановлений ЦК и тогда оказалось бы, что по одному и тому же вопросу принимаются однотипные постановления. Те же самые задачи, те же самые формулировки, что, с одной стороны, свидетельствует о безусловной правильности политики партии, а с другой — о ее безусловной неэффективности...

ДШ: Хорошо, Игорь, у вас еще есть силы поехать в горы?

ИК: Конечно! Я полон сил и энергии.

Список литературы

1. *Кон И.С.* Лики и маски однополой любви: Лунный свет на заре // 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ, 2003.
2. *Кон И.С., Шалин Д.Н.* Мид и проблема человеческого // Вопросы философии. 1969. № 12. С. 85–96. URL: http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_kon_vf.pdf.
3. *Кон И.С.* Национальный характер — миф или реальность? // Иностранная литература. 1968. № 9.
4. *Кон И.С.* Диалектика развития наций: Ленинская теория наций и современный капитализм // Новый мир. 1970. № 3.
5. *Кон И.С.* Психология социальной инерции // Коммунист. 1988. № 1.
6. *Кон И.С.* Психология предрассудка: О социально-психологических корнях этнических предрассудков // Новый мир. 1966. № 9.
7. *Кон И.С.* 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.
8. *Шалин Д.Н.* «Вы слишком хорошего мнения о нашей оппозиции. Они будут расстреливать на месте на этот раз». Интервью с Галиной Старовойтовой // Телескоп. 2008. № 1. С. 18–24. URL: http://teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1230371008241762file.pdf.
9. *Шалин Д.Н.* Из диалогов Владимира Ядова и Дмитрия Шалина // Вестник общественного мнения. 2015. № 3–4. С. 194–219. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/vy_ds_dialogues.pdf.
10. *Шалин Д.Н.* «По мере созревания нравственная конфронтация становилась политической». Беседа с Андреем Алексеевым, Олегом Божковым, Галиной Саганенко и Леонидом Кесельманом // Телескоп. 2010. № 4. С. 1–13. URL: http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_aa_90.pdf.
11. *Шалин Д.* Психологическое направление в американской социологии конца XIX — начала XX века: Дисс. ... канд. филос. наук. Москва, 1973. Институт конкретных социальных исследований РАН.
12. *Шалин Д.Н.* «На что Попов живо откликнулся: “Это Нина Андреева не меняет принципы, а я развиваюсь. Я живой человек, я меняю принципы”». Интервью с Виктором Шейнисом и Аллой Назимовой // «Международная биографическая инициатива», 2007. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/sheinis_nazimova.html.
13. *Шалин Д.Н.* «Во время чехословацких событий мы были в Кярику и там между заседаниями ходили по дороге и обсуждали эти события». Интервью с Эдвардом Беляевым // «Международная биографическая инициатива», 2008. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/beliaev_08.html.
14. *Шалин Д.Н.* «Там, где возникает возможность реального политического действия, интеллигенция просто не возникает». Интервью с Борисом Дубиным // «Международная биографическая инициатива», 2007. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/dubin_93.html.
15. *Шалин Д.Н.* «Здесь есть искус историзации, замены философской проработки возвратом к старой конструкции». Интервью с Алексеем Левинсоном // «Международная биографическая инициатива», 2007. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/levinson_93.html.
16. *Шалин Д.Н.* «Как внутренний эмигрант я все время жил в закрытой стойке». Интервью с Борисом Рабботом // Борис Раббот: «Шестидесятник, которого не услышали». Статьи. Интервью. Воспоминания. Сост. Л. Виссон, В. Арканов. М.: «Р. Валент», 2012. С. 34–54. URL:

- http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/rabbot_08.html.
17. *Шалин Д.Н.* «Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз». Интервью с Игорем Коном // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 100–137. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kon_96.pdf.
  18. *Шалин Д.Н.* «Если бы в начале 80-х меня куда-нибудь выпустили, я бы точно не вернулся». Интервью с Игорем Коном // Мониторинг общественного мнения. 2019. № 2.
  19. *Шалин Д.Н.* «Я мог бы написать свою биографию в ключе жертвы режима, в ключе успешного карьериста, в ключе таланта, который не полностью раскрылся в данной системе и посредственности, которая реализовала себя на максимуме». Интервью с Игорем Коном // Социологические исследования. 2019. № 6.
  20. *Шалин Д.Н.* Из переписки с Игорем Коном // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 6. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/547/489>.
  21. First Nevada Conference on Soviet Culture. Center for Democratic Culture, University of Nevada Las Vegas. 1992. November 23rd. URL: <http://cdclv.unlv.edu/archives/first-nevada.html>.
  22. *Kon I.S.* “Identity Crisis and Postcommunist Psychology”. P. 395–410, in: *Shalin D. (ed.) Self in Crisis: Identity and the Postmodern Condition. Special Issue of Symbolic Interaction. Vol. 15. No. 4. Fall, 1993.* URL: http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_si_93.pdf.
  23. *Shalin D.* Russian Culture at the Crossroads: Paradoxes of Postcommunist Consciousness. Boulder, CO: Westview Press. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/nc1/shalin_rc1_intro.pdf.
  24. «Международная биографическая инициатива», интернет-ресурс. URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>.

Авторы номера:

Борусьяк Любовь Фридриховна — к.э.н., ведущий научный сотрудник лаборатории СКОП МГПУ..

Гудков Лев Дмитриевич — д.ф.н., директор Левада-Центра

Зоркая Наталья Андреевна — руководитель отдела социально-политических исследований Левада-Центра

Казун Антон Павлович — к.с.н., научный сотрудник Международного центра изучения институтов и развития ИАПР, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Казун Анастасия Дмитриевна — к.с.н., старший научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кочергина Екатерина Владимировна — социолог, Левада-Центр

Караева Ольга Сергеевна — руководитель проектов Левада-Центра

Красильникова Марина Дмитриевна — к.э.н., руководитель отдела уровня жизни и потребления Левада-Центра

Петров Николай Владимирович — к.э.н., профессор Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Пипия Карина Джаниеровна — к.с.н., научный сотрудник, «Левада-центр»

Решетеева Регина Игоревна, — преподаватель факультета социальных наук, м.н.с. Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Слободенюк Екатерина Дмитриевна — к.с.н., доцент Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Фатехов Александр — студент 4-го курса кафедры социологии Московского государственного лингвистического университета

Челуренко Александр Юльевич — д.ф.н., руководитель, профессор Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Шалин Дмитрий Николаевич — д.с.н., профессор Университета Невады (Лас-Вегас), директор Центра демократической культуры

Шнирельман Виктор Александрович — д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

SUMMARY

Repressiveness spiral: inner dynamics, entry and exit issues (by Nikolai Petrov).

With Vladimir Putin's return to the president's post in 2012, especially after 2014, a qualitative leap in the evolution of the Russian authoritarian regime coupled with an abrupt increase in repressions occurred. "Repressions" in this case mean systematic, demonstrative politically motivated selective punishments, aiming to threaten and increase control over the society and the elites. The repressions are not necessarily used against political opponents; their goal is to demonstrate arbitrariness and not inevitability of punishment, the repressions are addressed not at individuals but at the groups said individuals embody.

The Kremlin sees the split of the elites as the greatest threat to its power. Counter-elite repressions represent a large-scale systematic phenomenon, which inessential to understanding the transformation of the political system and its development prospects. The result of the policy is the erosion of public trust in the elite as an institution, the decrease of social capital and an increasing segregation of elites, which precludes not only an organized resistance, but any kind of mobilization including for the realization of the goals set by the authorities.

Crisis as norm: subjective perception of economic dynamics (by Marina Krasilnikova).

Measuring the dynamics and structure of people's subjective notions on socioeconomic issues provides an independent data source on the country's economy, separate from economic statistics, financial indicators etc. Besides, people's opinions regarding the material conditions of their lives are an important source of public opinion formation.

Scientists "automatically" view subjective evaluations of living conditions as an important

factor of social climate and public mood formations. The article analyses the factors influencing the formation of subjective notions regarding the country's economy and the dynamics thereof in the past few decades.

Comparing the subjective importance of various pieces of data for the formation of opinions regarding the country's economy confirms that like in other countries people mostly use their own experience as base. While forming an opinion on the state of the country's economy, first and furthestmost they look at the consumer prices dynamics. Several other parameters compete for second place. Respondents name growing foreign currency exchange rates, lowering wages, dismissals as marks of a coming crisis.

Speaking about the conclusion of a crisis, mentions of increased possibilities for vacation and recreation are added to the list. Also, in both cases actual public opinion on what is going on in the country is of similar importance ("people around me say that")

Analysis of people's subjective opinions on the country's economic condition shows a widespread evaluation of the economic state as a persistent crisis. The opposite view is much rarer, is not localized to any social groups and most often is expressed in a drastically different life view in general.

Practically the whole society views the economic crisis as a stable condition of the country's economic model, without signs of change. The extraordinary, temporary, transient meaning of the term is therefore lost – the economic crisis becomes the norm.

Social risks and the low class in Russia (by Ekaterina Slobodenyk)

The paper addresses the issue of the low strata and their relation to the poor in contemporary Russia. To define low strata we employed the

Weberian concept of life chances. These chances are realised or deprived in four major domains such as 1) economic conditions of life, 2) situation at work, 3) possibility of preserving and increasing human capital, 4) characteristics of consumption and leisure. Drawing on the RLMS-HSE data (2017) and the IS RAS monitoring data (2015), the paper concludes that low strata represent the low class. Despite this, the low strata and the poor overlap partly. This means that the area of social disadvantages in Russia is much wider than official estimates of poverty.

To the problem of generations in Russia (historical, symbolic and political attitudes) (by Karina Pipiia).

Researchers' attention to the generation problem is becoming more visible. Although the term «generation» is still debatable, do not stopped multiple attempts to describe and distinguish generational groups (cohorts) in different countries including Russia. This paper examines the Yuri Levada's approach to periodization of generations in Russia.

The empirical foundations of this research are the results of all national polls in Russia conducted by «Levada-Center» in the period of 2001–2019 years. Four generations and their attitudes in political, state, consumption and history areas were analyzed.

Historical and social attitudes of youth in Russia from «rebuilding» and «postsoviet» generations are identical in terms of attitudes of eldest «defrosting» and «stagnancy» generations, but significantly differs in term of consumption patterns and the Internet use.

Russian March - from dawn to dusk (by Viktor Shnirelman).

The article analyses the emergence in 2005 of a peculiar phenomenon in Russian nationalism – the Russian March movement. Year after year its main slogans were “Russian power”, “Russian state”, “Russians are coming”, “Go, Russians”, “Nation above all”, “Russia is everything – the rest is nothing”, “Russia, nation, order”, “Russia for Russians”, “Down with the ethnic mafia”, “Migrants today – occupants tomorrow” and some others. The speakers bemoan “national traitors” who have allegedly taken power in the country. Some predicted a revolution. In 2010-2011 anti-government sentiment began to grow within the movement, reaching a climax after 2014-2015. In the 2010s the government started to slowly appropriate their program points, realizing them

in practical politics. The authorities didn't want to compete with the radicals so many of their leaders ended up behind bars. By the end of 2014 the movement was decimated and in effect ceased to exist.

Violence in law enforcement: conflicts, pressure, torture (by Lev Gudkov, Natalia Zorkaya, Ekaterina Kochergina).

An analysis of the materials of the survey made in January-February 2019 regarding the Russians' attitude towards the law enforcement agencies of Russia, the respondents' evaluation of their activity and trust in them as well as opinions on the incidence of torture in the law enforcement system and whether such practices are permissible. Violence is a way of leveraging the detained, getting information or testimony from them and quelling their resistance. Men from the lower social strata aged 25-45 most often become the subjects of violence committed by law enforcement.

The threshold for conflict with law enforcement is very low, most often conflicts occur already at the very early stages of interaction with the police and other law enforcement agents. In these situations pressure and violence is used by police officers for instrumental purposes – it's an integral part of these institutions' work, nobody is safe from it, including friends and family of the detained. Almost half of the respondents expressed the opinion that “there are isolated cases of torture by law enforcers”; a quarter of the respondents thinks that torture is “widespread, is a common practice”.

Of those who've had conflicts with law enforcement officers, already 38% are of the latter opinion and among those who were threatened with violence or went through torture - 47% and 50% respectively think so. The society as a whole is more prone to thinking about the use of torture as isolated cases, whereas those with experience of dealing with the police, the Federal Penal Correction Service and other similar organizations are more likely to speak of torture as a widespread practice the harsher their own experience of interaction happened to be. 25% of the polled Russians had conflicts with law enforcement and 10% of the respondents experienced torture themselves at least once.

Stigmatized”: public attitudes towards people with disabilities (by Olga Karaeva).

This report presents the analysis of public perception of people with disabilities (HIA). The main aim of the study was to investigate the normative attitudes towards disabled people in the society. The study covered issues about social

distance, the expected and declared equality of the rights of people with disabilities, as well as an assessment of their quality of life and government social programs. Special focus was to the significance and public awareness of the current accessibility of the environment and opportunities to integrate people with disabilities to day-to-day social life.

The results of the survey revealed the contradictive public attitudes. On one side, it is declared sympathy with such people. On the other hand, the unwillingness to deal with them or alienation from people with disabilities cannot be openly expressed in society, but indirectly it is manifested in the argument about the need for separate education of healthy children (normal) and children with disabilities, as well as in preferences for separate places work of ordinary people and people with disabilities.

The study is based on data from a nationwide representative survey of the country's adult population (18 years and older), conducted by the Levada-Center in April 2019 (N=1 625).

News about Russia in the global agenda: a comparative analysis of the G20 press (by Anton Kazun, Anastasia Kazun).

This article analyses the publications in five leading periodicals from each of the G20 countries in 2018. Using the Factiva recourse a database about the number of mutual mentions of the countries of the world in national press in 13 languages was gathered. Net analysis of the results allows to determine Russia's position compared to other countries, to evaluate the mutuality of interest between various countries, to discover leaders and outsiders. It shows that a country's place in the global agenda depends a lot on its GDP. Russia holds the 7th position in the global agenda, and, taking its GDP into consideration it enjoys a greater amount of attention compared to countries with a similar economy size. Therefore, the attention to Russia is based more on non-economic factors. In turn our country stands out due to a greater attention paid by its press to international events, especially in the US.

Young intellectuals: why are they leaving Russia and do they plan to come back? (by Lyubov Borusyak).

This article is based on the results of a pilot online survey of 115 young well educated Russians leaving abroad. The study has shown that a considerable part of young intellectuals who've left Russia will not come back. They do not aim to change their identity, identify more with Russian

or global culture than with that of the country they reside in but they are dissatisfied with the sociopolitical and socioeconomic situation in Russia.

They are in active communication with their family members living in Russia, as a rule their new social circle includes Russian speaking friends, they value Russian culture highly but for them such factors as social institutions functioning, level of democracy and safety, quality of life in the new country, opportunities for professional growth are of equal or even greater importance. Many of them have a negative attitude towards Russia's policies, although they mostly do not feel responsible for said policies, separating themselves from the state. However their own status (as an expat, emigrant etc) is of no import for them, the majority of respondents do not spare it much thought, since those terms are a part of the old, non-globalized world.

State and consumers: responsibility assignment from the consumers' point of view (based on a survey among Muscovites) (by Regina Resheteeva)

This paper aims to reconstruct relationship between consumers and the state. Consumer culture and politics are recognized as overlapping domains. Analysis is based on historical account of soviet consumer culture and data from representative survey in Moscow collected in 2017. We also in historical perspective. Russian state was closely intertwined with consumer affairs. Institutionalization of consumers' dissatisfaction was an important line of political work during soviet period and postsocialist time. Official consumer complaints reflected the paternal model of dependence of the citizens on the authorities, which was an organic part of the idea of Soviet societal structure. Power asymmetry was formed in soviet consumer culture: lack of competition between state-owned retailers, dependence upon the retailer often left consumers defenseless. Survey results show that consumers still acknowledge the possibility of deceit from market players. Assessment of government's actions in sphere of consumption is not so different from negative evaluations of stores and producers. Idea that market agents put their interests above consumer interests is a social norm, predictable instability. Muscovites consumer behavior follows what we call "the culture of suspicion". We can assert that culture of suspicion is a structural constraint, forging consumers' identity. Accounting for "fairness" of the purchase, consumers expect "righteous" market exchange where each party seeks benevolent and equal relations. By doing so, consumers try to socialize market and to infuse it

with moral meaning. Consumers do not separate economic sphere from current social and political reality. Consumers who feeling unprotected and vulnerable before the market system more than others question government efforts to defend their rights. Anticipation of deceit and hazards from market allows to question state's attempts to restore market justice and to seek the alternative ways of resolving the conflict.

Political activity of student youth in Moscow in 2017-2018 (by Alexander Fatekhov)

The characteristic features of political activity of students in Moscow during the ending of the 2016-2018 electoral cycle are analyzed in the given article on the basis of the data of two waves of the firsthand sociological research. The surveys were conducted among students of bachelor's, specialist and master's programs of higher education institutions of Moscow, aged from 17 to 25, who were users of social media and members of student communities. Special emphasis is made on the analysis of types and forms of exertion of political activity of students. Types of students were identified and

described based on the characteristics of their political activity. A theoretical concept of politics as a sphere of the exertion of political activity was determined and a sociological model of political activity of students was devised as a theoretical basis for the research.

About Moscovites, «tovarisch Stalin» and soviet «postsoviet man»; from Voland to Levada» (by Alexander Chepurenko)

A.Y. Chepurenko's speech at the 11th Y.A. Levada memorial conference which took place on April 25, 2019 in the Higher School of Economics National University.

Dmitry Shalin. "I.Kon:... You can print this after my death".

This interview is the last in a series of conversations between University of Nevada professor Dmitry Shalin with Igor Semionovich Kon, recorded on tape between 1990 and 2008. The conversation took place in Las Vegas, USA on May 26-28, 2008. A part of the interview where Kon tells about his relationship with the soviet authorities during the "Stagnation" years, namely his relationship with the KGB is provided here.

